

- [Карл Май](#)
 -
 - [Глава первая. ПО СЛЕДУ](#)
 - [Глава вторая. ХРОМОЙ ФРЭНК](#)
 - [Глава третья. В ХИЖИНЕ ОХОТНИКА НА МЕДВЕДЕЙ](#)
 - [Глава четвертая. ОЛД ШЕТТЕРХЭНД](#)
 - [Глава пятая. ВИННЕТУ](#)
 - [Глава шестая. У ШОШОНОВ](#)
 - [Глава седьмая. СЕРЫЙ МЕДВЕДЬ](#)
 - [Глава восьмая. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФРЭНКА И БОБА](#)
 - [Глава девятая. ХРАБРЕЦ, ИЩУЩИЙ ЛЕКАРСТВО](#)
 - [Глава десятая. В ПЛЕНУ](#)
 - [Глава одиннадцатая. В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ](#)
 - [Глава двенадцатая. У ПАСТИ АДА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Виннету»](#)

Приятного чтения!

Карл Май

Сын охотника на медведей

Первое произведение Карла Мая из цикла повестей для юношества, написанное в январе — сентябре 1887 года для журнала «Хороший друг» («Der Gute Kamerad»). В виде отдельной книги и в несколько сокращенном варианте «Сын Охотника на медведей» первый раз был напечатан в 1890 году издательством Вильгельма Шпемана в Штутгарте вместе с другой повестью «Дух Льяно-Эстакадо» (1888) под общим заглавием «Герои Дикого Запада» (Die Helden des Westens). Шпеман предложил Маю объединить обе повести, имевшие общую сюжетную канву, в один роман, но писатель отклонил предложение, оставив два произведения самостоятельными. В 1914 году, уже после смерти писателя, издательство Карла Мая в Радебойле под Дрезденом объединило обе новеллы под заголовком «Среди Коршунов» (Unter Geiern), несколько изменило их и даже ввело новых персонажей (из «Сына Охотника на медведей», в частности, были убраны два рассказа о медведях, сильно сокращены диалоги, исключена сага о вожде Огненная Вода и т. п.).

Стоит отметить, что при создании повести Май успешно воспользовался многими источниками и путеводителями (в частности, образ юного Вокаде писатель взял из переводной книги Джорджа Кэтлина «Die Indianer Nord-Amerikas» (Leipzig, 1848), описание Йеллоустоунского парка — из «Die neuentdeckten Geysir-Gebiete am oberen Yellowstone und Madison-River» («Petermanns Mitteilungen». 1872) и т. п.), что придало его картинам североамериканской природы и обычаев индейцев очень достоверный вид.

Впервые на русском языке в сильно сокращенном варианте «Сын Охотника» появился в 1892 году в приложении к журналу «Вокруг света» Ивана Дмитриевича Сытина в книге «На Дальнем Западе» вместе с «Духом Льяно-Эстакадо» (эта повесть также была сокращена). Столетие спустя, в 1993 году, московское издательство «Олимп» выпустило новый перевод «Сына Охотника», который, хотя и осуществлялся с современного издания, точно повторяющего оригинал, тоже оказался не совсем полным.

Данный перевод осуществлен по книге, выпущенной в 1984 году берлинским издательством «Neues Leben», повторяющей наиболее полный оригинальный вариант, изданный в 1890 году в Штутгарте («Union Deutsche Verlagsgesellschaft»). Разбивка на главы и некоторые поправки сделаны по изданию «Die Helden des Westen» (LKG mbH Leipzig, 1992).

Глава первая. ПО СЛЕДУ

Немного западнее местности, где сходятся границы трех североамериканских штатов: Дакоты, Небраски и Вайоминга, ехали два всадника, появление которых в любом другом краю весьма обоснованно приковало бы к себе всеобщее внимание.

Один, сухопарый, ростом более шести футов, напоминал святые мощи, тогда как приземистая, но объемная фигура другого издали ничем не отличалась от шара. Несмотря на разницу в росте, головы обоих находились на одном уровне. Маленький восседал на высокорослой, кряжистой кобыле, а его спутник покачивался на низеньком, с виду хилом муле. Оттого и кожаные ремни, служившие толстяку стремянами, не достигали даже брюха его клячи, тогда как длинному стремяна вообще не требовались — его огромные ножищи свисали до самой земли и при малейшем покачивании тела поочередно касались ее, не позволяя седоку выскользнуть из седла.

Впрочем, о настоящем седле здесь не могло быть и речи, толстяку его заменял кусок содранной с волчьей спины шкуры, на которой еще были видны остатки шерсти, а худой вместо седла пользовался сатиновым покрывалом, до того заношенным и дырявым, что всадник, по сути, трусил на голой спине своего мула. Одно только это позволяло предположить, что за плечами обоих долгий и тяжелый путь верхом. Их костюмы лишь подтверждали это предположение.

Длинный носил широченные, скроенные на человека явно иной комплекции, кожаные штаны. Видавшие разные виды и в жару, и в холод, они съежились и уменьшились, но — так уж получилось — лишь в длину и теперь, к явному сожалению их владельца, едва доходили ему до колен. При этом они необыкновенно лоснились от жира — ибо длинный при каждом удобном случае пользовался ими в качестве полотенца либо салфетки, а потому они, как своего рода архив, хранили память обо всем, чего он не терпел на своих пальцах.

Его кожаная обувь, из которой палками торчали худые голые ноги, имела поистине неопиcуемый вид. Похоже, сначала ее всю жизнь носил сам Мафусаил¹, а потом каждый следующий владелец, не исключая нынешнего, ставил на ней по заплате, а посему невозможно было ни определить, ни даже предположить, чистая эта обувка или грязная — при взгляде на нее в глазах рябило от всех цветов радуги.

Тощее тело всадника обтягивала открывающая темную загорелую грудь кожаная охотничья рубаша без каких-либо пуговиц и застежек. Рукава едва скрывали локти, обнажая сухие, совершенно лишенные мышц руки. Вокруг гусиной шеи был повязан суконный платок, имевший такой вид, что даже сам владелец вряд ли смог бы сказать, какого тот цвета.

Но самой нелепой казалась, конечно же, его шляпа, плотно сидевшая на острой голове. Когда-то она была тем самым «ведром», как иногда выражаются неотесанные парни, имея в виду цилиндр. Может быть, в незапамятные времена этот головной убор украшал голову какого-нибудь английского лорда, пока волею судьбы через десятки руки не попал к не разделяющему вкусы аристократа из Старой Англии охотнику прерий, посчитавшему поля лишней деталью и просто-напросто оборвавшим их. Только спереди он оставил что-то наподобие козырька, чтобы защитить глаза от солнца, а еще — чтобы иметь возможность удобнее братья за «шляпу». Всадник, похоже, не сомневался в истинности поговорки насчет того, что нет ничего нужнее воздуха, а уж тем более для жителя прерий, а посему, не мудрствуя лукаво, он проковырял ножом в тулье с боков и сверху несколько отверстий. С тех пор его волосы постоянно обдувал сквознячок со всех сторон света.

Толстая веревка, несколько раз обмотанная вокруг талии, заменяла ему пояс. За нее были заткнуты два револьвера и нож — «боуи»². Кроме того, на этой веревке висели: сумка для пуль, кисет, мешочек для муки, сшитый из кошачьих шкур, огниво и некоторые другие вещи, назначение которых для непосвященного осталось бы загадкой. Покачиваясь на ремне, с шеи свисала курительная трубка. Изготовил трубку всадник собственноручно, всего лишь вынув сердцевину из срезанной ветки бузины. Несмотря на то, что он уже давненько покусывал свою трубку, мундштук ее еще можно было принять за таковой. Длинный, как и все заядлые курильщики, имел привычку попросту грызть трубку, когда кончался табак.

Справедливости ради стоит отметить, что наряд его состоял не только из обуви, штанов и охотничьей рубахи, — нет, кроме всего этого, длинный носил еще кое-что: непромокаемый резиновый плащ, настоящий американский, — из тех, что садятся после первого же дождя, уменьшаясь по всем параметрам ровно наполовину. При всем желании длинный не мог его на себя натянуть, а потому носил внакидку, как гусарский ментик. В дополнение ко всему тело его от левого плеча до правого бедра обвивали кольца скрученного лассо, а поперек мула, прямо перед собой, он держал ружье — из тех длинноствольных, из которых опытный охотник всегда точно бьет в цель.

По внешнему виду возраст всадника определить было довольно трудно. От его узкого лица, испещренного множеством складок и морщин, веяло каким-то юношеским озорством. В каждой складке, казалось, скрывалось плутовство, а в каждой морщинке замаскировался проказник. Несмотря на то, что вокруг был дикий заброшенный край, лицо этого человека было тщательно выбрито, что для вестмена³, в общем-то, неудивительно, многие из них считали своеобразным шиком не изменить этой привычке. Его большие, небесно-голубые, широко раскрытые глаза имели то суровое выражение, что свойственно морякам или жителям широких равнин, но вместе с тем в его глазах порой проскальзывало нечто наивно-преданное.

Мул, как упоминалось, был хил только с виду; он легко, а если под настроение, то и с удовольствием, носил тяжелый мешок костей в виде своего повелителя, но иногда вдруг без причин начинал бунтовать и тогда оказывался так крепко стиснут костлявыми бедрами последнего, что животному ничего не оставалось, как быстренько сменить настроение. Полагаясь на поразительную выносливость этих животных, приходится считаться и с их норовистым нравом.

Что касается другого всадника, то внимание сразу привлекала шуба, с которой тот не расставался даже в палящий зной. Стоило толстяку двинуться в ту или иную сторону, как шуба также приходила в движение, и невооруженным глазом было видно, что вся она сильно страдала «плешивостью». мех практически весь вылинял и вылез; лишь местами попадались не тронутые порчей мелкие, редкие пучки, словно крохотные оазисы среди бескрайней пустыни. воротник и лацканы рукавов были так истерты, что размеры залысин в этих местах казались величиной с талер⁴. Из-под шубы, по бокам лошади, торчали гигантские сапоги с отвернутыми голенищами. Голову всадника покрывала панама, поля которой были так широки, что ему постоянно приходилось сдвигать ее на затылок, чтобы иметь возможность обозревать окрестности. Длинные рукава шубы полностью скрывали руки толстяка. Одним словом, лицо всадника оказалось единственным, что не пряталось под покровом одежд, а потому также достойно подробного описания.

Оно было также гладко выбрито; следов растительности вообще не наблюдалось. Полные пунцовые щеки, казалось, так задавили маленький носик, что любые попытки того предстать в более выгодном свете были бы обречены на провал. Та же участь постигла и маленькие темные глазки, глубоко запрятанные меж бровей и щек; их взгляд имел добродушно-

лукавое выражение. На его лице будто было написано: «Посмотри-ка на меня — я хоть и мал, но парень не промах! Со мной всегда можно поладить, если ты порядочен и не глуп, а иначе ошибешься во мне. Вот так-то!»

Временами внезапные порывы ветра распахивали полы шубы, и тогда из-под них выглядывали суконные штаны и блуза. Необъятный живот толстяка едва удерживался кожаным ремнем; за него, кроме тех предметов, что имелись у его тощего спутника, был заткнут еще и индейский томагавк. На луке седла покоилось лассо, там же висела укороченная двустволка — «кентукки»⁵, которая, похоже, не раз использовалась как для защиты, так и для нападения.

Кем же были эти люди? Когда-то маленького толстяка нарекли Якобом Пфефферкорном, а его высокого сухопарого спутника — Дэвидом Кронерсом. Любой вестмен, скваттер или траппер, услышав эти имена, покачал бы головой, дав понять, что и слыхом не слыхивал о них. Это было бы и правдой и неправдой, ибо эти двое слыли знаменитыми следопытами, о которых вот уже несколько лет говорят у каждого лагерного костра. Пожалуй, нет ни одного местечка от Нью-Йорка до Фриско⁶ и от северных озер до Мексиканского залива, где обоим героям прерии не воздавали бы должное за их подвиги. Однако имена Якоб Пфефферкорн и Дэвид Кронерс известны лишь самим их обладателям. В прерии, в девственном лесу, а у краснокожих в особенности полученные при рождении имена ничего не значат, поэтому каждый, кто оказывался на Западе, быстро обретал прозвище, связанное с важным событием в его жизни, характеризующее какие-нибудь достоинства либо недостатки или просто черты характера, как в нашем случае.

Кронерс — янки чистых кровей — стал не кем иным, как Длинным Дэви. Пфефферкорн, уроженец Германии, за свои пышные формы был прозван Толстяком Джемми (имя Джемми — это произносимое на американский лад немецкое имя Якоб).

Дэви и Джемми были очень известными личностями, пожалуй, на всем Дальнем Западе редко встретишь человека, который не слышал о том или ином их подвиге. Приятели слыли неразлучными. По крайней мере, никто и представить не мог их порознь. Появись Толстяк у чужого костра, все тотчас начинали высматривать, нет ли поблизости Длинного, а покажись Дэви в стоуре⁷, чтобы купить порох и табак, как продавец тут же спрашивал, что тот возьмет для Джемми.

Удивительно, но столь же неразлучными были и их животные.

Длинноногая лошаденка, несмотря на жажду, не прикасалась к воде ручья или реки, пока не убеждалась, что голова маленького мула также опущена в воду; а тот даже в самой свежей, самой сочной траве стоял недвижимо, пока своим фырканием не подзывал подругу-клячу, словно хотел прошептать: «Эй, они спешили и жарят бизонью ляжку! Давай-ка мы тоже позавтракаем, а то ведь до позднего вечера больше ни кусочка не перепадет!»

Их хозяева неоднократно спасали друг другу жизнь. Без всяких раздумий в минуты большой опасности один бросался на выручку другому. Точно так же вели себя и животные, а если надо, то они могли не только защититься от любого врага острыми копытами, но и прикрыть хозяев. Все четверо были как бы одной семьей; ни о какой другой они и не помышляли.

Итак, лошади бодрой рысью мчались в северном направлении. С утра кобыле и мулу задали сочного корму и напоили свежей водой. Их хозяева побаловались олениной, не забыв тоже освежиться живительной влагой. Остаток мяса теперь несла в сумке кляча Джемми, так что с едой у всадников проблем не было.

Между тем солнце достигло зенита и медленно тронулось к западу. День выдался очень жарким, и оба всадника вздохнули с облегчением, когда над прерией повеяло приятно щекотавшим освежающим ветерком. Бескрайнее травяное полотно с мириадами цветов, пока еще не тронутое огненно-рыжими красками осени, радовало глаз свежестью сочной зелени. Над широкой равниной, подобно гигантским кеглям, высились скалы, пылающие на западе в ослепительном солнечном свете во всем своем великолепии, которое — чем дальше на восток — меркло, погружаясь в более темные, густые и мрачные тона.

— Долго нам еще трястись сегодня? — спросил Толстяк после многочасового утомительного молчания.

— Пока не стемнеет, — буркнул Длинный Дэви.

— Well!⁸ — улыбнулся малыш. — Тогда до привала.

— Aye!⁹

Мастер¹⁰ Дэви имел обыкновение вместо «yes» говорить «aye», что, впрочем, одно и то же.

На некоторое время снова воцарилась тишина. Джемми остерегался снова получить односложный ответ того же рода, но его хитрые глазки продолжали украдкой наблюдать за приятелем. Он только и ждал удобного момента, чтобы устроить тому небольшую встряску. В конце концов, Длинному молчать тоже надоело, и он спросил, указав вперед:

— Тебе знакомо это место?

— Да уж!

— Ну?! И что это?

— Америка!

Дэви с явным неудовольствием подтянул ноги и поддал мулу шенкелей. Потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

— Скверный мальй!

— Кто?

— Ты!

— Я? Но почему?

— Злопамятный!

— Вовсе нет — за что купил, за то и продаю! Ты же частенько даешь мне глупые ответы, и я не понимаю, почему я должен быть остроумен, отвечая на твои вопросы.

— Остроумен? Увы! Ты весь состоишь из плоти — уму там и пристроится негде!

— Ого! Ты забыл, что я получил образование за океаном, в Старом Свете?

— Закончил один класс гимназии? Как же! Разве я могу забыть такое — ты же напоминаешь об этом по тридцать раз на день!

— Просто необходимо напоминать тебе об этом и по сорок, и по пятьдесят раз, ибо ты недостаточно тактичен! Да, но почему ты говоришь про один класс?

— Ну, ладно, могу говорить про три.

— Вот именно!

— На остальные ума не хватило, — усмехнулся Длинный Дэви.

— Имей совесть! Просто не хватило денег; с головой у меня все в порядке! Я сразу понял, о чем ты говорил пару минут назад. Никогда не забуду это место! Если уж ты так хочешь, то на той стороне, вон за теми высотами, мы и познакомились.

— Ахе! — Дэви погрузился в воспоминания. — То был скверный день — я расстрелял весь порох, а сиу¹¹ шли за мной по пятам. В конце концов я выдохся, не мог двигаться дальше и попал к ним в лапы. Вечером появился ты...

— Да, эти глупцы запалили такой костер, что его, похоже, было видно из самой Канады! Я не мог его не заметить и подкрался ближе. Пятеро сиу и связанный белый — эта картина мне не понравилась. В отличие от тебя я порох зря не трачу. Двоих уложил на землю, а остальные сбежали, не подозревая, что имеют дело с одним-единственным противником; а ты

получил свободу.

— Я был не только свободен, но и зол на тебя!

— Из-за того, что я не застрелил обоих индсменов¹², а лишь ранил их, да? Индсмен тоже человек, а я никогда не лишал людей жизни, если в том не было крайней нужды. Я же не каннибал!

— А что, я похож на него?

— Хм! — пробурчал Толстяк, смерив Длинного испытующим взглядом. — Теперь ты, конечно, уже не тот молодец, что прежде, но тогда, как и многие другие, ты считал, что красных надо уничтожать, как бешеных псов. Мне пришлось наставлять тебя на путь истинный!

— И я рад этому, — вполне искренне подытожил янки.

— Смотри, что там, в траве?

Джемми придержал лошадь и указал в сторону скалы, у подножия которой в траве виднелась длинная темная линия.

Дэви также осадил своего мула, приставил ладонь к глазам, после чего произнес:

— Заставь меня проглотить дюжину ружейных пуль, если это не след!

— И мне так думается. Ну что, Дэви, познакомимся с ним ближе?

— Познакомимся? Мы обязаны это сделать! В этой древней прерии только глупец может позволить себе пропустить хотя бы один след. Всегда надо знать, кто сел тебе на хвост или торчит перед носом, иначе, ложась спать вечером, рискуешь не проснуться утром. Вперед!

Галопом домчавшись до скалы, они осадили животных и тщательно осмотрели след.

— Что скажешь? — спросил Дэви.

— И правда, след! — улыбнулся Толстяк.

— Да уж не пашня, это и я вижу. Но чей он?

— Лошадиный, наверное... — продолжал подтрунивать над приятелем Джемми.

— Хм! Да это и дитя увидит. Или, по-твоему, я думаю, что здесь кит проплыл?

— Нет. Этим китом мог быть только ты, но я точно знаю, что ты не отходил от меня ни на шаг. Впрочем, след кажется мне весьма подозрительным.

— Почему?

— Прежде чем ответить, я хочу взглянуть на него поближе, ибо не имею желаний осрамиться перед тобой, старым холостяком.

Джемми сполз с лошади и встал в траве на колени. Над ним возвышался Дэви. Кляча, словно она обладала человеческим разумом,

установилась в траву и тихо пофыркивала. Подошел мул, вильнул хвостом и прянул длинными ушами. Казалось, он тоже внимательно изучал след.

— Ну? — спросил Длинный Дэви, посчитавший осмотр затянувшимся. — Что-нибудь важное?

— Да. Здесь проскакал индеец.

— Ты уверен? Это удивительно, ведь здесь ни одно племя не имеет ни пастбищ, ни охотничьих угодий. С чего ты взял, что тут был индсмен?

— След копыт говорит, что у лошади индейская выучка.

— Таковую лошадь мог иметь и белый.

— Не спорю, но...

Толстяк задумчиво покачал головой и продвинулся по следу чуть дальше.

— Иди за мной! — вдруг крикнул он. — Лошадь не подкована. Кроме того, она очень устала, но ее вынуждали скакать галопом, стало быть, всадник торопился.

Теперь спешился и Дэви. То, что он услышал от своего приятеля, было достаточно важным, чтобы заняться более тщательным обследованием. Он пошел за Толстяком, а оба животных побрели следом, будто понимали, что именно так и должны поступить. Поравнявшись с Джемми, Дэви уже рядом с ним двинулся по следу дальше.

— Эй, — присвистнул янки, — эта лошадь и в самом деле переутомлена — она часто спотыкается. Чтобы так гнать ее, нужно иметь веские причины для этого. Либо этого человека преследуют, либо у него есть другой повод весьма торопиться.

— Скорее последнее.

— Почему?

— Какой давности след? — вопросом на вопрос ответил Толстяк.

— Ему часа два, не больше.

— Вот именно. А отпечатков преследователя нигде не видно. У кого есть преимущество в два часа, тот вряд ли станет загонять лошадь до смерти. Впрочем, здесь так много скал, что ему легко удалось бы сбить преследователя с толку. Что скажешь?

— Ты прав. Нам обоим, к примеру, достаточно опережения в две минуты, чтобы оставить неприятеля с носом. Стало быть, я согласен с тобой. Но вот куда он так мчится? Где она, его цель?

— Наверняка недалеко отсюда.

Длинный с удивлением взглянул на Толстяка:

— Похоже, ты на сегодня стал ясновидцем.

— Чтобы догадаться об этом, не требуется никакой особой

премудрости — надо только немного пораскинуть мозгами.

— Так! Я весь в напряжении, но почему-то пока мне ничего в голову не лезет.

— Это неудивительно.

— Почему же?

— Ты слишком длинный. Пока до тебя дойдет что к чему, пролетят годы! Я уверяю тебя, что цель этой бешеной скачки нужно искать тут, неподалеку, в противном случае он берег бы свою лошадь.

— Так! Насчет причин скачки согласен, но вот сути понять не могу.

— Ладно, объясню! Если бы всаднику предстояло скакать еще день, животное для такой поездки оказалось бы слишком усталым, значит, он непременно дал бы отдохнуть ему хоть пару часов и только потом наверстал бы упущенное. Поскольку он все же знал заранее, что место, куда ему так надо, недалеко отсюда, он решил, что еще сегодня сможет преодолеть это расстояние, несмотря на усталость лошади.

— Слушай, старина, все, что ты сказал, звучит вовсе недурно. Я снова признаю твою правоту.

— Похвалы излишни, — глазки Толстяка заблестели. — Кто почти тридцать лет набивал себе шишки в прерии, пожалуй, может время от времени набрести на умную мысль. Хотя, пока мы знаем не больше, чем прежде. Где то место, к которому стремится краснокожий? Вот что надо бы разузнать! Этот человек скорее всего чей-то гонец, а весть его очень важна. По всей вероятности, этот индсмен только связной между краснокожими, и я почти уверен, что индейцы находятся где-то поблизости.

Длинный Дэви слегка присвистнул, а его взгляд стал задумчивым.

— Дело скверно! — проворчал он. — Парень идет от индейцев и стремится к индейцам! Стало быть, мы между ними, но не знаем, где именно они шляются. Тут легко можно столкнуться лоб в лоб с какой-нибудь шайкой и потерять наши драгоценные скальпы.

— Надо, конечно, держать ухо востро. Но есть простое средство получить достоверные сведения.

— Идти по следу? — усмехнулся Дэви.

— Да, — расплылся в улыбке Толстяк.

— Верно. Мы знаем, что они где-то впереди, но понятия о нас не имеют, а стало быть, наше положение более выгодно. Посему мое мнение: надо скакать за индсменом, тем более что его путь едва ли расходится с нашим. Любопытно, из какого он племени?

— Ты прав — нам надо идти по следу, но вот откуда родом этот индсмен, отгадать, похоже, невозможно. Наверху, в северной Монтане,

обитают черноногие, пиганы¹³, и другие племена. Они вряд ли забредут сюда. В излучине Миссури стоит лагерь рикареев¹⁴, но и они вряд ли станут что-нибудь искать здесь. А может, сиу? Хм! Ты слышал, чтобы они снова откопали топор войны?

— Нет.

— Ладно, не стоит сейчас ломать над этим голову, давай просто будем осторожны. Позади Норт-Платт, если ты вспомнишь о нашей последней прогулке. Мы в тех местах, что нам хорошо известны, и, если не наделать откровенных глупостей, с нами ничего не случится. Едем!

Они снова вскочили в седла и направились по следу, не упуская его из виду ни на миг, зорко смотря при этом вперед и не забывая осматриваться по сторонам, чтобы вовремя заметить что-либо враждебное.

Прошло, наверное, около часа. Солнце садилось все ниже, ветер становился все сильнее, и дневное пекло быстро сошло на нет. Вскоре они увидели, что лошадь индейца перешла на шаг. На одной из рытвин животное, похоже, споткнулось и припало на колени. Джемми тотчас соскользнул вниз и осмотрел место.

— Да, это индсмен, — уверенно засвидетельствовал Толстяк. — Он соскочил на землю. Смотри, его мокасин украшали иглы дикобраза. Вот там лежит отломленный кончик иглы. А здесь — о, парень, похоже, очень юн!

— С чего ты взял? — удивился Длинный, продолжая восседать на своем муле.

— Место здесь песчаное, и его нога четко отпечаталась. Если это не скво, то...

— Чепуха! Женщине одной здесь делать нечего.

— ...то всадник — молодой парень, — продолжал мыслить вслух Джемми, не обращая внимания на замечания своего приятеля, — и ему не больше восемнадцати лет.

— Вот это уже хуже! Есть племена, у которых в разведку ходят только самые юные воины. Надо бы поостеречься!

Они снова поскакали дальше. До сих пор оба следопыта двигались по цветущей прерии, теперь вдруг то тут, то там стали выныривать чахлые кустики, позже сменившиеся довольно густыми зарослями. Вдали, похоже, маячили верхушки деревьев. Вскоре оба оказались у места, где всадник спешил, чтобы дать все же своему животному короткую передышку, и пошел пешком, ведя коня в поводу.

Временами кусты так сильно затрудняли обзор, что требовалась

двойная осторожность. Дэви скакал впереди, Джемми — за ним. Вдруг Толстяк воскликнул:

— Эй, Длинный, а конь-то у него вороной!

— Вот те раз! — Дэви чуть не кувыркнулся на землю, резко осадив своего мула. — Откуда ты это знаешь?

— Там, на кустах, остались волосы с его хвоста.

— Значит, мы знаем о нем уже немало! Но тише! В любой момент мы можем нарваться на людей, и, пока продерем глаза, они перестреляют нас, как куропаток.

— Этого я не боюсь. Я могу спокойно положиться на мою старушку. Она фыркнет тут же, как только кого-нибудь почует. Итак, продолжим!

Длинный Дэви последовал приглашению, но в следующий же миг уже придержал своего мула.

— Тьфу, дьявол! — выругался он. — Сейчас точно что-нибудь произойдет!

Толстяк, не обращая на него внимания, гнал свою лошадь дальше и через несколько скачков продрался сквозь кусты на открытое место. Перед ним возвышалась конусообразная скала, которых в этой прерии было великое множество. След вел к ее подножию, потом вдруг резко брал вверх, тут же соскакивал вниз и под острым углом поворачивал вправо. Оба ясно это увидели, заметили они и еще кое-что — с противоположной стороны скалы к упомянутому следу вели четыре новых отпечатка, позже объединяющиеся со следом индейца.

— Что скажешь? — Длинный повернул голову к Толстяку.

— Скажу, что там, за скалой, стояли лагерем люди, преследовавшие индсмена, как только они заметили его.

— Может, они уже опять там!

— А может, кто-нибудь из них там остался. Жди меня здесь, за кустами! Пойду, суну нос за угол.

— Не сунь его в ствол заряженного флинта¹⁵, у которого спускают курок!

— Нет, для этого твой клюв подойдет больше.

Толстяк спешил и передал Длинному поводья своей лошаденки, после чего во весь опор понесся вверх по склону.

— Вот хитрец! — одобрительно буркнул себе под нос Дэви. — Подползание отняло бы слишком много времени. Никто бы не подумал, что Толстяк может так скакать!

Взобравшись наверх, Джемми медленно и осторожно прокрался вперед и исчез за выступом. Но вскоре он появился снова и подал Дэви

знак, описав рукой дугу. Последний сообразил, что должен обогнуть скалу. Он продрался сквозь кусты, пока не достиг новых следов и по ним не пришел к Джемми, ведя за собой животных.

— Что скажешь? — спросил Толстяк, указав перед собой.

Дэви увидел следы стоянки. Несколько железных котелков, кирки и лопаты, кофейная мельница, ступка, множество маленьких и больших мешков и пакетов: все это валялось на земле, но никаких следов лагерного костра заметно не было.

— Ну и ну, — покачал головой янки. — Так по-домашнему разложиться здесь могли либо недоумки, либо просто новички на Западе. Следов тут, по меньшей мере, от полутора десятка лошадей, и ни одна из них не была ни стреножена, ни привязана к клину! Похоже, что среди них много вьючных животных. И все они исчезли! Но куда? Что за бессмыслица! За такие вещи стоило бы их вздуть как следует!

— Да, они это заслужили. С такими куриными мозгами на Дальнем Западе делать нечего! Не каждому, конечно, выпадет счастье поучиться в гимназии...

— Как тебе?! — быстро среагировал Длинный.

— Да, как мне, — без обиды отозвался Толстяк, — но хоть элементарной смекалкой и соображением должен же обладать человек! Индеец, ничего не подозревая, повернул за угол и, вот тут заметив опасность, предпочел промчаться мимо, вместо того чтобы повернуть назад. Тут за ним и рванула вся шайка.

— Думаешь, хотели его схватить?

— Конечно, иначе зачем им его преследовать? Для нас, кстати, это тоже может закончиться весьма плачевно. Краснокожим все равно, падет ли их месть на виновных или на кого-нибудь еще.

— Мы должны предотвратить несчастье!

— Да, — кивнул Толстяк. — Долго нам скакать не придется — индсмен на загнанной лошади далеко не уйдет.

Они снова вскочили в седла и галопом помчались по следам, вправо и влево от которых уходили другие отпечатки, несомненно, оставленные вьючными лошадьми. Вопреки прогнозу Джемми, оба следопыта вынуждены были преодолеть значительное расстояние по холмистой местности, прежде чем скакавший впереди Толстяк наконец резко не остановил кобылу. Он услышал громкие голоса и молниеносно направил животное в сторону, в кусты, куда за ним последовал и Дэви. Оба прислушались. Впереди в самом деле раздавались чьи-то голоса.

— Это точно они, — уверенно сказал Джемми. — Они не

приближаются к нам, значит, еще не повернули обратно. Ну что, старина, подслушаем их?

— О чем речь?! Только сначала придется «захромать» лошадей.

— Нет, это может нас выдать, а ведь нам надо остаться незамеченными. Нам нужно крепко их привязать, чтобы они не смогли ступить ни шагу, пока мы не позволим.

«Захромать»— выражение трапперов; оно означает, что передние ноги коня связываются так, чтобы животное могло делать лишь маленькие шажки. Обычно это делалось, когда трапперы чувствовали себя в безопасности, в противном случае лошадей крепко привязывали к деревьям или к вбитым в землю коротким колышкам. Для этой цели, особенно в бедной растительностью прерии, охотники всегда берут с собой маленькие острые клинья.

Итак, оба неразлучных животных были крепко привязаны к кустам, после чего их хозяева стали осторожно пробираться на звуки голосов. Вскоре они оказались у мелководной речушки или скорее ручья, окруженного высокими берегами, своей крутизной свидетельствующими о том, что каждую весну здесь проносятся бурные потоки. Русло ручья делало неподалеку большой крюк, внутри петли которого располагались в траве напоминавшие по виду бродяг девять человек. Среди них, в центре, лежал юный индеец, связанный по рукам и ногам, не имевший возможности даже пошевелиться. На другой стороне воды, прямо под высоким берегом, валялась его громко фыркающая лошадь. Бедное животное с истертыми в кровь боками не имело сил даже подняться, не говоря уж о том, чтобы взобраться на берег. Лошади преследователей находились при них.

Эти люди не производили хорошего впечатления. Глядя на них, настоящий вестмен тотчас отметил бы, что видит перед собой типичный образец того самого сброда, с которым на Дальнем Западе разговаривают лишь языком судьи Линча¹⁶.

Джемми и Дэви присели на корточки за кустом и стали наблюдать за происходящим. Люди тем временем шептались — вероятно, обсуждали судьбу пленного.

— Как они тебе? — тихо спросил Толстяк, блеснув лукавыми глазками.

— Так же, как и тебе — совсем не по вкусу!

— Их физии так и просят трепки! Жаль бедного краснокожего парня. Как думаешь, из какого он племени?

— Пока ничего сказать не могу. Он без боевой раскраски и не носит

никаких тотемов. Но я уверен, что он не на тропе войны. Ну что, берем его под свою защиту?

— Само собой! Не думаю, что он дал им повод обращаться с ним так скверно. Идем, перекинемся с ними парой слов!

— А если они не захотят нас слушать?

— Тогда у нас есть выбор: либо силой, либо хитростью заставить их подчиниться. Меня вовсе не пугают эти типы, но все же знаешь: даже выпущенная трусливым мерзавцем пуля иногда попадает в цель. Они не должны знать, что мы верхом, и лучше всего, если мы подойдем с другой стороны ручья, чтобы им и в голову не пришло, что мы уже видели их лагерь.

Глава вторая. ХРОМОЙ ФРЭНК

Следопыты подхватили свои ружья и прокрались к воде, держась от группы белых на таком расстоянии, чтобы те не могли их заметить. Затем они по берегу спустились вниз, перемахнули через узкий ручей и на противоположном берегу его снова взобрались наверх. Теперь им пришлось сделать небольшой крюк, после чего они вышли к потоку как раз в том месте, где на другом берегу, прямо напротив, и располагалась компания, многие члены которой беспечно валялись на траве. Оба тут же сделали вид, будто ошарашены встречей с людьми.

— Эй! — заорал Толстяк Джемми не своим голосом. — Что это? А я-то думал: мы одни здесь, в этой благословенной прерии! И вдруг настоящий митинг! Надеюсь, нам позволят принять в нем участие.

Те, кто лежал в траве, поднялись, и теперь вся компания, как по команде, уставилась на двух невест откуда взявшихся чужаков. В первый миг показалось, что они не очень обрадованы появлением незнакомцев, но стоило им обратить внимание на фигуры и костюмы обоих, тотчас раздался разноголосый смех.

— Thunderstorm!¹⁷ — прохрипел один из них, увешанный всевозможным оружием. — Что стряслось? У вас что, в самый разгар лета масленица? Или вы тащитесь на карнавал?

— Ахе! — кивнул Длинный. — У нас как раз не хватает пары шутов, вот мы и завернули к вам.

— Тут вы обратились не по адресу.

— Не думаю.

С этими словами сухой Дэви перешагнул своим семимильным шагом через ручей; еще один шаг — и он предстал перед говорившим. Толстяк сделал два прыжка и как мяч взлетел наверх, приземлившись рядом со своим приятелем.

— А вот и мы, — расплылся он в блаженной улыбке. — Good day¹⁸, господа. Нет ли у вас чего-нибудь промочить горло?

— Вон там вода! — прозвучал недружелюбный ответ, и говоривший указал на ручей.

— Фи! — Толстяк скорчил кислую мину, и его носа совсем не стало видно. — Вы думаете, я изнываю от дикой жажды? Да это и в голову не придет внуку моего деда! Раз у вас нет ничего получше, то можете спокойно возвращаться по домам, здесь, в этой доброй прерии, вам делать

нечего!

— А для вас прерия — закусовая?

— А то как же! Жаркое ходит тут прямо под носом. Нужно только уметь поставить его на огонь.

— Вам, похоже, оно идет на пользу.

— Само собой! — засмеялся Джемми и с нежностью погладил себя по выглянувшему из шубы животу.

— Такое впечатление, будто вашего друга вы держите на голодном пайке.

— Отчасти да. Ведь только половина нормы идет ему на пользу! Не имею права губить его красоту, потому что взял я его с собой в качестве пугала, чтобы ни один медведь или индсмен и близко ко мне не подходил. Но, с вашего позволения, мастер, что же привело вас сюда, к этой прекрасной воде?

— Никто и ничто. Сами нашли дорогу.

Спутники говорившего снова ухмыльнулись, посчитав такой ответ весьма остроумным. Но Толстяк Джемми совершенно серьезно продолжал:

— Да? Правда? Что-то не верится. По вашим физиономиям вряд ли скажешь, что вы способны отыскать хоть какую-нибудь дорогу без посторонней помощи.

— А на ваших написано, что пути вам точно не разобрать, даже если ткнуть в него носом! Вы давно кончили школу?

— Я ее и не посещал, поскольку пока не подхожу под нужные мерки, — с улыбкой ответил Толстяк глупостью на глупость, — но надеюсь наверстать упущенное, может, благодаря вам смогу выучить кое-какие азы Запада. Хотите быть моим наставником?

— На это у меня нет времени. И вообще у меня есть дела поважнее, чем выколачивать из других дурь.

— Вот как! Что же это за «дела поважнее»? — Джемми огляделся, сделав вид, будто только что заметил индейца, и продолжил: — Behold!¹⁹ Пленник, да еще и краснокожий!

Он отпрянул, как черт от ладана, словно испугался одного только вида индейца. Вся шайка заржала на разные голоса, а тот, кто до сих пор вел беседу и, похоже, был предводителем, проговорил:

— Не упадите в обморок, сэр! Кто еще ни разу не видел таких типов, рискует легко стать зайкой. К подобным зрелищам привыкают не сразу. Кажется, вы никогда прежде не встречались с индсменами?

— Несколько мирных, пожалуй, видел, но этот — похоже, дикий! — подыграл Толстяк.

— Правда ваша. Не подходите к нему слишком близко!

— В самом деле? Он же связан!

Джемми хотел приблизиться к пленнику, но предводитель преградил путь:

— Прочь! Вам нет до него дела! Впрочем, пора наконец спросить, кто вы и чего хотите от нас?

— Это хоть сейчас. Моего друга зовут Кронерс, а моя фамилия Пфефферкорн. Мы...

— Пфефферкорн? — перебили Толстяка. — Уж не немецкая ли это фамилия?

— С вашего позволения — да. — Джемми наигранно улыбнулся.

— Да чтоб вас черт побрал! На нюх не переносу ваш сброд!

— Все дело только в вашем носе, — как ни в чем не бывало продолжал Джемми, — который просто не чувствует прекрасного. А если вы говорите о сброде, то, пожалуй, хотите причесать меня под свою гребенку.

Последние слова Джемми произнес уже совершенно другим тоном, чем начало фразы. Предводитель гневно вскинул брови и почти угрожающе пробормотал:

— Что вы хотите этим сказать?

— Правду, ничего больше.

— За кого вы нас принимаете? А ну, выкладывай!

Говоривший вцепился в рукоять торчавшего за его поясом ножа. Джемми сделал пренебрежительный жест рукой и ответил:

— Оставьте свой сапожный тесак, мистер, с ним вы и шагу не ступите. Вы были грубы со мной, а потому и вам не стоит ждать, что я прысну одеколоном — просто не хочу огорчать фирму Фарина из Кельна на Рейне! Из-за того, что я вам не по нраву, мне и в голову не придет здесь, на Дальнем Западе, в угоду вам нацепить фрак полами вперед или напялить на ноги лайковые перчатки. Если вы судите о нас по нашей наружности, то по собственной вине идете по ложному пути. Здесь, на Западе, имеет вес не сюртук, а человек, с которым надо обращаться прежде всего учтиво. Я ответил на ваш вопрос, а теперь ожидаю подобного ответа и от вас, поскольку хочу знать, кто вы.

Лица бродяг вытянулись от удивления. Хотя руки многих из них потянулись к поясам с оружием, решительное поведение Джемми заставило предводителя ответить:

— Меня зовут Уолкер, и этого достаточно. Восемь других имен вам все равно не запомнить.

— Если вы полагаете, что мне не нужно их знать, то вы правы. Вполне

достаточно взглянуть на вас одного, чтобы понять, какого сорта остальные.

— Эй! Это оскорбление? — повысил голос Уолкер. — Хотите, чтобы мы взяли за оружие?

— Не советую. В барабанах наших револьверов двадцать четыре патрона, и, по меньшей мере, половину из них вы получите, прежде чем вам удастся вынуть свои погремущки. Вы считаете нас новичками, но это не так. Если хотите убедиться, что я говорю правду, то мы не прочь предоставить вам доказательства на этот счет.

Он молниеносно выхватил оба револьвера; Длинный Дэви уже держал в руках свои, а когда Уолкер хотел схватить валявшееся на земле ружье, Джемми предостерег:

— Оставь флинт в покое! Дотронешься до него — получишь пулю. Таков закон прерий! Кто первым спустит курок — тот и победил!

Бродяги были настолько неосторожны, что даже не удосужились поднять из травы свои ружья. Но теперь они не отваживались наклониться за ними.

— Дьявольщина! — выругался Уолкер. — Вы ведете себя так, будто готовы сожрать нас!

— Нам это и в голову не приходило — слишком уж вы неаппетитны. Мы и знать о вас не хотим! Скажите только, что вам сделал этот индеец?

— Разве это ваше дело?

— Да. Вы нападаете на него без всякой причины, и теперь любой белый в опасности — он может попасть под месть его соплеменников. Итак, почему вы взяли его в плен?

— Потому что нам так захотелось. Он — красный мерзавец, и этого достаточно. Больше от меня вы ничего не услышите. Вы не судья нам, а мы не нашкодившие мальчишки, обязанные давать объяснения своим поступкам.

— Такого ответа нам вполне достаточно. Теперь ясно, что этот человек ничем вам не угрожал. Было бы излишним мне самому его расспросить.

— Спросить его? — Уолкер засмеялся с издевкой, а его спутники с ухмылками переглянулись. — Да он не понимает ни слова по-английски и не ответил нам ни единым звуком.

— Индеец не отвечает своим врагам, когда он связан, а вы наверняка так с ним обращались, что он не сказал бы вам ни слова, даже если бы вы освободили его от пут.

— Трепку он получил, это верно.

— Трепку? — Джемми нахмурился. — Да вы спятили! Побить индейца! Вы знаете, что такое оскорбление у краснокожих смывается

только кровью?

— Он жаждет нашей крови? Любопытно, как он собирается ее получить?

— Как только он окажется на свободе, он вам это покажет.

— Свободным ему никогда не быть.

— Вы хотите его убить? — Толстяк пристально поглядел предводителю в глаза.

— Что мы с ним сделаем — вас не касается! Понятно? Если краснокожие путаются под ногами, их надо растаптывать, вот и все. Но раз вы хотите поговорить с этим типом, прежде чем отчалить отсюда, не стану вам это запрещать. Только учтите: он вас не поймет. А профессоров индейской словесности вы не очень-то напоминаете. Поэтому я просто жажду увидеть, как это вы будете вести с ним беседу.

Джемми пренебрежительно пожал плечами и повернулся к индейцу.

Тот лежал с полузакрытыми глазами; лицо его было неподвижно. Понимал ли он произносимые слова? Трудно сказать. Лет ему было, как и предполагал Толстяк, примерно восемнадцать. Его темные, гладкие, длинные волосы были уложены в какую-то довольно странную прическу, которая не позволяла определить, к какому племени он принадлежал. Его лицо не носило никаких следов боевой раскраски, и даже макушка головы не была выкрашена ни охрой, ни кинovarью. На нем была мягкая кожаная охотничья рубаха и легины из кожи оленя, обшитые на швах бахромой. В бахроме не было видно ни единого человеческого волоса — следовательно, молодой воин не убил еще ни одного врага. Изящные мокасины украшали иглы дикобраза — как опять же предполагал Джемми. Бедро индейца стягивал кусок красной материи в виде передника, заменявшего ему пояс. При нем не было видно никакого оружия. На противоположном берегу, там, где лежал только что поднявшийся и теперь с жаждой хлебающий воду конь, валялся, однако, длинный охотничий нож, а на седле висели обтянутый кожей гремучей змеи колчан и сделанный из рогов горного барана лук ценной, возможно, в два или три мустанга.

Такое простое вооружение служило несомненным доказательством того, что индеец находился здесь без всяких враждебных намерений. Его лицо по-прежнему не выражало ничего — индсмен был слишком горд, чтобы выказывать чужакам, а тем более врагам, свои чувства. Хотя скулы молодого воина несколько выступали, это нисколько не портило его лица, черты которого были еще по-юношески мягкими. Когда Джемми подошел к нему, парень впервые полностью открыл черные, жгучие, как раскаленные угли, глаза, и на охотника упал их дружелюбный взгляд. Одновременно

индеец попытался пошевелить связанной рукой.

— Мой юный краснокожий брат понимает язык бледнолицых? — спросил охотник, больше утверждая, нежели спрашивая.

— Да, — ответил парень. — Откуда об этом знает мой старший белый брат?

— Я это прочитал в твоих глазах.

— Я слышал, что ты друг краснокожих людей. Я твой брат.

— Мой юный брат скажет мне, есть ли у него имя?

Подобный вопрос, обращенный к индейцу старшего возраста, является тяжелым оскорблением, поскольку тот, кто еще не имеет имени, не проявил мужества и не может считаться воином. Юный возраст пленника позволял задать ему такой вопрос, и все же юноша насторожился:

— Мой добрый брат считает меня трусом?

— Нет, но ты слишком юн, чтобы быть воином.

— Бледнолицые научили краснокожих умирать молодыми. Пусть мой брат откроет рубаху у меня на груди, и он узнает, что у его красного брата есть имя.

Джемми нагнулся и расшнуровал охотничью рубаху. Он вытащил три окрашенных в красный цвет пера военного орла²⁰.

— Невероятно! — вырвалось у него. — Но вождем ты быть не можешь!

— Нет, — юноша нашел в себе силы улыбнуться. — Я имею право носить перья масиша, ибо меня зовут Вокаде.

Оба слова из языка манданов²¹: первое означает «военный орел», а вторым называют кожу белого бизона. Поскольку белый бизон встречается крайне редко, убивший его в большинстве племен окружен таким же почетом, как и убивший нескольких врагов, и даже имеет право носить перья военного орла. Юный индеец убил такого бизона, а потому получил имя Вокаде.

По существу, в этом не было ничего странного; Дэви и Джемми удивились другому — тому, что это имя было взято именно из языка манданов, ведь манданы считались вымершими. Поэтому Толстяк спросил:

— К какому племени принадлежит мой краснокожий брат?

— Я нумангкаке и вместе с тем дакота.

«Нумангкаке» — так сами себя называли манданы, а дакота — общее название всех племен сиу.

— Так ты был принят дакотами?

— Именно так, как говорит мой белый брат. Брат моей матери был

большим вождем Ма-то-то-па. Он носил это имя, поскольку однажды убил четырех медведей. Когда пришли белые люди, они принесли нам болезнь, которую называли оспой²². Все мое племя было заражено ею, за исключением тех немногих, которые стремились попасть первыми в Страну Вечной Охоты; они вызвали сиу на бой и были убиты ими. Мой отец, храбрый Ва-ки — Щит, был только ранен, и позже ему пришлось стать сыном сиу. Так я стал дакота, но мое сердце помнит предков, которых призвал к себе Великий Дух.

— Сиу сейчас находятся по ту сторону гор. Как же ты перешел их?

— Я иду не с тех гор, о которых говорит мой белый брат; я спустился с других высоких склонов на западе и должен сообщить важную весть одному юному белому брату.

— Этот белый брат живет здесь неподалеку?

— Да. Откуда это известно моему старшему брату?

— Я шел по твоему следу и видел, что ты гнал своего коня как тот, кто почти у цели.

— Ты понял все верно. Вокаде был бы уже у цели, но эти бледнолицые помешали ему — они преследовали его. Его конь выбился из сил, он не мог перескочить через эту воду и упал. Вокаде оказался под ним и потерял сознание, а когда очнулся, был связан ремнями. — Юный воин замолчал и скрепя сердце добавил на языке сиу: — Они трусы. Девять мужчин связали мальчика, чья душа на время покинула его! Если бы я мог с ними бороться, их скальпы принадлежали бы мне!

— Они даже осмелились избить тебя! — также на языке сиу, который он немного знал, продолжил Джемми.

— Не говори об этом, ибо каждое такое слово пахнет кровью. Мой белый брат снимет с меня веревки, и тогда Вокаде поговорит с ними как мужчина!

Он сказал это с такой уверенностью, что Толстяк Джемми с улыбкой спросил:

— Ты разве не слышал, что я им не указчик?

— О, мой белый брат не боится и сотни таких людей. Каждый из них ваконкана — старая баба.

— Ты так думаешь? Откуда ты знаешь, что я не боюсь их?

— У Вокаде глаза и уши открыты. Он часто слышал рассказы о двух знаменитых белых охотниках, которых называют Дэви-хонске и Джемми-петаче; он узнал их по фигурам и словам.

Толстяк хотел ответить, но его прервал Уолкер, переставший понимать, о чем идет речь:

— Эй, остановись! Так мы не договаривались. Хоть я и позволил вам поговорить с этим парнем, но только на английском! Вашу тарабарщину я не потерплю, черт вас знает, что вы замышляете. Впрочем, нам достаточно знать, что он владеет английским. Вы нам больше не нужны и можете двигать туда, откуда пришли. И если это не произойдет сейчас же, я подстегну вас!

Взгляд Джемми метнулся к Дэви, а тот подал ему быстрый знак, которого никто не заметил; молниеносного подмигивания Толстяку было достаточно. Именно таким способом Длинный обратил его внимание на растущие в стороне кусты. Джемми бросил туда короткий, но внимательный взгляд и заметил, что среди ветвей невысоко над землей торчат стволы двух охотничьих ружей. Значит, там с оружием наизготовку лежат два человека! Кто они? Друзья или враги? Он взглянул на приятеля. Спокойствие Дэви было красноречивее слов. Толстяк все понял и снова обратился к Уолкеру:

— В отличие от вас у меня нет причин сломя голову покидать это место. Хотел бы я посмотреть, от кого это вы удираете?

— В отличие от нас? От кого нам убежать?

— От того, кому еще вчера принадлежали оба эти животных! — неожиданно выпалил Толстяк. — Понятно?

Он имел в виду двух гнедых мерингов, так жавшихся друг к другу, словно они были одно целое.

— Что? — вскричал Уолкер. — За кого вы нас принимаете? Мы честные проспекторы²³ и нам надо на ту сторону, в Айдахо, где теперь открыли новые залежи золота.

— А поскольку вам для этой поездки не хватало лошадей, — продолжил Джемми, — вы походя стали «честными» хорзпилферами²⁴. Вам нас не провести!

— Эй, еще слово, и я пристрелю тебя! Мы купили всех этих коней и заплатили за них.

— И где же, мой «честный» мистер Уолкер? — с издевкой протянул Джемми.

— Еще внизу, в Омахе.

— Вот как! А чистые копыта вы прихватили с собой про запас тоже там? Почему же эта пара гнедых так свежа, словно только что вышла из загона? Почему у них чистые черные копыта в то время, как остальные ваши загнанные клячи топают в запущенных «шлепанцах»? Я скажу вам: гнедые еще вчера имели другого хозяина, а конокрадство здесь, на Дальнем

Западе, карается веревкой!

— Лжец! Клеветник! — процедил сквозь зубы Уолкер, вдруг наклонившись, чтобы взять свое ружье.

— Нет, он прав! — прозвучало из кустов. — Вы — презренные конокрады и получите по заслугам. Мартин, перестреляем их всех!

— Не стрелять! — закричал Длинный Дэви. — Поработайте прикладами! Нечего тратить на них пули.

На этих словах он размахнулся взятым за ствол ружьем и так огрел им пытавшегося взвести курок Уолкера, что тот без чувств рухнул на землю.

Из кустов выпрыгнули две фигуры — довольно крепкого вида паренек и невысокий мужчина. Занеся для удара взятые за стволы ружья, они бросились на мнимых проспекторов.

Джемми тотчас склонился над индейцем и двумя взмахами ножа освободил его от веревок. Тот вскочил, прыгнул на первого попавшегося противника, схватил его обеими руками за шиворот, сбил с ног, а потом изо всех сил швырнул через ручей, туда, где валялся индейский нож. Никто и предположить не мог, что парень обладает такой мощью. Прыгнув следом и схватив нож в правую руку, индеец опустил перед поверженным на колени и крепко взялся левой рукой за чуб бледнолицего. Все это было делом одной секунды.

— Help, help, for God's sake help!²⁵ — пронзительно закричал в страхе белый.

Вокаде занес нож для смертельного удара. Его сверкающие глаза впелись в искаженное ужасом лицо врага, и тут же рука с ножом опустилась.

— Ты боишься? — разочарованно спросил юноша.

— Да, пощади, пощади!

— Скажи, что ты пес!

— Да, да, я пес!

— Так живи в позоре! Индеец умирает мужественно и без плача, ты же скулишь о пощаде! Вокаде не может носить скальп собаки. Ты бил меня, и за это твой скальп должен принадлежать мне, но паршивый пес не может оскорбить красного человека! Иди прочь! Вокаде испытывает к тебе отвращение!

Он дал бледнолицему пинка, и трус тотчас же исчез из виду.

Все произошло гораздо быстрее, чем это можно описать. Уолкер лежал на земле, рядом с ним растянулся еще кто-то, а остальные попросту сбежали. Их лошади помчались следом, и только два гнедых мерина остались на месте и терлись головами о плечи так внезапно явившихся

хозяев.

Парню могло быть лет шестнадцать, и все же благодаря своему крепкому телосложению он выглядел старше. Бледное лицо, белокурые волосы и серо-голубые глаза наводили на мысль о его германском происхождении. Головного убора он не носил и был одет в рубаху и штаны синего цвета из плотной ткани. Из-за его пояса торчала рукоять ножа редкой индейской работы, а охотничья двустволка, которую он сжимал в руке, казалась слишком тяжелой для него. Его щеки покраснелись во время короткой схватки, но держался он так спокойно, словно подобные сцены для него были вовсе не в диковинку и вообще все это — левое дело.

Его спутник — маленький, щуплый человечек, лицо которого обрамляла густая черная окладистая борода, выглядел весьма своеобразно. Он носил индейские мокасины и кожаные штаны, а кроме того — темно-синий фрак с высокими плечами и буфами и до блеска начищенными медными пуговицами. Этот предмет его гардероба был скроен, пожалуй, в первой четверти прошлого столетия²⁶. Именно тогда изготовлялось сукно, которому, как считалось, служить веки вечные. Разумеется, фрак выглядел до последнего изношенным; все швы владелец старательно закрасил чернилами, но ни одной дырки нигде не было видно. Ношение подобных доисторических нарядов на Дальнем Западе отнюдь не редкость. Там человека ценили не по одежке.

На голове маленького человечка красовалась гигантская черная шляпа — «амазонка», которую украшало большое перо, окрашенное в желтый цвет и имитировавшее страусиное. Эта великолепная вещь несколько лет назад наверняка принадлежала какой-нибудь леди с Востока, позже волею капризной судьбы заброшенная на Дальний Запад. Поскольку поля шляпы очень хорошо защищали от солнца и дождя, нынешний ее владелец вовсе и не думал использовать замечательный головной убор для каких-либо иных целей.

Все вооружение малыша состояло только из ружья и ножа. Пояс у него отсутствовал — верный знак того, что он выехал не на охоту.

Он прошелся взад-вперед по полю битвы, припадая на левую ногу, и осмотрел вещи, которые в панике побросали беглецы. Вокаде подошел к белому, потянул его за рукав и спросил:

— Может, мой белый брат и есть тот охотник, которого бледнолицые называют Хоббл-Фрэнком?²⁷

Малыш не без удивления кивнул и утвердительно ответил на английском. Теперь индеец указал на молодого белого и осведомился

дальше:

— А это Мартин Бауман, сын знаменитого Мато-пока?

Мато-пока — имя, сочетающее слова, взятые из языков сиу и юта, и означающее «Гроза Медведей».

— Да, — ответил малыш.

— Значит, вы те, кого я ищу, — уверенно произнес молодой индеец.

— Ты едешь к нам? Может, хочешь что-то купить? Мы держим стоур и торгуем всем, что нужно охотнику.

— Нет. Я должен передать вам сообщение.

— От кого?

Индеец на секунду задумался, огляделся по сторонам, потом ответил:

— Здесь не место для разговора. Ваш вигвам недалеко от этой воды?

— Через час мы будем там.

— Тогда ведите нас к нему. Когда мы сядем у вашего огня, я сообщу все, что должен сказать. Идемте!

Он снова перескочил через воду, перевел через нее обратно своего коня, который, пожалуй, мог теперь выдержать короткий отрезок пути, взлетел ему на спину и поехал вперед, не проверяя, следуют ли за ним остальные.

— Какой шустрый! — не без иронии заметил Хромой Фрэнк.

— Может, его разговор гораздо длиннее и тоньше, чем даже я? — пошутил Длинный Дэви. — Любой краснокожий всегда знает, что делает, и я советую вам тотчас следовать за ним.

— А вы? Что будете делать вы?

— Мы поедем с вами. Раз ваш «дворец» находится так близко, то вы прослыли бы полными невеждами, если бы не пригласили нас на один, глоток и пару кусочков. А поскольку у вас есть мелочная лавка, то, возможно, мы сможем дать вам заработать несколько долларов.

— Вот как! У вас при себе доллары? — спросил малыш таким тоном, который не позволял сомневаться, что оба охотника в его глазах походили на кого угодно, но, уж точно, не на миллионеров.

— Они станут вашими лишь в том случае, если мы захотим сделать покупки. Смекаете?

— Хм, да, конечно! Но если мы теперь уйдем отсюда, что будет с этими мерзавцами, укравшими у нас двух лошадей? Может, хоть их жожаку, этому Уолкеру, оставим подарочек на долгую память?

— Нет. Пусть себе удирает. Они трусливые воры, наделавшие в штаны при виде ножа — «боуи»! Если вы и дальше собираетесь возиться с ними, то это не делает вам чести. Лошади снова у вас, и покончим с этим!

— Вам надо было получше размахнуться, прежде чем свалить его на землю. Этот тип лишь потерял сознание.

— Я это сделал с умыслом. Не вижу ничего приятного в убийстве человека, когда его можно сделать неспособным к сопротивлению другим способом.

— Ну, будь по-вашему. Пошли к вашим лошадям.

— Что? Вы знаете, где они? — искренне удивился Дэви.

— Конечно. Мы не были бы настоящими вестменами, если бы заранее не осведомились обо всем, что связано с вами, прежде чем выдать вам наше присутствие. Когда мы обнаружили, что у нас украли лошадей, мы помчались по следам воров. Но, к сожалению, смогли настигнуть их только здесь. Наши кони всегда пасутся на воле, и мы обычно приходим за ними вечером. Ну ладно, идемте!

Фрэнк сел верхом на одного из возвращенных мерингов. Его молодой спутник вскочил на другого. Оба направили животных точно к тому месту, где Джемми и Дэви поначалу прятались в кустарнике. Последние также сели в седла, и теперь все четверо отправились по следу индейца, фигура которого маячила впереди. Но юный краснокожий не позволил себя нагнать; он все время старался опережать белых, будто не приблизительно, а точно знал конечный пункт их перехода.

Хромой Фрэнк держался рядом с Толстяком Джемми, которому, похоже, симпатизировал.

— Признайтесь мне, мастер, что вам, собственно, нужно в этих краях? — спросил малыш.

— Нам надо чуть выше, в Монтану, где охота бывает намного удачнее, чем здесь. Там еще встречаются лесные скитальцы и истинные жители саванны, занимающиеся охотой ради охоты. Сейчас зверей чаще всего попросту поголовно истребляют. Горе-охотники травят бедных бизонов, убивая их тысячами только из-за того, что для приводных ремней их кожа годится больше, чем обычная. Это же стыд и позор! Или нет?

— Тут вы правы, мастер. Раньше было по-другому. Тогда это называлось: один на один, то есть охотник имел с дичью честную очную ставку, борясь за требующееся ему пропитание с огромным риском для жизни. Теперь же охота превратилась в трусливое убийство из засады, и охотники старой закалки мало-помалу переводятся. Люди, подобные вам обоим, чрезвычайно редки! Много денег от вас, конечно, ждатель нелепо, но ваши имена не пустой звук, и это стоит признать!

— Вы знаете наши имена? — удивился Джемми.

— Почему бы и нет.

— Откуда?

— Этот Вокаде назвал их, когда мы лежали с Мартином в кустах и подслушивали вас. Собственно, вы сами не очень-то и похожи на вестмена. Ваша талия скорее подошла бы мастеру-хлебопеку или капитану бюргерской гвардии, но...

— Что? — Толстяк встрепенулся. — Кажется, вы говорите о Германии? Вы ее знаете?

— Еще бы! Я же немец до корней волос!

— А я душой и телом!

— Это правда? — Фрэнк едва не открыл рот от удивления и придержал коня. — Ну, теперь я и сам вижу, что правда. С вашими формами янки не встретишь, Я по-королевски рад встретить земляка. Эй, сюда вашу руку! Добро пожаловать!

И они так ударили по рукам, что у обоих заныли ладони. Фрэнк уже забыл, что ехал верхом, но Толстяк предупредил:

— Пришпорьте вашего коня. Нам, несмотря ни на что, нельзя здесь задерживаться. Сколько вы уже в Штатах?

— Целых двадцать лет.

— Так вы, пожалуй, и немецкий уже забыли?

До сих пор оба говорили по-английски. Фрэнк выпрямился в седле, как струна, и обиженно ответил по-немецки:

— Я? Забыл мой язык? Тут вы дали маху — как раз наоборот! А знаете вы хоть приблизительно, где стояла моя колыбель?

— Нет. Я же не был вашим соседом.

— Как будто! Разве произношение не показывает вам, что я из той земли, где говорят на чистейшем немецком?²⁸

— Вот как?! И откуда же?

— Конечно же, из Саксонии. Ясно? Со сколькими немцами я ни любезничал, ни разу не понял ни одного из них так, как того, кто родился именно в Саксонии! Саксония — сердце Германии. Дрезден и Лейпциг — классические города! Эльба — классическая река! А Саксонская Швейцария, а Зонненштейн! Это же все классика! Только между Пирной и Мейссеном можно услышать прекраснейший и чистейший немецкий язык. Именно между ними я и появился на свет. А позже там же началась моя карьера. Ведь я был помощником лесничего в Морицбурге — весьма знаменитом королевском охотничьем замке с не менее знаменитой картинной галереей и большим прудом с карпами. Итак, я был определен служащим с месячным жалованьем в двадцать талеров. Мой лучший друг был тамошним учителем, с которым я все вечера напролет играл в

«шестьдесят шесть»²⁹, а потом говорил об искусстве и науке. Благодаря ему я овладел совершенно особыми знаниями, а также в первый раз узнал, где находится Америка. В немецком языке мы также хорошо поупражнялись, а потому я точно знаю, что именно в Саксонии без хлопот говорят самым прекрасным синтаксисом. Или вы сомневаетесь в этом? Ого, как скептически вы на меня смотрите!

— Не хочу с этим спорить, хотя некогда и был гимназистом.

— Как? Это правда? Вы обучались в гимназии?

— Да, я тоже деклинировал³⁰ словечки типа «теша».

Малыш лукаво покосился на Толстяка и переспросил:

— Деклинировал? Пожалуй, тут вы оговорились.

— Да нет.

— Ну, тогда в вашей гимназии вы ушли не очень далеко. Не «деклинировать», а «декламировать» и не «mensa», а «pensa». Вы декламировали вашу «пензу»³¹: быть может, «Проклятие певца» Хуфеланда или «Вольного стрелка» госпожи Марии Лейневебер³²12. Но никаких обид! Каждый может знать лишь то, что может, и не больше! Когда я вижу перед собой немца, то безумно рад ему, будь он и не особо толковый или даже не саксонец. Ну, так как? Будем добрыми друзьями?

— Само собой разумеется! — Толстяк расплылся в улыбке. — Я всегда слышал, что саксонцы — парни добродушные.

— Да, мы такие! Тут уж ничего не попишешь. Врожденная интеллигентность!

— А почему вы покинули нашу прекрасную родину?

— Именно из-за науки и искусства!

— Как это так?

— Это произошло совершенно неожиданно и следующим образом: вечером, сидя в ресторации³³, мы говорили о политике и мировой истории. Нас за столом было трое: я, дворник и ночной сторож. Учитель сидел за другим столом, со знатью. Я всегда был общительным человеком и сам подсел к дворнику и сторожу, а они были этому бесконечно рады. В беседе о мировой истории мы добрались наконец до старого папы Врангеля и вспомнили, что он так привык к глаголу «mehrschtenteels»³⁴, что употреблял его при каждом удобном случае. Услышав это, оба мужика принялись спорить со мной об орфографической контрпункции и произношении этого слова! И каждый на этот счет имел свое мнение! Я сказал, как оно и должно произноситься на самом деле — «mehrschtenteels», но дворник возразил — «mehrschtenteils», а ночной

сторож сказал даже «meistenteels». Постепенно я вошел в раж, и, наконец, мне стало так жарко, что я уже готов был любезнейшим образом подтвердить свою правоту руками и ногами, но как образованный служащий и гражданин, я смог сделать над собой решительное усилие и обратился к моему другу, учителю. Естественно, я был прав, но либо он оказался не в духе, либо его в тот момент охватил порыв озорства, короче говоря, он не подтвердил моей правоты и сказал, что мы не правы все трое. Он утверждал, что в слове «mehrschtenteels» должны быть два «ei». Но поскольку я совершенно точно знаю, что в немецком только одноединственное слово с двумя «ei», а именно — Reisbrei³⁵, мне стало досадно. Хотя я и не хотел никому другому портить его диалект, но и с моим нужно было считаться, тем более, что именно он — самый правильный! Но ночной сторож никак не хотел понять этого; он сказал, что я тоже говорю неправильно, а посему я сделал то, что должен был сделать каждый честный человек, — я бросил ему в физию мое оскорбленное самолюбие вместе с пивной кружкой. Тут, конечно, последовали сцены без декораций, а увенчалось все тем, что меня за нарушение общественного порядка и за повреждение части тела привлекли к ответственности в качестве обвиняемого. Меня оштрафовали и отстранили от должности. Это я бы еще стерпел, но то, что из-за моей принципиальности мне вообще отказали в приеме на работу, я не смог пережить — для меня это было уж слишком! Понеся наказание, я потом просто собрался и ушел. А поскольку все, за что хоть раз берусь, я делаю всегда как следует — соответственно, я и уехал в Америку. Стало быть, только старый Врангель и виноват, собственно, в том, что вы меня сегодня здесь встретили.

— Я ему очень признателен за это, потому что вы мне нравитесь, — заверил его Толстяк, приятельски кивая малышу и едва сдерживая смех.

— Да? Это правда? Признаюсь, только что и я ощутил некоторую неосознанную симпатию к вам, а это, разумеется, хорошая основа для дальнейших отношений. Во-первых, вы парень довольно оригинальный; во-вторых, я тоже не без того; в-третьих, мы вполне можем стать хорошими друзьями. Мы уже помогли друг другу, а стало быть, связи установлены, и осталось только сделать так, чтобы связывающие нас узы крепили и дальше. Надеюсь, вы благосклонно заметите, что я всегда употребляю изысканные выражения, и из этого сможете заключить, что я не окажусь недостойным ваших дружеских чувств. Саксонец всегда щедр, и если меня сегодня захотел бы скальпировать индеец, я учтиво ответил бы ему: «Пожалуйста, потрудитесь любезнейший! Вот мои кудри!»

Тут Джемми не выдержал и рассмеялся:

— Если бы индейцу тоже вдруг взбрело в голову проявить учтивость, то ему пришлось бы оставить ваш скальп при вас! Но поговорим лучше о другом. Ваш спутник и вправду сын знаменитого Охотника на медведей Баумана?

— Да. Бауман мой компаньон, а его сын Мартин называет меня дядей, хоть я единственное дитя моих родителей и никогда не был женат. Мы встретились внизу, в Сент-Луисе, в те времена, когда золотая лихорадка загнала диггеров³⁶ в Черные Горы. Мы оба сколотили приличный капиталец и решили здесь, наверху, основать стоур. Это было куда выгоднее, чем копать землю в поисках золота. Дело сразу пошло в гору. Я взял на себя лавку, а Бауман ходил на охоту, добывая провиант. Но позже оказалось, что золота тут больше нет. Диггеры покинули место, а мы остались здесь одни с нашими запасами, которые не успели продать. Постепенно мы сбывали их охотникам, случайно забредавшим сюда. Последнюю сделку мы совершили две недели назад. Тогда нас посетила маленькая компания, которая хотела нанять моего друга проводить их наверх, к Йеллоустоуну. Ведь именно там нашли полудрагоценные камни, а эти люди оказались гранильщиками. Бауман с готовностью согласился, договорился о достойном гонораре, продал им значительное количество боеприпасов и других полезных вещей, а потом ушел вместе с ними. Теперь в блокгаузе я один с его сыном и старым негром, которого мы притащили с собой из Сент-Луиса.

Во время этого скупого сообщения Фрэнк едва заметно пользовался родным диалектом, не в пример его предыдущей речи, что, разумеется, не ускользнуло от привыкшего фиксировать все, каждую мелочь, Толстяка Джемми. Он внимательно оглядел малыша со стороны и спросил:

— Разве Бауман хорошо знает Йеллоустоун-ривер?

— Он раньше неоднократно поднимался к этой реке.

— Но это очень опасно!

— Сейчас, пожалуй, не очень.

— Вы так думаете? Действительно, с тех пор, как чудом открыли этот район, конгресс Соединенных Штатов послал туда не одну экспедицию, чтобы обмерить местность. Область объявили Национальным парком, но индейцам нет до этого никакого дела. Сейчас там и сям охотятся индейцы племени Змей³⁷.

— Они, кажется, зарыли топор войны.

— А я слышал, что они снова его откопали. Ваш друг, безусловно, в опасности, а шедший сегодня к вам гонец лишь подтвердит это. Я бы на

вашем месте встревожился.

— Но этот индеец — сиу.

— Он медлит с посланием — это дурной знак. Радостную новость не нужно скрывать. К тому же он сказал мне, что он из Йеллоустоуна.

— Тогда я сейчас же нагоню его.

Фрэнк пришпорил мерина и погнался за Вокаде. Как только тот заметил, что его догоняют, он тут же всадил пятки в бока коня и погнал его вперед.

Между тем сын Охотника на медведей держался Длинного Дэви. Последний, естественно, тоже не преминул узнать хотя бы что-то о судьбе отца Мартина, но сведения были далеко не такими полными, как ему хотелось. Парень оказался очень неразговорчив.

Наконец ручей завернул за высокий холм, на котором путники заметили блокгауз, напоминавший маленький форт, надежно защищенный от нападения индейцев.

Холм с трех сторон обрывался весьма круто, любая попытка взобраться на склон в тех местах была обречена на провал. Другая сторона оказалась защищена двухрядной оградой. Внизу раскинулось кукурузное поле и небольшой, засаженный табаком участок земли, вблизи которого паслись две лошади. Мартин указал на них и пояснил:

— Вон оттуда у нас увели коней, когда мы отсутствовали. Но где же Боб, наш негр?

Он сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул. Тут же среди высоких кукурузных початков показалась черная голова; широко растянутые губы обнажили два ряда зубов, которыми мог бы гордиться и ягуар, а потом выплыла достойная Геркулеса фигура негра. Держа в руках увесистую палку, он с улыбкой произнес на ломаном английском:

— Боб спрятаться и наострить уши. Если мошенники возвращаться и хотеть украсть еще два другие кони, тогда Боб разбить им головы эта дубина.

Он шутя махнул палкой, словно это был ивовый прут. Индеец не обратил на него никакого внимания. Он проскакал мимо, направив коня с доступной стороны холма наверх, прямо к изгороди. Вскочив на спину своего жеребца, Вокаде, как птица, перемахнул через ограду и исчез за ней.

— Ваш редмен³⁸ быть грубый парень! — рассердился негр. — Скакать мимо массер Боб и не сказать «Добрый день!». Прыгать через ограда и совсем не ждать, пока масса Мартин позволять ему входить! Массер Боб научить его вежливость!

Добродушный черный, очевидно, титуловал сам себя «массером

Бобом»— то есть в его понимании мастером, или господином, Бобом. Он был свободолюбивым негром и чувствовал себя очень оскорбленным тем, что индеец не удосужился его поприветствовать.

— Ты не обидишь его, — предостерег Боба Мартин. — Он наш друг.

— Тогда быть другое дело. Если редмен друг массы, то он быть и друг массер Боб. Масса вернуть коней? Он убить воров?

— Нет. Они сбежали. Открывай!

Боб громадными шагами двинулся вперед и легко раздвинул тяжелые створки ворот, словно они были из бумаги. Всадники въехали во двор, и ворота тотчас закрылись за их спинами.

Глава третья. В ХИЖИНЕ ОХОТНИКА НА МЕДВЕДЕЙ

В центре двора стоял четырехугольный блокгауз, хотя и не блокгауз в привычном понимании этого слова, ибо основу постройки не составляли плотно пригнанные древесные стволы. Материалом для нее послужили камни, глина и бруски. Гонты³⁹, покрывавшие крышу, наверняка доставили сюда издалека.

Двери оказались распахнутыми настежь. Когда люди вошли, они увидели сидевшего посреди единственной комнаты индейца. Парня, казалось, вовсе не заботило, где сейчас находился его жеребец, которого тем временем завели в загон вместе с остальными животными.

Теперь Мартин и Хромой Фрэнк могли гостеприимно приветствовать обоих гостей сердечным рукопожатием на собственной территории. А последние уже успели окинуть помещение испытующим взглядом. В задней его части, очевидно, устроили склад товаров, количество которых было почти на исходе. Несколько прибитых к столбам крышек от ящиков заменяли стол. Из того же материала были сработаны и стулья. В углу располагались лежаки, в своем роде замечательные, обитателям хижины оставалось только позавидовать: вместо одеял их постели были накрыты немалым количеством лежавших друг на друге превосходных шкур серых медведей — самых опасных хищников Америки. Если взрослый гризли встанет на задние лапы, он окажется фута⁴⁰ на два выше любого, даже очень высокого, человека. Убить такого медведя для индейцев значит больше, чем совершить просто геройский поступок; да и белые, вооруженные гораздо лучше, всегда уступят дорогу этому страшному хищнику, потому что этот злой зверь набрасывается на любую живность без всякой причины.

На стенах висело различное оружие, боевые и охотничьи трофеи, а вблизи камина к деревянным колышкам были привязаны большие куски копченого мяса.

Полдень уже миновал, и, поскольку в это маленькое помещение, где отсутствовали окна, если не считать отверстий в той стене, вдоль которой был устроен склад, мог проникнуть лишь скудный сумеречный свет, в хижине было достаточно темно.

— Массер Боб разжечь огонь, — произнес негр, не согласный с таким

поворотом дела.

Он быстро приволок целую кучу сухих веток и благодаря панку⁴¹ — «огниву прерий» — без хлопот развел в очаге огонь. Трутом для этого «огнива» обычно служит сухая, легко тлеющая труха, добываемая из сердцевин загнивших деревьев.

Гигантская фигура занятого своим делом негра ярко освещалась пламенем. Он носил широкий костюм из простейшего коленкора⁴² и не имел никакого головного убора. На то были свои причины — добрый Боб был немного тщеславен и, давно живя среди белых, не желал слыть коренным африканцем. К огорчению негра, его голову венчала густая поросль коротких кудрей, а поскольку эта прическа, не говоря уже о цвете кожи, бесспорно выдавала его происхождение, он крепко потрудился над тем, чтобы иметь ухоженные волосы. Он натер всю голову оленьим жиром и сумел заплести весь свой неукротимый волосатый хаос в бесчисленные тонкие косички, ежовыми иглами торчавшие теперь во все стороны. В отблесках огня его прическа приобретала еще более причудливый вид.

До сих пор присутствующие перекинулись лишь несколькими фразами. И вот Хромой Фрэнк обратился к индейцу на английском:

— Мой краснокожий брат у нас дома. Мы рады ему, и пусть он сообщит нам, что за весть он принес.

Краснокожий озабоченно огляделся по сторонам и ответил:

— Как может Вокаде говорить, когда он еще не вдохнул дыма мира?

Сын Охотника на медведей Мартин тотчас снял со стены калюме⁴³ и набил ее табаком. Когда остальные расселись вблизи индейца, Мартин зажег трубку, сделал шесть затяжек, выдохнул дым вверх, вниз и в четырех направлениях, соответствующих частям света⁴⁴, и произнес:

— Вокаде наш друг, а мы его братья. Пусть он выкурит с нами трубку мира, а потом обо всем расскажет.

После этого он передал трубку индейцу. Тот принял ее как священный дар, поднялся, сделал также шесть затяжек и ответил:

— Вокаде еще ни разу не встречался с бледнолицыми и черным. Он был послан к ним, но случилось так, что они спасли его из плена. Отныне их враги — его враги, а его друзья пусть станут их друзьями. Хуг!

У индейцев восклицание «хуг!» имеет примерно то же значение, что у нас «да», «конечно», «непременно». Однако употребляется оно для заверения или выражения одобрения, чаще в паузах или по окончании речи.

Вокаде передал трубку дальше. Пока она делала круг, он снова сел и стал ждать, пока последний, Боб, не завершил ритуал закрепления дружбы.

Он держался как старый, опытный вождь, да и Мартин недвусмысленно дал понять, что в отсутствие отца является настоящим хозяином дома, несмотря на свою юность.

— Знают ли мои белые братья великого бледнолицего, которого сиу называют Нон-пай-клама — Разящая Рука?

— Ты имеешь в виду Олд Шеттерхэнда? — оживился Длинный Дэви. — Видеть — не видел, но, пожалуй, нет на Западе такого человека, который никогда бы о нем не слышал. Что с ним?

— Он любит красных людей, хотя сам бледнолицый. Он самый знаменитый следопыт, и его пули никогда не проходят мимо цели, а своим кулаком он может сокрушить сильнейшего из сильных. Потому его и зовут Олд Шеттерхэнд! Он бережет кровь и жизнь своих врагов, он лишь ранит их, чтобы делать неспособными к сопротивлению, и, только когда его жизни грозит серьезная опасность, он может убить противника. Много зим назад он охотился там, наверху, у Йеллоустоуна, и был первым бледнолицым, ступившим в тот край. Но на него напали сиу-огаллала⁴⁵, и он сражался с ними, один против многих! Тогда ему удалось закрепиться на высокой скале, где пули сиу не могли его достать, а он не стрелял в них, поскольку считал, что все люди братья. Два дня и две ночи сидели сиу вокруг скалы, а потом он появился перед ними и предложил бороться с тремя из них — они с томагавками и ножами, а он без оружия. Он сражался с ними и убил их своим тяжелым кулаком, одного за другим, хотя среди них находились Оиткапетай — Храбрый Бизон — никем до тех пор не побежденный вождь и Ши-ча-па-та — Злой Огонь — самый сильный воин племени. От скорбного воя дрожали горы, а от плача сотрясались палатки огаллала. Плач по убитым не стих до сих пор — каждый год в день смерти трех воинов он силен особенно. Сейчас шако — седьмой год, и храбрейшие воины племени отправились в путь к Йеллоустоуну, чтобы у могил погибших исполнить песни смерти. Любого белого, встретившегося им по пути, ждет смерть: его привяжут у могил к столбам пыток и заставят медленно умирать среди мук, чтобы потом его душа служила духам мертвых воинов.

Вокаде сделал паузу. Мартин вскочил и крикнул:

— Боб, немедленно седлай лошадей! Фрэнк, ты должен быстро упаковать боеприпасы и провиант, а я пока смажу ружья и заточу ножи!

— Зачем? — вырвалось у пораженного маленького саксонца.

— Ты не понял, что сказал Вокаде? Моего отца взяли в плен сиу-огаллала, и его должны убить у столба пыток! Нам нужно его спасти! Самое позднее — через час мы отправляемся к Йеллоустоуну!

— Дьявольщина! — воскликнул Фрэнк, также молниеносно вскочив с места. — Чтоб они сгорели, эти краснокожие!

Негр тоже поднялся, подхватил палку, которую внес с собой в помещение, и заявил:

— Массер Боб идти вместе с вами! Массер Боб перебить все красные собаки огаллала!

Тут, подняв руку, заговорил индеец:

— Разве мои белые братья комары, которые мечутся в злобе, когда их дразнят? Или же они люди, которые знают, что дело лучше всего определяет спокойный совет? Вокаде еще не все сказал.

— Скажи сначала — в опасности мой отец или нет? — поторопил его Мартин.

— Ты это услышишь.

— Я требую, чтобы ты сказал сейчас же! — вскипел юноша.

Но тут же раздался предостерегающий возглас Толстяка Джемми:

— Успокойтесь, мой юный друг! Поспешность никогда не доводит до добра. Сначала пусть Вокаде расскажет, а потом у нас будет возможность посоветоваться, и мы станем действовать.

— Действовать? Вы тоже с нами?

— Само собой разумеется. Мы выкурили калюме и, стало быть, теперь друзья и братья. Длинный Дэви и Толстяк Джемми еще никого не бросали на произвол судьбы, а тем более тех, кто нуждался в их помощи. Мы оба ехали в Монтану, чтобы поохотиться там на бизонов, но если мы ненадолго заглянем в Йеллоустоун, чтобы станцевать вальс с сиу-огаллала, от нас не убудет. Но все следует привести в надлежащий вид, иначе нам, двум старым охотникам, такое будет не по нраву. Итак, сядьте и не горячитесь, как подобает в подобных случаях. Наш краснокожий друг прав — мы ведь люди! Понятно?

— Это верно! — согласился саксонец. — Суетиться никогда не стоит. Надо все обдумать.

После того, как все трое снова уселись на место, юный индеец продолжил:

— Вокаде вскормлен сиу-понка⁴⁶, друзьями бледнолицых. Позже ему пришлось стать огаллала, но он лишь ждал возможности, чтобы покинуть их. Теперь он должен был идти с их воинами к Йеллоустоуну. Он присутствовал при том, когда они напали ночью на спящего Грозу Медведей и его спутников. Огаллала во время поездки к Йеллоустоуну предстоит быть очень осторожными, ибо там, в горах, живут шошоны⁴⁷, их

враги. Вокаде выслали как разведчика, чтобы он высмотрел вигвамы шошонов, но он не сделал этого, а быстро поскакал на восток, к хижине Грозы Медведей, чтобы сообщить его сыну и его другу о том, что охотник взят в плен.

— Ты молодчина! Я тебе этого никогда не забуду! — не смог сдержать своих чувств Мартин. — Но мой отец знает об этом?

— Вокаде ему сказал об этом и выслушал описание пути. Он разговаривал с грозой Медведей тайно, и ни один сиу не смог этого заметить.

— Они могут обо всем догадаться, если ты не вернешься к ним!

— Нет, они подумают, что Вокаде убили шошоны.

— Передал ли мой отец через тебя нам какие-либо указания?

— Нет, Вокаде должен сказать вам, что Гроза Медведей и его спутники в плену. Теперь мой белый брат сам знает, что нужно делать.

— Конечно, знаю! Я еду, и сейчас же, чтобы освободить их!

Мартин хотел вскочить снова, но Джемми крепко схватил его за руку и придержал:

— Стоп, мой мальчик! Разве вы хотите лететь сломя голову, чтобы еще сегодня вечером попасть в лапы к индейцам и поджариваться на медленном огне? Подождите еще немного, молодой человек! Толстяк Джемми охотно поможет вам, но он не имеет ни малейшего желания протаранить лбом стену вашего дома. Мы ведь еще не все узнали. Пусть Вокаде скажет нам, где именно произошло нападение на вашего отца.

Индеец тут же ответил:

— У воды, которую бледнолицые называют рекой Палвер, четыре рукава. У западного и произошло нападение.

— Стало быть, все случилось на той стороне кэмп-Мак-Кинни, что южнее ранчо Мэрфи. Эта местность не очень хорошо мне знакома. И все же, как мог такой знаменитый охотник быть столь неосторожен, что позволил взять себя в плен?

— Охотник спал, а человек, стоявший на посту, не был вестменом.

— Только так и можно все объяснить. В каком направлении огаллала собирались двигаться потом?

— К горам, которые зовутся белыми Большой Рог.

— Значит, к Биг-Хорн. А дальше?

— Они пройдут мимо Головы Злого Духа...

— А, мимо Девилс-Хэд — Чертовой Головы! — кивнул Толстяк.

— ...к воде, что берет там начало и впадает в реку Большого Рога. Огаллала знали, что там обитают враждебные шошоны, и потому Вокаде

был послан, чтобы выследить их. Поэтому ему сейчас неизвестно, куда огаллала двинулись дальше.

— Это и не нужно. У нас есть глаза, и мы найдем их следы. Когда произошло нападение?

— Прошло четыре дня.

— Да уж! — покачал головой Джемми. — А когда они поминают убитых воинов?

— В ночь Полной Луны. Именно в такую ночь были убиты три воина. Джемми мысленно сосчитал, а потом произнес:

— Если так, то у нас достаточно времени, чтобы догнать краснокожих. Еще целых двенадцать дней до полнолуния. Как сильны огаллала?

— Когда Вокаде покинул их, огаллала было пять раз по десять и еще шесть.

— Стало быть, пятьдесят шесть воинов. Сколько пленников?

— С Грозой Медведей — шесть.

— Тогда, во всяком случае, на первых порах мы знаем о них достаточно. Нам не нужно долго совещаться. Мартин Бауман, что собираетесь делать вы?

Молодой человек поднялся, вытянул вверх правую руку, как это делают, когда хотят произнести клятву, и ответил:

— Я даю обет спасти моего отца или отомстить за его смерть, даже если мне одному придется преследовать сиу и бороться с ними! Я скорее умру, но не нарушу свою клятву!

— Нет, один ты не поедешь, — вмешался Хромой Фрэнк. — Я, естественно, поеду с тобой и ни в коем случае не покину тебя.

— И массажер Боб тоже ехать с вами, — объявил негр, — чтобы освободить старый масса Бауман и биться насмерть с сиу-огаллала. Пусть они все сгинуть в ад!

При этом он скорчил такую гримасу и так громко заскрежетал зубами, что стал похож на разъяренного медведя.

— Я тоже еду с вами, — снова заметил Толстяк Джемми. — С великой радостью вырву из лап краснокожих их пленников. А ты, Дэви?

— Что за дурацкий вопрос! — раздался невозмутимый голос Длинного. — Думаешь, я останусь здесь и буду чинить свои башмаки или молоть кофе, пока вы будете разыгрывать великолепную комедию? А я-то думал, что ты достаточно знаешь своего старого компаньона.

— Ладно тебе, старый енот. Наконец-то подвернулось настоящее дельце. Стрельба по зверью тоже может наскучить. А Вокале, что будет делать наш краснокожий брат?

— Вокаде — мандан, на худой конец питомец сиу-понка, но никак не огаллала! Если белые братья дадут ему ружье с порохом и свинцом, он будет их сопровождать и либо умрет вместе с ними, либо одолеет врагов! — дал ответ краснокожий юноша.

— Молодец! — похвалил маленький саксонец. — У тебя будет ружье и все остальное, даже свежая лошадь, поскольку у нас их четыре, а стало быть, больше, чем надо. Твой жеребец устал, пусть он бежит рядом, пока не отдохнет. Когда отправляемся в путь, друзья?

— Прямо сейчас! — за всех ответил горячий Мартин.

— Конечно, мы не можем терять времени, — согласился Толстяк. — Но чрезмерная поспешность нам тоже ни к чему. Мы поедем по безводным и бедным дичью местам и должны позаботиться о провианте. Боеприпасов прихватим как можно больше, само собой разумеется. Вообще подобные экспедиции надо готовить так, чтобы ничего не упустить и не забыть. Нас всего шестеро против пятидесяти шести огаллала, а это кое-что значит! К тому же мы не знаем, не задумали ли еще чего-нибудь те девять конокрадов, которых мы сегодня поучили уму-разуму. Безусловно, мы должны сначала убедиться, покинули они местность или нет. А как обстоят дела с этим домом? Вы собираетесь оставить его без защиты?

— Да, — немного растерянно ответил Мартин.

— Тогда легко может случиться, что по возвращении вы обнаружите его сожженным или, по меньшей мере, ограбленным.

— О последнем мы позаботимся.

Юноша достал кирку и быстро очертил ей на глиняном полу четырехугольник, после чего легко срыл глину. Оказалось, что там под хорошо утрамбованной глиной был скрыт деревянный подвальный люк, ведущий в достаточно просторное углубление, где можно было спрятать все, что они не брали с собой. Если потом снова хорошенько утоптать глину над запертым люком, ни один непосвященный не догадается о существовании этого укрытия. Даже если бы постройка сгорела, глиняный пол защитил бы вещи от порчи и гибели.

И все занялись тем, что содержимое хижины, которым они не могли воспользоваться в поездке, стали складывать в погреб. Так же они поступили и с медвежьими шкурами, среди которых одна сразу привлекала всеобщее внимание своими размерами и краг сотой. Едва Мартин заметил, что Джемми с нескрываемым восхищением впился в нее взглядом, он быстро выхватил шкуру из рук Толстяка и швырнул ее в отверстие.

— Уберите ее! — произнес он. — Я не могу видеть этот мех! Он заставляет меня вспоминать самые ужасные часы моей жизни.

— Это звучит так, будто вы прожили уже целый век на этом свете или на вашу долю выпали тяжкие испытания, мой мальчик.

— Возможно, я и вправду пережил нечто такое, что и не с каждым траппером случится.

— Ого! А не задаетесь ли вы, мой мальчик?

Мартин бросил на Толстяка почти гневный взгляд.

— Полагаете, что с сыном Охотника на медведей не могло произойти ничего подобного?

— Спорить, конечно, не стану...

— Так скажу вам, что, будучи четырехлетним мальчишкой, я боролся с типом, носившим ту самую шубу, которой вы только что так сильно удивились.

— Четырехлетнее дитя с таким гризли? Я знаю, что дети Запада сделаны из другого теста, нежели те сынки, что в городах подкладывают грелки в ножки своих папаш. Встречал я тут как-то мальчишку, который в Нью-Йорке по возрасту был бы первоклашкой, но ружье знал как свои пять пальцев. Но, хм, гризли! Что же все-таки тогда произошло с медведем?

— Это случилось внизу, в горах Колорадо. Тогда у меня еще была мать и сестренка трех лет — на год младше меня, стало быть. Отец ушел, чтобы позаботиться о мясе, мать была во дворе и колола дрова для очага, ведь дело было зимой, а в горах в это время очень холодно. Я находился в комнате с маленькой Людди — мы были совсем одни. Она сидела между столом и дверью прямо на полу и играла с куклой, которую я выстругал из полена, я же стоял на столе, пытаюсь большим деревянным ножом вырезать буквы «М» и «Л» на толстой балке, которая под нашей, как сейчас помню, остроконечной крышей вела от одной бревенчатой стены к другой. Это были начальные буквы имен: моего и Людди. Я по-мальчишески хотел увековечить их. Увлеченный этой кропотливой работой, я едва обратил внимание на громкий крик матери, раздавшийся снаружи. Он больше не повторялся, и я беззаботно продолжал потеть над своим делом. Потом я услышал, как дверь с шумом распахнулась, едва засов с нее не слетел. Я был уверен, что это мать так шумно вошла, потому что в руках несла дрова. И даже не обернулся, а только сказал: «Мам, это для Людди и меня. Потом очередь твоя и папы». Вместо ответа я услышал грозное рычание и обернулся. Должен заметить, господа, что время было не дневное, но снаружи лежал снег, а в очаге горел огонь, пламя которого освещало комнату. То, что я увидел в этом свете, было, конечно, ужасно. Прямо перед бедной Людди, от страха потерявшей дар речи, стоял гигантский серый медведь. С его короткой шерсти лохмами свисали ледышки, а из

полураскрытой пасти шел пар. Онемевшая сестренка, словно моля о пощаде, вытянула вперед куклу, будто хотела сказать: «Возьми мою куклу, а меня не трогай, злой медведь!» Но гризли не знает сострадания. Ударом лапы он повалил Людди и затем раздавил ей головку своими стальными челюстями.

Мартин прервался... Никто не нарушил зловещей тишины, пока он сам не продолжил:

— Я тоже не мог пошевелиться от страха. Хотел позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Судорожно сжимая в руке длинный деревянный нож, я хотел спрыгнуть со стола, чтобы бороться с медведем за жизнь сестры, но, увы, от страха буквально окаменел. Зверь двинулся на меня и поставил свои передние лапы на стол. Но слава Богу! В этот момент я смог снова двигать своими конечностями. Ужасное, смрадное дыхание медведя уже обожгло мне лицо, но у меня хватило сил, зажав нож зубами, ухватиться руками за балку и подтянуться наверх. Гризли тотчас рванулся следом, но опрокинул стол. В этом было мое спасение! Я закричал, но напрасно — мать не появилась, хотя мой голос должен был быть ей слышен: дверь оставалась по-прежнему открытой, и холодный воздух вихрем носился по помещению. Гризли вытянулся во весь свой рост, чтобы сбросить меня с балки. Вы видели его шкуру, а значит, должны мне поверить, если я скажу вам, что он совершенно спокойно мог бы достать меня передними лапами. Но у меня в руке был нож, и я крепко держался на балке, обхватив ее левой рукой, а правой стал колоть его ножом в растопыренные лапищи. Разве можно описать мои вопли и мой страх! Как долго я защищался — не знаю; в такой переделке и четверть часа кажутся вечностью. Наконец силы оставили меня, но обе передние лапы медведя были сильно исколоты и искромсаны, и тут я сквозь собственный крик услышал лай нашей собаки, которую отец взял с собой на охоту. Снаружи, перед хижиной, пес поднял такой яростный лай, который я никогда не назвал бы собачьим; тут же он ворвался внутрь и сразу же бросился на гигантского хищника. Любой из вас наблюдал, пожалуй, хоть раз, как охотничьи собаки набрасываются на медведя, а тот их шутя раскидывает. И вот один-единственный пес против огромного гризли, а рядом — никого, даже его хозяина, вооруженного ружьем и ножом! Такое надо видеть и слышать! Вы знаете, что одичавшие собаки в Штатах стали поистине бедствием. Они вырезают целые стада овец. В одном только Огайо кто-то подсчитал, что ежегодно от зубов этих прожорливых брошенных зверей гибнут около шестидесяти тысяч голов, а по всем Соединенным Штатам — полмиллиона. Эти псы отличаются необычайной дерзостью и при случае

могут одолеть и медведя. Такая собака жила и у нас после того, как мы ее приручили. Внешне это была обыкновенная безобразная дворняга, но страшно сильная и верная. Когда наша собака бросилась на медведя, она не взвыла, а жутко зарычала, прямо как хищник. Она вцепилась медведю в горло, готовая разорвать его, но медведь в минуту растерзал бедную своими мощными лапами. Собака была буквально разорвана на куски, а разъяренный гризли опять повернулся ко мне.

— А ваш отец? — перебил его Дэви, который, как и другие, слушал этот рассказ, затаив дыхание. — Где собака — там неподалеку должен быть и человек.

— Разумеется. В тот момент, когда гризли снова поднялся под балкой, чтобы наконец схватить меня, и оказался спиной к двери, появился отец, бледный, как сама смерть. «Отец, помоги!» — выкрикнул я, пытаюсь в очередной раз ударить медведя своим детским оружием. Отец не ответил — у него тоже дыхание сперло. Он вскинул заряженное ружье! Но тут же опустил его. Ствол дрожал в его руках. И тогда он отбросил ружье, выхватил нож — «боуи» и сзади прыгнул на гризли. Схватив хищника левой рукой за смерзшую шерсть, он сделал небольшой шаг в сторону и воткнул длинный клинок⁴⁸ по самую рукоять между известными двумя ребрами. И тотчас отскочил назад, чтобы не попасть под руку смертельно раненному зверю. Чудовище застыло и издало неопишуемый рев или стон, судорожно забив в воздухе передними лапами, а потом вдруг рухнуло замертво. Как позже оказалось, клинок пронзил его сердце.

— Слава Богу! — перевел дух Толстяк. — Воистину помощь в последний миг. А ваша мать, мой юный сэр?

— Она... О, я больше никогда ее не видел.

Парень отвернулся, словно стыдясь чего-то, и быстрым движением руки смахнул с глаз слезинки.

— Не видели? Почему?

— Когда отец снимал меня с балки, он весь дрожал; я тоже трясся, как в лихорадке. Он спросил меня, где Людди, и я, громко разрыдавшись, рассказал ему, что произошло. Я ни разу ни до этого, ни после не видел у него такого лица, каким оно было тогда — серым, как камень. Он издал лишь один-единственный крик, но что это был за вопль! А потом замолчал, сел на скамью и обхватил голову руками. На мои слова он не отвечал, а когда я спросил его о матери, он лишь покачал головой, но когда я потом хотел было выйти, чтобы поискать ее, он так крепко схватил меня за руку, что я едва не вскрикнул от боли. «Стой! — приказал он мне. — Это не для тебя!» Потом он снова сел и сидел неподвижно, пока не погас огонь. Затем

он запер меня и начал что-то делать за хижинкой. Я пытался протиснуться между блоками, из которых был сложен дом, и, в конце концов, это удалось мне. Когда я выглянул, то увидел, что отец вырыл глубокую могилу — медведь, перед тем, как войти в дом, напал на маму и разорвал ее. Я так и не услышал, как отец молился за упокой ее души, и потому что он застал меня тогда у стены и позаботился о том, чтобы мне не удалось больше ничего увидеть.

— Ужасно! — Джемми отвернулся, тоже едва не прослезившись.

— Да, это в самом деле было ужасно! Отец долгое время болел, и ближайший наш сосед прислал человека, чтобы помочь нам и позаботиться обо мне. Потом, когда отец снова поправился, мы покинули то место и... стали охотниками на медведей! Стоит отцу узнать, что где-то поблизости появился медведь, он не найдет себе места, пока не застрелит его или не воткнет ему в сердце клинок. А я, теперь и я могу сказать, что сделал свое дело — я отомстил за мою маленькую Людди! Поначалу, когда я держал какого-нибудь медведя на мушке, у меня, конечно, екало сердце, но мой талисман бережет меня, так что перед гризли я чувствую себя не менее спокойно, чем перед енотом.

— Талисман? — уточнил Дэви. — Ба, вот те раз! Молодой человек, не верьте этой чепухе! Это же грех, вы нарушаете первую Божью заповедь!

— Нет, мой талисман вовсе не то, что вы думаете. Взгляните на него! Он висит там, под Библией.

Парень указал на стену, где на полочке лежала большая старинная Библия. Под полкой на деревянном гвоздике висел кусочек деревяшки в палец толщиной. Было ясно видно, что это нечто похожее на голову.

— Хм! — пробормотал Дэви, который, как и все янки, был несколько твердолюб. — Не хотел бы я все же, чтобы эта вещь была идолом.

— Нет, я не язычник, а добрый христианин. Вы видите здесь остатки деревянной куклы, которую я тогда вырезал сестре для игры. Я сохранил ее на память о том страшном моменте и вешаю талисман на шею всегда, когда должен сопровождать отца на медвежью охоту. Если мне кажется, что опасность слишком велика, я хватаюсь за куклу — и медведю конец! В этом можете не сомневаться!

Тут Джемми по-дружески опустил ему руку на плечо и заверил:

— Мартин, вы славный малый! Примите меня в свои друзья, и вы не пожалеете. Вы можете смело оказать мне такое же безграничное доверие, как безгранично мое брюхо. Я не подведу!

Глава четвертая. ОЛД ШЕТТЕРХЭНД

К полудню следующего дня шесть всадников оставили позади истоки реки Палвер и теперь направлялись к горам Биг-Хорн.

Местность от Миссури до подножий Скалистых гор еще сегодня считается одной из самых диких частей Соединенных Штатов. В этой бескрайней прерии, которую охотнику приходится преодолевать верхом несколько дней, прежде чем он наткнется на зелень или воду, едва ли встретишь даже чахлое деревце. К западу появляются отлогие возвышенности, превращающиеся позже в холмы, которые — чем дальше на запад — становятся все выше, круче и все сильнее рассечены трещинами и расщелинами. Но, увы, леса и воды не появляются там. Именно поэтому подобные районы индейцы называют «ма-косичеа», а белые — «бедлэнд», что, впрочем, означает одно и то же — «плохая земля»⁴⁹.

Даже такие крупные реки, как, к примеру, Платт, в летнее время маловодны. Лишь дальше на север, где берут начало истоки рек Шайенн, Паудер, Тонг и Биг-Хорн, картина меняется: земля становится лучше, трава сочнее, редкие кустарники постепенно переходят в густые леса, и, наконец, приходит час, когда нога вестмена начинает ступать в тени столетних и даже более древних лесных великанов.

Именно там лежат охотничьи угодья шошонов, или Змей, сиу, шайенов и арапахо⁵⁰. Каждое из этих племен разбито на мелкие группы, преследующие свои собственные интересы, и нет ничего удивительного в беспрестанной смене состояний войны и мира между ними. А если мистеру бледнолицему вдруг покажется, что красный человек слишком затянул перемирие, он приходит и пускает в ход все средства до тех пор, пока индеец в ярости вновь не попытается копать топор войны и не начинает борьбу заново.

При этих обстоятельствах, само собой разумелось, что там, где соприкасаются земли стольких многочисленных и различных племен, безопасность одинокого путника под большим вопросом, если не сказать большего. Шошоны, или Змеи, всегда были заклятыми врагами сиу, а потому местность, раскинувшаяся южнее реки Йеллоустоун, от Дакоты до гор Биг-Хорн, частенько поливается кровью, и не только краснокожих, но и белых.

Толстяк Джемми и Длинный Дэви очень хорошо знали все это и

потому ломали голову над тем, как избежать встречи с индейцами какого бы то ни было племени. Вокаде уверенно скакал впереди, он ведь уже проезжал этот отрезок пути по дороге сюда. Теперь он был вооружен ружьем, а на его поясе висели мешочки со всем необходимым для жителя прерий. Джемми и Дэви не изменили себе: первый, как и прежде, ехал на длинноногой кобыле, а второй трусил на своем маленьком непокорном муле, тщетно пытавшемся каждые пять минут сбросить всадника. Дэви достаточно было поставить на землю одну ногу — по мере необходимости правую или левую, — чтобы иметь прочную опору. Верхом он напоминал туземца с тихоокеанских островов, сидящего в узкой и очень опасной лодке с выносным поплавком, только благодаря которому суденышко и не переворачивалось. В нашем случае поплавок Дэви служили его ноги.

Наряд Фрэнка тоже не претерпел изменений: мокасины, легины, синий фрак и шляпа — «амазонка» с длинным желтым пером. Маленький саксонец отлично держался в седле и, несмотря на свое странное одеяние, оставлял впечатление бывалого вестмена.

Истинное восхищение вызывала посадка Мартина Баумана; верхом он умел ездить, по меньшей мере, не хуже, чем Вокаде. Парень, казалось, слился с жеребцом; он сидел на нем, слегка наклонившись вперед, тем самым сильно облегчая бег животному, а себе позволяя без переутомления выдержать напряжение изнурительной верховой езды по прерии. Он был облачен в кожаный трапперский костюм; его снаряжение и вооружение также было превосходно. Все его помыслы занимала теперь нелегкая задача, которую предстояло решить. От внимательного наблюдателя не ускользнуло бы ни бодрое выражение его лица, ни блеск его светлых глаз, ясно дававших понять, что в прерии молодой человек чувствовал себя, как в родной стихии. Весь его облик говорил о том, что он, наполовину еще мальчик, в случае необходимости повел бы себя как настоящий мужчина. Если бы не тяжелые заботы о пропавшем отце, мрачной тенью нависшие над ним, он, пожалуй, прослыл бы самым веселым членом маленького отряда.

На бедного Боба нельзя было смотреть без смеха. Его посадка в седле была просто неопишима. Он очень намаялся с конем, как, впрочем, и тот с ним, поскольку всадник больше десяти минут был не в силах сохранить одно и то же положение. Как только он в очередной раз пододвигался вперед, плотно прижимаясь к холке животного, тотчас с каждым его шагом начинал скатываться назад ровно на один дюйм⁵¹. Так он скользил и скользил, пока угроза слететь на землю не становилась для него более чем реальной. Тогда он опять продвигался вперед как можно дальше, и

скольжение начиналось заново. При этом он непроизвольно принимал такие позы, которые не мог бы выдумать и цирковой клоун. Вместо седла негр привязал ремнем с пряжкой одеяло, поскольку знал, что удержаться в седле ему вряд ли удастся, и все равно при любом маломальском ускорении лошади Боб оказывался за одеялом. Он к тому же еще и ноги держал растопыренными в разные стороны. Когда в очередной раз ему говорили, чтобы он крепко прижал ими бока животного, негр неизменно отвечал: «Почему Боб должен давить ногами бедный конь? Конь ему ничего плохое не делать! Ноги Боба не какие-нибудь клещи!»

Всадники достигли края не очень глубокой воронки диаметром, быть может, в шесть английских миль. Это углубление, окруженное с трех сторон едва заметными бугорками, с запада ограничивала довольно крупная вершина, поросшая, как казалось издали, кустарником и деревьями. Весьма вероятно, что раньше в этой котловине было озеро. Теперь же его дно состояло сплошь из глубокого песка, из которого островками торчали лишь скудные клочья травы да чахлые и никчемные растения Mugwort, характерные для неплодородных земель Дальнего Запада.

Не раздумывая, Вокаде погнал своего жеребца в песок. Он держал путь прямо к упомянутой вершине.

— Что это за местность? — осведомился Толстяк Джемми. — Не знаю ее.

— Воины шошонов называют ее Пааре-пап, — ответил индеец.

— Кровавое озеро! Увы! Не хватало нам еще шошонов тут встретить!

— Почему? — удивился Мартин Бауман.

— Потому что тогда придется расстаться с жизнью. Здесь, на этом самом месте, охотничий отряд шошонов был вырезан белыми до последнего человека, причем без всякого повода. Хотя с тех пор прошло, пожалуй, лет пять, соплеменники убитых без жалости лишают жизни любого белого, имевшего несчастье попасться к ним руки.

— Вы думаете, сэр, что шошоны где-то поблизости?

— Надеюсь, что это не так. Как я слышал, они сейчас гораздо севернее, у Масселшелл-ривер, в Монтане. Скорее всего их нам нечего опасаться. Но пусть Вокаде скажет нам, ушли ли они на юг, или нет.

Индеец услышал вопрос и ответил:

— Когда Вокаде проезжал здесь семь дней назад, поблизости не было ни одного воина шошонов. Только арапахо разбили лагерь в том месте, где берет начало река, которую бледнолицые называют Тонг-ривер.

— Тогда нам нечего их опасаться. Впрочем, местность здесь открытая

и плоская, и мы за милю заметим любого всадника или пешего, а значит, будем в состоянии своевременно подготовиться к встрече. Вперед!

Прошло, пожалуй, с полчаса, как они поехали в западном направлении, пока Вокаде не остановил своего жеребца.

— Уфф! — вырвалось у него из груди.

— Что стряслось? — Толстяк повернул свою озабоченную физиономию.

— Ши-ши!

Слово это из языка манданов, и означает оно, собственно говоря, «ноги», но также употребляется в значении «следы».

— Следы? — Толстяк напряг все свое зрение. — Человека или зверя?

— Вокаде не знает. Пусть мои братья убедятся сами.

— Good luck!⁵² Индсмен не может отличить след человека от следа скотины! Такого я еще не видел! Должно быть, это что-то необыкновенное. Сейчас взглянем на отпечатки. Эй, люди, спускайтесь-ка и не топчитесь тут без всякого толку, иначе мы не сможем ничего узнать!

— Не нужно волноваться — след здесь не кончается, — произнес озабоченный индеец. — Он очень большой и длинный, он идет издалека, с юга, и уходит далеко на север.

Всадники спешили, чтобы обследовать удивительные отпечатки. Отличить след человека от следа животного сможет даже трехлетний индейский мальчик. То, что Вокаде был не в состоянии определить след, казалось весьма странным. Но и Толстяк, как только окинул своим придирчивым взглядом отпечатки, покачал головой, затем взглянул налево — откуда шел след, потом направо — куда он уходил, еще раз покачал головой и обратился к длинному Дэвиду Кронерсу:

— Ну, старина, видел ли ты что-либо подобное в своей жизни?

Американец задумчиво покачал головой, также осмотрелся по сторонам, взглянул на след еще раз и ответил:

— Нет, никогда.

— А вы, мастер Фрэнк?

Саксонец все глядел и глядел на отпечатки, что-то соображая, а потом изрек:

— Дьявол их разберет, эти следы!

Мартин и негр тоже дали понять, что дело кажется им весьма загадочным. Длинный Дэви поскреб за правым, потом за левым ухом, два раза сплюнул, — это всегда было признаком того, что он в затруднительном положении, после чего выразил свое мнение:

— Здесь прошло какое-то живое существо. Если это не так, пусть меня

заставят за два часа выхлебать до дна старушку Миссисипи вместе со всеми ее притоками!

— Смотри, как ты умен, старик! — маленькие глазки смеющегося Джемми стали круглыми. — Если бы ты не сказал этого, мы бы никогда не узнали, что это за след! Значит, говоришь, тут прошла какая-то тварь? Только вот какая? Сколько у нее ног?

— Четыре, — в голос ответили все, кроме индейца.

— Да, это хорошо видно. Стало быть, это и вправду был зверь. Ну а теперь пусть кто-нибудь скажет мне, какого рода и племени четвероногого мы имеем в этом случае?

— Это не олень, — первым подал голос Фрэнк.

— Боже упаси! Олень никогда не оставит таких гигантских отпечатков.

— Тогда, может, медведь?

— Конечно, в таком рыхлом песке медведь оставит огромные и четкие следы, которые даже слепой сможет определить на ощупь, но все же это следы не медведя. Отпечатки не такие длинные и не стерты сзади, как у зверя, который ходит на двух ногах; они почти круглые, более пяди в диаметре и вытянуты вперед так, будто проставлены штемпелем. Сзади они вдавлены в землю немного сильнее и совершенно гладкие — стало быть, зверь имеет копыта, а не пальцы или когти.

— Конь? — неуверенно предположил Фрэнк.

— Хм! — хмыкнул Джемми. — Вряд ли. Тогда, по меньшей мере, мы обнаружили бы хоть какой-то намек на подковы, или если бы зверь был «босиком», то осталась хотя бы стрелка от копыт. Следу этому самое большее часа два — прошло слишком мало времени, чтобы даже какие-то слабые намеки на его принадлежность могли исчезнуть. А может, все дело в том, что в природе еще встречаются лошади с такими гигантскими копытами? Если бы мы были в Азии или в Африке, а не в этой уютной прерии, я бы, пожалуй, смог утверждать, что здесь протопал дедушка-слон.

— Да, так оно и есть! — улыбнулся Длинный Дэви.

— Что? Так и есть?

— Да, конечно! Ты же сам сказал!

— Значит, ты так ничему и не научился! Ты хоть раз видел слона?

— Даже два.

— Где?

— В Филадельфии, у Барнума⁵³, а теперь здесь — тебя, Толстяк!

— Если хочешь сострить, то прежде научись это делать, понятно! След как две капли воды похож на слоновый, и отпечатки достаточно велики — с

этим я согласен, но у слона совершенно иная походка и темп ходьбы. Об этом, Дэви, ты не подумал. Других верблюдов, кроме тебя, здесь тоже не водится, иначе я бы утверждал, что это верблюд простучал здесь своими копытами два часа назад. Теперь хочу признаться, что исчерпал все свои идеи.

Они прошли вперед еще немного, а потом снова вернулись назад, чтобы более детально изучить этот удивительный след, но ни один из них так и не смог выдвинуть сколько-нибудь правдоподобное предположение.

— Что скажет на это мой красный брат? — обратился Джемми к молчавшему Вокаде.

— Мако акано! — ответил индеец, сделав рукой жест, полный глубокого почтения.

— Дух Прерий, хотел ты сказать?

— Да, ибо это не человек и не зверь.

— Хо! У ваших духов, похоже, просто гигантские ступни. А может, Дух Прерий страдает ревматизмом и надел войлочные туфли?

— Мой белый брат не должен насмехаться. Дух Прерий может появиться в любом обликий. Мы должны с почтением поглядеть на его след и спокойно скакать дальше.

— Ну нет, этого я не сделаю. Я должен точно знать, как мне быть дальше. А поскольку я никогда прежде не видел ничего подобного, то поеду по следу, пока не узнаю, кто его оставил.

— Мой брат спешит к своей гибели. Дух не потерпит, чтобы за ним следили.

— Madness!⁵⁴ Когда потом Толстяк Джемми станет рассказывать о следе и не сможет сказать, чей он, его просто поднимут на смех или сочтут лжецом. Раскрыть эту тайну для настоящего вестмена — дело чести!

— У нас не столько времени, чтобы делать такой крюк.

— Я и не требую от вас делать его. До вечера у нас еще четыре часа, потом мы разобьем лагерь. Возможно, мой красный брат знает место, где мы сможем устроить привал?

— Да. Если мы поскачем прямо, то приедем к такому месту. Там, в холме, есть расщелина, через которую можно попасть в долину, где слева, после часа езды, открывается боковое ущелье. В ущелье мы отдохнем, там есть кусты и деревья — они сделают наш огонь невидимым, — а также источник — он даст воду нам и нашим зверям.

— Его легко найти. Итак, скачите дальше! Я же поеду по следу, а потом выйду к вашему лагерю.

— Пусть мой белый брат позволит мне предостеречь его!

— Да ну! — вмешался Длинный Дэви. — Здесь предупреждения неуместны — Джемми прав. Для нас было бы позором открыть эти непонятные следы и не узнать, кому их приписывать. Говорят, что еще до сотворения людей существовали звери, по сравнению с которыми бизон все равно, что дождевой червь по сравнению с пароходом с Миссисипи. Возможно, такое чудовище осталось с тех времен и слоняется здесь, в песках, высчитывая по песчинкам, сколько ему столетий. Я думаю, это животное зовется мамой.

— Мамонтом! — поправил Толстяк.

— Тоже очень возможно! Стало быть, позор на наши головы, если мы, наткнувшись на доисторический след, хотя бы не попытаемся встретиться лицом к лицу с оставившим его экземпляром. Я еду с Джемми!

— Так не пойдет, — возразил Толстяк.

— Почему нет?

— Потому что мы вдвоем — скажу без зазнайства — обладаем немалым опытом, а значит, в какой-то мере предводители. Мы не имеем права удалиться одновременно. Один должен остаться. Пусть лучше со мной поскачет кто-нибудь другой.

— Мастер Джемми прав, — обрадовался Мартин. — Я поеду с ним.

— Нет, мой юный друг, — Джемми замотал головой. — Вы самый последний, кого я хотел бы пригласить сопровождать меня.

— Почему? Я сгораю от нетерпения вместе с вами обнаружить этого зверя!

— Охотно верю. В вашем возрасте все готовы к подобным приключениям. Но эта поездка, возможно, небезопасна, а мы взяли на себя негласное обязательство оберегать вас, чтобы вы целым и невредимым встретились со своим отцом. Стало быть, совесть не позволяет мне втягивать вас в неизвестную и опасную авантюру. Нет, если я не должен скакать один, то пусть уж меня сопровождает кто-нибудь другой.

— Тогда с вами еду я! — выпалил доселе молчавший Хромой Фрэнк.

— Ладно, ничего не имею против. Мастер Фрэнк уже, «большой частью», — Джемми сделал акцент на одно из любимых выражений саксонца, — закалился в сражениях с дворником и ночным сторожем и уж точно не испугается какого-то там мамонта.

— Что? Испугаюсь? Да такое мне и в голову не придет!

— Стало быть, остановимся на этом варианте. Остальные поскачут дальше, мы же вдвоем свернем направо. Думаю, ваша лошадь не потратит много сил на этот крюк, а для моего коня бег — просто дикая страсть. Должно быть, он в прошлой жизни, прежде чем принять теперешний

лошадиный облик, был бегуном на длинные дистанции или почтальоном.

Мартин попытался возразить еще раз, но напрасно. Длинный Дэви убедительно настоял на предложении Джемми. Вокаде еще раз точно описал место привала и осудил намерения Толстяка вызвать гнев Духа Прерий. Затем остальные продолжили прерванную скачку, а Толстяк с саксонцем помчались по следу в северном направлении.

Поскольку последним предстояло сделать немалый крюк, они изо всех сил погоняли коней, и очень скоро исчезли из виду.

Позже след изменил направление и свернул на запад, к далеким холмам, а значит, теперь Джемми и Фрэнк скакали параллельно своим друзьям, но, естественно, отставали от них где-то на час.

До сих пор оба держались молча. Кряжистая кляча Джемми так усердно выбрасывала вперед длинные ноги, что конь Фрэнка с трудом успевал за ней, утопая в зыбучих песках. Лошадь Толстяка перешла с утомительной рыси на медленный шаг, и тогда Фрэнк легко смог нагнать своего спутника. Само собой, прежде участники экспедиции общались друг с другом на английском. Теперь же, когда оба немца остались наедине, они смогли окупаться в стихию родной речи.

— Не правда ли, — начал Фрэнк, — насчет мамонта вы пошутили?

— Конечно.

— Я почему сейчас об этом подумал — ведь эти мамонты давным-давно вымерли!

— Неужели вы раньше слышали об этих доисторических животных?

— Я? Ну еще бы! А если вы мне не верите, мне вас искренне жаль. Знаете ли, морицбургский учитель, ставший, собственно, моим духовным отцом, в этом деле кое-что да смыслил, особенно в зоологии растений. Вот так-то! Он знал каждое дерево, от ели до щавеля, а также любое животное, от морского змея до мизерной губки. От него я тогда почерпнул массу всего интересного.

— Необычайно рад за вас! — засмеялся Джемми, озорно блеснув хитрыми глазками. — Может, и я смогу кое-что почерпнуть от вас.

— Естественно! — совершенно серьезно воскликнул саксонец. — Само собой разумеется! Представьте себе, если бы тогда не возникло спора из-за любимого слова папы Врангеля, я polens koblenz⁵⁵ попал бы в Тарандскую лесную академию и теперь мне не пришлось бы скитаться тут по Дикому Западу и позволить всяким там сиу сделать меня хромым.

— О, вы хромаете не от рождения?

Фрэнк уничтожающе взглянул на Толстяка, в его глазах вспыхнул гнев:

— Хромой от рождения? Как это возможно у личности с моей

амбутацией! Хромой ведь никогда не сможет стать кем-либо, кроме как лесным бродягой, а уж тем более служащим! Никогда! Мои ноги были здоровы. Но когда я однажды вместе с Бауманом появился в Черных горах, чтобы открыть среди золотоискателей мелочную лавку, туда временами стали наведываться и индейцы с целью что-нибудь купить. Большею частью это были сиу. Это самые худшие антропологические дикари, которые только тем и живут, что вместе с дешевой улыбкой на их физиях тотчас могут выстрелить или пырнуть ножом. Лучше всего вообще не связываться с ними. «Добрый день!» и «Счастливого пути!», «Адью!» да «Прощай!». Я всегда был верен этому пункту, ибо я человек принципа, но однажды все же имел минуту слабости, и вот до сих пор хромаю.

— Как это случилось?

— Совершенно неожиданно, как случается все, чего не ждешь. События того дня стоят перед моим одухотворенным лицом, как если бы это было сегодня. Сверкали звезды, а в ближнем болоте громко голосили лягушки, ибо дело было, к сожалению, ночью, а не днем. Бауман уехал, чтобы запастись в форте Феттерман новыми припасами, Мартин спал, а негр Боб, давно отправившийся взимать долги, до сих пор не появлялся. Одна его лошадь без седока вернулась в родной дом. На следующее утро он, правда, приковылял с растяжением в ногах и без гроша в кармане. Он был выгнан всеми без исключения нашими должниками, а потом еще и сброшен лошадью. Это называется — вкусить глупость жизни из первых рук! Как видите, я могу изъясняться даже ямбом. Нет?

— Да, вы маленький гений.

— Об этом я и сам себе частенько напоминаю, но другие — никогда, поскольку никто и задуматься над этим не хочет. Итак, звезды сверкали на небе, и тут к нам в дверь постучали. Здесь, на Западе, нужно держать ухо востро, поэтому я не стал тотчас открывать, а спросил, чего нужно. В общем, не буду останавливаться на мелочах; это были пятеро индейцев сиу, которые хотели обменять меха на порох.

— Надеюсь, вы не впустили их?

— А почему нет?

— Сиу, да еще среди ночи!

— Извольте! Если бы у нас были часы, то они показали бы приблизительно половину двенадцатого. А это не слишком поздно. Как вестмен, я хорошо знаю, что далеко не всегда можно оказаться на месте в часы посещения, а время частенько ужасно дорого. Краснокожие сказали, что им еще всю ночь маршировать, и так апеллировали к моему доброму саксонскому великодушию, что я впустил их.

— Какая неосторожность!

— Почему? Страх я никогда не знал, и прежде, чем открыть, я поставил условие, что все свое оружие они сложат у входа. К их чести должен признать, что они выполнили это требование. Естественно, я держал револьвер в руке, пока обслуживал их, на что они, как дикари, не могли обижаться. С ними я совершил блестящую сделку: обменял скверный порох на очень хорошие бобровые шкурки. Когда краснокожий и белый торгуют друг с другом, то первый всегда остается с носом. Хотя меня это и огорчает, но я один, к сожалению, ничего не могу изменить. Рядом с выходом висели три заряженных ружья. Когда индсмены уходили, последний остановился перед самой дверью, повернулся и спросил меня, не мог бы я угостить его глотком «огненной воды». Хотя теперь и запрещено отпускать водку индейцам, все же я, как было сказано, сорвал приличный куш и вследствие этого готов был оказать им любезность. Я развернулся и ушел в дальний угол, где стояла бутылка бренди. В тот момент, когда я повернулся, держа ее в руке, я увидел исчезающего за дверью человека с одним из ружей, которое он успел сорвать с гвоздя. Я отставил бутылку, схватил другое ружье и выскочил наружу. Само собой, я тотчас отпрыгнул в сторону, поскольку в дверном проеме мог бы стать замечательной мишенью. Я очень быстро рванулся из света в тень и не мог сразу хорошо осмотреться, но тут услышал скорые шаги, а потом что-то сверкнуло с другой стороны, у изгороди. Грохнул выстрел, а я почувствовал, будто что-то ударило меня по ноге. Теперь я, наконец, заметил краснокожего, который хотел перемахнуть через изгородь. Я прицелился и спустил курок, но одновременно почувствовал такую боль в ноге, что меня тут же подкосило. Пуля индейца пробила мне левую стопу. Либо из-за темноты, либо потому, что у сиу было чужое ружье, но я все же до сих пор не могу понять, как он смог так выстрелить. Лишь спустя месяц мне снова удалось встать на эту ногу, а позже меня прозвали Хромым Фрэнком. Краснокожего я хорошо запомнил и никогда не забуду его лица. Горе ему, если он где-нибудь или когда-нибудь попадется мне! Мы, саксонцы, — душевные германцы, но наши национальные достоинства никогда не могут обязать нас в ночную пору, когда в небесах сверкают звезды, позволить безнаказанно обворовать нас и подстрелить до хромоты! Полагаю, что сиу принадлежал к огаллала, и если... Что это с вами?

Фрэнк прервался, ибо Толстяк Джемми осадил свою клячу и издал возглас удивления. Дно каньона стало скалистым, и там, где оно снова терялось в песке, Джемми остановился.

— Что это? — спросил он сам себя. — Не тронулся ли я умом?

Он ошалело взглянул вниз, на песок. Теперь и Фрэнк понял, что имел в виду Толстяк.

— Разве возможно, — растерянно забормотал саксонец, — чтобы следы вдруг внезапно стали другими?

— Конечно! — блаженно улыбнулся Джемми. — Сначала был след слона, а теперь — четкий отпечаток лошадиных копыт. Зверь подкован, да еще и новыми подковами, видите: отпечатки очень четкие, и ни гриф, ни шипы подковы не сбиты.

— Но это след наоборот!

— Вот этого-то я никак и не могу взять в толк. До сего момента след шел от нас, а теперь идет прямо навстречу.

— Разве это одни и те же отпечатки?

— Конечно! Там, за нами, скалистая земля — на ней след не виден, но этот участок не более двадцати футов шириной. С той стороны, с востока, след слоновый, а с этой, с запада, чистейшей воды лошадиный. Оглянитесь! Разве есть еще другие следы?

— Нет.

— Так значит, эти отпечатки, несмотря на их различие, должны принадлежать одному и тому же животному. Я хочу сойти на землю, чтобы убедиться, что здесь нет ошибки.

Они спешили. Тщательнейшее обследование места дало следующий результат: след слона и вправду на скалистом участке пути превращался в лошадиный. То обстоятельство, что оба следа шли навстречу друг другу, а потом сталкивались, казалось не просто странным, а ошеломляющим. Оба беспомощно переглянулись и покачали головами.

— Если это не колдовство, то кто-то здорово водит нас за нос, — заметил Джемми.

— Неужели?

— Да, и этого я понять не могу!

— Но чудес не бывает!

— Не бывает, я не суеверный.

— Тут все как у волшебника Филадельфия, который забрасывал ввысь клубок ниток, чтобы потом подняться в небеса по тоненькой ниточке и исчезнуть с Земли!

— Поскольку слон шел с востока, а конь с запада, и оба следа прерываются здесь, значит, животные, по вашему мнению, вскарабкались вверх по нитке именно в этом самом месте, а потом растворились в воздухе?! Пусть такое объяснение дает кто-нибудь другой! Это выше моих сил! — искренне признался Толстяк.

— Хотел бы я, пожалуй, знать, что сказал бы морицбургский учитель, если бы был здесь с нами! — вполне искренне заявил саксонец, сосредоточенно рассматривая след.

— Уж он-то не стал бы строить из себя всезнайку, как мы с вами!

— Хм! С вашего позволения, герр Джемми, вы выглядите не очень-то одухотворенно.

Толстяк пристально взглянул на Фрэнка, после чего его маленькие глазки превратились совсем в щели. Он ответил:

— По вашему виду сейчас тоже не скажешь, что вы одаренный автопетрификат⁵⁶. Вообще хотел бы я видеть того человека, который мог бы разрешить эту загадку.

— Она должна быть разгадана, ибо знаменитый Архидьякон сказал: «Дайте мне точку опоры, и я сорву с петель любую дверь!»

— Архимед⁵⁷, хотели вы сказать!

— Да, но он же был и дьяконом, поскольку, когда в субботу, ближе к закату, пришли вражеские солдаты, он заучивал воскресную проповедь и крикнул им: «Не мешайте мне и не шумите!» Тут они его и убили. Вот тогда-то точка опоры снова пропала.

— Может, вы найдете ее опять. Я не чувствую себя способным на это, поскольку не смог разрешить даже это противоречие, — сокрушался Джемми.

— Но что-то мы должны все же делать!

— Естественно! Не поворачивать же обратно! Если вообще есть объяснение, оно лежит впереди, а не позади нас. Садимся на лошадей, и вперед!

Они поскакали дальше, теперь уже по лошадиному следу. Тот был четким и приблизительно через полчаса вывел их из песков на почву. Появились трава и одиночные кусты, а поблизости тянулась цепь холмов. Густой лес покрывал их, начинаясь у подножий редкими деревьями и чем выше, тем сильнее превращаясь в чащу. След здесь тоже был четким. Через некоторое время под ногами животных появился мелкий светлый гравий, и тут вдруг отпечатки оборвались.

— Вот и разгадка! — саркастически проворчал Фрэнк.

— Непостижимо! — воскликнул Джемми. — Этот конь возник из воздуха и снова растворился в нем. И правда, Дух Прерии! Тогда я пожелал бы, чтобы ему пришла в голову хорошая мысль показаться нам. Я не прочь узнать, как он выглядит!

— Желание весьма исполнимое. Осмотритесь, господа!

Слова прозвучали на немецком языке из-за кустов, у которых они остановились. Вскрикнув от неожиданности, оба застыли, в страхе озираясь по сторонам. Тот, кто произнес фразу, уже покинул заросли, служившие ему укрытием.

Нельзя сказать, что он был высок ростом и широк в плечах. Темно-русская окладистая борода обрамляла его опаленное солнцем лицо. Он носил украшенные бахромой легины и охотничью рубаху, также обшитую по швам бахромой, длинные сапоги, прикрывающие колени, и широкополую фетровую шляпу, на шнурке которой болтались уши серого медведя. Из-за широкого, сплетенного из нескольких ремней пояса торчали два револьвера и нож — «боуи». Похоже, весь его пояс был заполнен сидевшими каждый в своем гнезде патронами. К ремням, кроме многочисленных кожаных мешочков, были прикреплены две пары прикручивающихся подков и четыре толстые соломенные или тростниковые плетенки, имевшие овальную форму и снабженные ремешками и пряжками. От левого плеча до правого бедра тело незнакомца обвивали многочисленные кольца лассо; с шеи на шелковом шнуре свешивалась обтянутая кожей колибри трубка мира, на чашечке которой были вырезаны многочисленные индейские знаки. В правой руке незнакомец держал короткоствольное ружье с очень своеобразным затвором, а в левой — горящую сигару, которой он тотчас крепко затянулся и выдохнул дым с видимым удовольствием.

Настоящий охотник прерий никогда не наводит лоск и чистоту на свой костюм. Чем потрепаннее его вид, тем, значит, больше он пережил. К каждому, кто позволит что-либо высказать по поводу его внешности, он относится с презрением. А вычищенное до блеска ружье вызывает у него так просто огромное отвращение. По его глубочайшему убеждению, у настоящего вестмена нет времени заниматься подобной чепухой.

Но на этом незнакомом молодом человеке все выглядело таким чистым, будто он лишь вчера отправился на Запад из Сент-Луиса. Его ружье, казалось, час назад вышло из рук оружейного мастера, сапоги были безукоризненно смазаны жиром, а на шпорах не было видно и следа ржавчины. Костюм его смотрелся как с иголки, и даже руки его, похоже, были вымыты.

Оба наших следопыта уставились на внезапно появившегося человека и от неожиданности забыли ответить.

— Ну, — продолжил он с улыбкой, — я понял, что вы желаете увидеть призрак? Если вы имеете в виду того, по чьему следу шли, то он стоит перед вами.

— Черт возьми! Тут, большей частью, уже перестаешь соображать! —

вырвалось у Фрэнка.

— О! Саксонец! Не так ли?

— Да еще и коренной! Безусловно, и вы немец чистых кровей?

— Да, честь имею. А другой кто?

— Он тоже из нашей прекрасной страны. От неожиданности он лишился дара речи. Но это ненадолго, ибо он сейчас снова заговорит.

Фрэнк был прав, поскольку Джемми выскользнул из седла и протянул земляку руку, забыв о всякой осторожности.

— Это ли возможно? — вскричал он. — Здесь, недалеко от Чертовой Головы, встретить немца! Едва ли можно поверить!

— Я удивлен вдвойне, поскольку встретил сразу двоих, — снова улыбнулся молодой человек. — Если не ошибаюсь, вас зовут Якоб Пфефферкорн?

— Что? Вы знаете мое имя?

— Глядя на вас, не усомнишься в том, что вы Толстяк Джемми. А если бы я не догадался об этом сразу, то достаточно было взглянуть на вашу кобылу. Если встречаешь толстого охотника на таком верблюде, то это уж точно Толстяк Джемми. А как-то случаем я узнал, что этого знаменитого вестмена на самом деле зовут Якоб Пфефферкорн. Но там, где вы, рядом должен быть Длинный Дэви со своим мулом. Или, может, я ошибаюсь?

— Нет, он действительно поблизости — совсем недалеко отсюда, если ехать на юг, туда, где долина уходит в горы.

— О! Вы там сегодня разбили лагерь?

— Конечно. Моего спутника зовут Фрэнк.

Саксонец тем временем также спешил. Он подал незнакомцу руку. Тот пристально взглянул на него, кивнул и спросил:

— А вы, пожалуй, Хромой Фрэнк?

— Боже ты мой! Вы и меня знаете?

— Я вижу, что вы прихрамываете, да и зовут вас Фрэнк. А теперь еще вопрос — вы живете с Бауманом, Охотником на медведей?

— Кто вам это сказал?

— Он сам. Наши пути пересеклись несколько лет назад. Где он теперь? Дома? Думаю, что это где-то днях в трех пути отсюда, не так ли?

— Совершенно верно. Но его нет дома. Он в руках у огаллала, а мы на пути к ним, чтобы попытаться чем-нибудь ему помочь.

— Вы пугаете меня. Где это произошло?

— Совсем недалеко отсюда, у Чертовой Головы. Огаллала потащили его и еще пятерых пленников наверх, к Йеллоустоуну, чтобы убить их у могилы Храброго Бизона.

— Из мести? — спросил незнакомец, и при этом его лицо стало абсолютно серьезным.

— Да, конечно! Может, вы слышали когда-нибудь об Олд Шеттерхэнде?

— Не стоит долго напрягать память — да, — на губах незнакомца промелькнул едва уловимый смешок.

— Так вот, — продолжал Фрэнк, — он убил Храброго Бизона, Злого Огня и еще одного сиу. Теперь огаллала отправились в поход, чтобы навестить могилы этих воинов, а заодно взяли с собой Баумана, попавшего к ним в руки.

— Откуда вам это известно?

Маленький саксонец рассказал о Вокаде и обо всем, что произошло с момента его появления. Незнакомец выслушал его внимательно и очень серьезно. Лишь иногда, когда хромой слишком уж загибал на своем родном диалекте, на лице его собеседника появлялась легкая улыбка. Когда Фрэнк закончил, молодой человек произнес:

— Так значит, Олд Шеттерхэнд и несет, собственно, всю вину за несчастье, которое пало на Грозу Медведей. Все это на его совести.

— Нет. Как может он быть виноват в том, что Баумана покинула осторожность?

— Ну, спорить не будем. С вашей стороны весьма благородно, что вы не испугались опасностей и трудностей, которые, безусловно, ждут вас, и хотите освободить пленников. От всего сердца желаю вам удачи. Но меня очень интересует юный Мартин Бауман. Может, мне удастся его увидеть.

— Это очень легко сделать, — вставил свое слово молчавший до сих пор Джемми. — Вам нужно только пойти с нами, а скорее, поехать. Где ваша лошадь?

— Откуда вы знаете, что я не лесной бродяга и езжу верхом?

— Хотя бы потому, что вы носите шпоры.

— Действительно, это выдает меня. Мой конь здесь недалеко. Я оставил его на несколько минут, чтобы взглянуть на вас.

— А вы заметили, как мы приближались?

— Разумеется. Я не спускал с вас глаз вот уже полчаса. Вы остановились вот там, вдалеке, чтобы обсудить свои догадки насчет происхождения отпечатков.

— Как? Что вы знаете о них?

— Не больше того, что след — мой собственный.

— Ваш?

— Да.

— Дьявольщина! Так это ваши отпечатки так ловко провели нас?

— Вы и вправду попались на эту удочку? Ну, я просто счастлив, что провел самого Толстяка Джемми. Но, конечно, это представление предназначалось не вам, а совсем другим людям.

Толстяк, казалось, снова проглотил язык. Он еще раз уже более внимательно осмотрел незнакомца с головы до ног, покачал головой, а потом спросил:

— Да кто вы, собственно, такой?

Тот, к кому был обращен вопрос, лукаво улыбнулся и ответил:

— Вы с первого взгляда заметили, что на Дальнем Западе я новичок, не правда ли?

— Да, гринфинча⁵⁸ можно узнать в вас сразу. С таким горе-ружьем вам ходить только на воробьев, а свое снаряжение вы нацепили на себя небось несколько дней назад. Вы непременно из какой-нибудь веселой компании или из группы стрелков-туристов. Где вы покинули железную дорогу?

— В Сент-Луисе.

— Что? Так далеко на Востоке? Невозможно! И сколько же времени вы здесь, на Западе?

— На этот раз уже восемь месяцев.

— Нет уж, позвольте! Не издевайтесь надо мной! Не хотите же вы заставить меня поверить в это?!

— В голову не приходило говорить вам неправду.

— И значит, провели нас тоже вы?

— Да, след был мой.

— В это не поверит ни один полицейский! Бьюсь об заклад, что вы учитель или молодой профессор и снуете тут туда-сюда вместе со своими коллегами в поисках каких-нибудь растений, камней и бабочек. Так позвольте дать вам хороший совет — немедленно поворачивайте отсюда! Это не ваше поприще! Жизнь здесь не каждый час, а каждую минуту висит на волоске. Вы и не подозреваете, в какой опасности находитесь.

— О, об этом-то я знаю. К примеру, здесь поблизости расположен лагерь более сорока шошонов.

— Heavens!⁵⁹ Это правда?

— Да, я это точно знаю.

— И вы говорите об этом так спокойно!

— А как я должен говорить? Вы думаете, что несколько шошонов — повод для паники?

— Эй, послушайте, вы и понятия не имеете, в каком опасном месте

находитесь!

— О нет! Там, недалеко, лежит Кровавое озеро, и шошоны были бы рады схватить одного из нас, а еще лучше всех сразу.

— Право, не знаю, что мне о вас и думать... — развел руками Толстяк, не скрывая своих чувств.

— Думайте, что хотите. Этих краснокожих я с таким же успехом могу обвести вокруг пальца, как и вас. Я не раз встречал отличных вестменов, ошибавшихся во мне, потому что они все мерили общепринятыми мерками, и в этом была их ошибка! Прошу вас, идемте!

Он развернулся и неторопливо шагнул прямо в заросли. Оба разведчика последовали за ним, ведя животных в поводу. Вскоре они наткнулись на поистине великолепный экземпляр тсуги⁶⁰ высотой более тридцати метров, что с такими деревьями случается крайне редко. Рядом с ней стоял конь — статный вороной жеребец с красными ноздрями и красной полосой, идущей от макушки через всю длинную густую гриву; такая полоса у индейцев считается верным отличием превосходной породы. Седло и сбруя были индейской работы. Позади первого был пристегнут плащ из прорезиненной ткани. Из одной из седельных сумок торчал футляр подозрительной трубы, а рядом с жеребцом, на земле, лежала тяжелая крупнокалиберная двустволка «медвежебой». Когда Джемми заметил ружье, он ускорил шаг, поднял оружие, осмотрел его и крикнул:

— Это ружье... это... я никогда его прежде не видел, но все равно узнал сразу. Серебряное ружье вождя апачей Виннету и этот «медвежебой» — самые знаменитые ружья Запада! А «медвежебой» принадлежит...

Толстяк запнулся и растерянно уставился на владельца оружия, потом продолжил:

— Теперь я наконец начинаю соображать! Каждый, кто первый раз встречался с Олд Шеттерхэндом, принимал его за гринхорна⁶¹. Это ружье принадлежит ему, а штуцер в его руке — никакая не безделица, а один из тех немногих штуцеров — «генри»⁶², что были выпущены. Фрэнк, знаете ли вы, кто этот человек?

— Нет. Я же не читал ни его свидетельства о крещении, ни его справки о прививках.

— Эй, оставьте эти шуточки! Вы стоите перед Олд Шеттерхэндом.

— Олд Шет...

Фрэнк едва не попятился назад.

— С ума сойти! — вырвалось у него. — Олд Шеттерхэнд? Но я

представлял его совсем другим.

— Я тоже, — признался Джемми.

— Каким же, господа? — улыбнулся охотник.

— Высоким и крепким, как Колосс Варский!⁶³ — выпалил ученый саксонец.

— Да, с фигурой гиганта, — согласился Толстяк.

— Итак, вы видите, что моя слава больше моих заслуг. Переходя от одного лагерного костра к другому, истории обрастают такими небылицами, которых просто так и не придумаешь. Дело доходит до того, что речь идет уже о настоящих чудесах, тогда как на самом деле то же самое может проделать любой человек.

— Нет, то, что рассказывают о вас, это...

— Па! — прервал Толстяка охотник быстро и решительно. — Оставим это! Посмотрите лучше на моего коня. Это один из тех индейских нгул-иткли⁶⁴, которых разводят только апачи. Сейчас он, что называется, «босиком». Если я хочу ввести в заблуждение какого-нибудь преследователя, я привязываю к его ногам эти тростниковые башмаки, которые очень популярны в Китае. Они оставляют, особенно на песке, след, очень похожий на слоновый. Вот здесь, на поясе, у меня две пары подков. Одна пара сработана как обычно, другая сделана наоборот — шипом вперед. Естественно, и след потом получается наоборот, а тот, кто меня преследует, уверен, что я двигался в противоположном направлении.

— Черт возьми! — не выдержал Фрэнк. — Теперь, наконец, в моей голове посветлело. Стало быть, подковы с секретом! Что бы сказал на это морицбургский учитель!

— Я не имею чести знать этого господина, но имею удовольствие провести вас обоих. На скалистом участке пути не могло остаться никаких следов, поэтому там я спешил, чтобы сменить плетенки на подковы. Конечно, я и понятия не имел, что за мной по пятам следуют мои земляки; это я заметил лишь позже. Я принял эту предосторожность, поскольку по определенным признакам сделал вывод о присутствии враждебных индейцев. И мое предположение подтвердилось, когда я пришел к этой тсуге.

— Там есть следы индейцев?

— Нет. Дерево сегодня должно было стать местом моей встречи с Виннету, и...

— Виннету! — прервал его Джемми. — Вождь апачей здесь?

— Да, он приходил сюда, но еще до меня.

— Где он? Я непременно должен его видеть.

— Он оставил мне знак, что уже был здесь и еще вернется сегодня. Где он сейчас находится, я не знаю. Наверняка он следит за шошонами.

— Он сообщил об их присутствии?

— Именно он обратил на них мое внимание. На коре дерева он вырезал ножом несколько знаков. Они для меня как письмо. Теперь я знаю, что он был тут и снова вернется, а также, что поблизости находятся сорок шошонов. Дальше я должен был ждать здесь.

— Но ведь шошоны могут найти вас тут!

— Па! Я не знаю, кому будет хуже — мне, если они меня обнаружат, или им, если их открою я. Вместе с Виннету нам нечего опасаться горстки индейцев.

Это прозвучало очень просто, как само собой разумеющееся, и Фрэнк не преминул удивленно воскликнуть:

— Не бояться сорока краснокожих! Я тоже не трус, но все же не могу сказать, что подобное обстоятельство придало бы мне храбрости. «Вени, види, тутти», — сказал старый Блюхер, а потом выиграл битву под Бель-Месальянс⁶⁵, но вдвоем против сорока он бы тоже не рискнул. Не понимаю!

— Объяснение очень простое — побольше осторожности, побольше хитрости и немного решимости, когда она потребуется. К тому же у нас есть оружие, на которое можно положиться. Здесь, на этом месте, мы отнюдь не в безопасности. Будьте благоразумны и скачите дальше, чтобы как можно быстрее добраться до своих.

— А вы останетесь здесь?

— Пока не придет Виннету — да. Потом вместе с ним я разыщу ваш лагерь. Хотя у нас другая цель, но если он согласится, я готов ехать с вами к Йеллоустоуну.

— Правда? — Джемми был искренне обрадован. — В таком случае, готов поклясться, что мы освободим пленников.

— Не слишком ли уверенно?! Я косвенно виноват в том, что Бауман сейчас в опасности, а значит, чувствую себя обязанным принять участие в его освобождении. Поэтому...

Он прервался, ибо из груди Фрэнка вырвался приглушенный испуганный крик. Саксонец указал рукой в сторону песчаной равнины, где появилась группа индейских всадников.

— Быстро на коней и прочь отсюда! — скомандовал Шеттерхэнд. — Пока они нас еще не заметили. Я приду позже.

— Эти типы найдут наши следы, — предостерег Джемми, с

невиданной прытью запрыгнув в седло.

— Вперед! Это единственное спасение для нас.

— Но ведь они обнаружат вас!

— Обо мне не беспокойтесь! Вперед, только вперед!

Двое вестменов уже сидели верхом и всю погоняли своих животных. Шеттерхэнд осмотрелся. Оба белых, так же как и он, не оставили практически никаких следов на гравии. Участок, покрытый галькой, поначалу резко расширялся, потом становился уже и поднимался вверх по склону, после чего исчезал в тени густых пихт.

Он повесил штуцер мастера Генри на седло, взял «медвежкой» на плечо и тихонько шепнул на ухо своему коню лишь одно слово на языке апачей:

— Пеныйил!⁶⁶

Когда он начал ловко и энергично взбираться вверх по крутому склону, животное последовало за ним, как верный пес. Казалось, подняться здесь коню просто невозможно, и все же вскоре оба — человек и животное — после непродолжительных, но весьма больших усилий оказались наверху, под деревьями. Охотник положил коню на шею руку.

— Ишкуш!⁶⁷

Животное тотчас подчинилось и осталось лежать совершенно неподвижно — чувствовалась индейская выучка.

Шошоны тем временем заметили следы. Если бы это были следы Олд Шеттерхэнда, то краснокожие должны были предположить, что они ведут на восток; но отпечатки животных Фрэнка и Джемми оказались слишком четкими — их нельзя было не заметить. Шошоны последовали по ним и очень скоро подошли ближе.

С момента исчезновения обоих немцев прошло едва две минуты, а индейцы были уже у тсуги. Несколько воинов спешили, чтобы отыскать пропавший на гальке след.

— Иве, иве, ми, ми!⁶⁸ — крикнул один.

Он нашел то, что искал. Краснокожие тотчас помчались дальше. Шеттерхэнд сверху, из своего укрытия, хорошо слышал, как они галопом поскакали за беглецами.

Теперь самое главное — хладнокровие и ловкость, так подумал он. И еще о том, что Джемми определенно тот человек, кому удастся проявить эти качества.

Тут его конь встрепенулся и издал легкое пофыркивание — верный знак того, что его хозяин должен держать ухо остро. Животное глянуло на

белого охотника большими умными глазами и повернуло голову в сторону, наверх. Охотник взял в руки штуцер, стал на колени, готовый выстрелить, и устремил взгляд своих зорких глаз вверх. Деревья стояли здесь так тесно, что не позволяли видеть ничего дальше себя. Однако через секунду он спокойно отложил штуцер в сторону. Он увидел среди нижних ветвей украшенные иглами дикобраза мокасины и понял, что носивший эту обувь человек — его лучший друг. В ту же секунду ветви зашуршали, и вождь апачей Виннету предстал перед ним.

Глава пятая. ВИННЕТУ

Он был одет точно так же, как Олд Шеттерхэнд, только вместо высоких сапог носил мокасины. Его длинные, густые, черные как смоль волосы были высоко подняты наверх, зачесаны назад и стянуты узлом, голову его опоясывала налобная повязка из кожи гремучих змей. Он не имел никакого головного убора — этому воину не требовались отличительные знаки вождя; достаточно было только взглянуть на него, чтобы тотчас понять — это незаурядная личность. На его шее висели мешочек с «лекарствами», трубка мира и тройное ожерелье из медвежьих клыков — трофеи, которые он добыл сам в смертельных схватках с хищниками. В руке индеец держал двуствольное ружье, вся деревянная часть которого была обита серебряными гвоздями — знаменитое на всем Западе Серебряное ружье, пули которого никогда не проходили мимо цели. Его серьезное, по-мужски красивое лицо имело почти римский профиль, скулы на нем были едва заметны, а матово-смуглая кожа отливала бронзой.

Да, это был Виннету — вождь апачей, самый знаменитый из индейцев! Его имя звучало в каждой бревенчатой хижине, у каждого лагерного костра. Справедливый, умный, верный, храбрый до дерзости, не терпящий фальши друг и защитник всех нуждающихся в помощи, будь то красные или белые, он был известен во всех уголках Соединенных Штатов и даже за их пределами.

Олд Шеттерхэнд поднялся с земли. Он хотел заговорить, но резким жестом Виннету призвал его к молчанию. Еще один знак, поданный вождем апачей, заставил его прислушаться.

Издали доносилось монотонное пение. Постепенно эти звуки становились все громче, следовательно, те, кто их издавал, приближались. Это были минорные тона на четыре восьмых такта; две первые восьмые — малая терция, последняя четверть — прима, а затем после квинты⁶⁹ вверх взлетал пронзительный звук восторженного ликования.

Затем до обоих донесся громкий лошадиный топот, а вскоре они увидели людей, распевающих заунывную песню. В ней то и дело повторялось: «тотси-вув, тотси-вув!», то есть «скаल्प, скаल्प!».

Из чего Олд Шеттерхэнд сразу заключил, что оба немца были взяты в плен.

Шошоны проскакали вниз по склону, как принято у индейцев, один за другим. В середине цепочки находились оба пленника. Ноги их были

крепко привязаны к лошадям, оружия при них, естественно, не было. Никаких следов ранений. А вдруг схватки вообще не было? Может быть, они, оказавшись в окружении, поняли, что сопротивление бесполезно, и сдались без боя?

Шошоны, похоже, не предполагали, кто может за ними тайно наблюдать. Пленники же, напротив, жадно искали глазами следы присутствия Олд Шеттерхэнда, должен же он подать хоть какой-нибудь знак, что заметил их! Охотник прекрасно их понимал и, хотя рисковал попасть в поле зрения какого-нибудь шошона, бросившего в его сторону случайный взгляд, все же чуть высунулся из своего укрытия и, махнув шляпой, тотчас отпрянул назад.

Краснокожие исчезли из виду. Их монотонное «тотси-вув, тотси-вув!» слышалось еще некоторое время, а потом все стихло.

Вдруг Виннету повернулся и, не сказав ни слова, оставил Олд Шеттерхэнда. Тот спокойно ждал. По прошествии, быть может, минут десяти апач вернулся, ведя своего коня в поводу. Поистине непостижимо, как животному удалось пробраться сквозь густой лес по такому обрывистому, покрытому галькой склону! Жеребец был тех же кровей, что и у Олд Шеттерхэнда, хотя все же коню охотника можно было отдать предпочтение, ибо благородный вождь подарил своему белому брату лучшего из двух.

И вот они стоят рядом — два человека, сердца которых не дрогнут даже перед целым индейским племенем. Однако проницательного взгляда в глаза апача Олд Шеттерхэнду было достаточно, чтобы отпала всякая необходимость подробного объяснения происшедшего. Каждый из них так хорошо знал другого, что они легко понимали друг друга без слов. Поэтому белый сразу спросил:

— Вождь апачей открыл место, где шошоны разбили свой лагерь?

— Виннету шел по их следу, — ответил апач. — Они уехали туда, где в древние времена вода стекала со скал в Кровавое озеро, и поднялись вверх по высохшему руслу реки. Дальше следы поворачивают влево и ведут через холмы, в настла-атахеле — котловину, где сейчас стоят их вигвамы.

— Они поставили жилые палатки?

— Нет, это военный лагерь. Они разместились всего в трех палатках. Виннету точно сосчитал их следы и написал тебе на дереве, сколько их. В вигваме, украшенном орлиными перьями, живет предводитель шошонов. Это Токви-тей, Черный Олень, их храбрый вождь. Виннету издали видел его лицо и узнал его по трем шрамам на щеках.

— И что решил мой красный брат?

— Виннету не хочет показываться шошонам. Он не боится их, но они вышли на тропу войны, и значит, столкновения не избежать, а он не хотел бы убивать никого из этих воинов, ибо они не сделали ему ничего плохого. Сейчас они взяли в плен двух бледнолицых. Мой белый брат хочет их освободить, а это значит, что и Виннету все же придется с ними бороться.

Апач говорил о мыслях и намерениях Олд Шеттерхэнда так, словно мог свободно читать их. Тот считал это, видно, само собой разумеющимся, он даже не удивился, а только осведомился:

— Мой брат понял, кто эти бледнолицые?

— Виннету узнал одного по толстой фигуре и понял, что это Джемми-петаче — Толстяк Джемми. Другой хромал, когда слезал с лошади. Его конь был свеж, да и его костюм тоже — этот человек не мог давно находиться в седле. Значит, он живет недалеко отсюда, а потому это не кто иной, как Инди-хиш-шоль-денчу, которого бледнолицые называют Хромым Фрэнком. Он друг Грозы Медведей.

В языке апачей не существует отдельного слова «хромать». То, что сказал вождь, означало: «Человек, который плохо ходит ногами». Что ж, это доказывало его проницательность.

— Мой красный брат угадал имена обоих охотников, — с удовлетворением отметил Олд Шеттерхэнд. — Он заметил хромоту Фрэнка, а значит, находился поблизости, когда я с ним разговаривал. Это так?

— Да. Виннету наблюдал за шошонами и заметил, что маленький их отряд отделился от лагеря в направлении Кровавого озера. Виннету знал, что его белый брат прибудет туда, поэтому он быстро поскакал через холмы и лес, прямо к дереву нашей встречи. Конь мешал ему быстро идти вперед и своевременно предостеречь Шеттерхэнда, поэтому Виннету оставил его и бегом поспешил дальше. Отсюда, сверху, он увидел потом своего брата с двумя бледнолицыми. Он увидел также и шошонов, которые заметили следы белых. Белые поспешили покинуть это место, но вскоре были схвачены охотившимися за ними красными людьми. Теперь, без сомнения, Олд Шеттерхэнд будет освобождать их, и Виннету должен быть рядом с ним. Он догадывается, что оба белых не одни здесь, у Кровавого озера и у Чертовой Головы. Они наткнулись на след Олд Шеттерхэнда и расстались со своими спутниками, чтобы вскоре вновь присоединиться к ним. Мой белый брат узнает, где находятся их спутники, и мы разыщем их, чтобы они помогли нам освободить пленников.

Определенно Виннету был феномен по части проницательности и наблюдательности! Олд Шеттерхэнд кратко рассказал апачу, что услышал

от Джемми и Фрэнка. Вождь выслушал его слова внимательно, а потом сказал:

— Уфф! Тогда все отправившиеся в поход сиу должны узнать, что Олд Шеттерхэнд и Виннету не потерпят, чтобы Гроза Медведей погиб у столба пыток. Мы сегодня освободим Толстяка Джемми и Хромого Фрэнка, а затем поскачем с ними и их спутниками наверх, к Йеллоустоуну, чтобы показать сиу из племени огаллала, что Олд Шеттерхэнд, убивший тогда своим кулаком трех их храбрейших воинов, снова теперь в горах Толи-тлицу.

Это сложное слово означает «Желтая река», то есть почти точный аналог названия Йеллоустоун-ривер⁷⁰.

Олд Шеттерхэнд был очень рад, что Виннету готов поспешить на помощь к Бауману.

— Мой красный брат угадал мое желание, — сказал он. — Мы пришли в эти места не для того, чтобы проливать кровь красных людей, а чтобы не допустить гибели невинных. Пусть Виннету будет с теми, кто отправляется на спасение пленников.

Они свели своих коней по крутому откосу вниз, затем вскочили на них и быстро помчались в том направлении, которое прежде выбрали Джемми и Фрэнк во время их неудавшегося бегства.

До наступления темноты оставалось совсем немного, поэтому они пустили животных галопом. Вскоре всадники достигли места, где шошоны напали на беглецов. Там они остановились на несколько минут, чтобы изучить следы.

— Схватки не было, — заключил Виннету.

— Мой брат прав. Оба бледнолицых не были даже ранены. Если бы они решили защищаться, то, конечно же, не дались бы шошонам целыми и невредимыми. Они поступили мудро, ибо поняли, что борьба принесет им только вред, и сдались.

Виннету сделал особое, лишь ему присущее движение рукой и с легкой улыбкой спросил:

— Мой брат говорит «мудро»? Я хотел бы его спросить, а сдались бы он и Виннету, если бы их преследовали шошоны?

— Сдались? Мы? Конечно, нет!

— Хуг! Мы сражались бы до последнего, и многие шошоны пали бы, прежде чем одолеть нас!

— Возможно, мы тоже не стали бы бороться с ними. Хотел бы Виннету видеть шошона, который смог бы догнать его и Олд Шеттерхэнда, если бы оба их жеребца находились под ними! — белый охотник с улыбкой

взглянул на вождя. — Или Олд Шеттерхэнд не мастер по маскировке своих следов и не лучший разведчик на Западе? Ни один из шошенов не заметил бы наших следов! Храбрость — украшение мужчины, но умом он победит больше врагов, чем томагавком.

Они поскакали дальше на юг вдоль подножий растянувшейся каменной гряды, оставляя воронку бывшего озера слева от себя.

— Мой брат уже составил план освобождения обоих белых? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Виннету не нужен план, он вернется к шошеном и уведет у них пленных. Он так думает. Эти Змеи не достойны того, чтобы Виннету составлял ради них какой-то план. Разве Олд Шеттерхэнд уже не убедился в том, что у них в голове нет мозгов?

Охотник сразу понял, что имел в виду апач.

— Да, — ответил он. — Никто из них не додумался до такой простой вещи, что белые здесь могут быть не одни. Если бы им пришло это в голову, они непременно выслали бы разведчиков. Стало быть, мы имеем дело с людьми, чей разум не представляет для нас большой опасности. Будь их вождь Токви-тей в этом отряде, он не преминул бы выслать нескольких разведчиков.

— Но они все равно не нашли бы ничего, Виннету и Олд Шеттерхэнд отвлекли бы на себя их внимание, направив их по ложному пути.

Они достигли места, где точно на запад ущелье долины как бы врезалось в горы. Там они обнаружили бы искомые следы, но уже стемнело и отпечатки различить было довольно трудно. Они свернули по следам направо.

Ущелье было широким и легко проходимым. Оба всадника, несмотря на темноту, уверенно двигались вперед. Поскольку их животные не имели подков, то шума почти не производили, только находясь совсем рядом, можно было бы уловить легкое постукивание копыт.

Вскоре они обнаружили уходящую влево ветку бокового ущелья. Всадники придержали коней перед узким проходом. Задумались, а вдруг там внутри четверо разыскиваемых и разбили свой лагерь?

Пока они стояли, конь Виннету нетерпеливо рыл копытом землю и пофыркивал — верный признак того, что животное почуяло близость чего-то незнакомого, а может, даже враждебного.

— Мы на верном пути, — произнес белый. — Свернем налево. Твой конь хочет нам сказать, что там, внутри, кто-то есть.

Около десяти минут они продвигались вперед довольно медленно, поскольку ущелье делало большой изгиб, но как только вышли из него,

тотчас заметили огонь, горевший на расстоянии приблизительно в сто шагов от них. Там ущелье расширилось, образуя поросшую деревьями низину, в центре которой прямо из земли бил ключ, струя которого терялась где-то в песчаном грунте.

У источника деревья расступались, образуя маленькую полянку. У костра сидели трое, но их лиц из-за приличного расстояния пока разглядеть было нельзя.

— Что думает мой брат? — спросил Виннету. — Это они?

— Их только трое, а мы ищем четверых. Перед тем, как решить, обнаруживать нам себя или нет, нужно сначала узнать, кто же эти трое.

Шеттерхэнд спешился, Виннету сделал то же самое.

— Я справлюсь один, — произнес белый охотник.

— Хорошо! Виннету будет ждать.

Апач взял коней за поводья и как можно дальше отвел их в сторону, к самой стене скалы. Олд Шеттерхэнд осторожно проскользнул вперед, очутился под деревьями, и стал красться от ствола к стволу, пока не залег за последним деревом. Теперь он хорошо видел сидевших у костра. Они разговаривали, и разговор этот был небезынтересен.

У огня сидели Длинный Дэви, Вокаде и Мартин Бауман. Негра Боба нигде не было видно. Добряк питал слабость к разного рода авантюрам. Он ощущал себя не кем иным, как рыцарем прерий, и был уверен в том, что и вести себя должен соответственно. Поэтому, немного посидев у огня, он поднялся и объявил, что ему надо заботиться о безопасности молодого массы и других массеров. Дэви напрасно пытался ему втолковать, что именно здесь и прямо сейчас этого вовсе не требуется.

Вместо того, чтобы охранять вход в ущелье, откуда, вероятнее всего, и могла явиться какая-то угроза, Боб, по собственному разумению, прошелся в другом месте. Там он не заметил ничего подозрительного и как раз в тот момент, когда Олд Шеттерхэнд притаился за деревом, возвратился, приблизился к огню, но не сел, а почему-то пошел дальше.

— Боб, — заметил Дэви. — Остайся тут! К чему эта суета! Здесь поблизости нет ни одного индейца.

— Откуда масса Дэви это знать?! — удивился негр. — Индсмен может быть везде: справа, слева, там, сям, вверху, внизу, сзади, впереди...

— И в твоей башке! — не выдержав, рассмеялся Дэви.

— Пусть масса смеяться. Боб выполнять свой долг. Массер Боб быть большой и знаменитый вестмен; он не делать никакие ошибки. Если индсмен приходит, массер Боб тотчас его убивать.

Чуть раньше он сломал молоденькую, но высохшую ель и сжимал

сейчас в руках ее небольшой ствол почти в десять дюймов толщиной. С этим оружием он чувствовал себя куда безопаснее, чем с флинтот.

Теперь он шел навстречу Олд Шеттерхэнду. А тот был убежден, что сидевшие у костра и есть те самые люди, которых он искал; он хотел уже было появиться перед ними, но Боб вдруг свернул именно туда, где стоял Виннету. Это обещало теплую встречу, и охотник, улыбнувшись, спокойно остался лежать за деревом.

Он не ошибся. Негр приблизился к скале. Оба жеребца тотчас учуяли Боба еще издали и забеспокоились. Виннету, безусловно, в отблесках костра заметил, что приближающийся человек — чернокожий. Вождь знал от Олд Шеттерхэнда, что среди разыскиваемых находился негр, поэтому позволил ему подойти к себе совсем близко.

И тут особенно громко фыркнул один из коней. Боб услышал это, застыл на месте и прислушался. Конь опять фыркнул.

— Кто быть там? — спросил негр.

Ответа не последовало.

— Боб спрашивать, кто там быть! Если не отвечать, то массер Боб убивать тот, кто там быть!

Ответа снова не прозвучало.

— Ну, тогда все, кто там быть, должны умереть!

Он поднял дубину и шагнул вперед. Жеребец Виннету вздыбил гриву, его глаза блеснули; конь подался вперед и поднял передние копыта. Перед ошарашенным Бобом мелькнули блестящие глаза и раздалось грозное фыркание, а одно из копыт с шумом просвистело перед самым его носом, но, к счастью, он успел отскочить в сторону.

Боб был не робкого десятка, но понимал, что связываться с таким противником слишком опасно. Выронив дубину, он рванул с места, голося:

— Woe to me! Help, help, help!⁷¹ Он хотеть убить массер Боб! Он хотеть сожрать массер Боб! Help, help, help!

Трое сидевших у костра вскочили.

— Что такое?

— A giant⁷². Великан, призрак, привидение!

— Вздор! Где?

— Там, там у скалы быть!

— Эй, не валяй дурака! Привидений не существует.

— Массер Боб видеть его!

— Наверняка это просто скала какой-нибудь причудливой формы.

— Нет, это не быть скала!

— Ты ошибся.

— Массер Боб не ошибаться. Привидение такое огромное, такое, такое! — при этом негр, насколько мог высоко, вытянул руки над головой. — Оно имеет глаза, как огонь; оно разинуть пасть, как дракон, и так дунуть на массер Боб, что он чуть не упасть! Массер Боб видеть его борода, она такая большая!

Похоже, он имел в виду длинную гриву жеребца, которую разглядел, несмотря на темноту, и принял за бороду великана.

— Ты не в своем уме! — не выдержал Дэви.

— О, массер Боб быть в уме, весьма в уме! Он знать, что видеть. Пусть масса Дэви ходить и смотреть!

— Ладно, давайте взглянем, что это принял негр за великана или привидение.

Янки хотел было идти. Но тут за его спиной прозвучало:

— Ради всего святого, оставайтесь на месте, мастер Дэви! Ни о каком привидении не может быть и речи.

Длинный Дэви резко развернулся и отработанным движением мгновенно приложил приклад к щеке. Вокаде в тот же миг приготовился к отражению неприятеля, держа ружье наготове, а Мартин Бауман уже прицелился из своего. Все три ствола теперь смотрели на Олд Шеттерхэнда. Он поднялся с земли и вышел из-за дерева.

— Добрый вечер! — спокойно и приветливо произнес он. — Уберите ваши «пушки», господа! Я пришел как друг и должен передать привет от Толстяка Джемми и Хромого Фрэнка.

Длинный Дэви опустил ружье, и остальные последовали его примеру.

— Привет от них? — удивился он. — Значит, вы их встретили?

— Да, конечно.

— Где?

— Там, внизу, на краю Кровавого озера, к которому они пришли, следуя по следу «слона».

— Это верно. Они узнали, кто был этим «слоном»?

— Да, мой конь.

— Черт возьми! У него что, сэр, какое-то особое плоскостопие? — усмехнулся Дэви.

— Нет, его копыта скорее даже изящны. Просто его обувь вы приняли за стопы слона.

Охотник указал на четыре тростниковые плетенки, которые висели у него на поясе. Длинный Дэви тотчас сообразил, о чем шла речь.

— Вот это да, блестящая идея! Мастер пристегивает своему коню

такие плетенки, и все, кто видит этот след, попадают впросак! Послушайте, ваша мысль очень недурна, она, можно сказать, даже великолепна, и настолько, будто пришла в голову мне самому!

— Да, Длинный Дэви всегда угадывает лучшие мысли всех охотников, промышляющих между двумя океанами.

— К чему эти насмешки, сэр?! Мой разум, я думаю, не уступит вашему. Или у вас другое мнение на этот счет?

При этом он кинул пренебрежительный взгляд на опрятный костюм Олд Шеттерхэнда.

— Я в этом вовсе не сомневаюсь, — ответил последний. — И раз вы так умны, то скажите мне, пожалуйста, что за призрак так напугал вашего доброго Боба?

— Готов проглотить центнер ружейных пуль даже без масла и петрушки, если это не ваш конь.

— Вы угадали.

— Чтобы догадаться, не нужно быть гимназистом, как Толстяк Джемми. Но сейчас скажите мне все же, куда, собственно, запропастился этот бедовый парень вместе с Фрэнком. Почему вы один?

— Они задерживаются. Дело в том, что их пригласили на ужин шошоны.

Дэви от ужаса изменился в лице.

— Heavens! Неужели вы хотите сказать, что их взяли в плен?

— К сожалению — да. На них напали.

— Шошоны?! Взяли в плен?! Этого только не хватало. Вокаде, Мартин, Боб, быстро к лошадям! Мы сейчас же поедем за шошонами. Они нам выдадут их, иначе мы превратим их всех в русский салат!

Он поспешил к пасшимся у воды лошадям.

— Стоп, сэр! — предостерег Олд Шеттерхэнд. — Это не так-то просто. Разве вы знаете, где находятся шошоны?

— Нет, но, надеюсь, вы нам это скажете.

— А сколько их?

— Вы думаете, мне взбредет в голову пересчитывать их поголовье, когда нужно выручать моего приятеля Толстяка Джемми? Сто или двести — все равно! Он должен быть освобожден!

— Повремените хоть немного, такие дела лучше делать не сгоряча! Мне кажется, сначала нам стоит кое-что обсудить. Я не один. Вот идет мой товарищ, который также хотел бы пожелать вам доброго вечера.

Виннету, заметив, что Олд Шеттерхэнд спокойно беседует с сидящими у костра, вышел из укрытия, ведя в поводу обеих коней. Длинный Дэви

был прямо-таки ошарашен, увидев краснокожего в обществе белого, но, по видимому, не посчитал вождя достойным своего вежливого обращения:

— Краснокожий! И тоже такой чистенький, будто только вылупившийся из яйца, как и вы. Собственно, кто вы такой? Вы не вестмен?

— Нет, строго говоря, нет. Это вы сразу угадали, — улыбнулся Олд Шеттерхэнд.

— Я так и думал. А этот индсмен, конечно, из тех оседлых, что приняли в дар от Белого Отца из Вашингтона кусок земли в несколько локтей?⁷³

— На этот раз вы ошибаетесь, сэр!

— Неужели.

— Да нет — точно. Мой спутник не получал от президента Соединенных Штатов никаких подарков. Он скорее...

Белого охотника внезапно прервал юный Вокаде, издавший возглас радостного удивления. Молодой индеец подошел ближе к Виннету и впился глазами в ружье апача.

— Уфф! — воскликнул он. — Маца-ска-мон-ца-вакон!⁷⁴ (Серебряное ружье!)

Длинный немного понимал язык сиу и догадался, что имел в виду Вокаде.

— Серебряное ружье? — удивился янки. — Где? Ах, вот! Так покажите же его, мой красный сэр!

Виннету молча позволил взять из его руки оружие.

— Это Маца-ска-мон-ца-вакон, — снова воскликнул Вокаде. — Значит, этот красный воин — Виннету, великий вождь апачей!

— Что? Да быть того не может! — по лицу Длинного скользнула ухмылка. — Хотя по описаниям очень похоже.

Он вопросительно взглянул на обоих пришельцев. В этот момент его лицо имело отнюдь не то выражение, которое присуще людям с большим умом.

— Это Серебряное ружье, — подтвердил Шеттерхэнд. — Мой спутник — Виннету.

— Эй, послушайте, не надо надо мной так глупо шутить!

— Па! Если хотите, считайте это шуткой. У меня нет никакого желания размалевывать на вашей спине родословную апачей.

— Сэр, это пошло бы вам только во вред! — нахмурился янки. — Но если этот красный джентльмен действительно Виннету, кто же тогда вы?

Тогда вы, пожалуй...

В тот момент, когда его осенило, он запнулся на полуслове. Дэви даже забыл закрыть рот. Он впился глазами в Олд Шеттерхэнда, всплеснул руками, чуть не подпрыгнул и продолжил:

— Ну конечно же! Вот где зарыта собака, что больше любого взрослого слона! Я стою тут и оскорбляю самого знаменитого вестмена, которого когда-либо только сушило солнце прерий! Если этот индсмен — Виннету, значит, вы — не кто иной, как Олд Шеттерхэнд, поскольку эти двое неразлучны, как и мы с Толстяком! Скажите, я прав, сэр?

— Да, вы не ошиблись.

— Тогда я от радости сейчас же стяну с небес все звезды и развешу их здесь на деревьях, чтобы отметить тот вечер, когда мы познакомились, как говорится, с иллюминацией! Добро пожаловать, господа, добро пожаловать к нашему лагерному костру! Простите нас за нашу глупость!

Он схватился за руки обоих и так сжал их, словно хотел, чтобы оба закричали от боли. Боб молчал. Ему было неловко за то, что он принял коня за привидение. А Вокаде тем временем отошел в тень, он оперся о дерево и прекратил бросать на прибывших восхищенные взгляды — даже совсем юные индейцы стараются не выставлять свои чувства напоказ. К тому же Вокаде считал, что допустил непростительную ошибку: вел себя с этими великими воинами как равный. Мартин Бауман не спускал глаз с обоих легендарных вестменов, о которых уже столько слышал, и, конечно же, не собирался удаляться от них, как Вокаде. Напротив, нимало не смущаясь, глаз с них не сводил. Дело в том, что они давно были для него кумирами, хотя он даже не надеялся когда-либо достичь их высот.

Виннету спокойно вынес рукопожатие Дэви; трем другим он в знак признательности кивнул — апач, как всегда, был сдержан. Олд Шеттерхэнд, напротив, постарался выказать свое расположение и, подал свою руку каждому, что сильно подействовало на Вокаде. Юный индеец, прижав правую руку к сердцу, тихо заверил:

— Вокаде охотно отдаст за Олд Шеттерхэнда свою жизнь. Хуг!

После того, как чествование было закончено, Шеттерхэнд и Виннету вместе со всеми присели у огня. Первый рассказывал, последний не произносил ни слова — он достал свою трубку и молча набил ее. Для Длинного Дэви это послужило сигналом к тому, что вождь хочет закрепить дружбу с ними дымом мира. Предположение американца подтвердилось: Шеттерхэнд в конце своей речи объявил, что они оба, Виннету и он, готовы сегодня же освободить Джемми и Фрэнка, а потом вместе со всеми ехать наверх, к Йеллоустоун-ривер.

Теперь Виннету зажег трубку и поднялся. После того, как он выдохнул дым во всех положенных направлениях, апач пояснил, что нта-йе, то есть «старший брат», должен стать новым знакомым, и передал трубку дальше — Олд Шеттерхэнду. От него она перешла к Дэви.

Когда тот сделал церемониальные затяжки, он почувствовал себя в затруднении — оба знаменитых вестмена уже раскурили трубку; имел ли он право передать ее юношам и негру?

Виннету догадался о его мыслях. Он кивнул в их сторону и произнес:

— Сын Охотника на медведей уже убил гризли, а Вокаде победил белого бизона. Оба станут великими героями, а потому должны раскурить трубку мира вместе с нами. Черный человек тоже выказал большую отвагу, когда захотел убить привидение.

Это было шуткой, над которой, пожалуй, можно было бы и посмеяться, но ритуал раскуривания трубки мира — серьезное дело, нарушать которое весельем недопустимо. Боб, конечно, хотел восстановить свою репутацию, поэтому он, получив, наконец, трубку и сделав несколько крепких затяжек, поднял руку, растопырил все пять пальцев на правой ладони, будто должен был пять раз поклясться, и выкрикнул:

— Боб быть массер Боб, быть герой и джентльмен! Он быть друг и защитник масса Виннету и масса Олд Шеттерхэнд.

При этом его глаза бешено вращались, а зубы скрежетали, что свидетельствовало о полной серьезности его заверения. После этого речь пошла о самом важном. Выработать план до деталей было невозможно, поскольку никто не знал, как обстояли дела у пленников. Сначала нужно было отыскать лагерь шошонов. Когда он будет найден, тогда все и решится, но не раньше.

Длинный Дэви по-прежнему был вне себя из-за того, что его Джемми в руках у краснокожих, а Мартин очень волновался о Хромом Фрэнке. Оба они были готовы положить свои жизни ради освобождения друзей. Вокаде по этому поводу заметил:

— Вокаде знал, что обоих бледнолицых постигнет несчастье. Он предупреждал их, но они не хотели слушать его слова.

— В этом они были правы, — заключил Дэви. — Если бы они не пошли по «слоновому» следу, то не нашли бы ни вождя апачей, ни Олд Шеттерхэнда. Хотя они и оказались в плену, мы, пожалуй, вызволим их, тем более, что нам помогут такие люди, лучше которых никто этого дела не сделает. Стало быть, вперед, к шошонам! Сегодня им придется познакомиться с самим Длинным Дэви!

И, не мешкая, они отправились в путь. Скачка была настолько

быстрой, насколько это было возможно, петляя по извилистому коридору бокового ущелья. На выходе из главного ущелья они свернули влево, на север. Проехали совсем немного, когда Виннету придержал своего жеребца. Остальные сделали то же самое.

— Виннету поедет впереди, — произнес вождь. — Пусть мои братья пустят коней шагом и стараются уловить каждый шорох. Им следует делать то, что от них потребует Олд Шеттерхэнд.

Он спешил и быстро сделал что-то с четырьмя копытами своего коня, потом сел на него снова и галопом помчался вперед. Шум стука копыт его жеребца стал теперь едва слышен. Звуки напоминали тихие и приглушенные удары кулаком о землю. Остальные двинулись шагом, как и сказал Виннету.

— Что он сделал? — осведомился Дэви.

— Разве вы не заметили, что на его поясе, как и у меня, висели точно такие же подковы и «лошадиная обувь»? — вопросом на вопрос ответил Олд Шеттерхэнд. — Он пристегнул жеребцу плетенки, чтобы стать неслышимым для врагов, а скорее, чтобы самому все слышать.

— Зачем?

— Шошоны, взявшие в плен ваших спутников, и в толк не берут, что поблизости может быть еще кто-то. Но Токви-тей, их вождь, умнее и осторожнее, чем его воины. Он скажет себе, что два охотника вряд ли рискнут оказаться одни в таких опасных местах, а потому вполне вероятно, что он вышлет дополнительных разведчиков.

— Па! Совершенно пустая затея. Как эти парни найдут нас в потемках? Они даже не догадываются, где мы можем быть, не увидят и следов.

— Вы слывете настоящим вестменом, мастер Дэви, и я удивляюсь вашим речам! У шошонов здесь охотничьи угодья и пастбища, а значит, они тут знают каждую пядь земли. Или вы думаете — нет?

— Согласен.

— Ну, тогда делайте выводы! Станут ли осторожные охотники, оказавшиеся здесь, располагаться на открытой местности или в песчаной котловине бывшего озера?

— Ни в коем случае.

— А где же они укроются?

— В скалах, конечно.

— Стало быть, в какой-нибудь долине или ущелье. Вы можете объехать все окрестности, но, кроме долины старого русла реки, по которому следовали шошоны, и ущелья, где вы располагались на ночь,

ничего не отыщете. Там и только там, следовательно, им нужно искать вас.

— Дьявольщина! Вы правы, сэр. Да, что говорить, мы едем с самим Олд Шеттерхэндом.

— Благодарю за комплимент, но он не по адресу, ибо то, что я вам говорю, может сказать каждый, кто прожил на Западе хотя бы несколько месяцев. А теперь продолжим: в местности, подобной этой, спутники никогда не расстаются надолго. Отсюда следует, что вы не могли удалиться далеко от Джемми и Фрэнка, значит, ваш лагерь не в глубине ущелья, а, скорее всего, в его ответвлении, которое предпочтет любой толковый вестмен. Таким образом, шошоны совершенно точно знают, где следует вас искать. То, что вы считаете невозможным, на самом деле достижимо без особых хлопот. Об этом прежде всего догадается вождь шошонов, но то, что я вам сейчас объяснял, знает и Виннету. Он поскакал вперед, чтобы не дать разведчикам шошонов обнаружить нас.

Дэви что-то проворчал себе под нос, потом выдал:

— Вы здорово все растолковали, сэр! Но сдается мне, дело апача не выгорит.

— Почему?

— Как может он в такой тьме заметить едущих ему навстречу разведчиков? Да они прежде увидят его или хотя бы услышат!

— Когда речь идет о Виннету, такие сомнения неуместны. У него великолепный конь, он отлично выдрессирован — так, как мне кажется, вам и не снилось. Это животное, к слову сказать, еще перед входом в боковое ущелье ясно дало понять, что вы находитесь там. Так, я уверен, будет и на этот раз: тем более мы едем против ветра — конь заранее сообщит своему хозяину о приближении любого существа. А потом, вы просто не знаете апача. Его интуиция остра, как у дикого зверя, если что-то упустят глаза, уши или обоняние, сработает его шестое чувство, которым обладают только те, кто с рождения живет среди дикой природы. Это не просто дар предвидения, скорее это инстинкт. Он сильнее любого другого вида чутья. И на того, у кого он есть, можно полагаться смело.

— Хм, что-то такое есть и у меня.

— У меня тоже, но в этом с Виннету мне не тягаться. Теперь дальше: не забывайте — его конь носит «обувку», в то время как шошоны, если они действительно отправились на разведку, и не подумают позаботиться о том, чтобы скрыть стук копыт своих лошадей.

— Ого! Они осторожны будут не меньше нашего! — заметил Дэви с видом знатока.

— Не думаю, в сложившейся обстановке они считают осторожность не

только излишней, но даже вредной.

— Почему вредной? — искренне изумился американец.

— Потому что она не позволит им действовать быстро. Они убеждены, что вы до сих пор находитесь на своей стоянке в ожидании ваших спутников. И, стало быть, уверены, что ни с кем по пути не столкнутся, и не станут сдерживать своих коней.

— Хм, все логично, с вами трудно не согласиться. Я повидал достаточно всего в жизни и многих умных парней не раз оставлял в дураках. Но вот сейчас тут, перед вами, должен признать, немного спасовал. Виннету сказал, что мы должны исполнять вашу волю — стало быть, он провозгласил вас нашим предводителем, а это мне, признаюсь, втайне не давало покоя, но теперь я вижу, что он был прав. Вы сильно превосходите нас, потому я и в будущем охотно стану под ваше знамя.

— Такого я и в мыслях не держал. В прерии у всех равные права. Я не претендую на какие-либо привилегии по этой части. Я так полагаю: пусть главное решает тот, у кого больше опыта или способностей, но никто в подобных делах не должен ничего предпринимать без согласия на то других. Золотое правило, проверено не раз и не два.

— Well, там видно будет. Но что мы предпримем, если встретимся с разведчиками шошонов, сэр?

— А как вы считаете?

— Оставим их на свободе.

— Вы серьезно?

— Да. Они не смогут нам помешать. Мы сделаем свое дело прежде, чем они вернутся.

— Как раз этого никто не может утверждать. Если мы позволим им пройти, они отыщут место лагеря и потушенный костер.

— Чем же это грозит?

— Очень многим. Они смекнут, что мы уехали с целью выручить пленных.

— Вы и вправду думаете, что они сделают такой вывод? А не решат ли они, что мы просто продолжили нашу прерванную скачку?

— Только не это. Люди, к которым не вернулись их товарищи, не поедут без них дальше, это же ясно, как божий день!

— Значит, вы хотите этих разведчиков обезвредить?

— Вот именно.

— То есть убить?

— Нет. Человеческая кровь, знаете ли, — весьма ценная жидкость. Виннету и Олд Шеттерхэнд всегда помнят об этом и никогда не пролили

зря ни капли чужой крови. Я — друг индейцев и знаю, кто прав — они или те, кто снова и снова вынуждает их защищаться и хвататься за нож. Красный человек ведет отчаянную борьбу, и он, по-видимому, проиграет в ней. Я готов пощадить индейца, даже если он считает меня врагом, ибо знаю, что его вынудили быть моим противником. Потому мне и сегодня не взбредет в голову совершить убийство.

— Как же вы хотите вывести шошонов из игры, не убивая их? Если мы столкнемся с ними лоб в лоб, схватка неизбежна! Они станут защищаться ружьями, томагавками, ножами...

— Па! Не имею ни малейшего желания встречаться с врагами, но ради вашего вопроса и ответа на него хотел бы, чтобы они все же выслали разведчиков — у вас появилась бы возможность увидеть, как захватывают таких людей, как они.

— А если их окажется слишком много?

— Этого не стоит опасаться. Чем их больше, тем сильнее они будут мешать друг другу. К тому же более, чем двух, никто не вышлет на разведку, а... Стойте, кажется, Виннету едет!

В следующий миг, не издав ни малейшего шума, как призрак, перед ними возник вождь апачей.

— Разведчики! — Он был предельно лаконичен.

— Сколько их? — осведомился Шеттерхэнд.

— Двое.

— Отлично! Виннету, Дэви и я остаемся здесь, другие быстро поскачут в пески, возьмут с собой лошадей и будут ждать от нас сигнала.

Охотник спрыгнул на землю, Дэви тоже. Виннету уже передал поводья своего жеребца Вокаде.

В течение трех секунд остальные исчезли из виду.

— Что будем делать? — обратился Дэви к Олд Шеттерхэнду.

— Вам ничего не надо делать, кроме того, что быть внимательным, — ответил Шеттерхэнд. — Прислонитесь здесь к дереву, чтобы вас никто не заметил. Слышите? Это они.

Белый охотник и апач тотчас передали ружья и животных своему спутнику.

— Ши дарте, ние овье!⁷⁵ — произнес вождь апачей, указав рукой вправо и влево, а потом исчез.

Длинный Дэви прислонился к дереву, как только Шеттерхэнд распластался на земле и пополз вперед. Разведчики приближались достаточно быстро. Они переговаривались. Их диалект не позволял сомневаться в том, что они действительно были шошонами. Вот они уже

совсем рядом, вот проехали мимо места, где притаились белый и индеец.

Длинный Дэви увидел, как Олд Шеттерхэнд поднялся с земли и бесшумно разбежался.

— Сарич!⁷⁶ — успел выкрикнуть один из разведчиков, но больше ни одного звука не было слышно.

Дэви выскочил из засады. Он заметил двух человек на одной лошади или, скорее, четырех человек на двух лошадях — двоих нападавших и две жертвы. Животные понесли, рванувшись вперед, потом назад и в стороны, но напрасно. И всадники и лошади оказались в полной власти двух внезапно набросившихся на них людей. Шошоны с самого первого момента не имели возможности защищаться. После короткой борьбы все стихло, и лошади покорно стали.

Шеттерхэнд спрыгнул вниз, держа бесчувственного разведчика под руки.

— Сарки?⁷⁷ — спросил он, повернув голову направо.

— Сарки! — ответил Виннету откуда-то из темноты.

— Эй, люди, идите сюда!

Тотчас появились находившиеся поблизости Вокаде, Мартин и Боб.

— Они у нас в руках. Привяжем их лассо к их же лошадям и возьмем с собой. Итак, у нас есть двое заложников, которые будут нам полезны.

Шошоны, которым крепко сдавили горло, вскоре снова пришли в себя. Естественно, их разоружили, после чего ошарашенных пленников привязали к лошадям — ноги под брюхом животных, а заломленные назад руки также стянули крепким лассо. Олд Шеттерхэнд предупредил шошонов, что при малейшей попытке к сопротивлению они будут убиты. И маленький отряд тронулся в путь.

Хотя разведчики были обезврежены, Виннету продолжал скакать впереди. Предосторожность апача была небезосновательной.

Через некоторое время они достигли бывшего русла реки, которое уходило от них влево, в горы. Всадники свернули и двинулись по нему. Ехали молча, кто-нибудь из разведчиков наверняка неплохо знал английский.

Через полчаса они снова встретились с едущим впереди Виннету, который придержал вдруг своего коня.

— Пусть мои братья спешатся, — произнес он. — Лагерь шошонов там, за холмом, и нам придется подниматься по склону через лес.

Проделать это было вовсе не легко, особенно из-за пленных. Под деревьями царил непроницаемый мрак. Люди шли на ощупь, выставив

вперед одну руку, а другой вели лошадей в поводу. Виннету и Олд Шеттерхэнд выполняли самую тяжелую работу — они были первопроходцами, ведущими еще и лошадей пленников. Лишний раз можно было убедиться, как умны их жеребцы: животные, словно верные псы, трусили сами по себе позади хозяев, и, несмотря на тяжелейший путь, не издавали никаких звуков, хотя другие лошади довольно громко сопели и фыркали.

Наконец тяжелый участок был преодолен. Апач остановился.

— Мои братья у цели, — сказал он. — Пусть они привяжут своих коней, а потом помогут привязать пленных к деревьям.

Оба шошона, как только их приставили к стволам, тотчас получили по кляпу, хотя и позволяющему дышать, но не дающему говорить, а уж тем более кричать. Затем апач подал знак своим спутникам, чтобы те следовали за ним.

Он отвел их всего на несколько шагов вперед. Вершина, на которую они только что поднялись с восточной стороны, здесь снова круто обрывалась. Там, внизу, покоилась котловина, о которой говорил Виннету и где пылал один-единственный большой костер. Сориентироваться на местности было невозможно. Люди видели лишь свет костра, и больше ничего, все остальное поглотила непроглядная тьма.

— Так, значит, мой Толстяк сейчас там, внизу? — Дэви первым нарушил молчание. — Чем он занимается?

— Что может делать пленник у индейцев? Ничего, — ответил ему юный Бауман.

— Ого! Вы плохо знаете Джемми, мой мальчик! Несомненно, он уже придумал, каким способом уже сегодня выйти прогуляться, не спрашивая разрешения у этих краснокожих бездельников!

— На этот раз ему без нас не справиться, — без тени высокомерия констатировал Шеттерхэнд. — Впрочем, он знает — я приду к нему на выручку, и догадывается, что и вас приведу с собой.

— Ну, сэр, тогда не будем терять времени, и быстро вниз!

— Только тихо и осторожно. Спустимся один за другим. Одного оставим у коней и пленников — того, на кого вполне можно положиться. Это Вокаде!

— Уфф! — вырвалось из груди юного индейца, воодушевленного огромным доверием, оказанным ему Олд Шеттерхэндом.

Поскольку знаменитый охотник видел его сегодня впервые, оставлять такого молодого парня одного вместе с пленниками и лошадьми, несущими всю поклажу седоков, было, пожалуй, рискованно, но искренность, с

которой Вокаде заверил, что его жизнь принадлежит Олд Шеттерхэнду, укрепила доверие белого. Впрочем, исподволь наблюдая за юношей, Шеттерхэнд успел сделать вывод, что у того достаточно хладнокровия, чтобы справиться с данной задачей.

— Мой юный красный брат сядет рядом с пленниками с ножом в руке, — напутствовал он Вокаде, — а если кто-либо из них попытается бежать или начнет шуметь, пусть мой брат воткнет нож ему в сердце!

— Вокаде сделает это!

— Он останется тут, пока мы не вернемся, и ни в коем случае не покинет это место!

— Вокаде будет сидеть здесь и голодать, даже если мои братья не вернуться!

Индеец произнес это таким тоном, что не оставалось сомнений — свое обещание он сдержит любым способом. Он вытащил нож — «боуи» и сел между пленниками. Олд Шеттерхэнд еще раз напомнил последним, что их ждет, если они не будут вести себя спокойно, после чего пять человек начали тяжелый спуск.

Склон, как уже упоминалось, был достаточно крут. Деревья едва не терлись друг о друга своими ветвями, а между ними разрослось столько зарослей и разлапистых кустов, что отважные люди, соблюдавшие повышенную осторожность, продвигались вперед очень медленно. Они не имели права издавать ни единого звука. Хруст одной-единственной ветки мог выдать их.

Виннету пробирался впереди — его глаза ночью видели не хуже, чем глаза кошки. За ним крался Мартин Бауман, следом — Длинный Дэви, после него — негр, а последним был Олд Шеттерхэнд.

Прошло более трех четвертей часа, прежде чем было преодолено расстояние, на которое при дневном свете ушло бы не больше пяти минут. Внизу, в котловине, люди оказались на лесной опушке: на дне ее деревья не росли. То тут, то там поднимались лишь отдельные кустики.

Костер горел ярко, что совсем не в правилах индейцев. Это было знаком того, что шошоны чувствовали себя в полной безопасности.

В то время как белые складывают дрова друг на друга так, чтобы огонь сразу пожирал их, порождая высокое, издали заметное и сильно дымящее пламя, индейцы кладут поленья по кругу таким образом, чтобы каждое являлось его радиусом. Только в центре горит маленькое пламя, поддерживаемое потихоньку подталкиваемыми в середину поленьями. Такой огонь часто используется краснокожими, его низкое пламя легко скрыть, и от него очень мало дыма, который едва ли можно заметить даже

на небольшом удалении. К тому же индейцы — мастера отыскивать именно тот хворост, что при горении почти не распространяет никаких запахов. Вообще запах дыма на Западе крайне опасен. Острый нюх краснокожего распознает его даже на большом расстоянии.

Но сегодня огонь был разведен по способу белых, а аромат жареного мяса стелился по всей долине. Виннету втянул в себя воздух и прошептал:

— Макаши-сиче⁷⁸.

Его обоняние было развито так великолепно, что вождь смог определить даже то, какая именно часть туши зверя жарится.

Все пятеро увидели три большие палатки, расставленные по вершинам треугольника, самый острый угол которого смотрел прямо на наблюдавших. Ближайшая к ним палатка была украшена орлиными перьями, там жил вождь. Костер пылал в самом центре треугольника.

Лошади краснокожих паслись неподалеку в траве; они не были привязаны. Воины сидели у огня и спокойно вырезали себе порции жаркого прямо с запекшейся туши, насаженной над огнем на крепкий сук. Они вели себя очень шумно, что также противоречило всем индейским законам. Похоже, то обстоятельство, что они недавно поймали двух пленников, и привело их в такое возбужденное состояние. Несмотря на ощущаемую ими безопасность, они выставили несколько часовых, которые неторопливо прохаживались взад-вперед. Но по их виду было ясно, что все они считают себе несправедливо обойденными и больше интересуются тушей на костре, нежели окрестностями лагеря.

— Дело дрянь, — пробурчал Дэви. — Как же мы их выручим? Какие есть предложения, господа?

— Прежде всего мы хотели бы услышать ваше собственное мнение, мастер Дэви, — заметил Олд Шеттерхэнд.

— Мое? Zounds! У меня его нет.

— Тогда соблаговолите пораскинуть мозгами!

— Это тоже ничего не даст. Я представлял себе дело несколько иным. Красные бездельники совсем из ума выжили — торчат себе между палаток вокруг огня, и нет никакой возможности сунуться к ним! Могли бы и разойтись по вигвамам!

— Я смотрю, вы привыкли к комфорту, сэр. Может, вы желаете, чтобы индсмены заложили экипаж и доставили сюда вашего Толстяка Джемми?

— Неплохо было бы! Но мне не до шуток! Если бы только знать, в какой палатке они их прячут!

— Естественно, в вигваме вождя.

— Тогда у меня есть предложение.

— Какое же?

— Мы подползем к нему как можно ближе и нападём на них, когда они нас заметят. При этом поднимем такой шум и разыграем такой спектакль, что они тотчас сбегут, а мы вытащим пленников из палатки и тоже как можно скорее уберемся оттуда.

— Это и есть ваше предложение?

— Да.

— Вы не хотите еще чего-нибудь добавить?

— Нет. Но скажите: моя идея вам по вкусу?

— Нет,

— Ого! Вы полагаете, что выдумаете нечто получше?

— Получше? Не берусь утверждать, но глупостей предлагать не стану.

— Сэр! Не слишком ли много вы себе позволяете?! Я все же Длинный Дэви!

— С некоторых пор мне это известно. Я не хотел вас обидеть. Вы видите: индсмены держат оружие при себе. Если мы нападём на них, они, пожалуй, и будут ошеломлены, но лишь на миг, только на один миг. Потом они бросятся на нас.

— Но я полагаю, что это никого из нас не напугает.

— Риск очень велик, а зря рискует только глупец. Даже если мы победим, прольется очень много крови, а этого можно избежать. Какой прок вам с того, если мы освободим пленников, а сами вы будете застрелены? Не лучше ли найти иной путь, который приведет нас к цели без кровопролития?

— Сэр, если бы вы нашли такой путь, я, конечно же, снял бы перед вами шляпу.

— Возможно, он уже найден.

— Так не тяните, рассказывайте, что да как. Я сделаю все, что в моих силах!

— Перетруждаться вам, может, и не придется. Я хочу знать, что скажет о моем плане вождь апачей.

Охотник накоротке переговорил с Виннету, разумеется, на языке апачей, которого никто, кроме них, не знал. Потом он снова обратился к Длинному Дэви:

— Итак, мы с Виннету сделаем одну вещь. Вы спокойно останетесь здесь, после того как мы удалимся. Если мы не появимся через два часа, вы все равно ничего не станете предпринимать. Только когда вы услышите три раза подряд громкий стрекот сверчка, можете вмешаться.

— Каким же образом?

— Вы быстро, но по возможности тихо и незаметно подойдете к палатке, расположенной к нам ближе других. Я и Виннету подползем туда раньше. Если нам потребуется ваша помощь, я подам вам упомянутый знак.

— Разве вы можете подражать сверчку?

— Естественно! Охотник должен уметь подражать голосам разных зверей. Важно, чтобы это было животное или насекомое, чей голос соответствует тому времени суток, когда он обычно звучит. Сверчок стрекочет, как известно, по ночам, стало быть, шошоны не обратят на него внимания, если услышат.

— Но как вам это удастся?

— Очень просто — благодаря травяному стеблю. Руки складываются вместе так, чтобы большие пальцы лежали друг на друге, а травинка зажимается ими таким образом, чтобы была туго натянута. Между двух нижних фаланг больших пальцев образуется узкое пространство, в котором стебелек может вибрировать. Благодаря этому получается что-то вроде духового инструмента. А теперь коротко дуют в стебель вот так: «фрр-фрр-фрр!», плотно прижав при этом рот к большим пальцам — вот так рождаются звуки, очень напоминающие стрекот сверчка. Конечно, сначала нужно поупражняться.

Тут вмешался Виннету:

— Пусть мой белый брат оставит объяснения на потом. Сейчас у нас нет на это времени. Пора начинать.

— Хорошо! Может, возьмем с собой наши тотемы?

— Да. Шошоны должны узнать, кто посетил их.

Многие вестмены и выдающиеся индейские воины пользуются своими тотемами или амулетами с изображением тотема как отличительными знаками, по которым можно узнать, к какому племени или клану принадлежат их владельцы. Иной раз краснокожий вырезает свой тотем на ухе, на щеке, на лбу или руке убитого им в бою врага. Кто потом отыщет труп и узнает тотем, тот узнает и победителя, который снял с павшего скальп.

Виннету и Олд Шеттерхэнд сломали несколько коротких веток с ближайшего кустарника и заткнули их за пояс — с их помощью они могли теперь изготовить знаки, известные каждому краснокожему.

Потом они направились к индейскому лагерю, легли на землю и стали пробираться к цели, что находилась шагах примерно в восьмидесяти от них.

Глава шестая. У ШОШОНОВ

Незаметно подкрадываться к врагу — занятие не из легких. Если нет никакой опасности и причин заботиться о том, чтобы замаскировать следы, можно ползти вперед, опираясь на локти и колени. В результате остаются довольно крупные отпечатки, особенно в траве. Но если хочешь избежать всего этого, продвигаться вперед приходится исключительно на кончиках пальцев рук и ног. При этом нужно вытянуться во всю длину тела, чтобы оно находилось как можно ближе к земле, однако не касалось ее, и всей тяжестью опереться на пальцы. Чтобы научиться выдерживать подобную нагрузку хотя бы недолго, необходимы сила и ловкость, а кроме того, упражнения в этом занятии, и за несколько лет упорных тренировок можно обрести это умение. Бич пловцов — судороги во время плавания, вестмены могут также сказать о судорогах при подобном передвижении. И в том и в другом случае судороги могут привести даже к смерти.

Пока вестмен крадется к врагу, он должен быть предельно внимателен и ни в коем случае не ставить руку или ногу на землю, прежде чем хорошенько не обследует поверхность. Если, к примеру, его пальцы наткнутся на маленькую, незаметную ветку, да еще и сухую, которая обязательно треснет, то треск этот может повлечь за собой весьма плачевные последствия. Опытный охотник сразу уловит, человек или зверь тому причиной. Со временем все органы чувств вестмена развиваются до полного совершенства, и он, лежа на земле, может услышать даже шорох бегущего жука. Упадет ли с ветки на землю сухой листок сам по себе или его неосторожно стряхнет скрывающийся враг — это уж он непременно разберет.

Тот, кто владеет искусством незаметно подкрадываться к врагу, пальцы стоп ставит именно в те места, где прежде побывали пальцы рук. Остающийся след почти незаметен, и его можно легко и быстро замести.

От того, насколько хорошо ты умеешь замести след, часто зависит жизнь. Впрочем, вестмен сказал бы «погасить». Особенно когда подкрадываешься к какому-нибудь лагерю, но самая тяжелая и опасная часть этого предприятия — обратный путь. Возвращаться следует спиной вперед, «гася» за собой каждый оставленный отпечаток. «Гашение» производится правой рукой, поскольку обе ступни и пальцы левой держат тем временем на себе все тело. Кто хотя бы раз пробовал продержаться в таком адском положении лишь минуту, быстро поймет, какое колоссальное

напряжение должен испытывать охотник, иногда часами находящийся в таком положении.

Так было и на этот раз. Олд Шеттерхэнд — впереди, Виннету — за ним; и оба медленно продвигались вперед вышеописанным способом. Белый ощупывал землю дюйм за дюймом, а индеец заботился о том, чтобы продвигаться точно след в след за ним. Именно поэтому они приближались к своей цели ужасно медленно.

Трава здесь вымахала почти высотой в локоть. С одной стороны, это было им на руку, но с другой — в высокой траве любой след обнаружить легче. Но вот лагерь уже совсем близко, недалеко от них медленно ходил взад-вперед часовой. Как тут подобраться к палатке незамеченными?

Для обоих разведчиков это было делом привычным.

— Должен ли Виннету взять часового на себя? — шепотом спросил вождь апачей.

— Нет, — ответил Шеттерхэнд так же тихо. — Тут я могу положиться на свой кулак.

Бесшумно, как змеи, скользили они в траве, все ближе и ближе подбираясь к стражу. А тот и понятия не имел, что совсем рядом затаился враг. Фигура краснокожего в свете костра обрисовывалась предельно четко. Он казался еще юным и не имел никакого другого оружия, кроме ножа за поясом и ружья, которое он для удобства взвалил на плечо. Его тело прикрывала бизонья шкура. Черты его лица разглядеть было невозможно: все оно было покрыто красными и черными пересекающимися полосами — такова была боевая раскраска шошонов.

Он ни разу не посмотрел в сторону обоих разведчиков, следовательно, его внимание было приковано в основном к лагерю. Очень возможно, что аромат жарившегося на огне мяса привлекал его больше, чем это допустимо для часового.

Но даже брось он свой взгляд в то место, где затаились белый и индеец, вряд ли он смог бы их заметить: темные фигуры последних в тени, которую отбрасывала большая палатка, совершенно не выделялись на темном море травы.

И тем не менее они находились от часового уже в восьми шагах! Он, вышагивая взад-вперед по одной линии, протоптал в траве почти прямую дорожку. Это было благоприятное обстоятельство: на вытоптанной дорожке не осталось бы предательских следов.

Сейчас он в очередной раз развернулся в крайней точке своей линии патрулирования и снова медленно двинулся назад, идя справа налево, если смотреть с того места, где находились два затаившихся разведчика. Они,

естественно, оставили свои ружья, чтобы они не мешали им при передвижении. Итак, часовой прошел мимо них и теперь, как и они, находился в тени.

— Быстро! — прошептал Виннету.

Олд Шеттерхэнд резко выпрямился, сделал два гигантских прыжка по направлению к индейцу, как вдруг тот, услышав шум, обернулся. Кулак Шеттерхэнда, как смерч, обрушился на его голову. Сильный удар в висок отбросил бесчувственного краснокожего в траву.

В два прыжка Виннету оказался рядом.

— Он мертв? — спросил апач.

— Нет, только без сознания, — тихо ответил белый.

— Пусть мой брат его свяжет. Виннету станет на его место.

Флинт шошона был поднят с земли и заброшен на плечо; «часовой» снова занял свое место и продолжил патрулирование. Издалека едва ли можно было догадаться о подмене. Это был очень дерзкий, но необходимый шаг. Между тем Шеттерхэнд подобрался к палатке вождя и попытался слегка приподнять край ее полотна, чтобы заглянуть внутрь, но оно оказалось натянутым очень туго, сначала нужно было развязать веревку, которой холст крепился к шесту.

Но делать это надо так, чтобы изнутри ничего не заметили, иначе все пропало! И Шеттерхэнду это удалось. Прижавшись как можно плотнее к земле, охотник, наконец, тихо приподнял край жестко натянутого полотна.

То, что он увидел, весьма его удивило. Внутри палатки не было не только пленников, но и ни одного воина-шошона. Один лишь вождь, развалившись на бизоньей шкуре, курил издающий острый запах киникинник — смесь табака и кожицы ивы либо листьев дикой конопли — и спокойно наблюдал через полуоткрытый вход в вигвам за оживленной сценой, разыгравшейся у костра. Олд Шеттерхэнд оказался у него за спиной.

Он точно знал, что нужно делать дальше, но все же сначала хотел получить согласие апача на это. Потому он опустил полотно, отвернулся от палатки, выдернул травяной стебель и зажал его между двумя большими пальцами описанным ранее способом.

Послышался легкий стрекот.

— Тхо-инг-каи!⁷⁹ — донеслось от костра, где сидели шошоны.

Если бы говоривший знал, что это за сверчок! Стрекот послужил для Виннету сигналом приблизиться. Апач и в этот напряженный момент не изменил себе — в его движениях не было никакой суеты и торопливости, и вскоре он оказался в тени палатки, где стал невидимым для глаз шошонов.

Положив ружье на траву, он лег на землю и через мгновение был уже возле вигвама.

— Зачем мой брат зовет меня? — спросил он шепотом.

— Я знаю, что надо делать, но хочу получить твое согласие на это, — ответил Шеттерхэнд. — Пленников в палатке нет.

— Это плохо. Нам придется вернуться назад, а потом заглянуть в другие палатки.

— Может быть, это и не понадобится, ведь там сидит Токви-тей, Черный Олень.

— Уфф! Сам вождь! Он один?

— Да.

— Тогда нам не нужно искать пленников!

— Мой брат читает мои мысли. Если мы возьмем в плен вождя, то вынудим шошонов освободить Толстяка Джемми и Хромого Фрэнка.

— Мой брат прав. Могут ли шошоны у костра заглянуть в палатку?

— Да! Но свет огня не достигает того места у нее, где находимся мы.

— И все же они сразу заметят, что их — вождя там больше нет.

— Они решат, что он пересел в тень. Пусть мой брат Виннету приготовится помочь мне, если моя первая попытка не удастся.

Все это было сказано настолько тихо, что внутри палатки не было слышно даже отзвуков разговора.

Виннету бесшумно, медленно приподнял полотно настолько, чтобы Олд Шеттерхэнд, который словно прилип к земле, мог заползти внутрь палатки. Отважный охотник проделал это так мастерски, что Черный Олень и ухом не повел.

Итак, Шеттерхэнд находился в палатке. Апач на полкорпуса тоже просунулся за ним, чтобы при необходимости мгновенно прийти на выручку. Шеттерхэнд вытянул вперед руку. Теперь он мог достать шошона. И...

Короткий, сокрушительной силы удар ребром ладони по шее, и Черный Олень выронил трубку, его руки судорожно взметнулись в воздух, словно пытаясь зацепиться за него, а потом безжизненно повисли, и вождь повалился на бок. Казалось, он больше не дышал.

Олд Шеттерхэнд быстро оттащил тело в тень, уложил его на шкуры, после чего выполз из палатки, вытянув за собой вождя.

— Удалось! — обрадованно шепнул Виннету. — Мой белый брат обладает силой медведя. Но как мы его унесем? Нам нужно вынести его и не забыть «погасить» наши следы.

— Это не так-то просто.

— И что будем делать с часовым, которого мы связали?

— Прихватим с собой. Чем больше шошонов окажется у нас в руках, тем скорее краснокожие выдадут своих пленников.

— Тогда мой брат понесет вождя, а Виннету — другого шошона. Мы, конечно, не сможем замести следы, придется вернуться сюда еще раз.

— Но так мы потеряем слишком много времени, а...

Белый охотник замолчал. Произошло нечто такое, что положило быстрый конец всем их размышлениям — раздался громкий, пронзительный крик.

— Тигув-их, тигув-их!⁸⁰ — кричал чей-то голос.

— Часовой очнулся. Быстро! Вперед! — проговорил Шеттерхэнд. — Берем его и уходим!

Виннету уже летел огромными прыжками к тому месту, где лежал связанный шошон, легко подхватил его и мгновенно исчез из виду.

В этот же миг Олд Шеттерхэнд в очередной раз подтвердил свою репутацию лучшего из вестменов. Несмотря на опасность, он все же на несколько мгновений задержался за палаткой. Вытащив веточки, которые он сломал заранее, охотник снова приподнял полотно вигвама и воткнул их в землю внутри палатки так, что они скрестились, напоминая рогатку. Лишь после этого он взвалил на плечи вождя и поспешил с ним прочь.

Шошоны сидели у костра очень близко от огня. Их ослепленные ярким светом глаза, как и предполагал Шеттерхэнд, не сразу смогли разглядеть что-то в непроглядной темноте. Индейцы вскочили сразу же, но сколько ни пытались всмотреться в ночь, ничего не увидели. К тому же они не могли толком понять, откуда именно прозвучал этот сдавленный крик. Это замешательство и позволило Виннету и Олд Шеттерхэнду беспрепятственно ускользнуть.

На обратном пути апач поневоле остановился, он был уже не в силах затыкать шошону рот. Пленнику не удалось еще раз позвать на помощь, но он все же так громко стонал, что Виннету пришлось сдавить ему горло рукой.

— Черт возьми, кого вы это принесли? — удивился Длинный Дэви, когда оба разведчика сбросили свою ношу на землю.

— Заложников, — ответил Шеттерхэнд. — Быстро заткните им рты кляпами, а вождя свяжите.

— Вождя? Вы шутите, сэр?

— Нет, это он, не сомневайтесь!

— Heavens! Вот это да! Об этом еще долго будут рассказывать повсюду! Черный Олень похищен прямо под носами своих воинов! На

такое способны действительно лишь Олд Шеттерхэнд и Виннету.

— Не тратьте время на болтовню! Нам надо спешить наверх, к вершине, где остались наши лошади.

— Моему брату не нужно спешить, — возразил апач. — Отсюда лучше, чем сверху, будет видно, что предпримут шошоны.

— Виннету прав, — признал Шеттерхэнд. — Шошонам и в голову не взбредет заявиться сюда, пока они не знают, с кем имеют дело и сколько нас. Они ограничатся тем, что закрепятся в лагере. Лишь на рассвете они, возможно, что-нибудь предпримут.

— Виннету позаботится о том, чтобы у них не хватило мужества оставить лагерь.

Вождь апачей вытащил свой револьвер и опустил ствол низко к земле. Шеттерхэнд сразу же догадался, что он задумал.

— Постой! — предостерег он друга. — Шошоны не должны видеть пламя выстрела, иначе они догадаются, где мы. Господа, подайте сюда ваши куртки и пиджаки! Я думаю, что это их обманет.

Длинный Дэви снял свой резиновый плащ, остальные также выполнили просьбу Олд Шеттерхэнда. Потом они развернули свою одежду и держали ее в руках так, чтобы со стороны лагеря она закрывала огонь выстрелов, как своеобразная ширма. Виннету два раза спустил курок. Как только грохнули выстрелы, наполнившие своим гулким эхом всю долину, шошоны ответили леденящим душу воем.

Шошоны явно растерялись — ведь на них никто не нападал. Если противник и вправду существует, то почему он медлит с атакой? А может, тревога была ложной? Но кто же тогда издал этот крик? Наверняка один из часовых. Обо всем нужно было спросить его. И первый, кто должен проделать это, — их вождь. Но почему в таком случае он до сих пор не выходит из палатки?

У входа в вигвам вождя сгрудилась толпа воинов. Помявшись несколько минут, они все же решили заглянуть внутрь и оторопели...

— Черный Олень уже ушел, чтобы поговорить с часовым, — высказал наконец свою догадку кто-то из них.

— Мой брат ошибается, — возразил ему другой. — Вождь не мог выйти из палатки незаметно для нас.

— Но его здесь нет!

— И он не мог уйти!

— Значит, это дело рук Вакан-танки, Злого Духа!

И тогда сквозь строй молодых воинов протиснулся старый седоволосый шошон и сказал:

— Злой Дух может убить и принести несчастье, но заставить воина исчезнуть он не может. Если вождь не выходил из палатки, но все же исчез, он мог покинуть ее только в одном случае...

Воин прервался. Тут все обратили внимание на то, что прежде только часть рогожи, прикрывавшей вход, была приподнята, теперь же вход был открыт полностью, и пламя костра освещало всю палатку изнутри. Старик вошел внутрь и вдруг, заметив что-то, нагнулся.

— Уфф! — вырвалось у него. — Вождя похитили!

Никто ему не ответил. Как похитили? Это просто не укладывалось в их головах, но возразить такому уважаемому воину никто не решался.

— Мои братья сомневаются? — спросил седоволосый, всмотревшись в лица молодых. — Пусть они поглядят сюда. Смотрите, у самого шеста веревка распущена, а полотно ослаблено. А вот здесь воткнуты в землю ветки. Я знаю, кто его оставил. Это знак Нон-пай-кламы, которого бледнолицые называют Олд Шеттерхэндом. Он был здесь и похитил Черного Оленя.

В этот миг как раз прозвучали два выстрела апача.

— Быстро тушите огонь! — приказал старик. — Враги не должны видеть цели.

Индейцы тут же разбросали в сторону горящие сучья и затоптали пепелище. Вождь исчез, и само собой вышло так, что шошоны теперь подчинялись самому старому и самому опытному среди них воину. Все вокруг погрузилось во мрак. Каждый взял свое ружье, и по приказу старика воины оцепили вигвамы, чтобы отразить нападение неприятеля с любой стороны.

Трое из выставленных для охраны лагеря четырех часовых, как только услышали выстрелы, вернулись в лагерь, но один из них все не появлялся. Исчез Мох-ав, сын вождя шошонов. Его имя на языке этого племени означает «москит», и стало быть, юный индеец получил его, вероятнее всего, за храбрость и великолепное владение ножом, от которого погиб уже какой-нибудь противник.

Один из самых храбрых воинов вызвался найти его и получил разрешение на это. Он лег в траву и через несколько секунд растворился в ночи. Вскоре он вернулся назад с ружьем Москита. Тут уж ни у кого сомнений не осталось — с сыном вождя что-то случилось.

Старик накоротке посоветовался с самыми авторитетными воинами, и этот совет решил: палатка, где находились пленники, должна охраняться особенно бдительно, лошадей следует привязать к кольям в непосредственной близости от лагеря, но выступать, пока они не узнают

точно, с кем имеют дело, было бы неразумно. Надо дожидаться утра, по крайней мере.

Пока шошоны пребывали в замешательстве, Олд Шеттерхэнд и Виннету позаботились о том, чтобы оба пленника, а вождь к тому времени пришел в себя, не смогли издать ни звука, после чего краснокожие вели себя совершенно спокойно и хранили молчание. Над лесом зависла безмятежная тишина, если не считать время от времени раздававшегося в траве приглушенного стука копыт.

— Мои братья должны знать, что этот стук означает, что шошоны собирают всех своих лошадей. Они привяжут их около палаток и ничего не предпримут, пока не начнется день, — пояснил Виннету. — Мы можем идти.

— Да, пора возвращаться, — согласился Олд Шеттерхэнд. — Мы, конечно, не станем ждать до утра. Черный Олень вскоре должен узнать, у кого он в плену.

Охотник направился к пленникам, которые лежали на некотором удалении от остальных и не могли слышать, что происходило вокруг. Шеттерхэнд еще не знал, что его добыча гораздо ценнее, чем даже он мог предположить. Он поднял с земли Черного Оленя, взвалил его на плечи и вместе с ним стал взбираться наверх. Виннету нес Москита, а остальные последовали за ним.

Любому другому было бы просто не под силу подняться вверх по крутому горному склону, покрытому стеной леса, да еще с такой ношей и в такой темноте. Но для этих двоих друзей, казалось, нет ничего невозможного.

Оказавшись наверху, они нашли все в полном порядке — Вокаде с честью исполнил свой долг.

Длинный Дэви тут же начал распускать лассо, приговаривая:

— Давайте-ка сюда этих парней! Сейчас мы привяжем их друг к другу.

— Нет! — остановил его Олд Шеттерхэнд. — Нам нельзя здесь оставаться.

— Но почему? Вы думаете, нам здесь грозит опасность?

— Вот именно.

— Хо, шошоны сами не хотят никаких столкновений.

— Это я знаю так же хорошо, как и вы, мастер Дэви. Но мы сначала должны переговорить с вождем, а может быть, и с другими его воинами. А значит, придется вынуть кляпы у них изо рта, но как только мы это сделаем, они тут же заголосят изо всех сил.

— Мой брат прав, — заметил апач. — Виннету был сегодня здесь,

когда следил за шошонами. Он знает другое место, где можно остановиться, и оттуда крики шошонов не будут слышны их воинам.

— Нам нужно развести огонь, — добавил Олд Шеттерхэнд. — Там это возможно?

— Да, тогда привяжите пленников к лошадям!

Этими словами вождь апачей дал понять, что пора двигаться. Шошонов быстро привязали к животным, и маленький отряд тронулся в путь через густой лес с Виннету во главе. До рассвета было еще далеко.

Само собой, продвигались они вперед крайне медленно, шаг за шагом. Спустя полчаса проложили расстояние, на преодоление которого днем ушло бы, пожалуй, минут пять. Тут апач остановился.

Пленники пока не догадывались, в чьи руки они попали. Оба разведчика, пойманные первыми, в темноте не могли видеть, что появились еще двое пленных. Последние, разумеется, ничего не знали о судьбе разведчиков, а вождь к тому же и понятия не имел, что он здесь со своим сыном, и тот тоже не предполагал, что схвачен вместе с отцом.

Чтобы не нарушать это неведение, после того как пленников сняли с лошадей, их снова изолировали друг от друга.

Олд Шеттерхэнд считал, что Черный Олень не должен знать, как силен противник, в руках которого он оказался. Поэтому он решил вести переговоры с вождем один, с глазу на глаз.

Остальным пришлось удалиться. Как только они ушли, охотник собрал валявшиеся вокруг сухие сучья, чтобы разжечь огонь.

Они находились на маленькой лесной полянке шириной всего лишь в несколько шагов. Это и было то самое место, которое еще сегодня днем апач присмотрел и оценил, насколько оно удобно для скрытого лагеря. Лишнее доказательство того, что Виннету обладает настоящим талантом ориентироваться в любой незнакомой местности.

Поляна со всех сторон была окружена деревьями, между которыми папоротник и заросли терновника стояли сплошной стеной и не позволяли свету костра проникнуть за ее пределы. С помощью панка Олд Шеттерхэнд легко запалил хворост, а потом томагавком быстро нарубил толстых высохших веток с окружавших его деревьев про запас. Костер предназначался только для освещения. И потому он был невелик.

Шошон, лежа на земле, мрачно глядел на приготовления охотника. Когда Олд Шеттерхэнд закончил свое дело, он подтащил пленного к огню, усадил его и вытащил кляп изо рта. Индеец ни единым звуком, ни единым движением не показал, что испытывает облегчение. Для индейца позор — выдать кому-то свои мысли или чувства. Олд Шеттерхэнд сел напротив

него, с другой стороны, и стал внимательно изучать противника.

Тот был, судя по мускулистой фигуре, очень силен, носил охотничий костюм из бизоньей кожи традиционного индейского покроя без каких-либо украшений. Только в швы были вплетены человеческие волосы, а на поясе висело около двадцати скальпов, правда, они были не то чтобы целые, а лишь хорошо препарированные, величиной с пятимарковую монету куски кожи с макушек поверженных врагов, оно и понятно, для целых у него просто не хватило бы места. Из-за пояса торчал нож, который у него никто не отбирал.

Его лицо не было разрисовано, но три красных шрама на щеках сразу бросались в глаза. С каменным лицом сидел он, уставившись в огонь, не удостоив белого даже взглядом.

— Токви-тей не носит боевой раскраски, — начал Олд Шеттерхэнд. — Почему же тогда он ведет себя враждебно по отношению к мирным людям?

Вождь не удостоил его ни ответом, ни даже взглядом. Поэтому охотник продолжил:

— Наверное, вождь шошонов от страха стал немым, раз не может ответить на мой вопрос?

Охотник прекрасно знал, как в подобных случаях ведет себя индеец. Результат сказался незамедлительно: пленник метнул в сторону белого полный гнева взгляд и проговорил:

— Токви-тей не ведает страха. Он не боится ни врагов, ни смерти.

— И все же он ведет себя так, будто боится меня. Отважный воин накладывает себе на лицо боевую раскраску перед тем, как нападает на врага. Это честно, это мужественно, потому что так противник узнает, что он должен защищаться. Но воины шошонов были без раскраски, у них были мирные лица, и все же они напали на белых. Так поступают только трусы! Или я не прав? Может ли Черный Олень сказать хоть слово в свою защиту?

Индеец потупил взор, а потом уклончиво ответил:

— Черный Олень не был с теми, кто преследовал белых.

— Это не оправдание. Было бы честнее и мужественнее, если бы вождь сразу, после того как к нему привели бледнолицых, снова освободил бы их. Я ничего не слышал о том, что воины шошонов вырыли томагавк войны. Наоборот, как во времена прочного мира, они пасут свои стада у рек Тонг и Биг-Хорн, часто бывают в поселках белых, и все же Черный Олень нападает на людей, которые ничем его не обидели. Может он что-нибудь возразить, когда храбрец утверждает ему, что так действует только трус?

Лишь краем ока краснокожий покосился на белого, но даже этот

короткий взгляд ясно говорил, что он был разгневан. Тем не менее голос его звучал спокойно, когда он спросил:

— Это ты храбрец?

— Да, — невозмутимо ответил белый.

— Тогда у тебя должно быть имя!

— Разве ты не видишь, что я ношу оружие? Значит, у меня есть и имя.

— Бледнолицые могут носить и оружие, и имена, даже если они трусливые бабы. Величайшие трусы среди них имели самые длинные имена. Мое тебе известно, а значит, ты знаешь, что я не трус!

— Тогда освободи своих пленников, а потом сражайся с ними открыто и честно!

— Они осмелились появиться у Кровавого озера! За это они умрут!

— Тогда умрешь и ты!

— Черный Олень уже сказал, что не боится смерти, он даже зовет ее к себе.

— Почему?

— Он взят в плен, на него напали белые, он похищен каким-то бледнолицым прямо из своего вигвама — он потерял честь и не может жить! Он должен умереть, потому что не имеет возможности спеть песнь войны. Ему не суждено сидеть в своей могиле, гордо и прямо взирающим на всех свысока и увешанным скальпами врагов; он будет лежать в песке, и его тело растерзают клювы зловонных грифов.

Вождь произнес эти слова очень медленно и монотонно, при этом на его лице не дрогнул ни один мускул, но все же произносил он каждое слово с болью, почти граничащей с обреченностью.

С его точки зрения он был совершенно прав. Какой это был позор для него, вождя, — быть похищенным из собственной палатки, окруженной вооруженными воинами!

Олд Шеттерхэнд в душе сочувствовал этому человеку, но ни в коем случае не должен был этого выказывать — тот почувствовал бы себя еще более оскорбленным и уж наверняка бы недостойным жить. Охотник сказал:

— Токви-тей заслужил свою суровую судьбу, но, несмотря на это, он может остаться в живых, хотя пока он мой пленник. Пока я готов вернуть ему свободу, если он прикажет своим воинам в обмен за это освободить бледнолицых.

В словах вождя послышалась злая усмешка превосходства, как он его понимал:

— Токви-тей не может больше жить. Он хочет умереть. Привяжи его

крепко к столбу пыток. Хотя он не имеет права говорить о делах, приумноживших его славу, он хочет предупредить, что и бровью не поведет во время всех смертных мук.

— Я не стану привязывать тебя к столбу пыток. Даже когда я должен убить зверя, я сделаю это так, чтобы он не мучился. Зря ты сделал свой выбор в пользу смерти, она будет бессмысленной. Несмотря на нее, я все равно освобожу пленников.

— Попробуй! — губы вождя тронула усмешка. — Ты смог оглушить меня хитрым приемом и утащить только благодаря темноте. Теперь войны шошонов предупреждены. Тебе не удастся освободить бледнолицых. Они осмелились появиться у Кровавого озера и заплатят за это медленной смертью. Ты победил Черного Оленя, и он умрет, но будет жить Мох-ав, единственный его сын, гордость его души, который отомстит! Уже сейчас Мох-ав наложил на лицо краски войны, ибо ему было отдано право нанести пленным смертельный удар. Он раскрасит свое тело их теплой кровью и этим защитит себя от неприязни всех бледнолицых.

Вдруг в зарослях что-то зашуршало. Неожиданно появился Мартин Бауман; он склонился над ухом Олд Шеттерхэнда и прошептал:

— Должен вам сказать, сэр, что пленный часовой — сын вождя. Виннету заставил его в этом признаться.

Это сообщение оказалось как нельзя кстати. Олд Шеттерхэнд так же тихо ответил:

— Пусть Виннету сейчас же пришлет его сюда,

— Каким образом? Краснокожий связан и не может идти.

— Пусть Длинный Дэви принесет его, а потом останется здесь с ним.

Мартин удалился, а Олд Шеттерхэнд снова повернулся к индейцу и сказал ему:

— Я не боюсь Москита. Имя у него громкое, но получил он его не очень давно. Кто слышал о его подвигах? Стоит мне только захотеть, и он тоже окажется у меня в плену.

На этот раз индеец вышел из себя: о его сыне сказали с презрением! Он грозно сдвинул брови, глаза его сверкнули.

— Кто ты такой, и как ты смеешь так отзываться о Мох-аве? — гневно воскликнул вождь. — Попробуй только сразиться с ним, и ты от одного лишь его взгляда зароешься в землю.

— Хау! Я не сражаюсь с детьми.

— Мох-ав не дитя! Он боролся с сиу-огаллала и многих одолел. У него глаза орла, а слух ночной птицы. Ни один враг не сможет пленить его. Сыновьям и отцам бледнолицых он кровью отомстит за своего отца,

Черного Оленя.

В этот момент подошел Длинный Дэви, неся на плечах юного индейца. Он перелез своими длиннющими ножищами через густые заросли, положил индейца на землю и произнес:

— Вот, я принес его. Может, пройдись разок по его спине, чтобы он сразу смекнул, что шутить мы не намерены?

— Нет, мастер Дэви, о рукоприкладстве не может быть и речи. Посадите его и сами сядьте рядом. Кляп можете удалить. Он уже не нужен, мы будем разговаривать.

— Ахе, сэр! Но хотел бы я знать, что может высказать мальчик.

Длинный повиновался. Москит был усажен, и оба шошона с ужасом в глазах взглянули друг на друга. Вождь молчал, сидя совершенно неподвижно, но, несмотря на его смуглую кожу, в свете костра было заметно, что кровь ударила ему в лицо. Сын также не смог совладать с собой.

— Уфф! — почти прорычал Москит. — Токви-тей тоже в плену! Это вызовет плач в вигвамах шошонов! Великий Дух отвернулся от своих детей.

— Молчи! — прогремел голос отца. — Ни одна скво шошонов не будет лить слезы, если Токви-тея и Мох-ава поглотит мгла смерти. Они заткнули уши, закрыли глаза и стали безумными, как жабы, позволившие без борьбы проглотить себя змеям. Позор отцу и сыну! Ни одни уста не скажут о них, и ни одна весть о них не разойдется по вигвамам шошонов. Но как только прольется их кровь, тут же прольется и кровь бледнолицых. Двое белых уже в наших руках, а разведчики шошонов давно в пути, чтобы открыть своим братьям дорогу к новым славным победам. Позор за позор, кровь за кровь!

Олд Шеттерхэнд повернулся к Дэви и тихо распорядился:

— Приведите всех остальных, но Виннету не должен показываться.

Длинный встал и удалился.

— Ну, — снова обратился Олд Шеттерхэнд к вождю, который уже сумел напустить на себя холодный и высокомерный вид, — Черный Олень убедился, что я не зарылся в землю от одного только взгляда его сына? Но я не хочу оскорбить никого из вас. Вождь шошонов известен повсюду своей храбростью в бою и мудростью на советах старейшин. Мох-ав, его сын, я уверен, пойдет по его стопам и станет еще храбрее и мудрее. Я дам вам обоим свободу в обмен на освобождение двух белых охотников.

По лицу сына пробежал лучик надежды. Юный воин, конечно же, не хотел умирать. Но Черный Олень бросил на него взгляд, полный гнева за

двоих, и ответил:

— Черный Олень и Москит без борьбы попали в руки жалкого бледнолицего, они не могут жить дальше, они хотят смерти. Но умрут и те бледнолицые, что уже попали в плен, а также и те, кто пока еще не в руках шошо...

Вождь запнулся. Его взгляд упал на двух разведчиков, которых привели Дэви, Боб и Мартин Бауман.

— Почему Черный Олень не продолжает? — спросил Олд Шеттерхэнд. — Или страх сковал его сердце?

Вождь опустил голову и долго молчал. В это время у него за спиной тихо раздвинулись ветви, но он не обратил на это никакого внимания. Это был Виннету. Олд Шеттерхэнд заметил появившегося апача и вопросительно взглянул на него. Кивок послужил ответом — оба поняли друг друга без слов.

— Я надеюсь, теперь Токви-тей видит, что его надежда на новую победу не оправдалась, — продолжил Шеттерхэнд. — И все же я повторяю свое предложение. Я тотчас освобожу вас, если вы пообещаете мне, что оба белых охотника также получают свободу.

— Нет, мы умрем! — упрямо заявил вождь.

— Но это будет напрасная жертва — мы все равно освободим пленников.

— Может, вам это и удастся, ибо, похоже, Маниту покинул нас. Если бы он не наслал на нас слепоту и глухоту, безымянным бледнолицым не удалось бы схватить вождя шошонов.

— Ты хочешь услышать наши имена?

Вождь презрительно покачал головой.

— Я не хочу их слышать. Они ни к чему мне. Какой же позор! Если бы Токви-тей был бы побежден Нон-пай-кламой, которого бледнолицые называют Олд Шеттерхэндом, или другим охотником со столь же известным именем, он мог бы утешиться. Попасть в лапы кого-нибудь из них не стыдно. Но вы — как псы, у которых нет хозяев. Разъезжаете в компании черного ниггера. Я не хочу никакой пощады из ваших рук.

— А нам не нужна ни твоя кровь, ни ты сам! — повысил голос Олд Шеттерхэнд. — Мы отправились в путь не для того, чтобы убивать храбрых сыновей шошонов, а чтобы наказать собак огаллала. Даже если вы не хотите освободить наших друзей, все равно мы не желаем быть такими же малодушными, как вы. Мы позволим вам вернуться к вашим вигвамам.

Он поднялся, подошел к вождю и освободил его от веревок. Охотник понимал, что затеял рискованную игру, но он знал обычаи Запада, как свои

пять пальцев, а потому был убежден, что не проиграет.

Вождь потерял все свое самообладание. То, что проделал этот белый, было непостижимо и нелепо! Он дал свободу врагу, не выручив прежде своих друзей! Шеттерхэнд подошел также и к Москиту, освободив его от пут.

Черный Олень растерянно уставился на охотника. Его рука схватилась за пояс и судорожно нащупала оставшийся у него нож. Дикая радость блеснула в его глазах.

— Мы свободны? — закричал он. — Свободны? Значит, вы хотите, чтобы старые скво тыкали в нас пальцами и рассказывали всем, что мы были схвачены безродными псами? Мы должны лежать на земле в Стране Вечной Охоты и пожирать мышей, пока наши красные братья будут наслаждаться мясом вечно живых медведей и бизонов? Наши имена запятнаны навсегда! Никакая вражеская кровь не смоеет этих пятен, их смоеет только наша собственная кровь. И прольется она сейчас же — Токви-тей умрет и пошлет в Страну Вечной Охоты сначала душу своего сына!

Он выхватил нож, подскочил к сыну и замахнулся. Москит даже не пошевелился, он был готов принять смертельный удар от отца.

— Токви-тей! — раздался громкий голос за спиной вождя.

Этот голос заставил вождя шошонов развернуться. Он замер на месте с занесенной рукой с ножом... Перед ним стоял не кто иной, как вождь апачей. Рука шошона медленно опустилась.

— Виннету! — только и смог произнести он.

— Вождь шошонов считает Виннету койотом? — спросил апач.

На Западе койотами зовутся дикая собака прерий и маленькие волки. Оба зверя так трусливы и отвратительно шелудивы, что сравнение с койотом есть выражение крайнего презрения.

— Кто рискнет сказать такое! — воскликнул шошон.

— Токви-тей сказал это сам.

— Нет!

— Разве не назвал он победивших его «безродными псами»?

Токви-тей даже не заметил, как выронил нож. Наконец его осенило.

— Виннету — победитель?

— Нет, не он, а его белый брат, который стоит с ним рядом.

Апач указал на Олд Шеттерхэнда.

— Уфф! — вырвалось из груди Черного Оленя. — У Виннету только один брат. Тот, кого он называет своим белым братом, есть Нон-пай-клама — самый знаменитый охотник среди бледнолицых, которые прозвали его Олд Шеттерхэндом. Токви-тей видит здесь этого охотника?

Его взгляд метался от Шеттерхэнда к Виннету. Апач ответил:

— Глаза моего брата устали, утомлен и его дух. Только поэтому он не догадался, что тот, кто одним-единственным ударом руки лишил Черного Оленя чувств, не мог быть безродным псом. Разве мой красный брат теперь не понимает этого? Или мой красный брат стал похож на больного совенка, которого легко можно вытащить из гнезда? Он знаменитый воин, а тот, кто выкрал его из вигвама, невзирая на охранявших его воинов, должен быть героем, носящим достойное имя!

Шошон едва не стукнул себя кулаком по лбу, как это делают белые, когда совершают непростительную ошибку:

— У Токви-тея есть мозг, но его покинул разум!

— Да, перед моим красным братом стоит Олд Шеттерхэнд. Он победил. Готов ли теперь мой красный брат из-за этого броситься в лапы смерти?

— Нет, он может остаться жить, — тихо вздохнув, ответил вождь шошонов.

— Да, может, ибо своим желанием отправиться в Страну Вечной Охоты он доказал, что у него очень твердое сердце. Олд Шеттерхэнд своим оглушающим ударом свалил на землю и Мох-ава. Разве это позор для храброго юного воина?

— Нет, он тоже может жить.

— Олд Шеттерхэнд и Виннету также те, кто взял в плен и разведчиков шошонов, но не как врагов, а чтобы обменять на своих пленных друзей. Будет ли мой красный брат проклинать разведчиков?

— Нет, иначе он должен проклинать себя и своего собственного сына.

— А разве мой красный брат не знает, что Олд Шеттерхэнд и Виннету — друзья всех честных красных вождей? Что они не убивают своих краснокожих противников, а только делают их неспособными к борьбе, и только тогда лишают своего врага жизни, когда у них нет иного выхода?

— Да, Токви-тей знает это.

— Тогда пусть он выбирает, кем ему быть — нашим братом или нашим врагом? Если он хочет быть нашим братом, его враги станут нашими врагами. Если он выберет другое, мы освободим его и его сына, а также разведчиков, но все же прольется много крови во время освобождения обоих бледнолицых пленников — у воинов шошонов наступят дни траура, и в каждом вигваме и у каждого костра зазвучит жалобный плач. Итак, пусть он выбирает. Виннету сказал!

Воцарилась глубокая тишина. Слова апача все восприняли очень серьезно. Токви-тей наклонился, поднял выпавший из его руки нож и

вогнал его по самую рукоять в землю, после чего произнес:

— Лезвие исчезло в земле, и так же исчезла вражда между сыновьями шошонов и храбрыми воинами, которые стоят здесь!

Затем вождь снова вытащил свой нож из земли и вдруг ухватился за его рукоять так, словно хотел нанести удар.

— Отныне дружба между шошонами и их братьями страшна для их врагов, как этот нож! Ни один враг не уйдет живым, если выступит против их союза. Хуг!

— Хуг, хуг! — прозвучало эхом вокруг.

— Мой брат сделал удачный выбор, — заметил Олд Шеттерхэнд. — Он видит здесь Дэви-хонске, знаменитого охотника. Знает он имена бледнолицых, попавших в плен?

— Нет.

— Это Джемми-петаче с Хромым Фрэнком — товарищем Мато-пока, Грозы Медведей.

— Мато-пока! — вскрикнул от удивления шошон. — Почему Хромой ничего не сказал. Разве Мато-пока не брат шошонам? Разве он не спас жизнь Токви-тею, когда сиу-огаллала шли по его следу?

— Спас тебе жизнь?! Смотри, вот Мартин, его сын, а это Боб, его верный черный слуга. Они выступили, чтобы спасти Охотника на медведей, а мы решили сопровождать их, ибо Гроза Медведей попал в руки огаллала, которые должны убить его и пятерых его спутников.

Токви-тей все еще держал нож в руке. Тут он бросил его на землю, наступил на него и воскликнул:

— Псы огаллала хотят замучить Грозу Медведей? Великий Маниту уничтожит их! Сколько этих собак?

— Пятьдесят шесть.

— Даже если бы их была тысяча, все они погибнут! Как этот нож, они будут втоптаны воинами шошонов в землю. Их души покинут тела, а кости побелеют от солнца! Где они? Где их следы?

— Они наверху, в горах реки Желтого Камня, там, где могила Храброго Бизона.

— Мой брат Олд Шеттерхэнд убил его и еще двух воинов голыми руками. Так же суждено пасть и тем, кто рискнул схватить Грозу Медведей. Пусть мои братья следуют за мной вниз, к лагерю моих воинов. Там мы должны выкурить трубку мира и сесть у костра Совета, чтобы обдумать, как быстрее догнать этих собак.

К такому повороту дела все были готовы. Теперь уже и разведчиков также освободили от веревок и привели лошадей для них.

— Сэр, да вы просто молодчина! — шепнул Олд Шеттерхэнду Длинный Дэви. — Все, за что вы с таким шиком беретесь, всегда смело и так великолепно ладится, будто речь идет о каком-то пустяке. Готов снять перед вами свой горшок!

Он сорвал с головы то, что прежде называлось цилиндром, и стал так подчеркнуто размахивать им туда-сюда, словно хотел вычерпать до дна какой-нибудь пруд или озеро.

И вот настал час, когда все они вместе тронулись в путь, предварительно, конечно, погасив костер. Ведя лошадей в поводу, они на ощупь стали спускаться вниз по склону. Встав на самом краю обрыва, Токви-тей приложил ко рту руки и крикнул вниз, в окутанную неестественным спокойствием бездну.

— Кхун, кхун, кхун-ха-ка!⁸¹

Эхо многократно повторило его крик. Внизу его услышали и поняли, ибо наверх донеслись громкие голоса.

— Ханг па?⁸² — прозвучал вопрос снизу.

— Мох-ав, Мох-ав! — ответил сын вождя.

Затем послышалось громкое ликующее «ха-хахи!», и несколько мгновений спустя костер снова запылал. Это было верным признаком того, что шошоны узнали голос юного сына вождя, в противном случае они поостереглись бы разжигать огонь.

И все же от одной меры предосторожности они не отказались: выслали им навстречу нескольких воинов, которые должны были убедиться, что на самом деле все в порядке.

Когда потом вождь со своими спутниками достиг лагеря, его воины, пожалуй, испытали настоящую радость, увидев предводителя и его сына живыми и здоровыми. Чувствовалось, что шошонам не терпелось узнать, как же вышла вся эта история с загадочным исчезновением обоих, но ни один из воинов не выдал своих чувств. Разумеется, они были немало ошарашены, увидев вместе с вождем незнакомых им бледнолицых, но, привыкшие к сдержанности, они не выказали ни малейшего удивления. Только старый воин, ставший на время их предводителем, подошел к своему вождю и произнес:

— Токви-тей великий волшебник. Он исчез из своей палатки, как исчезает слово, слетевшее с уст.

— Мои братья и вправду полагали, что Черный Олень пропал бесследно, как рассеявшийся в воздухе дым? — спросил воинов вождь. — Разве у них нет глаз, чтобы понять, что произошло?

— Воины шошонов имеют глаза. Они обнаружили знак знаменитого белого охотника и поняли, что Разящая Рука говорил с их вождем, — ответил с полным достоинством старик.

Старый воин явно не лишен дипломатического таланта, он очень тактично упомянул о том факте, что Черный Олень был похищен Олд Шеттерхэндом.

— Мои братья догадались верно, — признался Черный Олень. — Здесь стоит Нон-пай-клама — белый охотник, знаменитый своим железным кулаком, но не только им одним. А рядом с ним — Виннету, великий вождь апачей.

— Уфф, уфф! — раздалось в образовавшемся вокруг прибывших кругу.

Полные удивления и уважения взгляды шошонов устремились на легендарных знаменитостей, после чего круг почтительно расступился.

— Эти воины пришли, чтобы выкурить с нами трубку мира, — продолжил вождь, — Они хотели освободить двух своих спутников, которые лежат там, в палатке. Жизни Черного Оленя и его сына были у них в руках, но они не взяли их. Пусть воины шошонов освободят пленников от пут. За это мои братья получают скальпы многих сиу-огаллала, как мышей, выползших из нор, чтобы потом попасть под клюв ястребам! С наступлением дня мы пойдем по их следу. А сейчас пусть воины соберутся у огня Совета, чтобы спросить Великого Духа, удачен ли будет наш военный поход.

Никто не сказал ни слова, хотя сообщение, которое услышали шошоны, пожалуй, не могло не вызвать у них высокого одобрения. Несколько воинов покорно отправились в палатки, чтобы выполнить приказ вождя, и вскоре они вывели пленников к огню.

Те подошли, шатаясь, неуверенной походкой. Веревки так глубоко врезались в кожу, что кровообращение было нарушено. Прошло достаточно много времени, прежде чем их члены снова обрели подвижность.

— Ну, старый енот, что ж ты наделал-то сдуру? — в сердцах воскликнул Длинный Дэви, обращаясь к своему другу. — Только такая глупая лягушка, как ты, могла запрыгнуть аисту прямо в клюв!

— Закрой лучше свой, иначе я сам запрыгну тебе в него, и сейчас же! — без тени иронии в голосе ответил нерасположенный в эту минуту к шуткам Джемми, растирая свои запястья. — Мастер Шеттерхэнд сможет подтвердить, что о глупости здесь и речи нет. Мы сдались без сопротивления, поскольку это был единственный шанс спасти наши жизни. Если бы мы защищались, то сложили бы головы. На моем месте ты

поступил бы так же, тем более что, как и я, наверное, подумал бы о том, что Олд Шеттерхэнд, само собой, не оставил бы нас в беде.

— Ну, ну, старик, только успокойся! Я не хотел тебя обидеть, ты ведь знаешь, что я искренне рад видеть тебя живым и невредимым.

— Прекрасно! Но своим освобождением я обязан, пожалуй, не тебе, — повернувшись к Олд Шеттерхэнду, Джемми продолжил: — Нет сомнений, что вам и только вам, мастер, я обязан своей свободой. Скажите, что я должен сделать, чтобы отблагодарить вас! Хоть моя жизнь не стоит и гроша, поскольку это всего лишь жизнь Толстяка Джемми, в любой момент я готов отдать ее в ваше распоряжение.

— Вы мне ничем не обязаны, — не принял благодарности Олд Шеттерхэнд. — Ваши спутники действовали просто великолепно. Но прежде всего вы должны обратиться здесь к моему брату Виннету, без чьей помощи все это было бы невозможно.

Толстяк метнул полный удивления взгляд на гибкую, но мощную фигуру апача. Белый протянул руку индейцу и произнес:

— Я знаю, что, если на сцену выходит Олд Шеттерхэнд, Виннету должен быть где-то рядом. Поскольку я, кажется, лягушка, то пусть этот аист, который зовется Длинным Дэви, сию минуту проглотит меня, если вы не самый лучший индсмен, которому я когда-либо жал руку! Разрешите от души пожать ее, примите мою благодарность и позвольте мне скакать по вашему следу, пока вам это не надоест.

Негр Боб бросился к Хромому Фрэнку и радостно воскликнул:

— Наконец-то! Массер Боб снова видеть его добрый масса Фрэнк. Массер Боб хотеть до последнего истребить индейцев-шошонов, но масса Шеттерхэнд с массой Виннету хотеть сделать все сами. Поэтому шошоны оставаться пока жить.

Он схватил Фрэнка за руку и с трогательной нежностью погладил на его запястьях рубцы от пут.

Естественно, Джемми и Фрэнк перво-наперво хотели знать, каким образом удалось освободить их так быстро и бескровно, о чем вкратце им было немедленно рассказано. На подробности времени не оставалось, поскольку шошоны уже рассаживались у огня, готовясь держать Совет.

Глава седьмая. СЕРЫЙ МЕДВЕДЬ

Подобно длинной тонкой змее, греющейся на солнце, растянулся отряд шошонов по прерии Голубой Травы. Эта бескрайняя равнина, начинающаяся у подножий Чертовой Головы, раскинулась между горным массивом Биг-Хорн и Скалами Гремучих Змей вплоть до того места, где Грейбулл-Крик питает своей чистой водой Биг-Хорн.

Голубую траву встретишь на Западе не часто. Ее длинные стебли тянутся ввысь там, где достаточно влаги, могут вымахать в человеческий рост, а случается, что и всадника скрывают с головой. Для вестмена это только лишние хлопоты, и единственный выход — отыскать вытопанную бизонами тропу и следовать по ней. Высокие, подрагивающие от ветра стебли лишают вестмена так необходимого ему обзора, а при непогоде частенько случается, что опытный охотник, оказавшись без компаса и не имея возможности ориентироваться по солнцу, на исходе дня после изнурительной поездки верхом оказывается в том же самом месте, откуда трогался в путь утром. Иной, следуя по кругу и наталкиваясь на собственный след, принимает его за чужой, порой даже — за след врага. Он снова едет по нему, делая не один круг, прежде чем, к собственному великому огорчению, обнаружит ошибку, которая при известных обстоятельствах может стоить жизни.

Но и следовать по бизоньей тропе далеко не безопасно. В любой миг можно столкнуться лицом к лицу с врагом, будь то человек или зверь. Нарваться на старого свирепого отшельника-бизона, отбившегося от стада, не менее опасно, чем нос к носу налететь вдруг на враждебного индейца, вскинувшего ружье. Вот тут уж времени на раздумье нет — выживет тот, кто выстрелит первым.

Шошоны ехали цепью — их лошади скакали след в след. Так индейцы двигаются всегда, если точно не знают, безопасен ли путь. Кроме того, вперед высылаются лазутчики, самые проникательные и хитрые воины, чьи глаза и уши не пропустят ни шороха взьерошенной ветром травы, ни склонившегося под его порывом стебля, ни тихого треска сломанной ветки. Внешне расслабленный, наклонившийся далеко вперед, словно повиснув на коне, разведчик едет так, будто искусство верховой езды ему вовсе неведомо. Его глаза кажутся закрытыми, да и сам он со стороны неподвижен. Механически, будто по привычке, передвигает ноги и его конь. Если бы кто-нибудь наблюдал за обоими из засады, то, несомненно,

поверил бы, что всадник просто заснул в седле. На самом же деле все наоборот — внимание разведчика тем напряженнее, чем меньше он это показывает. Под крепко сомкнутыми веками его зоркий взгляд напряжен и внимателен, от него не укроется ни одна мелочь.

Говоря об особых способностях разведчика, стоит особо упомянуть о его остром слухе. Вот за ближайшим кустом притаился враг, вот он поднимает ружье, чтобы прицелиться в приближающегося всадника, но при этом случайно задевает прикладом пуговицу своей куртки. И даже этот едва различимый звук не останется без внимания разведчика, который весь обращен в слух! Короткий, быстрый взгляд в заросли — рука вцепляется в поводья, всадник в момент выбрасывается из седла, но оставляет на нем одну ногу. Свободной рукой хватается он за шейный ремень поводьев, благодаря чему его тело, прикрытое корпусом животного, становится неуязвимым для пуль врага, а конь, внезапно пробудившийся из мнимой летаргии, делает два-три прыжка в сторону, растворяясь вместе с седоком в чаще либо пропадая за ближайшими кустами. Не проходит и двух секунд — времени вовсе недостаточного, чтобы противник хорошо прицелился, — как теперь у него самого появляются основания позаботиться о собственной безопасности.

Именно такие опытные и умелые разведчики скакали сейчас впереди шошонов, удалившись от них на приличное расстояние. Во главе основной группы находились Олд Шеттерхэнд, Виннету и Черный Олень. За ними следовали белые с Вокаде и Бобом.

Последний так и не выучился держаться в седле, несмотря на то, что в нынешнем походе у него была масса возможностей для упражнений в верховой езде. Кожа на ступнях его ног не выдержала долгой скачки. Он весь превратился в живую рану и выглядел теперь еще более жалко, чем прежде. Беспреданно издавая стоны, он соскальзывал то в одну сторону, то в другую, охал и стонал на разные лады и божился, корча ужаснейшие гримасы, что заставит сиу поплатиться за свои муки, дескать, всех их будет ждать мучительная смерть у столбов пыток.

Чтобы хоть как-то облегчить положение, Боб соорудил себе из голубой травы подстилку. Но поскольку ему не удалось крепко закрепить ее на спине животного, время от времени она съезжала назад, а он, естественно, вместе с ней и с почти фатальной закономерностью шлепался на землю.

Даже у обычно серьезных и молчаливых шошонов это вызывало веселую улыбку, а стоило одному из них, немного понимавшему английский, назвать чернокожего Слайдинг Бобом — Скользящим Бобом, как это прозвище тотчас перешло из уст в уста, и впоследствии индейцы

охотно пользовались им.

До сих пор линия горизонта на западе казалась сплошной и ровной. Теперь же глаз мог различить далекие изломы — вдали лежали горы, но вовсе не призрачно-голубоватые с размытыми очертаниями, а имеющие четкие контуры, несмотря на большое расстояние, которое необходимо было преодолеть, прежде чем достичь их подножий.

Воздух в той местности настолько чист, что любые предметы, удаленные друг от друга на многие мили, кажутся очень близкими, и люди заблуждаются, думая добраться до них за несколько минут. При этом атмосфера так заряжена электричеством, что, если два человека касаются друг друга руками или локтями, тотчас проскакивают заметные и ощутимые искры. Индейцы сонорской языковой группы называют это явление мох-ав-кун, то есть «огонь москита». Электрическое напряжение, как известно, стремится к балансу, который находит в разрядке, а потому зарницы сверкают здесь беспрерывно, хотя на небе нигде, даже на горизонте, не видно ни облачка. Часто кажется, будто все вдали охвачено пламенем, но это на самом деле не опасно ни для людей, ни для животных. Лишь только прерию окутывают сумерки, непрерывное свечение и накал электричества в атмосфере рождают поистине неопишуемые картины; даже грубая душа привыкшего к подобным представлениям вестмена не может устоять перед очарованием увиденного. Он, всегда полагающийся только на свои силы, чувствует себя маленьким и бессильным перед таинственными явлениями. То же самое ощущает и индеец. Ве-куон-пе-та-вакан-шецах — «огонь вигвама Великого Духа» — так называют зарницу сиу. «Маниту анима аваррентон!» («В молнии я видел Маниту!») — говорит индеец из племени юта-змееногих, когда сообщает своим о том, что озарило его путь.

Но для краснокожего в случае войны эти электрические разряды могут стать очень опасными. Ведь индеец верит, что воин, убитый ночью, навсегда обречен жить в Стране Вечной Охоты во мраке. Поэтому он пытается по возможности уклониться от ночной схватки и нападает преимущественно на рассвете. Но погибший в «огне вигвама Великого Духа» — в зарнице — не ступает на том свете по темному пути; для него охотничьи и боевые тропы залиты светом. Вот почему индеец не боится при свете трепещущей зарницы идти размашистым шагом, за что бывает вынужден поплатиться скальпом, а то и жизнью. Та же участь может, разумеется, постичь и просто любого другого несведущего человека.

Малыш Фрэнк никогда до сей поры не наблюдал в ясном небе непонятных ему подобных явлений. Поэтому он не преминул заметить

ехавшему следом Толстяку:

— Герр Пфефферкорн, вы там, за океаном, в Германии, были гимназистом и, пожалуй, можете вспомнить кое-что из ваших психизических уроков. Отчего это тут, собственно, все так светится и сверкает?

— Уроки не «психизические», а физические, — поправил Толстяк, вполне понимая, что это замечание может вывести из себя самодовольного саксонца.

— Да в этом, пожалуй, вы едва ли разумеете лучше меня! Знаете ли, у меня тоже есть заслуги! Можете поверить мне на слово. Особенно, что касается орфографии и контрпункции. Я совершенно точно знаю, как пишется любое такое иностранное словцо, а уж выговорить его правильно для меня нет проблем. Понятно! Говорю я «психические» или «физические» — нашему кайзеру все равно. Самое главное — правильно произносить «иксилумп»!

— «Ипсилон», имели вы в виду.

— Что? Это я-то не знаю, как произносится предпоследняя буква моего родного алфавита? Если вы мне еще раз это повторите, произойдет нечто такое, что сделает вас душевнобольным! Разве такой почитатель науки, как я, может позволить легко смириться с подобным положением?! Вы не умеете давать академических ответов на мои вопросы, а потому выход у вас один: попытаться тихонько прогрызть зубами выход из той западни, в которой вы сейчас оказались. Но если вы думаете, что вам это удастся, тогда вы, большей частью, ошибаетесь во мне! Я как раз тот человек, который обязан доказать вам, что мельник — не трубочист! Я спросил вас о зарнице, но никак не об «иксилумпе» и психизической геометрии. Можете вы мне дать ответ или нет?

— Всегда пожалуйста, — улыбнулся Толстяк.

— Ну, так давайте! Итак, почему здесь так сильно сверкает?

— Потому что накопилось много электричества.

— Да? И это вы называете ответом? Чтобы давать такие ответы, пожалуй, можно обойтись и без учебы в гимназии! Хотя я и не посещал никаких альма-фатер⁸³, не был студентом и никогда не участвовал в пирушках и всяких там, знаете ли, студенческих штучках, все же и я совершенно точно знаю, что если вокруг все светится, то электричество где-то рядом. Нет следствия без причины. Если кто-нибудь огреб оплеуху, то обязательно есть и тот, кто намылил ему шею. А если сверкает зарница, то... то...

— То должен быть кто-то, кто зажег ее, — подытожил Джемми и снова

засмеялся.

Секунду Хромой Фрэнк был спокоен — вероятно, осмысливал слова Толстяка, но потом завопил:

— Послушайте, герр Пфефферкорн, очень хорошо, что мы еще не побратались, ибо теперь я немедленно даю вам отставку, хотя для вашего бюргерского гербового щита это было бы позором! Неужели вы думаете, что я позволю попортить мое этимонголическое словообразование? Что же, собственно, так раздражает вас в моей прекраснейшей речи? Будьте добры заканчивать только те предложения, которые начинали сами. Зарубите себе на носу! Если начинаю я, то я и заканчиваю, ибо мое предложение — моя духовная и философская собственность. Если я остроумно и скромненько сравниваю электричество с оплеухой, то вы не имеете ни малейшего права овладевать моим сопоставлением, как разбойничий атаман. Мошенников-конокрадов вздергивают — таков закон прерии! А если кто-либо отважится угнать у меня мое собственное высказывание, то и я соблю его с коня пулей! Я хотел выстроить потрясающий вывод, но как только мои соответствующие *promesse*⁸⁴ были готовы, тут вы навесили совершенно неверный *confusio*⁸⁵ и разрушили мою логическую деликатность таким отвратительным способом. Я...

— Вы хотели сказать «*praemisse*», а не «*promesse*», — прервал Толстяк поток воинственной речи. — И не «*confusio*», а «*conclusio*»!

— Так! Вы что, в самом деле великолепный знаток антикварной языковой системы? Если кто-то в свои школьные годы услышал, что Рим был построен на семи кирпичах, то после этого он еще, чего доброго, возомнит себя чистейшей воды виртуозом всей латыни! Вы, собственно говоря, употребляете нижнелатинский диалект, мой же учитель в Морицбурге пользовался латинским литературным, при этом он знал знаменитый язык Цицерона и прекрасной Мелузины⁸⁶. Но вы в своей гимназии учите латынь только по вершам и любите повторять: «Что декламировать нельзя — ни то, ни се, мои друзья!» И если вплоть до выпускного класса вы сами вели себя именно как «ни то, ни се», то и теперь, став охотником прерий, задаетесь вашим знанием иностранного языка и не желаете допускать моих «*promesse*» и «*confusio*». За всю свою жизнь я не слышал ни разу ни о каких там «*conclusio*» даже в Морицбурге, а это о чем-то говорит! Итак, окажите мне, да и себе тоже, любезность — останьтесь при своем мнении. Ведь речь шла о зарнице и об электричестве. Вы утверждаете, что зарница сверкает из-за электричества. А теперь я спрашиваю дальше — почему этого электричества так много именно здесь,

в этой местности? Я еще нигде и никогда не наткнулся на такую концентрацию энергии. Так что, можете ответить? Сейчас у вас лучшая во всей вашей жизни возможность либо выдержать экзамен, либо попасться на крючок экоменического консилиума.

Толстяк Джемми громко расхохотался. В удивлении уставившись на него, «ученый» саксонец спросил:

— Что это вы так кларнетно зубы скалите? Неужели вы смеетесь только от смущения, что я в своем филгармоническом красноречии проявляю такое неожиданное мастерство? О, мне очень любопытно, каким способом вы выкрутитесь, дорогой герр Пфэфферкорн!

— Да уж! — отозвался Джемми, щеки которого продолжали трястись, как тесто. — Ваш вопрос, конечно, весьма сложен. Над ним, наверное, в напрасных муках сломал бы голову даже какой-нибудь профессор.

— Что? Значит, у вас нет никакого другого ответа?

— Может, и есть.

— Так выкладывайте! Я весь во внимании до самых ушных мочек!

— Возможно, что тут всему виной руды, которых в Скалистых горах полным-полно. Металл и притягивает такую пропасть электричества.

— Залежи металла? Электричеству в них делать нечего! Объяснение, которое вы, как бывший гимназист, не нашли, на самом деле очень простое. Как-то морицбургский учитель в одной из конфиденциальных бесед, когда вокруг не было ни души, взяв с меня честное слово, поведал тайну, что электричество возникает в результате трения! Признаете вы это?

— Весьма охотно.

— Итак, буря «трет» землю; бесчисленные миллионы травяных стебельков трутся друг о друга; огромное количество сучьев, ветвей и листьев деревьев тоже трутся; бизоны катаются по земле, избавляясь от насекомых, — и это трение. Короче и яснее — именно в этой местности, как ни в какой другой, создается сильнейшее трение, и именно здесь, само собой разумеется, должен накапливаться чудовищно огромный запас электричества. Стало быть, вот вы и получили простейшее и бесспорнейшее объяснение из компетентнейших уст. Может, вы желаете, чтобы я объяснил эти слова более доходчиво?

— Нет, нет, — улыбнулся Джемми. — Сыт по горло!

— Тогда воспримите разъяснение со всей серьезностью и должным вниманием. Но попрошу — никаких смешков! Кто так много и беспричинно улыбается, тот выдает в себе сангвино-холерика, а следовательно, имеет пустое френологическое строение черепа и незначительную лояльную систему спинного мозга. А то, что вы, кроме

того, страдаете еще и даром острой хронической рассудительности, то это вы доказали, поскольку вы, и только вы, виноваты в том, что нас схватили шошоны. Если бы этот славный Олд Шеттерхэнд не пришел бы нам на выручку, то мы, безусловно, совершили бы опасное сальто-квартале в Страну Вечной Охоты.

— Мортале, а не «квартале»!

— Да замолчите вы! Такое, надеюсь, не произойдет со мной снова в этой четверти года, потому я говорю «квартале». Наш научный разговор теперь, впрочем, *finis parterra*⁸⁷, ибо мы уже вблизи гор, а там, впереди, остановились наши разведчики. Стало быть, они наверняка обнаружили что-нибудь важное.

Маленький псевдоученый муж, пребывая в эйфории от сего ультранаучного спора, не обратил никакого внимания на то, что отряд тем временем преодолел значительное расстояние. Голубая трава совсем исчезла; на ее месте появилась овсяница, почему-то источавшая аромат свежескошенного сена, а неподалеку уже стеной возвышались кусты, над которыми покачивались кроны красных кленов. Эти деревья любят влажную почву, и люди воспрянули духом, потому что теперь, после жаркой скачки, они, пожалуй, могли рассчитывать на освежающее питье.

У границы кустов разведчики остановились. Когда основной отряд приблизился, они замахали руками, призывая к осторожности, а один из них закричал: «Намбау, намбау!»

Собственно, слово это означает «ноги», но здесь оно означало «следы». Таким образом, разведчики давали понять, что нужно быть осторожными и не стереть обнаруженные ими отпечатки, прежде чем их прочитают предводители.

Вокаде, не обращая внимания на их знаки, скакал прямо к ним.

— Вец товеке! — крикнул ему с негодованием тот же, кто уже подавал свой голос.

Это означало «молодой человек!». Поступки молодых людей, пожалуй, не так обдуманно, как у пожилых, поэтому выражение, содержащее подобный упрек, не могло сильно оскорбить Вокаде. И все же он ответил достаточно серьезно:

— Мои братья хотят сосчитать зимы, которые прожил Вокаде? Он точно знает, что делает. Он знает эти следы, потому что здесь есть отпечатки и его ног. На этом месте Вокаде делал привал вместе с сиу-огаллала, прежде чем они выслали его искать палатки шошонов. Отсюда они поскакали прямо на запад, чтобы достичь реки Большого Рога, и наверняка оставили для Вокаде приметку, с помощью которой он сможет

быстро следовать за ними.

По месту, где они остановились, знатоку нетрудно догадаться, что несколько дней назад тут был лагерь большой группы всадников; но сделать такой вывод мог только хорошо тренированный глаз, поскольку вытоптанная трава успела полностью подняться, распрямившись во всю длину своих стеблей. Лишь по ближайшему кустарнику, верхушки веток которого отсутствовали, можно было сделать вывод, что здесь, очевидно, поработали лошадиные зубы.

После разъяснений, которые дал Вокаде, задерживаться было бы неразумно. Поэтому отряд тотчас снова двинулся дальше.

Хотя солнце и стояло в зените, а стало быть, наступил самый жаркий период дня и лошади нуждались хотя бы в короткой передышке, люди не торопились давать свободу животным, по крайней мере, до тех пор, пока не достигнут воды.

Равнина закончилась, и дорога пошла в гору. Теперь со всех сторон всадников обступали горные хребты, а вскоре отряд оказался в широкой, поросшей все той же овсяницей низине, запертой лабиринтом высоких скал, подступавших все ближе и ближе. Кустарник очень скоро сменился карликовыми бальзамовыми тополями, которые, очевидно, не могли здесь развиваться в настоящие деревья, а также дикими грушами, называемыми американцами *spiked-hawthorn*.

Редкие деревья теперь объединились в перелески, и самих пород деревьев стало больше: замелькали белый ясень, каштаны, крупноплодные дубы, липы и другие деревья, по стволам которых до самых вершин взбирались пурпурные кирказоны⁸⁸.

Когда позже дорога у одной из скал резко свернула на север, взорам всадников открылись заросшие густым лесом горы. Вот там-то уж наверняка должна была быть вода. Две обезображенные трещинами вершины круто вздымались впереди напротив друг друга. Меж ними едва втискивалась узкая долина, по которой струился ручеек. Свернуть туда или продолжать двигаться в прежнем направлении?

Олд Шеттерхэнд окинул зорким взглядом опушку леса. Через секунду он удовлетворенно кивнул головой, как бы согласившись с самим собой, и произнес:

— Теперь наш путь лежит налево, в долину.

— Почему? — осведомился Длинный Дэви.

— Взгляните вон на ту липу. Разве вы не видите в ее стволе ветвь ели?

— Ахе, сэр, у вас чертовски острый глаз! Конечно же, быть того не может, чтобы такая ветка вдруг ни с того ни с сего появилась среди листьев.

— То-то и оно. Должно быть, это знак для Вокаде. Сиу воткнули еловую ветку в липу так, что она указывает в сторону долины. Нам тоже надо держаться этого направления, и, как я полагаю, мы еще не раз в пути встретим такие указатели. Итак, вперед!

Виннету, не сказав ни слова, уже ехал впереди, предварительно бросив короткий взгляд на липу. Он предпочитал действовать, не тратя времени на долгие разговоры.

Проехав совсем немного, они оказались на месте, великолепно подходившем для лагеря. Здесь и сделали остановку. Вода, тень, прекрасный корм для лошадей — лучшего нельзя было и желать!

Всадники спешили и отправили животных пастись. У шошонов до сих пор оставалось вяленое мясо, а белые еще не использовали весь провиант, взятый из жилища Охотника на медведей. Люди расположились в траве: одни блаженно растянулись на мягком мху, чтобы хоть немного вздремнуть, другие сбились в тесный круг — поговорить о былом.

Негр Боб чувствовал себя хуже всех. Натерев во время езды до ран упомянутые места, теперь он корчился от боли.

— Массер Боб быть болен, очень болен, — причитал он. — Массер Боб не иметь больше кожа на ногах! Вся кожа слезать, пропадать и делать так больно массер Боб. Кто быть виноват в этом? Массер Боб не мочь ехать верхом, не мочь сидеть, не мочь стоять, не мочь лежать! Будто ноги массера Боба гореть огонь!

— Есть средство, Боб, — заметил сидевший рядом со страдальцем Мартин Бауман. — Поищи coltsfoot⁸⁹ и наложи листья на раны.

— Но где она растет?

— Чаще на лесных опушках. Может, и здесь найдется.

— Но массер Боб не знать это растение. Как смочь он его найти?

— Ладно, идем! Я помогу тебе искать.

Оба хотели было удалиться, но Олд Шеттерхэнд, услышав их слова, предостерег:

— Возьмите с собой ружья. Мы не на восточном базаре. Никто не знает, что принесет нам следующее мгновение.

Мартин спокойно подхватил ружье, негр тоже взял свой мушкет, приговаривая:

— Да! Массер Боб тоже брать оружие, чтобы перестрелять всех и защитить юный масса Мартин. Идемте!

Оба медленно зашагали по краю долины в поисках упомянутых растений, но никакой мать-и-мачехи нигде не было видно. Так они удалялись от лагеря все дальше и дальше.

В залитой светом долине было тихо и спокойно. Над цветами порхали бабочки. Жужжали и гудели жуки, слышалось мирное журчанье воды, а кроны деревьев купались в солнечных лучах. Безмятежная идиллия. Ну кто бы мог подумать об опасности в такой атмосфере!

Вдруг Мартин, шедший впереди, остановился, указав на линию в траве, уходящую к стене долины и исчезающую под деревьями.

— Что это быть? — спросил негр. — Дорога?

— Да, тропа. Похоже, кто-то регулярно выходит из лесу, чтобы зачерпнуть воды.

— Может, это быть вестмен?

— Хм! Вестмен? Здесь, в этом уединенном гнездышке? Маловероятно.

— Или зверь?

— Вот это скорее. Давай-ка получше осмотрим след!

Они подошли ближе к самой тропе. От воды до самых деревьев полоса травы шириной более фута была не просто утоптана, а вытоптана так, что виднелась голая земля.

Итак, Мартин и Боб и в самом деле стояли перед тропой.

— Это не быть зверь, — первым открыл рот негр. — Здесь туда-сюда ходить человек в сапогах. Масса Мартин быть согласен с массер Боб?

Юноша с сомнением покачал головой. Он внимательно обследовал тропу и ответил:

— Все это весьма странно. Не видно ни подков, ни когтей. Земля так вытоптана, что невозможно определить, когда последний раз здесь кто-нибудь прошел. Готов поспорить, что только копытное животное могло протоптать такую дорожку.

— Прекрасно, как прекрасно! — завопил вдруг обрадованный негр. — Может, это быть опоссум?! Массер Боб быть очень рад!

Опоссум, или виргинская сумчатая крыса, может достигать в длину полметра. Хотя у него нежное, белое и жирное мясо, оно обладает таким специфически неаппетитным запахом, что белые никогда не рискуют прикасаться к нему. Негры, разумеется, им не брезгают. Наоборот, есть много чернокожих, весьма падких на это жаркое, источающее столь, мягко говоря, своеобразный аромат. К подобным гурманам принадлежал и наш бравый Боб.

— Что это тебе взбрело в голову? — улыбнулся Мартин. — Опоссум? Здесь? Разве сумчатая крыса из копытных?

— Откуда опоссум — массеру Бобу все равно. Мясо опоссума быть прекрасный деликатес, и массер Боб пытаться поймать такой опоссум.

Он шагнул по тропе дальше, но Мартин все же задержал его:

— Останься и не глупи! Ни о каком опоссуме здесь не может быть и речи — он ведь слишком мал, чтобы протоптать такую дорогу. Тут прошел большой зверь, может, даже лось.

— Лось? О, лось! — снова вскричал Боб, прицелкнув языком. — Лось давать много, много мясо, жир и кожа. Лось быть хороший, очень хороший. Боб сейчас же застрелить лось.

— Постой, постой! Нет, это не лось, иначе здесь была бы объедена трава, — Мартин закусил губу.

— Тогда массер Боб искать, что это быть. Может, это все же быть опоссум. О, если массер Боб найти опоссум, он тогда устроить большая пирушка!

Негр сорвался с места и помчался по тропе к скрывающейся под лесом стене скалы.

— Подожди! Да подожди ты! — разозлился Мартин. — Лось это или не лось, но наверняка зверь, может быть, хищник!

— Опоссум тоже быть хищник: он питаться пташками и другая мелочь. Массер Боб схватить его!

Бесполезными оказались все предостережения. Негр и ухом не повел. Мысль о любимом блюде заставила его напрочь забыть о столь необходимой здесь осторожности. Мартин последовал за ним, готовый при любой неожиданности принять решительные меры, а негр еще ускорил шаг.

Так они достигли лесной опушки, где, как и с другой стороны долины, начинался крутой подъем.

Тропинка сначала уходила напрямик под деревья, а потом тянулась вверх, извиваясь между большими скальными обломками. И здесь она также оказалась основательно вытоптана, и никаких следов не было видно.

Негр как одержимый продолжал быстро взбираться наверх впереди Мартина. Деревья стояли достаточно тесно, а между их стволами затаились всякого рода заросли — эта дикая, если можно так выразиться, тропа вела сквозь настоящие дебри. Тут Мартин услышал ликующий голос негра:

— Масса идти, быстро идти! Массер Боб находить родное гнездо опоссума!

Юноша, бросился к Бобу, чувствуя, что чернокожий сейчас может влипнуть в какую-нибудь историю. Об опоссуме не могло быть и речи, а потому добрый Боб, похоже, сам шел в лапы опасности, о которой и не подозревал.

— Остановись, стой! — громко крикнул Мартин. — Ничего не предпринимай, пока я не подойду.

— О, здесь быть дыра — входная дверь в гнездо опоссума! Массер Боб сейчас наносить ему визит.

Наконец Мартин достиг того места, где находился негр. Скальные глыбы здесь громоздились друг на друга, образуя некое подобие пещеры, перед которой стеной стояли дебри разросшегося лесного орешника, кустов дикой шелковицы, колючек малины и ежевики. В этих дебрях был пробит лаз. Тропка вела внутрь, но теперь вправо и влево от нее уходили следы, а следовательно, обитатель пещеры совершал экскурсии не только к воде, но и в других направлениях.

Негр стал на корточки и уже наполовину погрузился в заросли, чтобы подползти к пещере. Именно в этот момент Мартин, к своему ужасу, понял, что худшие его опасения, увы, были верны. По четкому теперь следу он понял, с каким животным они имеют дело.

— Ради всего святого назад, назад! — крикнул он. — Это же берлога медведя!

Он схватил Боба за ноги, чтобы вытащить того обратно. Но негр, видимо, не понял его намерения, потому что ответил:

— Зачем меня держать? Массер Боб быть храбрый. Он одолеть целое гнездо, полное опоссумов.

— Какой опоссум! Это медведь, болван!

Юноша изо всех сил вцепился в ноги черного. В этот момент из глубины послышалось раздраженное рычание; теперь и Боб издал крик ужаса.

— Иисус! Там зверье, чудовище! О массер Боб! О массер Боб!

Негр молниеносно вырвался из зарослей и вскочил. Несмотря на темную кожу его лица, было видно, что от ужаса кровь прилила к его лицу.

— Он еще там, в берлоге? — спросил Мартин.

Боб принялся жестикулировать руками и зашевелил губами, но не издал ни звука. И в конце концов выронил свое оружие.

В этот миг в дебрях что-то зашелестело, и наружу выглянула... башка гризли, серого медведя. Негр тут же обрел дар речи снова.

— Прочь, прочь! — заорал он. — Наверх, массер Боб, на дерево!

Он прыгнул к сухой тонкой березе и уже в следующее мгновение стал карабкаться вверх по ее стволу с проворством белки. Прыжок получился невероятно длинным...

Мартин стоял бледный, как смерть, но не от страха. Вдруг, словно очнувшись, он быстро подобрал тяжелый мушкет негра, а потом прыгнул за какой-то толстый бук, росший рядом. Он прислонил мушкет к дереву и снял с плеча собственную двустволку.

Медведь наконец показался среди терновника. Двигался он медленно. Его маленькие глазки сначала взглянули на негра, который завис на нижних ветвях березы, потом на Мартина, стоявшего от него поодаль. Хищник пригнул голову, открыл жуткую пасть, с которой капала слюна, и высунул язык. Он, казалось, обдумывал, за какого из противников взяться в первую очередь. Потом он медленно и, слегка покачиваясь, встал на задние лапы. Зверь оказался футов в восемь высотой и источал тяжелое зловоние, в той или иной степени свойственное хищникам глуши.

С момента, когда Боб запрыгнул на ствол, не прошло и минуты. А теперь, увидев огромного зверя вытянувшимся во весь свой рост не более чем в четырех шагах от себя, негр во все горло запричитал:

— For god's sake!⁹⁰ Медведь хочет сожрать массер Боб! Наверх, и быстрее!

Двигаясь судорожно, но энергично, он стал выделывать немыслимые трюки, поднимаясь все выше. Но береза была такой хилой и согнулась под весом негра-гиганта. Он, насколько это было возможно, зажал ствол руками и ногами, но не смог удержаться. Тонкий на вершине ствол согнулся, и Боб повис вниз головой, уцепившись четырьмя конечностями за ствол дерева, словно огромная летучая мышь.

Медведь, казалось, сообразил, что этого противника достать легче всего, а потому стал разворачиваться, оказавшись левым боком к Мартину. Юноша схватился за грудь — там, под охотничьей рубахой, висела маленькая куколка, игрушка его несчастной сестренки.

— Людди, Людди! — зашептал он. — Я отомщу за тебя!

Парень быстро вскинул ружье; его движения были точны, а пальцы не чувствовали дрожи, только холод ствола. Грохнул выстрел, потом еще...

От страха руки Боба разжались.

— Иисус! Иисус! — успел крикнуть он, сорвавшись вниз. — Массер Боб быть убит, quite dead!⁹¹

Березка тотчас со свистом приняла свое естественное положение.

Медведь вздрогнул, будто получил удар или толчок. Распахнув до предела свою ужасающую, усеянную желтыми зубами пасть, он с трудом сделал два шага вперед.

В этот момент отважный парень находился между негром и зверем. Он отбросил свое разряженное ружье и схватился за тяжелый мушкет. Черный холодный ствол старого, но грозного в ближнем бою ружья злоеще глянул на хищника. Раненый зверь и человек стояли в каких-нибудь двух локтях друг от друга. Глаза парня блеснули, в уголках плотно сжатых губ

обозначились неумолимые складки, которые словно говорили: либо ты, либо я!

Но вместо того, чтобы спустить курок, Мартин опустил оружие и отскочил назад. Его не по годам пронизательный взгляд уловил, что третий выстрел лишний. Медведь стоял неподвижно, словно остолбенев. Клокочущий хрип вырвался из глотки хищника, затем последовал стон, смешанный с ревом. Дрожь пронзила всю тушу зверя, его передние лапы опустились, а с языка ручьем хлынул поток черной густой крови, и через секунду гризли всей массой грохнулся оземь. Последовала мелкая конвульсия — туша дернулась еще несколько раз, да так и застыла рядом с негром.

Внезапно послышались громкие голоса и топот бегущих ног.

— Дьявольщина, медвежья тропа! — донеслось снизу, со стороны воды. — Это мог быть только гигантский гризли! Но они оба не догадывались об этом и вышли прямо навстречу зверю. Быстро за ними!

Это был голос Олд Шеттерхэнда. Опытный вестмен с первого же взгляда на тропу определил, что за животное протоптало ее.

— Да, это гризли, — послышался голос Толстяка Джемми. — Возможно, все они уже погибли! Вперед, в лес!

Тут же и голоса, и шаги сплелись в единый гул.

— Эгей! — встретил прибывших улыбающийся Мартин Бауман. — Не стоит беспокоиться. Все в порядке.

Олд Шеттерхэнд и Виннету были первыми, кто добрался до берлоги. За ними выскочили Токви-тей и Длинный Дэви, следом — Толстяк Джемми и маленький саксонец, а замыкали процессию несколько индейцев. Остальные остались в лагере, при лошадях.

— В самом деле — гризли! — не скрывал своего удивления Олд Шеттерхэнд, оглядывая поверженного зверя. — Да еще какой огромный! И вы живы, Мартин?! Какое счастье!

Он подошел к медведю и осмотрел рану.

— Прямо в сердце! Великолепный трофей! Разумеется, мне не нужно спрашивать, кто уложил его.

Естественно, все хотели услышать про это опасное охотничье приключение, и Мартину пришлось обо всем рассказать. Он сделал это просто и скромно, без прикрас, но все же слушатели по достоинству смогли оценить его хладнокровие и мужество. Теперь на долю юноши выпало всеобщее признание.

— Мой дорогой юный друг, — произнес Олд Шеттерхэнд, — охотно признаю, что даже опытнейший охотник не смог бы проделать это лучше

вас. Если вы будете и дальше продолжать в том же духе, из вас когда-нибудь получится тот, кто заставит многих заговорить о себе.

Даже обычно немногословный Виннету одобрительно заметил:

— У моего маленького белого брата решимость старого воина. Он достойный сын знаменитого Грозы Медведей. Вождь апачей дает ему свою руку.

Когда ладонь юноши оказалась в руке Виннету, Мартин ощутил, как крепнет его чувство собственного достоинства. Такая похвала со стороны обоих знаменитостей вызвала внутри у него даже больше воодушевления, чем то, которое возникает, когда человек получает награду непосредственно из рук первого лица в своем государстве.

Маленький саксонец ткнул в ребро Толстяка Джемми и заметил:

— Это ли не славный подвиг? А?

— Еще бы! Я исполнился уважения к этому парню.

— Значит, теперь вы верите, что он и других медведей отправил к праотцам?

— Охотно.

— Да, он очень славный парень. Кто знает, как на его месте поступили бы вы... Почти уверен, что вы спокойно позволили бы медведю сожрать себя.

— Ну, не так уж спокойно. Я таскаю с собой свою старую «пушку» не для того, чтобы воробьев пугать.

— Вот как! Спрашивается только, попали бы вы хоть в одного воробья из своей хлопушки? Медведя, по-моему, на мушку взять легче. Подстрелили ли вы хоть одного?

— И не только одного.

— Послушайте, хватит врать-то! Не утруждайте себя напрасно, все равно вам никто не поверит.

— Хо! Как-то раз я даже проспал рядом с медведем всю ночь напролет и лишь утром заметил, что серый приятель по-соседски остановился на ночлег.

— Это немислимо! Не заметить медведя, надо же! Разве зверь не храпел?

— Нет, этот экземпляр гризли сопел и хрипел, но только никак не храпел.

— Хм! Вы должны рассказать мне об этом.

— Сегодня вечером, когда сделаем привал. Сейчас нет времени.

Для шошонов медведь был желанной добычей. Его грудинка считалась вкусным лакомством, окорок ценился еще выше, а лапы вообще слыли

изысканным блюдом. Лишь сердце и печень медведя индейцы выбрасывают, потому что считают их ядовитыми. Очень популярно у них медвежье сало, из которого они готовят маслянистую жидкость. Эта жидкость незаменима, например, при приготовлении боевой раскраски или охры, которой сиу разрисовывают линии пробора волос. Кроме того, индейцы натирают салом кожу, чтобы защититься от укусов moskitov и других вредных насекомых.

На вопросительный жест вождя шошонов Мартин ответил:

— Пусть мои братья возьмут мясо медведя, а шкуру я оставлю себе.

Через две минуты шкура с хищника была содрана, а мясо разрезано на куски. Пока большинство шошонов свежевали тушу своими острыми, как бритвы, ножами для скальпирования и резали мясо длинными, широкими полосами, остальные занимались обработкой шкуры, разумеется, в предварительной пока стадии. Все прилипшие к ней остатки мяса были тщательно удалены, а шкура хорошо очищена, после чего череп медведя томагавком раскололи, чтобы мозгом хищника натереть внутреннюю поверхность шкуры для ее лучшей сохранности.

Со всеми этими работами воины управились за четверть часа и вернулись в лагерь. Шкуру взвалили на вьючную лошадь, которую шошоны предусмотрительно взяли с собой, а мясо засунули в «печи».

Печи? У индейцев с собой были печи? Само собой, только, конечно, эти печи были не из мрамора, фарфора или железа. Просто каждый положил свою долю мяса под седло. За время скачки оно обычно настолько размягчалось и запекалось, что к вечеру представляло собой готовый продукт и поедалось с огромным аппетитом. Конечно, какому-нибудь гурману из Старого Света такое блюдо вряд ли показалось бы очень аппетитным.

На полуденный отдых, прерванный охотничьим приключением, времени больше не оставалось, и вся компания снова тронулась в путь.

Глава восьмая. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФРЭНКА И БОБА

Путь вел дальше в долину, затем, попетляв между скал, вывел всадников наконец в широкую лощину, по которой они двигались раньше. Выяснилось, что благодаря указателю сиу отряд существенно сократил расстояние, а кроме того, теперь не осталось сомнений, что огаллала точно знает дорогу, по которой едут. Время от времени они оставляли другие указатели, подобные первому, особенно, когда изменялось направление их движения. Из чего следовало, что сиу до сих пор придерживались мнения, что Вокаде обязательно последует за ними.

Во второй половине дня отряд всадников достиг окруженной высокими скалами долины, своей формой напоминавшей эллипс, большой диаметр которого растянулся на несколько миль. В самом центре долины, как одинокая кегля, высилась одна-единственная скала. Ее белые гладкие стены посверкивали под солнцем, а на вершине виднелось плоское и широкое каменное изваяние, очень похожее на черепаху.

Ни один геолог не усомнился бы, что раньше здесь было озеро, берегами которому служили вздымающиеся вокруг скалы. А сама вершина торчавшей посреди долины скалы, будучи островом, очевидно, выступала из воды.

Не подлежит сомнению утверждение, что когда-то ландшафты Северной Америки украшали многочисленные пресноводные озера. Со временем вода спала, и некоторые водоемы превратились в долины, послужившие могильниками живущим тогда существам. Натуралисту, особенно палеонтологу, здесь, среди этих окаменелостей, настоящее раздолье — он может сделать совершенно неожиданные открытия.

До сих пор тут находят зубы и челюсти гиппопотама, очень похожего на бегемота, останки древних носорогов и огромного количества гигантских черепах. Есть здесь и скелеты ископаемых свиней, игуанодона и даже саблезубого тигра. В наши дни бытует мнение, что лошадей в Америку завезли, но раскопки доказывают, что еще в третичный период в Северной Америке обитало множество различных пород верблюдов и лошадей. Лошади одной из таких пород имели величину не больше ньюфаундленда. Сейчас же на всем земном шаре осталось лишь около десятка видов этих животных, и в то же время в одной только Северной

Америке раскопки принесли доказательства существования тридцати видов ископаемых лошадей. В доисторические времена на берегах североамериканских озер паслись слоны, а в жидком иле лежали свиньи, некоторые виды которых были размером с кошку, другие же — не меньше гиппопотама. Пустынные теперь равнины Вайоминга тогда покрывали высокие пальмы с листьями длиной более четырех метров. В их тени отдыхали живые существа величиной со слонов, одни из которых имели рога по обе стороны носа, другие — сбоку от глаз, а третьи — единственный рог, торчавший прямо из носа.

Если индеец случайно наталкивается на доисторические останки, он спокойно и почтительно отворачивается от них. Он не может объяснить их происхождение, а поскольку все загадочное для краснокожего — «великое лекарство», эти останки для него священны, и лишь иногда с помощью легенд и преданий пытается он восстановить картину происшедшего.

Итак, долина, у края которой остановились всадники, некогда была озером. Сиу-огаллала снова оставили здесь знак, указывающий Вокаде, что они пересекли это место. Но Олд Шеттерхэнд, стоявший во главе отряда, на этот раз не принял его во внимание, а повернул коня налево, чтобы дальше держать путь вдоль подножий высоких гор.

— Там ветвь, — обратился к нему Токви-тей, указав на дерево, в ствол которого была воткнута еловая ветка. — Это снова знак огаллала. Почему мой брат не хочет следовать ему?

— Я знаю лучший путь. У меня уже был случай изучить как следует здешние места. Вот эту скалу называют Пейавеполе — Скалой Черепахи. Я уже трижды проезжал мимо нее, правда, с другой стороны.

— Может, у вас с этой скалой связаны какие-то особые воспоминания? — осведомился Толстяк Джемми.

— Нет, но она упоминается в одной из легенд Воронов, индейцев-апсарока⁹². Для них она как гора Арарат. Индейцы тоже знают и говорят о большом наводнении, о Всемирном потопе. Вороны рассказывают, что, когда утонули все люди, остались только двое: мужчина и женщина. Великий Дух спас их, послав им на помощь гигантскую черепаху. Оба вместе со всем их скарбом нашли приют на ее спине и жили там, пока не спала вода. Гора, которая перед нами, выше всех скал, холмов и возвышенностей в округе, поэтому в те времена она была островом. Черепаха заползла на этот небольшой островок, а неразлучная пара перешла с ее спины на сушу. Потом душа животного снова вернулась к Великому Духу, но тело осталось там, наверху; оно окаменело и теперь напоминает нынешним красным людям об их прародителях, спасшихся от

потопа. Мне об этом рассказал Шунка-щеча, Большая Собака, воин Воронов, с которым я много лет назад стоял лагерем у этой скалы.

— Так вы в самом деле не хотите идти по пути сиу-огаллала?

— Нет. Я знаю другую дорогу, которая в кратчайшее время приведет нас к цели. Огаллала едут к могиле своих воинов. Поскольку это нам уже известно, не нужно тратить драгоценное время и идти по их следу. К Йеллоустоуну ведут много дорог. Огаллала, видимо, не знают о самой короткой. По направлению, в котором они двигались, можно предположить, что они свернут к Большому Каньону, оттуда поедут через озеро Йеллоустоун и Бридж-Крик, а потом — к Скалам Огненной Дыры.

— Значит, они перейдут на другую сторону Скалистых гор!

— Конечно. Могила, у которой они собираются принести в жертву мастера Баумана и его спутников, лежит отнюдь не у Йеллоустоун-ривер, а у реки Огненной Дыры. Чтобы до нее добраться, сиу-огаллала придется сделать большой крюк радиусом километров в шестьдесят, не меньше, а местность, по которой они поедут, достаточно тяжело проходима, что и задержит их. Путь, который предлагаю я, пойдет отсюда почти по прямой и приведет нас к реке Пеликан, а потом, когда мы переправимся через нее, — вдоль серных холмов к тому месту, где Йеллоустоун-ривер вытекает из одноименного озера. Там мы отыщем Бридж-Крик, вблизи которого наверняка обнаружим следы сиу, и затем поскачем к верхнему бассейну гейзеров, что расположен вблизи реки Огненной Дыры. Хотя и этот путь не из легких, но в дальнейшем он не создаст нам тех трудностей, что выпадут на долю наших врагов. Таким образом, весьма вероятно, что у цели мы будем раньше, нежели они, а для нас это самое главное.

— Если так, то было бы непростительной глупостью скакать за огаллала. Меня позабавит, если мы прибудем раньше. Не могу без смеха представить их вытянувшиеся рожи, когда они узнают об этом. Итак, вперед, сэр! Вы теперь наш проводник!

Этот разговор шел по-английски. Но шошонам Олд Шеттерхэнд разъяснил свои намерения на их родном диалекте; те тотчас согласились с охотником и спокойно направились туда, куда поначалу их вождь ехать не хотел.

Иссохшая давным-давно маленькая речушка некогда вливалась свои воды с запада в древний бассейн озера и при этом достаточно глубоко прорезала берег. Ее русло было очень узким, а устье так замаскировано густой растительностью, что заметить его мог только очень зоркий глаз. Именно туда и направил своего коня Олд Шеттерхэнд. Стену густых зарослей было нелегко преодолеть, но зато за ней открывался простор. И

белым и индейцам удалось беспрепятственно преодолеть бывшее русло реки, пока оно не вывело их в так называемую undulating-land⁹³, состоявшую из небольших участков прерии, перемежавшихся с поросшими лесом холмами. Холмы в основном тянулись с запада на восток, что для наших путников оказалось весьма благоприятным обстоятельством — они двигались в том же направлении.

К вечеру отряд добрался до водного потока, принадлежавшего, по всей видимости, бассейну Биг-Хорна. Следуя по нему, они наткнулись на место, словно специально созданное для стоянки. И они спешили, решив, что от добра добра не ищут, хотя было еще совсем светло.

Ручей впадал в маленькое, но неглубокое озеро, берега которого поросли замечательно сочной и густой травой. Сквозь чистую, прозрачную воду озера просматривалось дно, и там лениво, едва-едва передвигая плавниками, передвигалась форель, что обещало изысканный ужин. Берега озера, забиравшие круто вверх, с одной стороны были окаймлены густым лесом. По огромному множеству сучков и веток, валявшихся на земле, можно было предположить, что в последнюю зиму здесь пронеслась жестокая снежная буря. Такое скопление ветвей могло служить естественным заграждением и скрывать место ночлега от посторонних глаз, а кроме того, снимало заботы о хворосте для лагерного костра.

— Хватайте форель! — радостно завопил Толстяк Джемми, спрыгивая со своей клячи. — Похоже, сегодня мы зададим пир на весь мир!

Он с великим удовольствием бросился бы в воду немедленно, если бы не Олд Шеттерхэнд.

— Пойдите, не горячитесь! — произнес он. — Всеу свое время. Пока не надо пугать рыбу. Тут нам пригодятся две решетки из хвороста и сучьев потолще.

Расседлав лошадей, путники заострили сухие ветки и сначала воткнули их в мягкое дно ручья, довольно близко друг к другу. Сначала проделали это в месте истока, чтобы рыба из пруда не могла проскользнуть между ними и удрать вниз по ручью. Точно такую же плотину-решетку соорудили еще в одном месте, чуть выше: примерно в двадцати шагах от первой решетки. Теперь и здесь путь отступления рыбам был отрезан.

Толстяк Джемми принялся быстренько стягивать с себя тяжелые сапоги. Ремень он уже расстегнул и положил рядом.

— Эй, коротышка, — окликнул его Длинный Дэви, — сдастся мне, ты хочешь залезть в воду?!

— Естественно! Надо же как-то побаловать себя, любимого.

— Оставь это тем, кто может достать воробышку с дерева, а то

нырнешь и не вынырнешь вдруг.

— Это ко мне не относится — я умею плавать. Да и воды в этом прудике наверняка не больше, чем супа в тарелке.

Джемми подошел к самому краю берега, чтобы удостовериться лишний раз, так ли это.

— Хо! Да тут самая большая глубина — локтя полтора, — небрежно заметил он.

— Это оптический обман. Когда видно дно, всегда кажется, что оно ближе, чем на самом деле.

— Па! Иди сюда и сам погляди! Тут видно каждый камушек, а там... черт возьми, брр...

Бац! Толстяк потерял равновесие и упал в воду. Да еще как! Головой вниз, как назло, на самом глубоком месте. Толстый упрямец на миг исчез в фонтане брызг, но тут же появился снова. Джемми и вправду превосходно плавал, и его не нужно было вытаскивать обратно, но немного потрудиться ему все же пришлось — шуба его, впитав воду, резко потянула его вниз. А широкополая шляпа Толстяка покоилась на поверхности холодного потока, прямо как виктория-регия⁹⁴.

— Ты посмотри! — расхохотался Длинный Дэви. — Джентльмены, вы только посмотрите на форель, что плещется там! Эта толстая рыбина накормит нас всех!

Маленький саксонец стоял поблизости. В спорах о науке он обычно бывал принципиален и готов был сразиться с Джемми насмерть, но, несмотря на все это, питал к Толстяку симпатию.

— Бог ты мой! — не на шутку испугался Фрэнк, подскочив к самой воде. — Что же вы наделали, герр Пфэфферкорн? Зачем вы прыгнули в этот пруд? Вы не промокли?

— Не сильно, можно сказать, совсем чуть-чуть, — отозвался Джемми, с улыбкой выплевывая попавшую в рот воду.

Он уже выбрался из глубины, теперь вода едва достигала его плеч.

— Так можно схватить прекраснейшим образом простуду! Тем более в этой мокрой шубе! Сейчас же вылезайте на берег! О шляпе я позабочусь, выжу ее веткой, — распорядился Фрэнк.

Он схватил длинный сук и закинул его в воду, как удочку. Но сук оказался все же слишком коротким, и ученому «слуге леса» пришлось сильно податься вперед.

— Осторожнее! — предупредил Джемми, выбираясь из воды. — Лучше я сам достану шляпу, раз уж вымок.

— Да помолчите вы! — пробормотал Фрэнк. — Если вы считаете, что

я так же глуп, как и вы, то мне вас искренне жаль. Почтеннейшие люди нашего сорта всегда знают, где нужно быть осторожным. Уж я-то не провалюсь в этот злосчастный прудишко, даже если эта проклятая шляпа снова отправится в дальнейшее плавание. Надо вытянуться еще чуть-чуть и... Бог мой! Меня, похоже, тоже затягивает в эту лужу! Нет, никогда...

Снова фонтаны брызг вспенили воду — саксонец плашмя упал в пруд. Со стороны все это выглядело настолько забавно, что белые едва не закатились от хохота; индейцы же оставались внешне невозмутимы, хотя внутри наверняка разрывались от желания расхохотаться во все горло.

— Ну, так кто это «не так глуп»? — подал голос Толстяк, стирая с лица слезы смеха.

Но стоявшему в мелкой воде и имевшему жалкий вид Фрэнку сейчас было не до смеха.

— Что тут смешного?! — воскликнул он, насупив брови. — Я стал жертвой собственной любезности и самаритянской любви к ближнему, а в благодарность за свое милосердие выслушиваю лишь смешки. Я это хорошо запомню на будущее! Понятно вам?

— Разве я смеюсь? Я плачу! Или вы не видите? Если даже такой почтеннейший человек, как вы, теряет равновесие, то...

— Помолчите! Дурачить себя не позволю! Пожалуй, такое могло бы случиться, но вот то, что я даже фрака не успел снять, очень меня расстроило. Смотрите, вон там наши головные уборы! Они покачиваются рядышком... Ну, прямо как братья, как Кастор и Филакс, из мифологии и астрономии. Прямо...

— Может быть, Кастор и Поллукс⁹⁵, — рискнул поправить его Джемми.

— Что за звон — не знаю, где он! Поллукс! Как и подобает лесничему, я достаточно имел дел с охотничьими собаками, поэтому совершенно точно знаю, как правильно называть: «Поллукс» или «Филакс». Прошу не исправлять меня подобным образом. Такие поправки плохо перевариваются моим желудком. Тем не менее, я постараюсь выудить этих милых «братьев». Хотя, вообще, вашу шляпу следовало бы оставить там, ибо из-за нее я весь до нитки промок.

С этими словами он подцепил обе шляпы и вытащил их на берег.

— Вот так, — произнес он. — Теперь они спасены, но я без всяких претензий на медаль. А сейчас давайте выжмем вашу шубу, а затем и мой фрак. Пусть они заплачут горькими слезами. Эй, смотрите, с них уже капывает.

Потерпевшие так увлеклись своим промокшим насквозь платьем, что,

к великому их сожалению, не смогли принять участие в уже начавшейся рыбной ловле.

Несколько шошонов спустились к ручью у нижней части пруда, перегородили поток и медленно стали продвигаться вперед, гоня перед собой рыбу к верховьям ручья. По берегу рассыпались остальные краснокожие, улеглись на землю так, что могли черпать воду обеими руками. Загнанной между двумя решетками форели некуда было деться, и лежавшие у воды индейцы просто-напросто вычерпывали беснующуюся рыбу и бросали ее через голову назад, на берег. Всего несколько минут понадобилось индейцам на эту рыбалку, но улов оказался очень богатым.

Тотчас были вырыты плоские ямы, а дно их выложено мелкими камушками. Выпотрошенную рыбу сложили на эти камни, а потом накрыли другим слоем камушков, сверху же разожгли огонь. Когда потом золу удалили, зажата между камнями форель оказалась тушенной в собственном соку, да такой мягкой и нежной, что при прикосновении к мясу оно само слезало с костей. Блюдо получилось, конечно, замечательное, но не ресторанное — для этого ему не хватало масла и... соли. Индеец почти не употребляет соли, потому и вестмен часто вынужден отказываться от нее.

Да и смысла нет запасаться заранее провиантом на многие месяцы скитаний, потому что даже то малое, что удастся унести с собой, очень скоро уничтожается всепроникающей сыростью.

После ужина лошадей согнали вместе и возле них выставили часовых. Шошоны сочли все эти меры излишними, настолько защищенным казался им лагерь. Но Виннету и Олд Шеттерхэнд придерживались иного мнения: никогда и нигде нельзя забывать об осторожности, и для охраны лагеря в четырех направлениях в лесную чащу было послано по одному шошону, которых через несколько часов должны были сменить другие.

Вскоре запылало несколько костров. Белые собрались своим кружком. Длинный Дэви из уважения к своему другу выучился у него немецкому, да так, что если и не мог говорить, то понимал достаточно. Отец Мартина Баумана тоже был родом из Германии, поэтому молодой человек весьма свободно владел немецким. Ну а у Олд Шеттерхэнда, Толстяка Джемми и Хромого Фрэнка, если вы помните, немецкий был родным языком.

Подобные беседы у огня в девственном лесу либо в прерии имеют свою прелесть. Собравшиеся, как правило, похваляются собственными приключениями, но и не забывают о подвигах знаменитых охотников. И как бы ни были велики трудности и тяготы жизни на Западе, просто невероятно, с какой быстротой от лагеря к лагерю распространяются вести

об очередном подвиге, о тех или иных удивительных событиях. Если черноногие где-нибудь в верховьях реки Марайас вырыли топор войны, то команчи у Рио-Гранде всего через пару недель уже говорят об этом, а если среди индейцев валла-валла в штате Вашингтон появляется новый шаман, можно быть уверенным, что живущие гораздо западнее дакота о нем узнают еще быстрее.

Как и следовало ожидать, в центре внимания оказался подвиг Мартина Баумана. И тут маленький саксонец не преминул вспомнить об обещании, которое дал ему Толстяк Джемми.

— Так что же, собственно, произошло в ту ночь, когда вы проспали вместе с медведем? — спросил он. — Как это случилось и где?

— Может, вы думаете, что я валялся с ним на кровати в каком-нибудь гостиничном номере? — усмехнулся Толстяк.

— Вы снова за старое! Я ведь уже объяснил вам, что я не тот человек, который спускает все безнаказанно. Если вы склонны считать меня глупцом за то, что я, вымочив мой единственный фрак, спас вашу шляпу, я тотчас вышлю вам секунданера!

— Секунданта! Вы ведь так хотели сказать?

— Мне это и в голову не приходило! Я изъясняюсь прекраснейшей обходной речью по правильной стратегической системе. А вы, конечно же, можете изрыгать свою тарабарщину сколько вашей душе угодно. Одно плохо — этим вы действуете на нервы человеку, который с нечеловеческим терпением сносит все, что угодно. Впрочем, вашей так называемой медвежьей истории на самом-то деле, наверное, и в помине не было.

— Готов присягнуть!

— Ну, так где же это происходило?

— В одном из истоков Платт-ривер.

— Что? Прямо в реке?

— Да.

— В реке вы провели целую ночь с медведем?

— Конечно!

— Ну, тогда это и вправду чудовищнейшая ложь, какая только может быть! Если бы все происходило на самом деле, то вы вместе с медведем, о котором теперь собираетесь рассказать небылицы, уже на рассвете всплыли бы утопшими и ваши трупы прибило бы к берегу волной.

— Хо! Так вы полагаете, что я спал в воде?

— Разумеется, вы же сами сказали.

— Нет. Вы поняли меня буквально. Могу пояснить, что я остановился на ночлег на маленьком острове.

— Вон даже как! Значит, на островке! С этим я еще могу смириться. Тогда это чуть более вероятно. Впрочем, Платт-ривер почти везде мелководна.

— Но только не весной. Если после теплого дождика на голые скалы сразу ляжет снег, то река, вода в которой достигала лишь колен, всего через час едва не выходит из берегов. Доверяться этому шумному, грязно-желтому потоку крайне опасно. Река становится подобна дикому зверю, внезапно разбуженному и зашедшему в ужасном реве.

— Могу себе представить. При этом на ум тотчас приходят поэтические строки:

Весьма опасно клей будить

И тигру на зуб наскочить.

А если в ил засесть неловко,

То не поможет ни гондола и ни лодка!

Пожалуй, тогда с вами и медведем произошел курьез?

— Да, только будить не «клей», а «льва»⁹⁶, мой дорогой Фрэнк.

— И вы снова рискуете выступить с таким безосновательным заявлением? Тут вы оказались в величайшем антагонизме с корифеями поэтического искусства и музыкального генерал-баса⁹⁷. Вам не стоит забираться в высшие материи, в которых вы ничего не смыслите! Лучше просто и скромно расскажите обещанную историю.

Остальные засмеялись, в результате чего маленький ученый обратился к Олд Шеттерхэнду:

— Ага! Вот оно что! А ну-ка высмейте этого парня как следует! Если он увидит, что опозорен, он прекратит наконец разыгрывать Донкишотландца.

— Дон Кихота, — снова вставил Джемми.

В этот момент Фрэнк разошелся не на шутку — он был в ярости. Оскорбленный саксонец вскочил и выдал целую тираду:

— Опять! Это уж чересчур. Тот, кто, как и я, пользовался в Морицбурге платной библиотекой по три пфеннига за книгу в неделю, тот, несомненно, читал про Донкишотландца⁹⁸, и если я снова буду вынужден доказывать свое литературное образование, я просто-напросто встану и отсижу к индейцам. Они-то уж по достоинству оценят человека моего сорта. Если мои труды вразумить Толстяка Джемми так тщетны, я умываю руки и изолю свой талант где-нибудь в другом месте. Вовсе не для благородного лебедя плескаться по соседству с гусями и утками. Его чувство приличия ощетиливается против такой компании! Адью, господа!

Он уже собрался было идти, но, уступив настоятельным просьбам Олд Шеттерхэнда, все же сел на место.

— Ну, хорошо, — пробурчал Фрэнк. — Так и быть, вам я окажу любезность и тайком, анонимно проглочу свой гнев. У вас, как у моего земляка, есть право на мою персону, и я не могу этому препятствовать. А то вы еще подумаете, что мои родители никогда не заботились о моем воспитании. Впрочем, мне и правда весьма любопытна медвежья история, и, если Толстяк поведает ее, я тоже не останусь в долгу и в стиле Фридриха Герштекера⁹⁹ сообщу, каким образом мне самому как-то довелось пообщаться с одним мишкой.

— Что? — настала очередь Джемми удивляться. — И вы тоже пережили подобную авантюру?

— А вы удивлены? Скажу, что пережил и испытал столько, что вам и не снилось! А сейчас начинайте, в конце-то концов! Итак, это было в Платт-ривер?

— Нет, в Медисин-Боу, впадающей в Платт. Произошло это в апреле, когда я спустился из Северного парка, где очень неудачно поохотился. В марте я поднялся туда от форта Ларами, а спустился теперь оттуда по другую сторону гор, чтобы у названного источника Платт поохотиться на бобров. Погода стояла не очень холодная, и мелкая река не была затянута льдом. Несмотря на то, что я ходил там уже несколько дней, я не нашел ни единого следа толстохвостых, и моя лошадь вынуждена была даром таскать и меня, и тяжелые капканы, сев при этом на голодную диету. В упомянутый день повеяло теплым ветерком, на что я, старый идиот, сразу же должен был бы обратить внимание. К вечеру прямо посреди русла реки я заметил маленький островок. Собственно, весь он представлял собой скалу, вплотную к которой прилегала длинная, оканчивающаяся мысом песчаная отмель. Оглядев остров, я заметил невысокую, сооруженную из камня и дерна хижину, которую, как пить дать, заложили трапперы, надолго останавливающиеся здесь. Хорошее место для ночлега, подумал я. Итак, я погнал свою лошадь прямо в воду, глубина которой едва составляла пару футов, и при этом высмотрел на песчаной отмели медвежий след, по которому решил последовать следующим утром. Отметил я и то, что с моей стороны на остров попасть было легко. Моя кляча выбралась на сушу, я спешил, освободил животное от капканов и седла, предоставив ему полную свободу в поисках корма. Давно изучив повадки моей кобылы, я знал, что она никуда не денется.

— А хижина? Кто-нибудь был в ней? — перебил рассказчика Фрэнк.

— Да, — Джемми кивнул, подозрительно ухмыльнувшись.

— И кто же?

— Когда я вошел, там сидел — представьте мое удивление — китайский император, и он уплетал тыквенную кашу, заедая ее маринованной селедкой.

Улыбнулись все, но только не Хромой Фрэнк.

— Это снова в мой адрес? — в гневе воскликнул он.

— Нет, — ответил Джемми весьма серьезно.

— Так оставьте вашего императора в Пеклине, где ему и место!

— В Пекине, вы хотели сказать, — быстро поправил Джемми и тут же продолжил, не дав Фрэнку опомниться: — Врать не буду: хижина была пуста; там не было ни людей, ни вещей. Но при более тщательном осмотре я обнаружил в полу и в стенах полно дырок и норок — тут не обошлось без змей. Хотя я и не особо боюсь этих гадов — они не так опасны, как говорят и пишут о них, и сами прячутся от людей, а, кроме того, тогда как раз было время их зимней спячки. Но тот день, впрочем, выдался теплым, и пламя моего костра могло выманить из нор кого-нибудь из этих ползучих. Я вообще-то избегаю таких компаний и решил расположиться на свежем воздухе. Для хорошего костра дров оказалось достаточно — их наносила река, и как только я подсыпал от души хвороста в огонь и закутался в одеяло, сразу же пожелал себе «спокойной ночи!».

— Ага, вот тут-то и началось! — вырвалось у нетерпеливо потиравшего руки Фрэнка.

— Да, вы почти угадали, но все началось с воды. Я заснул не сразу. Ветер усиливался, и дул он как-то подозрительно глухо. Потом он раскидал весь мой костер, и я ничего не мог поделать, чтобы поддержать его. Вскоре огонь погас совсем, а я наконец заснул. Сколько я спал — не знаю, помню только, что услышал какой-то странный шум. Ветер сменился бурей; кругом все свистело и завывало на разные лады, а когда на секунду стихия затихала, раздавалось непонятное приглушенное журчание, клокотание и даже кипение, но не в воздухе, а вокруг моего островка. Не на шутку струхнув, я вскочил и поспешил к песчаному берегу. Тот почти полностью исчез под водой, из которой торчал кусок суши едва ли в локоть высотой; на нем-то я и стоял. Тут я понял, что внезапно начался прилив. На небе не было ни облачка, и в свете звезд я увидел зловещие бурлящие потоки, мчавшиеся мимо с невероятной скоростью. Я очутился в клещах стихии!

— Ну прямо как Кампе!¹⁰⁰ — воскликнул Фрэнк.

— Кампе? — удивился Толстяк. — Кто это?

— А вы не знаете? Постыдитесь! Кампе — это же известнейшая личность! Он потерпел крушение, был выброшен на остров и остался там

совсем один. Потом, правда, появилось несколько туземцев, которых он прозвал Понедельником, Вторником, Средой и Пятницей. Неужели вы не читали этой прекрасной книги?

— Да нет, конечно же, читал, — ответил Джемми под общим хохот. — Теперь я понял, кого вы имели в виду — Робинзона.

— Робинзона? Хм, да, он тоже там был.

— Естественно, он там был, ведь он — главный герой!

— Главный герой? Послушайте-ка! Тут вы опять ошибаетесь. Главный герой был Кампе.

— Ну, не будем спорить. Собственно говоря, Кампе тоже не на вторых ролях в этом романе, поскольку он его написал.

— Да, но если бы он не был на острове, то не смог бы написать о нем ни строчки!

— Ладно, оставим это, но вот о Понедельнике, Вторнике и Среде я ничего не читал.

— Главная причина как раз в вашей эпидемической невнимательности, с которой вы все делаете. Сдается мне, вы просто-напросто перелистнули лучшие страницы этой книги. Как мог Кампе не упомянуть о трех наипервейших днях недели! От такого бравого парня никто бы не ожидал подобного нарушения хронологического порядка течения времени. При подобном троекратном отсутствии рабочих дней недели он не нашел бы ни одного издателя для своей книги! Но продолжайте же! Так как же вы дальше разыгрывали роль Кампе?

— Охотно продолжаю. Поначалу я немного растерялся, но потом понял, что мне нечего опасаться, ибо мой остров возвышался над берегом, а стало быть, не мог оказаться под водой. В любом случае надо было дожждаться утра. И я должен был потерпеть до утра. Естественно, мне не давала покоя мысль о лошади. Если ее смыло потоком, то она погибла, а без нее и мне конец. Не мне вам объяснять, что означает для вестмена потеря лошади в таком положении. Мысленно теща себя надеждой на врожденный инстинкт своей кобылы, я медленно побрел к своему ложу. Неожиданно мне показалось, что впереди промелькнула чья-то тень, исчезнувшая в хижине, но я не придал этому особого значения и снова улегся спать.

Напрасно я не обратил внимание на это обстоятельство, потому что в хижине-то был не кто иной, как медведь! И его наводнение застигло врасплох. Ладно, решил я, только бы он лежал себе спокойно в хижине, а иначе, как пить дать, произойдет «битва народов», как под Лейпцигом!¹⁰¹ К счастью, он вел себя тихо. Заснуть я уже, конечно, не смог, просто лежал, и в те паузы, когда ветер задерживал дыхание, весь обращался в слух. Вышел

ли зверь из хижины? А вдруг мне все это почудилось? Или это не медведь, а другой зверь? В любом случае надо убираться отсюда как можно быстрее. Я взял ружье в одну, а одеяло — в другую руку и тихо пополз к противоположному концу острова, где потом лег таким образом, чтобы постоянно держать хижину в поле зрения. Оставшееся до рассвета время показалось мне вечностью! Наконец, на востоке заалело, и теперь я смог разглядеть остров, поверхность воды и берег. Вот тут я и сделал для себя двойное открытие. Первое — приятное: моя лошадь мирно паслась на другом берегу, с которого я пришел сюда, а второе — не очень: в хижине лежал действительно медведь, задом — ко входу, головой — внутрь. Пока он меня не заметил. Просто чудо, что я находился на другой стороне острова, когда он вылезал из воды! Если бы он застал меня тогда спящим, я бы не сидел здесь и не рассказывал бы нашему Хромому Фрэнку об этом приключении.

— Да, уж, — отозвался тот, — после объятий медведя вам бы только и осталось, что бродить по прерии в виде призрака. В наказание за то, что гимназия не принесла вам никакой пользы! Как же вы дальше повели себя со зверем?

— Весьма учтиво. Я осмотрел ружье, проверил, заряжено ли оно, и вежливо представился зверю: тихо подошел к хижине и воскликнул «huzza!¹⁰²». Но этот малый спал крепко. Похоже, он очень устал — кто знает, сколько времени он спасался от воды и боролся с бурей! Услышав все же наконец мой голос, он лениво развернул свою башку и попытался подняться, но тут же получил две пули. Конечно, так уложить зверя — вовсе не подвиг. И Боб смог бы это сделать.

Негр сидел в кругу вместе со всеми. Он так часто слышал немецкую речь от своих хозяев, что, даже когда не понимал ни единого слова, улавливал все же смысл произнесенных фраз.

— Ох, ох, — запричитал он. — Массер Боб быть очень хороший вестмен! Массер Боб быть храбр. Он не бояться медведь. Если Массер Боб снова увидеть зверь, он тотчас поймать его голыми руками!

— Превосходно! — согласился Джемми. — Итак, первого зверя, которого ты увидишь, поймаешь голыми руками.

— Yes, yes, масса.

— Даже медведя?

— Если первым быть медведь, значит — медведь! Массер Боб свернуть ему шея!

Он распростер свои огромные длинные руки, растопырил пальцы, бешено завращал глазами и оскалился, наглядно показывая, как он

бросится на хищника. Все это выглядело комично и вместе с тем по-настоящему страшновато, казалось, будто он готов проглотить любую живность со всеми ее потрохами, и немедленно.

— Может, ему повезет и первым будет опоссум, которого он, пожалуй, ежедневно видит во сне, — заметил Олд Шеттерхэнд. — А теперь скажите, мастер Джемми, каким способом вам удалось перебраться на сушу?

— Наипростейшим, — глаза Толстяка лукаво сверкнули. — Я просто перешел через поток. Как известно, подобные ненастья прекращаются так же внезапно и быстро, как и возникают. В воздухе стало холоднее, и уже к полудню уровень воды снова понизился. Хоть мне и пришлось провести на острове еще одну ночь, к полудню следующего дня вода едва доходила мне до бедер. Я перебрался вброд и перевел лошадь, чтобы потом снова нагрузить ее капканами, да еще и лапами со шкурой медведя. Разумеется, груз этот вынудил меня идти рядом с кобылой, чтобы не уморить ее. Но это продолжалось недолго, невдалеке от места впадения реки Медисин-Боу в Платт, я наткнулся на целую колонию бобров, такую многочисленную, что вынужден был сделать долгую остановку, а в результате добыл немало шкурок, которые припрятал на будущее в одной из земляных ям. После этого я мог спокойно ехать дальше уже без поклажи. Вот таким было мое приключение, и, если оно по нраву нашему мастеру Фрэнку, пусть он теперь расскажет свою историю. Надеюсь, она заканчивается так же счастливо, как и моя.

— Ясно как божий день! — ответил саксонец. — К тому же я одержал верх безо всякой помощи, один! Ни души не было рядом, ни даже собаки, которая бросилась бы на медведя, как тогда, когда наш добрый Мартин потерял свою бедную Людди. — Фрэнк вздохнул, набрал в легкие воздуха и начал свой рассказ: — Тогда я еще не пробыл здесь, в Соединенных Штатах, целую вечность, о чем смело могу сказать теперь; тогда я был достаточно неопытен. Не скажу, конечно, что был необразован, наоборот, я обладал приличной порцией физических и духовных преимуществ, но то, что хорошо изучено, но все же не увидено и, так сказать, не ощупано, — все это не узнано по-настоящему! С этим не станет спорить ни один разумный человек, а потому он признает мою правоту. Какой-нибудь банкир, к примеру, будь он хоть семи пядей во лбу, не сможет выдуть ни одной мелодии на гобое, а любой ученый профессор экспериментальной астрономии не сможет без обучения тотчас стать стрелочником. Это замечание я предпосылаю в мое оправдание и защиту! Моя история происходила вблизи Арканзаса, в Колорадо. Поначалу чем я только не занимался в разных городах и, в конце концов, сколотил маленький

капитальчик. С ним я хотел заняться на Западе кое-каким делом, которое здесь величают «торговлей вразнос». А почему бы и нет? На этом можно было немало заработать, а объясняться я умел довольно сносно, потому что к тому времени легко освоил английский. По понятным соображениям для меня это было делом плевым.

— Да-да, — согласился Джемми, — с вашими «превосходными» задатками нет ничего удивительного, если вы вдруг свободно заговорите по-китайски. — Как ни странно, его слова звучали вполне искренно. Или же такова была его ирония.

— А разве нет? С существительными и прилагательными — вовсе никаких хлопот, поскольку они сами по себе приклеиваются к памяти. Считать научиться — тоже раз плюнуть. Что там еще остается? Пара наречий, с которыми также нет проблем, и готово! Мне никогда не понять, почему молодежь так долго мучается с иностранным в школе. Мне кажется, берутся не с того конца. Говорю ли я по-нашему «сыр», или по-французски «frommage», или по-английски «cheese» — какая разница! Для меня сейчас иностранный язык проще пареной репы. Итак, я предпринимал свое путешествие с великолепным запасом товаров и провернул такую удачную торговлю, что, когда потом появился в районе форта Лайон, что на Арканзасе, распродал там все и вся. Даже тележку — и ту продал не без прибыли! Затем я сел на коня с ружьем в руке и сумкой, полной денег, на ремне и решил с удовольствием прокатиться дальше в глубь страны. Уже тогда я испытывал большое желание стать знаменитым вестменом.

— И наконец вы им стали! — заметил Джемми.

— Ну, еще не совсем. Но думаю, если мы теперь ввяжемся в драку с сиу, я не буду стоять за линией фронта, как Ганнибал под Ватерлоо¹⁰³, а потом, может статься, прославлю свое имя. Но дальше! Тогда Колорадо только-только был изведен. Там открыли богатые золотоносные участки, и с Востока хлынул поток проспекторов и диггеров. Но истинных поселенцев было очень мало. Поэтому я был несколько удивлен, когда на своем пути встретил настоящую ферму. Она состояла из маленького блокгауза, нескольких ухоженных полей и обширного пастбища. Settlement¹⁰⁴ располагалось на берегу Пургаторио. Это обстоятельство говорило само за себя — поблизости должен был быть лесной массив. И действительно, въехав в лес, я заметил, что в нем росли преимущественно клены. Я очень удивился, когда увидел почти в каждом стволе воткнутые трубочки, из которых в поставленные под ними сосуды капал сок. Было начало года —

лучшее время для приготовления кленового сахара. Вблизи блокгауза стояли продолговатые, широкие, но очень плоские чаны, наполненные соком, которому, похоже, суждено было испаряться здесь, на открытом воздухе. Подчеркну это обстоятельство особым образом, поскольку в моем приключении оно сыграло главную роль.

— Конечно же, фермер был не из янки, — заметил Олд Шеттерхэнд, когда Фрэнк остановился, чтобы перевести дух.

— Почему вы так решили?

— Потому что янки скорее кинулся бы к золотonosному участку и уж никак не осел бы тут скваттером.

— Совершенно верно! Хозяин был норвежцем и принял меня очень гостеприимно. Его семья состояла из жены, двух сыновей и дочери. Меня сразу же пригласили остаться на столько, сколько будет угодно моей душе. Я охотно согласился и помогал им по хозяйству, при этом мой унаследованный интеллект пришелся добрым людям как нельзя кстати.

— Наверное, вы помогли им на маслoбойне? — шутливо бросил Джемми.

— Естественно! — серьезно и не без гордости ответил саксонец. — Я даже сконструировал новую, в которой не толкут, а вертят, это я видел на Востоке. Точнее, я сделал чертеж мелом на столе, по которому они смогли соорудить ее сами. Благодаря своей любезности и интеллектуальному превосходству я настолько завоевал доверие этих людей, что они позволяли мне оставаться на ферме даже в их отсутствие. Как раз у одного из соседей должен был состояться так называемый house raising frolic¹⁰⁵, и вся семья хотела принять в нем участие, поэтому мое присутствие оказалось кстати, а потому в доме теперь я остался за полновластного хозяина и мог позаботиться о статистической безопасности фермы. Они уехали, а я остался один. Соседом там называли любого, кто жил на расстоянии в полдня пути верхом. Именно на таком расстоянии от нас находилась ферма упомянутого соседа, значит, возвращения моих гостеприимных друзей стоило ждать не раньше, чем через два дня.

— Они вам оказали слишком высокое доверие, — снова воспользовался паузой Джемми.

— Почему? Разве вы думаете, что мне могла прийти в голову мысль удрать с фермы? Разве я похож на нечестного мошенника?

— Об этом и речи нет. Если где-нибудь когда-нибудь люди задумают воздвигнуть статую, символизирующую Честность, то позировать надо только вам, поскольку ваша внешность сразу располагает к доверию, в этом смысле вы неотразимы.

— Иной оценки я и не ожидал!

— Но в любой местности не только в те времена, да еще и сегодня шатается всякий сброд. Что вы один могли бы предпринять, если бы такие люди случайно забрели бы к вам в отсутствие хозяина и применили бы силу?

— Что бы я делал? Не подумайте ничего дурного, но вопрос этот весьма странный и дурацкий. Я вышвырнул бы их всех к дьяволу! Заставил бы считаться с моим правом неприкосновенности жилища.

— Вы полагаете, это так легко? Такие люди никаких прав и принципов не признают, им послать пулю в человека — что плюнуть.

— Я тоже не робкого десятка! Познакомившись со мной поближе, вы поймете, что мне не только одну, а три или четыре фермы можно доверить со спокойной душой. Уж я знал бы, как их защитить! Я разумею во всех видах военной стратегии и превосходно разбираюсь в различных приемах боевой тактики, Я даже изучил мышино-лягушачью войну и, стало быть, знаю, как начинать сражение и как побеждать! При вступлении в бой надо действовать как Мольтке, в атаке — как Цитен, а в преследовании — как истинная ласка!¹⁰⁶ А посему мне не страшен никакой противник, если только он не наносит удара в спину, а я заранее не предупрежден об этом.

— Об этом-то как раз никто и не сообщает!

— К сожалению, это правда — медведь действительно пришел без уведомления, из-за чего и имело место мое приключение, о котором я хочу рассказать. При этом я должен упомянуть, что в стороне от дома рос старый хикори¹⁰⁷. Весь до последней ветки он был очищен от коры, которая понадобилась норвежцу, как он рассказывал, для изготовления желтой краски. Ствол стал совершенно гладким, и, чтобы взобраться по нему, требовалась большая сноровка.

— Пожалуй, такое никому и в голову не придет, — подал голос Длинный Дэви.

— Да, не придет, но иногда случается такое, что даже благородных кровей аристократ вынужден проделывать подобное. Всего через несколько минут этот закон природы будет подтвержден. Итак, чтобы не упустить самого главного: я находился на ферме совершенно один и раздумывал о том, , чем бы мне скрасить долгие часы одиночества. Естественна, я нашел себе достойное занятие. Внутри блокгауза требовал починки земляной пол, а между древесными стволами, которыми были выложены стены, раскрошилась шпаклевка. Все это надо было заделать. Норвежец для этой цели уже давно за углом дома вырыл глиняную яму. Она была около

четырёх локтей длиной и около трех шириной. Какова она в глубину, я не видел, поскольку яма до краев была заполнена глиной. Оттуда торчало несколько жердочек, которыми, вероятно, мешали и толкли содержимое ямы. Какая радость охватит хозяина, когда по возвращении домой, если не пол, то хотя бы стены, он увидит обновленными! Вот что подумал я и решил немедленно взяться за работу.

— Разве вы раньше что-нибудь соображали в этом деле? — снова раздался вопрос Толстяка.

— Прошу вас, не вставайте вы мне поперек дороги с вашими неуклюжими вопросами! Не надо никакого особого искусства, чтобы замазать глиной дыру или зазор. В науке есть гораздо более тяжело осваиваемые области. Итак, я начал мешать палочкой глину. Масса показалась мне слишком густой, поэтому я долил в яму воды, но, как оказалось, слишком много, и теперь раствор стал очень жидким. Я подумал, что после усердного замеса масса снова примет вид объемной компрессии и больше часа бился над ней изо всех сил. В результате глина достигла той консеквентности, которой можно было бы ублажить администрацию и удовлетворить требования строительного надзора, но я, прежде чем начать свои работы по реставрации, должен был еще вырезать из дерева некое подобие кельмы. Поэтому я снова вернулся домой, там, я помнил, в очаге лежало сухое дерево. Воодушевленный собственным намерением, я свернул за угол и... застыл как вкопанный. Перед кем, вы думаете?

— Перед медведем, конечно, — откликнулся Джемми.

— Да, перед медведем, который оставил свою берлогу, находившуюся, по всей видимости, наверху, где-то в горах Ратон, чтобы так же, как и я, взглянуть на мир и людей. Но мне было не до радушного приема посетителя. Парень подозрительно покосился на меня и проводил взглядом мой прыжок, который я вряд ли когда-нибудь смогу еще повторить и с помощью которого я отлетел далеко в сторону. Через секунду он набросился на меня. Это обстоятельство придало всем моим членам необычайную гибкость, а бегство показалось мне истинным удовольствием. Я гнал сам себя, как охотники гонят индийского королевского тигра, прямо к хикори. Вцепившись в его ствол, я в один миг оказался наверху. Теперь мне даже не верится, что в подобной ситуации человек может проделать такое.

— Вы были хорошим скалолазом? — больше утверждал, чем спрашивал Олд Шеттерхэнд.

— Да какое там! Стоит, пожалуй, принять во внимание, что мне, как

слуге леса, пришлось обучиться лазанию, но все мое кровяное давление восставало против такого искусства. Если мне нужно подняться, к примеру, на стремянку, то у меня между ушей тотчас все кружится и вертится, и я никак не могу себя заставить сделать это. Все же, если позади тебя медведь, то не стоит долго спрашивать, вяжется ли лазание со здоровьем, или нет, а надо быстрее карабкаться наверх, со всей страстью, прямо как я тогда! К несчастью, как уже упоминалось, ствол дерева был слишком гладкий, и я не залез на самый верх.

— Увы! Это могло закончиться плачевно, ведь вы были без оружия. А что делал медведь?

— Нечто такое, что со спокойной совестью мог бы и не делать — он стал взбираться следом.

— А! Так, к вашему счастью, это был не гризли!

— Меня это не интересовало, ибо тогда для меня он был Медведем! Медведем! Я крепко вцепился в дерево и глянул вниз. И верно, этот бездельник поднялся во весь свой рост у ствола, обхватил его и медленно, но уверенно стал взбираться наверх. Процесс, похоже, доставлял ему огромное удовольствие, он удовлетворенно бурчал что-то себе под нос, напоминая то ли мурлыкающую кошку, правда, несколько подохрипшую, то ли трезвучие, построенное от ноты ми виолон-баса, когда оно выщипывается пальцами пиццикато¹⁰⁸. У меня трещала от напряжения голова, гудело все тело. Медведь подбирался все ближе. Я не мог дольше оставаться на том же месте; мне нужно было лезть выше. Но едва я освободил одну руку, чтобы схватиться за ветку повыше, как тут же потерял опору. Хотя я смог быстро ухватиться за другую, все же земля-матушка не позволила своей жертве упорхнуть от силы тяготения. Я смог издать лишь короткий, полный страха вздох, а потом поехал вниз вдоль ствола с резвостью двадцатицентнерового стального молота, и с такой силой налетел на медведя, что он тоже сорвался вниз. Он грохнулся оземь, а я, подброшенный его тушей чуть вверх, опустился опять же на него.

Фрэнк рассказывал все это так живо, с выразительными жестами, что его слушатели боялись упустить даже мельчайшую деталь, ну и, кроме того, все это было смешно. Все хохотали в наиболее напряженных местах его рассказа.

— Ну, ну, смейтесь! — пробурчал Фрэнк. — А мне тогда было совсем не до улыбок. У меня возникло чувство, будто все части моего тела совершенно перестали мне повиноваться. На душе у меня стало пусто и глухо, так что в течение нескольких секунд я и не помышлял о том, чтобы встать.

— А медведь? — спросил Джемми.

— Не знаю, разобрался он в тот момент в своих мыслях или нет — я, к сожалению, не имел ни времени, ни должного благоговения сидеть с ним и беседовать с глазу на глаз, как Ментор с Телемаком¹⁰⁹. Возможно, у него на душе, как и у меня, было мерзопакостно, ибо он лежал так же тихо подо мной, как я безмолвно восседал на нем. Потом он вдруг собрался с силами, и это привело меня к осознанию моих персональных обязанностей. Я вскочил и помчался прочь; он за мной, то ли от страха, как я, то ли от жажды продолжить так внезапно завязанное со мной знакомство — этого я не знаю. Собственно, я-то стремился к дверям дома. Но на это оставалось очень мало времени, а медведь был слишком близко. Страх наделил меня быстротой ласточки! Ужас, казалось, удвоил или даже учетверил длину моих ног! Я несся вперед, как ружейная пуля, затем шмыгнул за угол дома и... угодил прямо в глиняную яму, по самые локти. Я забыл обо всем на свете, все смешалось: предо мной небо и земля, Европа и Америка, все мои знания и эта проклятая глина. Одним словом, я воткнулся в грязь, как скребок в тесто. А тут, рядом со мной, раздался такой, как выразится американец, мощный «slap»¹¹⁰, от которого я испытал толчок, словно от амортизатора железнодорожного вагона, а глина будто взорвалась у меня над головой. Лицо полностью покрылось грязью; только правый глаз еще что-то видел. Я развернулся и покосился на медведя, который вследствие своего легкомысленного темперамента забыл проинспектировать почву, как это положено, и, стало быть, прыгнул следом за мной. Была видна только его голова, но выглядела она ужасно. Если оба мои профиля были залеплены глиной, так же как и у него, то, конечно же, ни один из нас не мог претендовать на глубокое почтение со стороны другого. Три секунды мы любезно оглядывали друг друга; потом он отвернулся влево, а я — вправо, и каждый из нас с похвальным намерением достичь более приятных мест рванул прочь. Естественно, у него со способностями выбраться из ямы дело обстояло получше, чем у меня. Я даже стал опасаться, что он, выскочив из глины, останется на месте, чтобы устроить мне осаду, но едва он достиг твердого грунта, как с бешеной скоростью помчался туда, откуда пришел, и исчез за углом, не удостоив меня даже взглядом. Farewell, big muddy beast!¹¹¹

Хромой Фрэнк распалился не на шутку, жесты его становились все резче и нелепее. У многих уже от хохота сводило скулы, из глаз текли слезы. Теперь уже не один Фрэнк, а вся компания выглядела очень комично, если бы кто-нибудь мог взглянуть на нее со стороны.

— Да, веселенькое вышло приключение, — первым заговорил наконец серьезно Олд Шеттерхэнд, — а самое лучшее в нем — счастливый конец для вас, да и для медведя тоже!

— Уж конечно! — воскликнул Фрэнк. — Я же не какой-то пропащий! Когда медведь исчез за углом, я услышал шум, как если бы опрокинулась какая-нибудь мебель. Но я махнул на это рукой, ибо был занят тем, что вытягивал себя из ямы. Эта работа стоила мне значительных усилий: глина оказалась очень вязкой, и я освободился от нее только благодаря тому, что позволил ей сожрать свой сапог. Выбравшись из ямы, я прежде всего должен был очистить лицо. А потому побрел за дом, где протекал ручеек, воде которого я любезно доверил все, что было совершенно излишним для моей внешней индивидуальности и могло быть немедленно удалено. Потом я, естественно, поспешил по следу зверя, чтобы увидеть, в каком направлении он сбежал. То, что он исчез, я считал делом само собой разумеющимся. Но бездельник не сбежал. Он сидел там под хикори и... усердно облизывался.

— Слизывал глину? Па! — с сомнением покачал головой Джемми. — Насколько я знаю повадки этого зверя, он сейчас же должен был залезть в воду.

— И не думал, потому что был разумнее вас, мастер Джемми. Медведь, как известно, обожает сладости. А разве кленовый сахар не так сладок, как любой другой?

— Я вас не понимаю. Рассказывайте дальше!

— Ну, я же упоминал о деревянных чанах, в которых густел кленовый сок. Медведь от авантюры был далеко не в восторге и теперь только и думал унести ноги как можно скорее. На пути у него оказался один из чанов, а у бедняги не было времени даже для того, чтобы обежать его; наоборот, он хотел его перепрыгнуть, но медведь-то все-таки не тигр! Он не перепрыгнул, а влетел прямо в чан и сбил его с подставки, на которой тот стоял. Поскольку сок уже достаточно загустел и издавал терпкий сахарный аромат, легкомысленный зверь напрочь забыл не только о своем крушении и о яме, но и обо мне. Вместо того, чтобы послушаться моего пожелания доброго пути и соблюсти содержащееся в нем предостережение, медведь беззаботно развалился под деревом, с огромным удовольствием слизывая сладость с глины. Он так глубоко погрузился в это приятное занятие, что даже не заметил, как я вдоль стены пробрался к двери и потом прошмыгнул в дом. Теперь, будучи в безопасности, я сдернул с гвоздя флинт. Разумеется, он был заряжен. Медведь сидел на задних лапах, и я мог целиться в него сколько душе угодно, я не промахнулся. Пуля попала зверю

прямо в то месте, в котором, по мнению поэтов, скрыты все нежнейшие чувства, то есть — в сердце. Медведь вздрогнул, потом снова воспрянул, взмахнул бестолково передними лапами, после чего замертво повалился на землю. И... вследствие собственного легкомыслия и сладострастия, он прекратил, так сказать, свое брэнное существование. Судьба все решает быстро, и любая глупость в конце концов карается, а кому в утренней заре пришли видения ранней смерти, тому во второй половине дня суждено скончаться от кленово-сахарной болезни. Это уж как пить дать, скажу я вам.

— Очень тонкое замечание, — сказал Олд Шеттерхэнд. — Это делает вам честь. Вообще вы прекрасный рассказчик. Я еще ни разу не слышал, чтобы кому-нибудь, как вам, удавалось передать историю из жизни столь увлекательно и остроумно.

— Да что тут такого особенного? Подумайте о морицбургском учителе, который передал мне все свои исключительные знания, подумайте и о платной библиотеке, и о выходящих отдельными выпусками изданиях, верным подписчиком которых я являлся! Кроме того, я был вторым тенором в нашем певческом обществе, а также звеньевым в пожарной и спасательной командах! И позже я наострял уши всегда и везде, где можно было хоть чему-нибудь научиться. Всегда человеческая душа должна стремиться вверх, ибо только там, среди звезд, исчезают все эти временные земные беды. К сожалению, даже такая идеальная натура, как я, вынуждена иметь дело с совершенно ординарными вещами. Это борьба за существование, а потому я исполняю свой долг и не боюсь даже огромного медведя.

— Ну, ваш, пожалуй, был не так уж и велик. Гризли не умеет лазить по деревьям. Вспомните, какого он был цвета?

— По-моему, его шкура была черной.

— А хвост?

— Желтым.

— Ага, тогда это был не кто иной, как барибал¹¹², которого вам не стоило опасаться.

— Ого, но он вел себя так, как будто был не прочь полакомиться человечинной!

— Вам это показалось. Барибал с большей охотой уплетает фрукты, нежели мясо. Я даже без оружия возьмусь помериться с ним силами. Несколько крепких ударов кулаком, и он умчится прочь.

— Да, но это вы! Как говорит ваше прозвище, кулаком вы уложите на землю любого. Но я — создание более хрупкое и не стал бы проделывать

это без оружия. Впрочем, потом я освободил тушу от шкуры и выстирал ее вместе со своим костюмом, который от глины стал поистине жаростойким. Ремонт стен пришлось отложить — я больше не желал иметь ничего общего с содержимым той проклятой ямы. Но когда норвежец вместе со своей семьей вернулся, медвежий окорок был уже вырезан, и я получил крайне лестную похвалу, поскольку мне хватило ума не предавать гласности все без исключения обстоятельства этой досадной авантюры... Стойте! Тихо! Кто-то шебуршит у меня за спиной?

И саксонец вскочил с места. За его спиной в беспорядке сгрудились скальные обломки. На эту грудку он и стал взбираться. Тем самым Фрэнк испугнул какого-то зверька, затаившегося среди камней. Животное вылезло наружу, молниеносно прошмыгнуло по поляне и исчезло в дупле дерева, стоявшего неподалеку. Движения зверька были такими быстрыми, что определить, какого он рода-племени, было попросту невозможно.

Никто и не стал бы заострять на этом внимание, если бы не негр Боб, которого это маленькое происшествие как будто пронзило током. Он вскочил, подбежал к стволу дерева и закричал:

— Зверь, зверь здесь бежать и прятаться в нора! Массер Боб говорить раньше, что он голыми руками поймать первый зверь, который он видеть. Массер Боб сейчас вытащить зверь из дерева!

— Осторожнее! — предостерег Олд Шеттерхэнд. — Ты же не знаешь, кто это!

— О, он быть так мал!

Негр двумя пальцами отмерил предполагаемую длину животного.

— Мелкая тварь иногда опаснее крупного хищника.

— Опоссум не быть опасен.

— Ты видел, что это был он?

— Да, да. Массер Боб только что видеть опоссум, настоящий опоссум. Он быть жирный, очень жирный, и его жареная тушка прямо деликатес! О, изысканное блюдо!

Боб прищелкнул языком и облизал губы, будто жаркое было уже готово.

— По-моему, ты ошибаешься. Опоссум вряд ли так проворен, как этот юркий зверек.

— Опоссум тоже быстро бегать, очень быстро. Почему масса Шеттерхэнд не позволять массер Боб отведать вкусное жаркое?

— Ну, если ты так убежден, что не ошибся, то поступай, как знаешь. Только к нам больше не приставай.

— Весьма охотно! Массер Боб не дать опоссум никому. Он есть

жаркое один, совсем один. А теперь смотреть! Он вытянуть опоссум из дыры!

Он натянул на кисть правый рукав своего пиджака.

— Нет, нет, — покачал головой Олд Шеттерхэнд. — Тебе нужно схватить зверя левой рукой, а правой держать нож. Как только поймашь добычу, тяни ее наружу и быстро придави коленом. Зверь не сможет двигаться и защищаться, и ты спокойно перережешь ему горло.

— Прекрасно! Это быть просто прекрасно! Массер Боб сделать так, ибо массер Боб быть большой вестмен и знаменитый охотник.

Взяв нож в правую руку, он натянул рукав на кисть левой и сунул ее в дыру, но осторожно и нерешительно, ибо ощупывал внутреннее пространство. Вдруг он издал громкий крик и тотчас выронил нож. Скорчив жуткую гримасу, замахал в воздухе свободной правой рукой.

— Хо! Хо! — завопил он. — Больно, ох, как больно!

— Что такое? Ты схватил зверя?

— Нет! Это зверь схватить массер Боб!

— О, Боже! Он укусил тебя за руку?

— Очень, очень больно вцепиться!

— Так тащи его, тащи!

— Нет, очень больно!

— Но ты же не можешь оставить руку внутри. Если этот зверь вцепился в тебя зубами, он не разожмет их и не отстанет от тебя. А потому тяни! Когда вытащишь, быстро хватай его другой рукой и держи крепко, пока я его не прикончу.

Олд Шеттерхэнд вытащил из-за пояса длинный нож и подскочил к Бобу и дереву. Черный медленно вытащил руку, сопровождая свои действия жалобным вытьем. Зверь в самом деле впился в руку и не отпускал ее, а потому был поднят Бобом до самого отверстия. Теперь негр резко ускорил свои движения, и животное, трепыхаясь, повисло на руке чернокожего. Последний быстро перехватил его правой рукой за холку в ожидании, что Олд Шеттерхэнд тотчас пустит в ход нож. Но вместо этого охотник резко отпрянул и воскликнул:

— Скунс, скунс! Эй, люди, прочь, прочь отсюда!

Скунсом величают американскую вонючку. Это млекопитающее из семейства куных длиной сантиметров в сорок имеет примерно такой же по длине раздвоенный волосатый хвост и острую головку с распухшим носиком. На его черной шкуре видны две белоснежные непрерывные продольные полосы. Питается он яйцами, мелкими зверьками, но представляет опасность и для зайцев; охотится только по ночам, а

остальное время проводит в земляных норах и пустых древесных стволах.

Этот зверек с полным правом носит латинское название *merphitis* (вонючий). Под хвостом у него есть железа, из которой он для защиты от нападения выплескивает очень дурно и остро пахнущую, желтую маслянистую жидкость. Вонь от нее исходит поистине ужасная, она на многие месяцы крепко впитывается в окрапленную железой одежду. Поскольку скунс может попасть во врага своим ужасным соком с достаточного расстояния, то все, кто знает зверька, предпочитают держаться от него подальше. Стоит кому-то получить лишь крошечную долю этой жидкости, и можно на несколько недель лишиться человеческого общения: люди будут избегать меченного скунсом.

Итак, вместо опоссума Боб поймал вонючку. Увидев это, все остальные вскочили и поспешили подальше от незадачливого любителя изысканных блюд.

— Выбрось его! Немедленно, слышишь! — заорал Толстяк Джемми негру.

— Массер Боб никак не выбросить, — закричал черный. — Зверь вьедаться в его рука и — ой, ай! Faugh, o shamefulness¹¹³, тьфу, черт! Он обрызгать массер Боб. О смерть, о ад, о дьявол! Как смердить массер Боб! Никто не выдержать! Массер Боб задыхаться. Прочь, прочь! Убирать эта зараза!

Он попытался стряхнуть вонючку с руки, но скунс намертво впился в нее зубами, и все труды несчастного были напрасны.

— Подожди! Массер Боб сейчас тебе задать! Ты — swine fell¹¹⁴, ты — stinking racker!¹¹⁵

Боб размахнулся и крепко хватил зверька по голове правым кулаком. Удар оглушил скунса, но его зубы еще глубже врезались в руку негра. Тот зашелся от боли, подхватил с земли свой нож и одним махом перерезал зверьку горло.

— Вот так! — крикнул он. — Теперь массер Боб победить! О, массер Боб не бояться никакой медведь и никакой smelling beast!¹¹⁶ Пусть все массеры приходите и смотреть, как массер Боб убивать хищный зверь!

Но никто не рискнул подойти ближе, ибо негр источал такой «аромат», что остальные, хотя и находились на приличном удалении, зажали носы.

— Почему не приходите? — вращал белками глаз негр. — Почему не праздновать победа с массер Боб?

— Да ты, приятель, никак с ума сошел? — отозвался Толстяк Джемми. — Кто теперь рискнет подойти к тебе? Да ты благоухаешь хуже

любой заразы!

— Да, массажер Боб дурно пахнет. Массажер Боб сам это видеть! О, о, кто мочь выдержать этот чад!

Лицо негра исказилось в ужасной гримасе.

— Выбрось эту падаль! — крикнул ему Олд Шеттерхэнд. Боб попытался выполнить этот совет, но не смог.

— Его зубы слишком глубоко в рука массажера Боба! Массажер Боб никак не открывать пасть вонючки!

Чернокожий мотал и дергал рукой во все стороны, но все напрасно.

— Гром и молния! — кричал он в гневе. — Не вечно же скунс быть на руке массажер Боб! Разве не быть тут ни один хороший, добросердечный человек, кто помочь бедный массажер Боб?

Его стенания разжалобили саксонца. Отзывчивое сердце Хромого Фрэнк дрогнуло, и он решился-таки избавить негра от мертвого скунса. Фрэнк стал приближаться к Бобу, но, разумеется, очень медленно, приговаривая:

— Послушай, любезный Боб, я хочу попробовать помочь тебе. Хотя на нюх ты ароматен, моя человечность все же сумеет преодолеть и это. Но только при условии, что ты не коснешься меня!

— Массажер Боб не подходить к масса Фрэнк! — заверил негр.

— Ну хорошо! Но и твоя одежда не должна касаться моей, иначе мы провоняем на пару, а почетное право носит этот запах я все же хочу оставить за тобой.

— Масса Фрэнк только подходить! Масса Боб быть очень осторожен!

В самом деле: то, что маленький саксонец приближался сейчас к черному, было сродни геройству. Даже такие отважные люди, как Виннету, Олд Шеттерхэнд, Джемми и Дэви, не рискнули бы проделать подобное. Задень Фрэнк хоть чем-нибудь то место на одежде Боба, куда попала жидкость, его сразу же постигла бы также участь отверженного, если бы он не предпочел навсегда распрощаться со своим платьем.

Чем ближе он подходил, тем сильнее и отвратительнее становилось зловоние, ударявшее прямо в нос. Но саксонец держался стойко.

— Ну, протяни-ка мне руку! — приказал он Бобу. — Подобраться к тебе совсем близко я все же не рискну.

Негр подчинился требованию, и саксонец осторожно взял одной рукой верхнюю, а другой — нижнюю челюсть зверя, чтобы попытаться разжать его зубы. Это удалось ему, но ценой поистине нечеловеческих усилий. Нет сомнения, что Фрэнк разорвал пасть скунсу, иначе бы просто ничего не получилось. Сделав это, он быстренько поспешил ретироваться — от

нервного напряжения и смрада у него кружилась голова.

Негр был безумно рад своему освобождению. Хотя его рука кровоточила, он не обращал на это внимания, а кричал:

— Итак, теперь массер Боб показать, какой мужественный он быть. Верить ли теперь все белые и красные массеры, что Боб не бояться?

С этими словами он двинулся к своим спутникам. В тот же миг Олд Шеттерхэнд поднял ружье и направил его Бобу в грудь, приказав:

— Остановись, иначе я стреляю!

— О небо! Почему хотеть застрелить бедный, добрый массер Боб?

— Потому что ты заразишь нас, если прикоснешься. Быстро беги вниз по потоку как можно дальше и швырни всю свою одежду в ручей.

— Сбросить одежда? Массер Боб будет отдавать его красивый пиджак и прекрасные штаны с жилет?

— Все, все! Потом вернешься к нам и сядешь тут, в пруду, чтобы вода была тебе по горло. Давай, быстрее! Чем дольше ты будешь медлить, тем дольше это зловоние будет сидеть на тебе.

— Что за несчастье! Мой прекрасный костюм! Массер Боб постирать его, и тогда он больше не пахнуть!

— Нет, массер Боб подчинится мне, иначе я сейчас же застрелю его, — произнес с улыбкой Олд Шеттерхэнд. — Ну, раз, два, тр.. !

Он шагнул к негру с поднятым ружьем.

— Нет, нет! — взмолился тот. — Не стрелять! Массер Боб убежать, быстро, очень быстро!

Негр молниеносно исчез в ночной тьме. Конечно же, Олд Шеттерхэнд говорил все это не всерьез, но лучшего средства заставить Боба повиноваться сейчас не было. Тот вернулся довольно быстро и теперь должен был хорошенько отмыться в воде. В качестве мыла он получил мешанину из медвежьего жира и древесной золы из костра.

— Как жаль прекрасный жир медведя! — причитал чернокожий. — Массер Боб смочь натереть волосы этот жир и сделать себе много красивые кудряшки. Массер Боб быть славный ringleman¹¹⁷, ибо он смочь заплетать длинные косички, очень длинные.

— Не забудь помыться! — засмеялся Джемми. — Думай сейчас не о своей красоте, а о наших носах!

Черный, несмотря на то, что сбросил с себя костюм и сидел в воде, продолжал распространять тяжелое зловоние.

— Сколько же торчать здесь массер Боб и мыться? — спросил он.

— Пока мы останемся тут, а стало быть, до утра.

— Столько массер Боб не выдержать!

— Ты должен выдержать. Другой вопрос — вынесет ли это оставшаяся форель?! — Толстяк переглянулся со своими спутниками. — Не знаю, есть ли у рыб органы обоняния; если — да, то твоему визиту они не очень-то обрадуются.

— А когда массер Боб имеет право забрать свой костюм, чтобы его тоже стирать?

— Никогда. Он останется там, где ты его бросил, поскольку стал непригодным.

— Что же теперь носить бедный массер Боб?

— Дело, конечно, скверное. Твоим вещичкам нет замены. Тебе, пожалуй, придется облачиться в шкуру гризли, которую сегодня добыл Мартин. Но не горюй уж очень-то. Может, в Скалистых горах мы отыщем склад какого-нибудь первобытного портного, и ты сможешь обзавестись чулками и юбкой. А до тех пор тебе придется быть в арьергарде нашего отряда, потому что, по меньшей мере, ближайшие восемь дней тебе нельзя будет и близко к нам подходить. Так что, чем сильнее ты будешь тереть себя, тем скорее улетучится этот мерзкий запах.

И Боб тер себя, не жалея сил. Лишь голова бедолаги маячила над водой, а его неопишуемые гримасы продолжали вызывать улыбки у тех, кто бросал на него взгляд.

Глава девятая. ХРАБРЕЦ, ИЩУЩИЙ ЛЕКАРСТВО

Все остальные снова собрались у лагерного костра. Естественно, разговоры крутились вокруг трагикомичного происшествия с Бобом. Когда эта тема была исчерпана, Длинному Дэви напомнили, что наступила его очередь рассказать какую-нибудь историю из собственной жизни. И он поведал о встрече с одним старым траппером, слывшим виртуозом стрельбы. Закончив описывать его удивительные трюки, янки заметил:

— Но это еще что! Есть стрелки и получше. Я знаю двоих парней, которых до сих пор не задела ни одна вражеская пуля! И оба они сейчас здесь, среди нас. Я имею в виду Виннету и Олд Шеттерхэнда. Сэр, будьте так добры, расскажите нам что-нибудь о себе. Вы же столько пережили, что вам стоит тряхнуть рукавом, чтобы приключения сотнями высыпались из него!

Последние слова были обращены к Олд Шеттерхэнду. Но тот не ответил Длинному Дэви. Он лишь глубоко вдохнул воздух, словно старался уловить какой-то едва ощутимый запах.

— Да, этот парень благоухает будь здоров! — заметил Джемми, думая, что Олд Шеттерхэнда беспокоит запах, исходящий негра.

— Нет-нет, негр здесь ни при чем, — заметил Олд Шеттерхэнд, взглянув на своего жеребца, который секундой раньше прекратил жевать траву и тоже поставил нос по ветру.

— Похоже, вы почувствовали что-то еще? — осведомился озабоченный Дэви.

— Пока не знаю, но думаю, что досказать мою историю до конца мне не удастся.

— Почему?

Вместо ответа Олд Шеттерхэнд вполголоса обратился к Виннету:

— Теши-ини!¹¹⁸

Остальные не понимали языка апачей. Виннету кивнул и положил руку на свое знаменитое Серебряное ружье.

Конь Олд Шеттерхэнда, фыркая, повернул голову к огню. Его глаза блеснули.

— Иш-хош-ни! — приказал ему охотник, и тот сейчас же улегся в траву, не выказывая ни малейшего беспокойства.

Олд Шеттерхэнд тем временем потихоньку, осторожно подтягивал к себе свой штуцер, Джемми, заметив это, решил уточнить:

— Что там такое, сэр? Ваш конь, кажется, что-то учуял?

— Наверное, ты был все-таки прав, и его беспокоит «аромат» Боба, — попытался успокоить Толстяка охотник.

— Но вы оба взяли за оружие!

— Я просто хочу поговорить с вами о «выстреле с бедра». Пожалуй, вы уже слышали о нем?

— Естественно!

Хотя сейчас все разговаривали по-английски, Фрэнк не преминул вставить на своем саксонском диалекте:

— Послушайте, мастер Шеттерхэнд, тут вы, похоже, кое-что напутали!

— Почему это?

— Ведь это называется не «выстрел с бедра», а просто-напросто — «прострел». Кто им страдает, тот ходит сгорбленный и парализованный, поскольку у него стреляет в пояснице и в бедрах, но никак не «с бедер»! Ваше выражение «выстрел с бедра» орфографическо-медицински неверно.

Пока Фрэнк разглагольствовал, Шеттерхэнд и виду не подал, что он, как и Виннету, обшаривает взглядом опушку леса и непроходимые заросли кустов на другой стороне ручья. Он так плотно надвинул на лоб свою шляпу, что глубокая тень покрыла его лицо, никто даже предположить не мог, куда и на какой предмет он смотрел. Охотник ответил самым что ни на есть непринужденным тоном:

— Мой дорогой Фрэнк, я очень хорошо знаю, что такое прострел. Но я имел в виду совсем другое.

— Ах вот как! Ну и что же?

— Выстрел с бедра, как я уже сказал. Я имею в виду выстрел, при котором из ружья целятся не как обычно, а именно с бедра.

— Разве так можно целиться?

— Можно. Конечно, не так-то просто освоить этот способ, и есть много хороших вестменов, которые никогда не промажут в иной ситуации, но стрелять с бедра даже не возьмутся.

— Да что это за пижонство — стрелять с бедра? Не лучше ли целиться обычным способом? И вероятность попадания выше.

— Не всегда! Бывают моменты, когда без вышеупомянутого умения можно распрощаться с жизнью, если не умеешь стрелять с бедра.

— Мне этого не понять.

— Тогда я поясню.

Олд Шеттерхэнд снова внимательно оглядел все вокруг, после чего

продолжил:

— Выстрелом с бедра пользуются, только когда сидят либо лежат на земле, чтобы противник не догадался, что ты вообще намереваешься стрелять. Предположим, поблизости находятся враждебные нам индейцы, которые собираются на нас напасть. Они высылают разведчиков, а те подкрадываются, чтобы разузнать, каковы наши силы, подходит ли место нашего лагеря для осуществления их замыслов и соблюдаем ли мы необходимую осторожность. Эти разведчики тихонько приблизятся к нам ползком...

— Но наши часовые все же должны заметить и обнаружить их! — возразил Фрэнк.

— Все это не так просто, как вы думаете. Ведь я, например, подкрался же к палатке Токви-тея, хотя он и выставил посты, да и место там было открытое. А здесь кругом деревья, что для разведчика сильно упрощает его задачу, к тому же наши часовые, как вы уже слышали, уверены, что здесь нет и быть не может никаких врагов. А значит, их бдительность не так высока, как нам хотелось бы думать. Идемте дальше! Пусть разведчики обвели часовых вокруг пальца и обошли посты, а потом залегли на лесной опушке где-нибудь за буреломом или даже в нем. Они наблюдают за нами. Если им удастся вернуться к своим, мы, вероятнее всего, погибли. Они нас вскоре атакуют, о чем мы даже не будем подозревать, а стало быть, и уничтожат. Лучшее противоядие — вывести разведчиков из строя, как сказал бы армейский капитан...

— Значит, пристрелить их?

— Да. В принципе я против любого кровопролития, но в подобной ситуации пощадить врага равносильно самоубийству. Выход только один — пустить в него пулю, да так, чтобы поразить сразу же насмерть.

— Тки акан¹¹⁹, — шепнул вдруг вождь апачей.

— Теши-ши-тки¹²⁰, — откликнулся Олд Шеттерхэнд.

— Наки!¹²¹

— Ха-о!¹²²

— Ши-нцаге, ни-акайя!¹²³ — сказал апач и рукой провел в воздухе линию слева направо.

— Тайясси!¹²⁴ — кивнул Олд Шеттерхэнд.

— Скажите же нам, сэр, что у вас там за секреты? — не выдержал Длинный Дэви.

— Ничего особенного! Я сказал вождю на языке апачей, чтобы он помог мне рассказать вам, что же, собственно, такое выстрел с бедра.

— Ну, это я уже знаю. Самому мне, конечно, подобное никогда не удавалось, как бы я ни тренировался, — с сожалением констатировал янки. — А возвращаясь к вашим давешним словам, хочу заметить, что, прежде чем подстрелить разведчиков, их нужно сначала обнаружить.

— Правильно.

— И вы думаете, это можно сделать в такой чаще, как там, на той стороне?

— Да.

— Но разведчики, конечно, тоже не дураки и поостерегутся высовываться из нее настолько, чтобы их можно было заметить, — усмехнулся Дэви.

— Хм! Вы меня удивили, до сих пор я считал вас толковым вестменом.

— Ну так, небось, не молокосос!

— Тогда вы должны знать, что только за этой чаще и могут скрываться разведчики. Если они следят за нами, то должны выдать себя хотя бы глазами, а следовательно, и частью лица.

— И вы сможете заметить это?

— Конечно!

— Черт возьми! Я слышал, разумеется, что есть вестмены, способные и в ночной тьме разглядеть глаза подкрадывающегося врага. Наш Толстяк Джемми, например, утверждает, что тоже так сможет, но только не имел пока возможности доказать мне свое умение.

— Ну, на этот счет могу сказать, что случай может подвернуться совершенно неожиданно; тогда и настанет момент предъявления доказательств.

— Был бы рад! Я считал подобное просто невозможным, но, если вы говорите мне, что это правда, вам я верю.

Шеттерхэнд снова бросил взгляд на опушку леса, едва заметно кивнул и ответил:

— Может, вам приходилось когда-нибудь видеть, как блестят ночью в море глаза акулы?

— Нет!

— Так вот, могу вас уверить — эти глаза отлично видны. Их выдает фосфоресцирующий блеск. Любой глаз, глаз человека в том числе, блестит так же, но, разумеется, блеск этот не всегда одинаков и интенсивен. Чем больше ночью напрягается глаз, тем яснее его можно заметить, несмотря на темноту. Если например, на той стороне ручья, в кустах, сейчас скрывается разведчик, который наблюдает за нами, я смогу разглядеть его глаза, Виннету — тоже.

— Вот это здорово! — воскликнул Дэви, радуясь поистине, как дитя. — Что скажешь на это, мой старый Джемми?

— Думаю, что тоже не слепой, — буркнул в ответ Толстяк.

— К счастью, здесь нам не страшны подобные визиты, — Дэви потянулся и зевнул. — Как-никак мы умеем стрелять с бедра, не так ли, сэр?

— Да, — согласился Олд Шеттерхэнд и обратился саксонцу: — А сейчас взгляните, пожалуйста, на тот берег ручья, мастер Фрэнк! Итак, допустим, что сейчас там затаился разведчик, и я вижу, как его глаза поблескивают среди листьев. Безусловно, мне придется его убить, иначе мы рискуем лишиться собственных жизней. Но если я вскину ружье к щеке, враг тут же заметит, что я хочу выстрелить, и исчезнет. А может, он уже направил на меня ствол и спустит курок быстрее. Нужно помешать этому, а значит — выстрелить с бедра. Перед тем, как сделать выстрел, надо сесть спокойно и непринужденно, точь-в-точь, как сел сейчас я. Затем взять ружье, лежащее рядом, и медленно приподнять его чуть вверх, будто проверяя его либо желая позабавиться с оружием. После этого опустить голову вот так же, как я, будто вам необходимо взглянуть себе под ноги, а на самом деле продолжать зорко следить за целью глазами, скрытыми под шляпой.

Каждое слово своих разъяснений Олд Шеттерхэнд сопровождал соответствующим движением. Виннету проделывал то же самое, правда, молча.

— Теперь правой рукой надо прижать приклад крепко к бедру, а ствол — к колену, левую руку положить на ружье поверх затвора, благодаря чему оружие жестко закрепляется; потом указательный палец правой руки ложится на спусковой крючок, а ствол направляют так, чтобы пуля попала точно над глазами противника, то есть в лоб. Чтобы научиться так целиться и посылать пули точно в цель, конечно, нужно довольно долго этому учиться. Ну вот, а теперь спускаем курок.

Грохнуло его ружье, и тут же блеснуло пламя двустволки апача. Оба молниеносно вскочили с земли. Виннету, отбросив в сторону ружье и вытащив нож, как пантера, перелетел через ручей и ринулся в чащу.

— Увай кунун! Увай па-аве! Увай умпаре!¹²⁵ — крикнул шошонам на диалекте юта Олд Шеттерхэнд.

Одновременно носком сапога он одним ударом сбросил почти весь костер в пруд. Потом кинулся за апачем. Шошоны, как только раздались выстрелы, подскочили вместе с белыми. Не теряющие в любой ситуации присутствия им хладнокровия, краснокожие воины, услышав призыв Олд

Шеттерхэнда, тотчас тоже сбросили свои костры в воду. Все погрузилось в непроглядный мрак... С момента выстрелов прошло не больше четырех-пяти секунд.

Приказ не двигаться игнорировал только один человек — по-прежнему торчавший в воде негр, вокруг головы которого по шипящей от пепла воде плыл дымящийся хворост.

— Иисус! Иисус! — закричал он. — Кто это там стрелять? Почему бросать огонь в бедный массер Боб? Неужели массер Боб стореть и утонуть? Неужели он быть сварен, как карп? Почему стать так темно? Ох, ничего больше не видеть!

— Молчи! — прикрикнул на него Джемми.

— Почему массер Боб молчать? Почему не...

— Тихо! Иначе тебя пристрелят. Здесь враги.

С этого момента голоса массера Боба больше не было слышно. Негр притих, боясь лишним движением выдать свое присутствие невидимому противнику.

Вокруг было тихо. Лишь иногда слышались перестукивание конских копыт и лошадиное фырканье. Всполошенные внезапной сменой обстановки люди собрались вместе. Индейцы молчали, белые шепотом перебрасывались отдельными репликами.

— Да что же там стряслось? Что случилось, герр Пфэфферкорн? — нетерпеливо спрашивал Хромой Фрэнк. — И зачем им понадобилось стрелять? Мы и так бы все хорошо поняли. А может, поблизости и в самом деле оказался противник?

— Конечно! Урок Олд Шеттерхэнда вовсе не был уроком, все происходило всерьез. Он заметил разведчика, а может, и не одного.

— Черт возьми! Временами с нами происходят просто фантастические вещи! Должно быть, весь этот лес полон бездельниками, иначе апач не стал бы стрелять. Что же теперь нам делать?

— Спокойно ждать, пока оба не вернуться.

— Хм! Они перескочили через воду. Что за безрассудство! А если там, на той стороне, их сцапают разведчики и, так сказать, прихлопнут?!

— Хо! Эти двое хорошо знают, что делают. Прежде всего Олд Шеттерхэнд разбросал костер, чтобы никто не мог вести прицельный огонь, если вдруг поблизости окажется еще кто-нибудь.

— А вы, стало быть, уже уверены, что эти разведчики и вправду подстрелены?

— Готов даже поспорить, что пули попали им прямо в лоб.

— Тогда это выше всяких похвал! Каким же должен быть у человека

глаз, чтобы так целиться! Значит, сейчас они проверяют, не подкрался ли к нам еще кто-нибудь? Так?

Прежде чем Джемми смог ответить, раздался громкий голос Олд Шеттерхэнда:

— Зажгите огонь снова! Но держитесь от него подальше, чтобы не попасть в поле зрения врага.

Джемми и Дэви стали на четвереньки, чтобы исполнить это распоряжение, а потом что есть мочи бросились обратно в темень.

— Сначала гасили, теперь снова зажигаем! К чему это? Не могу понять, — снова слышался шепот озадаченного Фрэнка.

— И не нужно, — буркнул Джемми в ответ. — Поймете вы или не поймете — от этого все равно ничего не изменится.

— Ну не могу же я находиться в неведении!

— Сперва оба наших предводителя в темноте обшарили окрестности и, очевидно, не нашли ничего подозрительного. Теперь они, пожалуй, углубились в лес. Пройдя через него по широкой дуге, они ползком обойдут лагерь и при этом все время будут ориентироваться на наш костер. От их острых глаз ничто подозрительное не ускользнет.

— Так и я о том же! Послушайте-ка, дорогой герр Пфефферкорн, да ведь эти двое — весьма дельные парни! То, что они тут вытворяют, стоит подороже выеденного яйца! Не думаю, что был бы на такое способен. Но если разыграется настоящее сражение, я сразу стану самим собой; уж не сомневайтесь!

— Надеюсь, вы знаете хотя бы то, с какой стороны надо братья за ружье.

— Ну, еще бы! Но взгляните-ка все же на пруд! Там сидит бедняга Боб. Он так съежился, похоже, вот-вот может утонуть. Несчастный, он так боится получить пулю.

— Да, ему не позавидуешь. Смотрите! Вон они идут!

В свете костра показались Виннету и Олд Шеттерхэнд; они возвращались каждый с ружьем в руке и с индейцем на плечах. Все устремились к ним, но Олд Шеттерхэнд сказал:

— Сейчас нет времени для разъяснений. Привяжем этих двух к запасным лошадям и быстро в путь! Здесь их было двое, но неизвестно, сколько еще стоят за ними где-нибудь поблизости. Надо поторапливаться!

У обоих убитых во лбу виднелись небольшие пулевые отверстия. Все присутствующие также слыли отменными стрелками, но столь невероятная точность выстрелов вызвала у вестменов величайшее удивление, а шошоны почему-то вдруг стали перешептываться, временами бросая поистине

суеверные взгляды на вождя апачей и его белого брата.

К отправке подготовились быстро и тихо. Разумеется, огонь вновь загасили, после чего Виннету и Шеттерхэнд стали во главе отряда.

Куда лежал путь дальше, никто толком не знал. Все полагались на опытных проводников. Долина вскоре стала такой узкой, что пришлось скакать цепочкой в затылок друг другу. Какие бы то ни было разговоры стали невозможны.

Естественно, не забыли и про Боба. Он сидел на лошади абсолютно голый, ибо «аромат», оставленный ему на память вонючкой, еще не выветрился. Под ним на спине лошади было разорванное старое одеяло Длинного Дэви, которое теперь служило ему и седлом, и передником, как у какого-нибудь островитянина с южных морей. Он был зол на всех и вся и непрерывно что-то тихо бурчал.

Так, соблюдая строжайшую тишину, но двигаясь по возможности быстро, ехали всадники в течение нескольких часов: сначала через узкую долину, потом — вверх по широкому, лысому горному хребту, а затем — снова вниз, через извилистую, бедную растительностью прерию, а когда забрезжил рассвет, среди высоких, крутых скал перед ними внезапно возник горный перевал. У подножий гор оба проводника остановились и спешили. Остальные последовали их примеру.

Трупы сняли с лошадей и положили на землю. Шошоны быстро образовали круг. Они знали, что сейчас начнется процесс, который мы, белые, называем расследованием. Его порядок индейцам был прекрасно известен. Первыми в таких делах имеют право говорить только вожди; остальные воины покорно ждут: спросят их мнение — ответят, если нет — будут молчать.

Одежда мертвых состояла частично из ткани, а частично из кожи, как это обычно бывает у индейцев. Обоим воинам было чуть больше двадцати лет.

— Я так и думал! — первым заговорил Олд Шеттерхэнд. — Только неопытные воины так широко открывают глаза, когда обнаруживают ночью вражеский лагерь и напряженно всматриваются в него. Поэтому блеск их глаз был сильно замечен. Бывалый разведчик всегда прячет глаза под веками и ресницами. Но к какому племени они принадлежат?

Вопрос был обращен к Джемми.

— Хм! — пробурчал тот. — Вы полагаете, сэр, что смутите меня этим вопросом?

— Возможно, ибо я сам в данный момент не могу на него ответить. Они на тропе войны, это точно, хотя боевая раскраска и стерта, но все же

еще заметна. Черная и красная! Цвета огаллала. Но парни, похоже, не из сиу. Одежда их ни о чем не говорит. Обыщем их сумки!

Но сумки оказались пустыми. Несмотря на тщательные поиски, не нашлось ни малейшей мелочи, за которую можно было бы зацепиться. Накануне вечером каждый из убитых имел ружье. Оружие тоже осмотрели. Ружья оказались заряженными, но не носили на себе никаких отличительных знаков племени, к которому принадлежали погибшие.

— Может, они вовсе и не были для нас опасны? — проговорил Длинный Дэви с долей укоризны. — Они случайно забрели в места, где мы стояли лагерем, и ради собственной безопасности вынуждены были подкрасться к нам. Взглянув на нас, они бы снова удалились, не сделав нам ничего дурного, а потому я сожалею, что они потеряли свои жизни.

Олд Шеттерхэнд отрицательно покачал головой и ответил:

— Вы считаете себя вестменом, мастер Дэви, или нет? Если вы действительно настоящий вестмен, то должны мыслить более логично.

— Хм, сэр, надеюсь, с моими пятью чувствами все в порядке.

— Да? Я тоже не хотел бы сомневаться в этом. Но место, где мы стали лагерем, было таково, что на него не набредешь случайно. Вывод — они шли по нашему следу.

— Это еще не аргумент против них!

— Не аргумент, согласен. Они, конечно, проявили максимум осторожности, чтобы никто не смог узнать, из какого они племени. Это-то и подозрительно. У них были ружья, но все остальное отсутствовало, а это еще подозрительнее, поскольку без лошади, пороха и свинца индеец никогда не удаляется от стойбища. Они наверняка были разведчиками.

— Хм! Может, у них вообще не было лошадей, — заметил Дэви.

— Не было? Вы только взгляните на их штаны! Разве кожа на внутренней стороне не истерта? Отчего это, как не от верховой езды?

— Когда-то давно, может, они и ездили верхом.

Олд Шеттерхэнд присел на колени, опустив лицо к легионам убитых. Снова выпрямившись, он произнес:

— Понюхайте-ка! Запах лошади еще не выветрился. В глуши он быстро проходит, а потому готов поспорить на что угодно — оба краснокожих еще вчера сидели верхом на лошадях.

Тут подошел Вокаде, до сих пор державшийся на почтительном удалении от белых.

— Пусть знаменитые мужи позволят Вокаде сказать слово, хотя он еще юн и неопытен!

— Говори! — кивнул ему Олд Шеттерхэнд.

— Вокаде не знает этих красных воинов, но он знает охотничью рубаху одного из них.

Юный индеец нагнулся, приподнял подол рубахи, указал на вырезанный на ней знак и пояснил:

— Вокаде вырезал здесь свой тотем. Эта рубаха должна была принадлежать ему.

— Вот так да! — присвистнул Толстяк. — Поистине удивительная встреча. Может, теперь-то мы узнаем наконец, кто были эти парни?

— Вокаде не может сказать на этот счет ничего определенного, но он полагает, что оба молодых воина принадлежат племени апсарока.

Именно так называют себя Вороны, или кроу.

— Почему мой юный брат сделал такое предположение? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Когда апсарока были обворованы огаллала, Вокаде был вместе с сиу. Мы двигались от длинной вытянутой горы, которую бледнолицые называют Лисьим хребтом, и переправились через северный рукав реки Шайенн, там, где он струится между вершиной, имеющей название Тройная, и большой горой Инианкара. Пока мы скакали между горой и рекой, мы свернули за угол какого-то леса и сразу заметили много красных людей, купавшихся в воде. День был жаркий. Огаллала коротко посоветовались. Купающиеся были апсарока, а значит, их враги. Быстро приняли решение опозорить их страшнейшим для красного воина образом...

— Дьявольщина! — не выдержал Олд Шеттерхэнд. — Неужели они осмелились похитить святыню краснокожих, мешочек с «лекарствами»?

— Мой белый брат угадал!

— Тогда мне ясно, о чем ты хочешь поведать. Говори же дальше!

— Сиу-огаллала под прикрытием деревьев подъехали к месту, где паслись лошади апсарока. Там лежала их одежда и оружие, а также «лекарства», которые обычно ни один воин никогда не снимает со своей шеи. Огаллала спешили и подползли ближе. Между тем местом и рекой рос высокий кустарник, поэтому им легко удалось совершить кражу, купающиеся никак не могли их заметить.

— И что, неужели там не было ни одного часового?

— Нет. Они и не предполагали, что группа враждебных огаллала забредет туда, где тогда паслись мустанги апсарока. На оружие сиу не позарились, у них было его достаточно, но все боеприпасы и часть одежды они прихватили с собой.

Вокаде замолчал, переводя дух.

— А потом? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Потом, — продолжил Вокаде, — они снова вскочили на лошадей, захватили с собой животных апсарока и галопом умчались с ними прочь. Позже они избавились от негодных для дальних переходов лошадей, а лучших оставили себе. Когда добычу поделили, вот эта охотничья рубашка досталась Вокаде. Сначала Вокаде вырезал свой тотем, но он не хотел быть вором и потом тайно выбросил ее.

— Когда это было?

— За два солнца перед тем, как Вокаде выслали разведчиком против шошонов.

— Значит, недавно. А через шесть дней ты встречаешься с Джемми и Дэви. Теперь мне все ясно, и нам очень повезло, что мы заметили и убили этих двух апсарока. Вокаде сосчитал купающихся?

— Их было больше десяти.

— Наверняка они быстренько обзавелись свежими лошадьми и новыми боеприпасами, а потом отправились в погоню за ворами. По пути они нашли эту выброшенную рубаху, которую настоящий владелец снова надел на себя.

— Может быть, все было по-другому, — вставил Джемми. — Разве ту рубаху не мог случайно подобрать и надеть какой-нибудь совершенно непричастный к этому делу человек?

— Нет, тогда он носил бы под ней собственную одежду — не мог же он раньше ходить голым! У этого мертвого, однако, под рубашкой видна старая, порванная куртка, по которой сразу видно, что она служила лишь исподним. Нет большего позора для индейца, чем пропажа его святыни. Он не имеет права показываться своим на глаза, пока не вернет собственные «лекарства» или не отвоюет чужие, а значит, пока не убьет владельца. Индеец, покидающий стойбище, чтобы вернуть утерянный мешочек с «лекарствами», становится безрассудно отважным. В тот момент ему все равно — убить друга или врага, а потому я убежден, что вчера вечером мы находились в крайней опасности. Так что было бы с нами, дорогой Джемми, если бы мы положились на ваши глаза?

— Хм, — буркнул в ответ Толстяк, сунул руку себе под шляпу и смущенно поскреб там пальцами. — Лежать нам где-нибудь, почив навеки, лишившись и скальпов, и жизней. Хотя я и знаю, как по ночам высматривать чужие глаза, вчера почему-то был уверен, что никаких врагов поблизости нет и быть не может, вот и расслабился. Итак, вы полагаете, что нам на хвост сели апсарока?

— Это уж наверняка. Более того, теперь они будут мстить нам за этих

двух воинов.

— Но ведь пока они не знают, что те убиты.

— Именно пока. Но потом они обязательно найдут следы их крови. Хотя из ран ее вытекло немного, но все же достаточно, чтобы при дневном свете понять, что к чему.

— Значит, сегодня вечером нам стоит ожидать еще одного визита, — саркастически заметил Толстяк.

— Пусть приходят, — усмехнулся Длинный Дэви. — Вокаде говорит, что их чуть больше десяти. Даже если и двадцать, нас-то все равно больше, чего нам опасаться?

— Я так не думаю, — возразил Олд Шеттерхэнд. — Если они нападут ночью, прольется много крови, как их, так и нашей. Мы, конечно, одержим верх, но многим из нас придется распрощаться с жизнью ради этой сомнительной победы. Она не стоит такой цены. А что скажет мой красный брат?

Слова были адресованы Токви-тею, вождю шошонов. Несколько мгновений тот задумчиво смотрел перед собой, скрестив руки на груди, а потом спросил:

— Разве мои белые братья не будут совещаться? Красные воины не начнут, пока не услышат мнение более опытных.

— Мы будем совещаться, но для совета такого типа, к которому привыкли вы, у нас нет времени. Апсарока сейчас враждуют с шошонами?

— Нет. Они враги сиу-огаллала, а те — наши враги. Мы не поднимали томагавк войны против апсарока, но любой воин, ищущий «лекарства», — враг всем людям. С апсарока придется бороться, как с диким зверьем. Пусть мои белые братья поступят умно и примут все меры!

Теперь Олд Шеттерхэнд бросил вопросительный взгляд на Виннету, до сих пор не сказавшего ни единого слова, но, как всегда, без слов понявшего своего белого брата.

Вождь апачей ответил:

— Мой брат мыслит верно.

— Значит, сделаем крюк обратно?

— Да. Виннету одобряет этот план.

— Я рад. В таком случае, мы не дичь, а охотники, а, поскольку все произойдет днем, апсарока сразу увидят, насколько мы превосходим их по силам. Может быть, они сдадутся нам и без боя.

— Они будут защищаться! — заметил Джемми.

— Тем не менее, я надеюсь на благополучный исход. Теперь все зависит от нас. Если не ошибаюсь, то в двух часах езды отсюда находится

одно местечко, которое словно специально создано для воплощения нашего плана.

— Тогда не стоит медлить. Чем дольше мы стоим тут, тем меньше времени будет у нас там, чтобы приготовиться к их встрече. А что сделаем с трупами?

— Скальпы обоих воинов принадлежат Олд Шеттерхэнду и вождю апачей — они сразили их! — торжественно заявил Токви-тей, сверкнув глазами.

— Я не снимаю скальпов, — ответил на это белый охотник.

Виннету, сначала жестом показав, что не согласен, произнес:

— Вождь не имеет права прославлять свое имя скальпами мальчиков. Эти мертвые и так глубоко несчастны, поскольку ушли в Страну Вечной Охоты. Зачем же еще убивать и их души, отбирая скальпы?! Пусть они покоятся под камнями вместе с ружьями, ибо они погибли как воины, которые храбро приблизились к лагерю своих врагов.

Вождь шошонов такого не ожидал. И пораженный, спросил:

— Мои братья хотят похоронить тех, кто охотился за нашими жизнями?

— Да, — твердо ответил Олд Шеттерхэнд. — Мы вложим им в руки оружие, посадим их, обратим их лица в сторону священных каменоломен¹²⁶, а потом зложим камнями. Так чествуют воинов! Если потом явятся их братья, идущие по нашему следу, они узнают, что мы им не враги, а друзья.

— Оба моих знаменитых брата делают то, чего я не в силах понять.

— А разве ты не обрадовался бы, увидев своих людей, похороненных таким образом?

— Токви-тей был бы очень рад этому и решил бы, что его враги — благородные воины.

— Так покажи и ты свое благородство и прикажи своим людям принести камни, из которых мы соорудим могильный холм.

Шошоны так и не смогли до конца понять намерения обоих кровных братьев, но, испытывая искреннее почтение к охотнику и вождю апачей, не стали возражать им.

Оба несчастных, павшие от пуль, были посажены, один — справа, другой — слева от перевала, лицом на северо-восток. В руки им вложили ружья, после чего закрыли их тела камнями. Когда работа была окончена, отряд снова тронулся в путь. Но прежде Виннету сказал Олд Шеттерхэнду:

— Вождь апачей останется здесь, чтобы проследить за прибытием апсарока. И юный сын Охотника на медведей с ним.

Для Мартина Баумана это доверие было высшей наградой из всех, о которых он мог мечтать. Его сердце переполняли радость и гордость.

Итак, они остались на месте, а остальные под предводительством Олд Шеттерхэнда поскакали дальше.

Рассвело, и отряд двигался теперь значительно быстрее. Временами дорога шла по равнине, но в основном горный проход вел вниз, в глубь нескончаемых вершин. Через два часа, как и предполагалось, всадники вступили в узкий каньон с высокими, почти отвесными стенами. Ширина скального коридора была такова, что лишь три всадника могли двигаться рядом. Пешком, а тем более верхом подняться на эти стены было просто невысказуемо.

Проехав немного, Олд Шеттерхэнд остановил коня, указал рукой в глубь почти прямолинейного каньона и пояснил:

— Если апсарока появятся, мы пропустим их внутрь. Половина из нас скроется в этом месте под руководством Токви-тея и Виннету, который скоро подойдет вместе с апсарока. Как только я выстрелю из ружья, эти люди появятся за спиной противника. Остальные встанут вместе со мной у выхода из каньона. Враг окажется в ловушке и станет перед выбором: либо погибнуть, либо сдаться.

План Шеттерхэнда теперь стал ясен всем. Каменный коридор как нельзя лучше подходил для его осуществления.

— Если эти апсарока так глупы, что сами сунут нос в капкан, им стоит попросту задать плетей, — усмехнулся Толстяк Джемми.

— Они, конечно же, не бросятся внутрь сломя голову, — заметил Олд Шеттерхэнд. — Они остановятся и будут держать совет. Главное, чтобы враги не заметили ни малейших следов нашего присутствия. Наши воины должны спрятаться так, чтобы никто не смог их обнаружить. Токви-тея не только храбрый, но и мудрый воин. Командовать здесь будет он. А когда подойдет Виннету, вы будете руководить вдвоем.

Вождь шошонов был явно польщен этим поручением, хотя, как всегда, вел себя сдержанно. Вместе с тридцатью своими воинами он остался у входа в каньон и сразу же начал обследовать местность, чтобы принять все необходимые меры предосторожности. Земля в каньоне оказалась такой скалистой, что о заметании следов не стоило беспокоиться, а у выхода из каменного коридора плотной стеной вставал густой лес, такой дремучий, что найти в нем подходящее укрытие не составило никакого труда.

С остальными Олд Шеттерхэнд быстро проехал каньон. Расщелина была невелика, и, остановившись у выхода, можно было спокойно наблюдать за входом. Там, где проход расширился, снова образуя широкий

перевал, почва оказалась богатой гумусом, тут росли, устремляясь в небеса, гигантские деревья. Между их могучими древними стволами валялись камни и обломки скал.

Олд Шеттерхэнд поддал жеребцу шенкелей, заставляя его даже пританцовывать, — чтобы следы оставались более четкими и бросающимися в глаза.

— Но, сэр, — подал голос Толстяк, — разве ваш план изменился? Мне кажется, мы собирались остановиться на выходе из ущелья!

— Мы обязательно это сделаем. А пока проедем еще немного и позаботимся о том, чтобы оставить хорошие следы! По правде говоря, меня удивляют ваши вопросы, мастер Джемми. То, что я делаю, по-моему, должно быть понятно.

Он гнал коня еще с четверть часа. Потом вдруг осадил его, повернулся к остальным и спросил:

— Итак, господа, теперь вы поняли, почему я так долго ехал вперед?

— Чтобы запутать апсарока, если они вздумают выслать разведчика, не так ли? — первым подал голос все тот же Джемми.

— Именно так. Апсарока не рискнут двинуться в каньон, прежде чем с помощью разведчиков не убедятся, что впереди все спокойно. Полагаю, что эти разведчики будут ожидать засаду, а посему поведут себя вдвойне осторожно. Нам ни в коем случае нельзя дать себя обнаружить, поэтому мы не станем чинить им препятствий, а терпеливо подождем, пока все они не окажутся в проходе.

— А чем займемся сейчас?

— Пока вернемся к выходу из каньона, но, естественно, не по этим следам. Здесь мы свернем в сторону, в лес. Следуйте за мной!

Склоны боковых стен перевала были не очень крутыми — подняться по ним можно было даже верхом. Олд Шеттерхэнд так и сделал. Преодолев немалое расстояние, охотник повернул коня обратно, к каньону. Когда он остановился, его группа оказалась над выходом из скального коридора. Отсюда, даже верхом, за несколько секунд они могли очутиться внизу и занять оборону у расщелины.

Всадники спешили, привязав животных к деревьям. Сами же расположились на мягком мху. Белые, как всегда, собрались вместе. Лишь Вокаде присоединился к ним; из шошонов же ни один не рискнул присесть рядом.

— И сколько же нам так ждать? — осведомился Толстяк.

— Можно подсчитать достаточно точно, — ответил охотник. — С наступлением дня апсарока станут искать своих двух разведчиков. Пока

они узнают, что произошло, пройдет добрых часа два. Придя туда, где мы насыпали два могильных холма, они разберут их и обыщут все вокруг. Будем считать, что на это и на совет, который они обязательно будут держать, уйдет час, а значит, у нас в запасе примерно три часа. Чтобы добраться сюда от места нашего лагеря, нам понадобилось пять часов. Если противник поскочет в том же темпе, что и мы, через восемь часов, если считать от рассвета, они будут здесь. Стало быть, с настоящего момента до их появления у нас осталось еще приблизительно пять часов свободного времени.

— Ого, целая вечность! И чем же мы займемся?

— Что за вопрос! — вмешался Хромой Фрэнк. — Поговорим об искусстве и науке. Это лучшее, что можно сделать. Такие беседы просветляют голову, облагораживают сердце и не только обуздывают темперамент, но и закаляют характер, что весьма необходимо, если не хочешь порхать по ветру житейских бурь. Ни искусство, ни науку я никогда не дам в обиду! И то и другое — мой ежедневный хлеб, мое начало и мой конец, мой... брр! Несет похлеще, чем от наскоро закиданного камнями трупа! Или... хм!

Он огляделся и заметил Боба. Тот оперся о дерево, под которым как раз и сидел саксонец.

— Прочь отсюда! — вскричал он. — Как можешь ты прислоняться к моему дереву? Или ты думаешь, что я взял свой нос напрокат в лавке маскарадных костюмов? Иди отсюда! Гвоздика, резеда, цветочки незабудки — ничего не имею против. Но сунуть скусна во флакон с нюхательной солью я не пожелаю даже любительнице самых изысканнейших ароматов!

— Массер Боб пахнуть хорошо, очень хорошо! — оправдывался негр. — Массер Боб не вонять. Массер Боб помыться в вода пеплом и жиром медведя. Массер Боб быть славный, элегантный джентльмен!

— Если ты сейчас же не исчезнешь, я пальну в твое смрадное тело из обоих стволов!

— Иисус, Иисус! Не стрелять, не стрелять! — взмолился негр. — Массер Боб уже уходит, массер Боб сесть далеко отсюда.

Негр поспешил удалиться на приличное расстояние, где, надувшись, сел.

Коротышка-саксонец вновь повторил свое предложение поговорить об искусстве и науке, но Олд Шеттерхэнд на это ответил ему:

— Мне кажется, мы можем использовать время с большей пользой, ведь мы не спали прошлой ночью, а потому ложитесь, господа, на бочок и попробуйте вздремнуть. А я буду вас охранять.

— Вы? Почему именно вы? Разве вы больше других покачивались в объятьях мосье Орфея! — искренно удивился Фрэнк.

— То есть Морфея¹²⁷, — поправил Джемми.

Фрэнк метнул в сторону последнего уничтожающий взгляд.

— Вы снова тут как тут! — воскликнул он. — Почему же мои фразы никто, кроме вас, не передефиндирует?¹²⁸ Что вы привязались с вашим Морфеем! Я совершенно точно знаю, как это должно называться. Я был членом союза певцов, который назывался «Орфей». Если им удавалось допеть до конца, а это случалось лишь тогда, когда между нотами не было больших пауз, они сами спокойненько засыпали. Такой союз певцов — лучшее средство от бессонниц, потому я и величаю Орфеем все, что касается сна!

— Ладно, покончим с этим! — Толстяк блаженно улыбнулся, растянувшись во мху во весь свой маленький рост. — Я лучше посплю, чем буду щелкать ваши «ученые» орехи.

— Да, такие орешки вам не по зубам. Чем меньше знаешь, тем меньше можешь. Спите, спите, мировая история не потерпит при этом большого урона.

После тщетных попыток найти кого-нибудь, кто стал бы восторгаться его духовным превосходством, Фрэнку ничего другого не оставалось, как тоже поудобнее устроиться и попытаться вздремнуть. Совету Олд Шеттерхэнда последовали и шошоны, и вскоре заснули все, кроме белого охотника. Даже лошади завалились на бок или свесили головы. Трудно было представить, что всего лишь через несколько часов здесь могла разыгаться кровавая драма.

Олд Шеттерхэнд спустился по склону, медленно вернулся через каньон обратно ко входу в него и осмотрелся. Он не заметил ни единого следа, по которому можно было бы определить, где прятались Токви-тей и его люди. Итак, шошоны великолепно подготовились к встрече врага.

Теперь Шеттерхэнд вернулся обратно и присел на камень у выхода из расщелины. Опустив голову на грудь, он несколько часов просидел неподвижно, так и не сменив позы. О чем думал знаменитый охотник? Может, о прошлом, о своей бурной жизни? Кто знает...

Вдруг послышался цокот копыт. Олд Шеттерхэнд встрепенулся, вскочил на ноги и прислушался. Это был Мартин Бауман.

— А где Виннету? — спросил охотник.

— Токви-тей оставил его у входа, согласно вашему приказу. Я тоже должен вернуться к ним.

— Не возражаю. Похоже, вождь апачей симпатизирует вам. Цените это, мой юный друг! Лучшего друга на вашем Западе не найти! Я сам ему многим обязан.

— Не найти? — в глазах юноши вспыхнули огоньки. — А вы? Вы, кому мы стольким обязаны!

— Па! Это все пустяки! По совести говоря, это я и виноват в том, что вашего отца взяли в плен. Надеюсь, что вы освободите его и снова увидите целым и невредимым. Но сейчас нам надо поговорить о другом. Вы видели апсарока? Хотя к чему этот вопрос, ведь и так понятно, что вы их видели.

— И так понятно? Откуда? А если они не появились?

— Хотите испытать меня? — охотник улыбнулся. — Если бы они не появились, вас здесь не было бы сейчас. Виннету никогда не покинет своего поста, пока не узнает точно, как ему действовать дальше. А если бы он был уверен, что противник вообще не придет, то сейчас вы были бы все вместе здесь. Итак, сколько апсарока вы насчитали?

— Шестнадцать, а кроме того, две лошади без всадников.

— Значит, я не ошибся. Это лошади убитых.

— Вы были правы: они точно шли по нашему следу.

— Ладно, скоро им предстоит узнать, на чей след они нарвались.

— Мы хорошо спрятались под деревьями и позволили им подойти довольно близко, чтобы рассмотреть получше, а потом помчались галопом и намного их опередили. Но еще раньше мы заметили, что среди них выделялся один поистине гигант. Кажется, именно он командовал ими, поскольку скакал чуть впереди остальных.

— Как они вооружены?

— Ружьями.

— Так. А теперь передайте Виннету слово в слово то, что я сейчас скажу. В каньоне только три всадника могут ехать рядом. Поэтому я прошу апача оставить коней. Как только противник исчезнет в каньоне, пусть Виннету и шошоны идут за ними, но пешком.

— А не дадим ли мы сами им преимущества таким действием?

— Нет, наоборот, все карты будут у нас в колоде.

— Но верхом они легко сомнут нас!

— Вы думаете, им это удастся? В то время как апсарока будут иметь возможность воспользоваться лишь тремя лошадьми, мы сможем выставить в одном ряду пятерых пеших. Прделаем это мы следующим образом: первые пять человек просто лягут на землю, а вторые пять станут за ними на колени. Позади них выстроится, пригнувшись, следующая пятерка, а последние пятеро выпрямятся во весь рост. В каждом таком

звене будет по двадцать человек, они смогут точно прицелиться, не мешая друг другу. Остальные будут в резерве. Таким образом, все шестнадцать апсарока, если сразу не сдадутся, в один миг получают по сорок пуль спереди и сзади, но, естественно, не сразу. Стрелять будем по очереди, чтобы не тратить зря порох. Стоит принять в расчет и то, что нам придется пристрелить и лошадей без седоков, если те, взбесившись, попытаются вклиниться в наши ряды. Скажите это апачу и добавьте, что вести переговоры с врагом буду я один. В этом я могу положиться только на самого себя. Как думает Виннету, когда они придут?

— Он считает, что у могил они задержатся где-то на час...

— Значит, он того же мнения, что и я.

— И два часа им понадобится, чтобы добраться сюда. Но, поскольку мы оба примчались к вам за полтора часа, можно быть уверенным, что пройдет все же больше часа, прежде чем они появятся здесь.

— Я так и предполагал. Пора готовиться. А сейчас возвращайтесь!

Мартин развернул лошадь и помчался обратно. Олд Шеттерхэнд поднялся к своим спутникам, которые все еще спали, и разбудил их. Он изложил свой план, посоветовался с ними и определил, что Дэви, Джемми, Фрэнк, Вокаде и один из шошонов будут в первой шеренге, которая ляжет на землю. Остальным он также указал их места и отвел всех вниз, чтобы они немного поупражнялись в предложенном им способе защиты. Самое главное заключалось в том, чтобы проделать все это как можно быстрее. Сам охотник собирался встать между своими людьми и врагом, чтобы иметь возможность вести переговоры. Для этой цели он срезал несколько длинных зеленых веток, которые во всем мире, даже у самих диких народов, используются как знак парламента.

После нескольких повторов, убедившись, что его люди все прекрасно поняли, Шеттерхэнд вместе со всеми вернулся в укрытие.

Теперь время потянулось еще томительнее, чем прежде. Но вот наконец раздался стук конских копыт.

— Похоже, они послали в разведку всего одного человека, — заметил Джемми.

— Тем лучше, — улыбнулся Олд Шеттерхэнд. — С двумя нам пришлось бы сложнее.

Джемми оказался прав. Появился только один всадник, который медленно выехал из каньона и остановился, чтобы осмотреться. Присутствия врага он нигде не заметил, но зато прямо перед собой увидел уходящие вдаль следы, о четкости которых специально позаботился Олд Шеттерхэнд. Естественно, разведчик не удовлетворился одним лишь

осмотром следов и проехал по ним довольно далеко.

— Черт возьми! — не выдержал Джемми. — Неужели поскачет до того места, где мы свернули с пути!

— В таком случае, к своим он не вернется, — заключил Олд Шеттерхэнд.

— Вы что, надеетесь проделать это бесшумно?

— А это тогда зачем? — охотник указал на лассо.

— Но вы сможете не только захлестнуть петлю на его шее, но и быстро затянуть ее так, чтобы он не смог вскрикнуть? Это дьявольски трудное дело! Вы уверены, что справитесь, сэр?

— Нет проблем. Вытяните все свои десять пальцев и только скажите, на какой из них набросить лассо. Но отсюда, сверху, нельзя увидеть, как далеко он удалился. Мне придется спуститься. Ведите себя спокойно, а если услышите мой тихий свист, быстро ко мне!

Охотник снял лассо с плеча и, пока соскальзывал по склону, в два счета свил готовую для броска петлю. Оказавшись внизу, он увидел медленно возвращающегося апсарока, который, похоже, так ничего до сих пор и не заподозрил. Охотник нашел даже время, чтобы пробраться за большой обломок скалы и присесть там на корточки. Разведчик неожиданно погнал коня рысью, пулей промчался мимо и исчез за углом узкого каньона.

Олд Шеттерхэнд подал условный знак, и его люди тотчас оказались возле него. Они принесли ему оба ружья, а также зеленые ветки, которые он оставил наверху, чтобы они не помешали ему во время броска лассо.

Охотник подошел к выходу из каньона и осторожно выглянул из-за угла. Апсарока беспрепятственно достиг конца скального коридора и исчез. Минуту спустя появились остальные его соплеменники, быстро заполнившие узкое пространство расщелины. Олд Шеттерхэнд позволил им достичь середины ущелья, затем, выхватив револьвер, как и было условлено, выстрелил из него в воздух. Оглушительное эхо прокатилось по крутым и отвесным стенам и с десятикратной силой ударило по ушам апача и его группы. Воины Токви-тея мгновенно и бесшумно вошли в каньон позади апсарока, которые пока их не видели. Услышав выстрел, всадники тотчас осадили лошадей. Тут они заметили Олд Шеттерхэнда и его людей, стоявших у них на пути и уже занявших описанную ранее позицию.

Мартин не ошибся: предводитель враждебных индейцев обладал поистине геркулесовой фигурой. На коне он восседал, как могучий бог войны. Широкие кожаные легины по линиям края скреплялись туго

сплетенными косицами из скальпов поверженных врагов. Достигавшие стремян штаны были к тому же украшены еще узкими полосами человеческой кожи. Широкую грудь воина прикрывала охотничья куртка из кожи оленя, поверх которой висел настоящий панцирь из чешуеобразных, плотно закрепленных друг над другом черепных дисков, срезанных когда-то вместе со скальпами с голов многочисленных врагов. За поясом, кроме большого охотничьего ножа и томагавка, которые могла сжимать лишь рука настоящего силача, было все необходимое в прерии. Голову гиганта прикрывал череп кугуара¹²⁹, с которого вниз свисали скрученные в веревку длинные и толстые куски кожи. Лицо его было размалевано черной, красной и желтой красками, а в правой руке он держал тяжелое ружье.

Великан сразу смекнул, что направленные на него ружейные стволы несколькими залпами превратят в прах весь его отряд.

— Назад! — прогремел его голос, дошедший, казалось, до самых небес.

При этом он поднял на дыбы своего жеребца и дал ему шенкелей. Его люди проделали то же самое, одним махом ловко развернув животных на задних ногах. Но в тот же миг апсарока увидели группу Виннету и ее ружья, которые были направлены на оказавшихся в западне.

— Вакан шича!¹³⁰ — вскричал в гневе предводитель последних. — Разворачиваемся снова! Там стоит человек и держит в руке Ветвь Мира, а значит, желает говорить. Наши уши услышат, что он хочет сказать.

Суровый предводитель снова резко развернул жеребца и медленно поехал навстречу Олд Шеттерхэнду. Его люди двинулись за ним. Но пронизательный апач не позволил им уйти. Вместе со своими воинами он сейчас же направился следом, и апсарока оказались в еще более тесном кольце.

Олд Шеттерхэнд не сделал навстречу ни шагу. Гигант-апсарока, остановившись неподалеку, окинул его с головы до ног бесстрашным взглядом и спросил:

— Что нужно здесь бледнолицему? Почему он стоит на пути у меня и моих воинов?

Олд Шеттерхэнд улыбнулся и ответил:

— А что хочет здесь красный человек? Почему он преследует меня и моих воинов?

— Потому что вы убили двух наших братьев! — апсарока еще больше помрачнел.

— Они пришли к нам как враги и как враги были убиты.

— Откуда ты знаешь, что мы твои враги?

— Потому что вы ищете пропавшие «лекарства»!

— Кто тебе это сказал?

— Об этом нетрудно догадаться, потому что у обоих воинов, которых сразили наши пули, не было их при себе.

— Ты угадал. Я больше не тот, кем был раньше. Вместе с «лекарствами» я потерял и имя. Теперь меня называют Ойт-э-ке-фа-вакон¹³¹, Храбрец, Ищущий Лекарство. Дай нам пройти, иначе мы убьем вас!

— Сдавайтесь, иначе та же участь постигнет вас самих, — спокойно произнес Олд Шеттерхэнд.

— Твои уста произносят гордые слова. Но способен ли ты на гордые дела?

— Ты можешь узнать это прямо сейчас. Взгляни вперед, а потом — назад! Один мой знак, и десять пуль больше пяти раз подряд ударят по твоему отряду.

— Это не храбрость, а трусость. Бывает, что вонючие койоты убивают исподтишка даже бизон ов. Что могли значить твои псы против моих воинов, если бы мои воины не попали в вашу ловушку? Я один перебую половину твоих людей!

И гигант рывком выхватил тяжелый томагавк, угрожающе взмахнув им над головой.

— А я один отправлю в Страну Вечной Охоты весь твой отряд, — снова не повышая голоса, но очень твердо произнес Олд Шеттерхэнд.

— Может быть, твое имя Итанка, Большая Пасть?

— Я сражаюсь не именем, а рукой.

Глаза апсарока тотчас вспыхнули.

— Ты хочешь сразиться со мной? — прогремел его голос.

— Я не боюсь тебя. Мне просто смешны твои пустые слова!

— Тогда подожди, пока я переговорю с моими воинами! А потом ты узнаешь: болтает Ойт-э-ке-фа-вакон или действует.

Он развернулся к своим и тихо заговорил с теми из них, кто мог слышать его приглушенный голос. Затем он снова обратился к Олд Шеттерхэнду:

— Ты знаешь, что такое «му-мохва»?

— Да, знаю.

— Хорошо! Нам нужны скальпы врагов, а потому будут бороться четыре человека: ты — со мной, и один твой красный человек — с моим воином! Если победим мы, то всех вас убьем и скальпируем, если вы —

возьмете наши скальпы и жизни. Ну как, у тебя хватит мужества на такой договор?

Вопрос был задан с издевкой. Олд Шеттерхэнд, снова улыбнувшись, ответил:

— Я готов. Положи свою ладонь в мою в знак того, что твои слова имеют вес.

Охотник протянул свою руку. Гигант не ожидал подобного, поэтому подал руку после некоторого колебания. Выражение «му-мохва» заимствовано из языка юта; дословно оно означает «рука у дерева». У многих племен этот вид борьбы считается своего рода Божьим судом. Двух человек привязывают крепкими ремнями за одну руку к древесному стволу, а в другую дают оружие — томагавк или нож, по договоренности. Ремень закрепляется так, чтобы бойцы имели возможность двигаться по кругу вокруг ствола. Поскольку оба должны стоять лицом друг к другу, один из них оказывается привязанным за правую, другой — за левую руку. Тот, у кого свободна правая рука, обычно имеет преимущество. По правилам эта достаточно жестокая борьба продолжается без перерыва и заканчивается только со смертью одного из противников. Но существуют и более мягкие варианты подобных поединков.

Апсарока был убежден: раз он вызвал врагов на единоборство, то он и получал преимущества. На самом же деле все это вершилось только благодаря великодушию Олд Шеттерхэнда. С другой стороны, вождь апсарока прекрасно понимал, что если он не сдастся, то погибнет вместе со всеми своими людьми, а с помощью «му-мохвы» он надеялся не только выйти из тяжелого положения, но еще и завладеть скальпами врагов, в руки которых так глупо попал. Он был убежден, что превосходит белого во всем. Разумеется, и второго борца он выставил бы под стать самому себе.

— Ты хочешь рискнуть? Великий Дух затмил твой разум! — с видом явного превосходства сказал он белому. — Тебе известно, что по правилам борьба между двумя победителями, если они окажутся от разных групп, должна вестись до самого конца?

Олд Шеттерхэнд видел индейца насквозь. Всем присутствующим следовало ожидать, что Храбрец, Ищущий Лекарство, должен выйти победителем из первой схватки, и даже, если другой апсарока будет побежден, предводитель убьет своего противника в последнем, решающем поединке. Глядя на огромного разъяренного воина, ничего другого никому и в голову не могло прийти. Но Олд Шеттерхэнд думал иначе.

— Согласен, — быстро дал он ответ.

Гигант взглянул на него полуудивленно-полутриумфально, быстро

подал ему руку и произнес:

— Тогда дай свою руку! Ты обещаешь мне, а я обещаю тебе от имени наших воинов, что мы и вы согласны на такие условия. Ни одна из сторон, чьи борцы окажутся побеждены, не имеет право сопротивляться после поединков.

— Я обещаю это. А чтобы у тебя не осталось и крошки сомнений на этот счет, мы раскурим трубку клятвы.

При этом охотник указал на висевшую на шее трубку, украшенную перьями колибри.

— Хорошо, мы выкурим ее, — согласился великан, и по его лицу пробежала презрительная усмешка. — Но трубка клятвы не станет трубкой мира, потому что мы будем бороться, а потом, после борьбы, ваши скальпы украсят наши пояса, а ваши тела будут рвать и жадно пожирать грифы.

— Но прежде посмотрим, сильны ли и дерзки твои кулаки так же, как твои слова, — заметил Олд Шеттерхэнд.

— Ойт-э-ке-фа-вакон еще никем не был побежден! — гордо вскинул голову апсарока.

— Но он не уберег своих «лекарств». Если его глаза и сегодня окажутся так же «остры», как тогда, у воды, мой скальп останется на месте.

Это было довольно резким, если не сказать бестактным, замечанием, ибо потеря «лекарств» считалась худшим из всего, что могло произойти с индейцем. Рука краснокожего легла на оружие, но Олд Шеттерхэнд пожал плечами и предупредил его:

— Убери руку! Очень скоро ты сможешь показать свою удаль. А сейчас давайте покинем это место и поищем другое, более подходящее для «му-мохвы». Мои братья приведут лошадей, а апсарока поедут как пленники верхом в середине отряда.

Охотник подал знак Виннету, и апач повел свой отряд туда, где были оставлены кони. Когда они быстро вернулись верхом, люди Олд Шеттерхэнда сходили за своими животными и привели их. Таким образом, индейцы из племени Воронов вплоть до самого отправления ни на миг не оставались без присмотра — помышлять о побеге им было просто бессмысленно. Теперь их взяли в середину отряда, который тотчас тронулся в путь.

Олд Шеттерхэнд тихо приказал своим не называть до поры до времени ни его имени, ни имени вождя апачей. Пока апсарока не должны знать, с кем им предстоит бороться. Сейчас они были убеждены, что выйдут победителями из навязанной белыми, как им казалось, схватки, а потому и не собирались возражать против договоренностей.

Толстяк Джемми находился рядом с Олд Шеттерхэндом. Он не во всем был согласен с охотником.

— Думайте обо мне, что хотите, сэр, — начал Джемми, — но сейчас вы действовали как мальчишка, хотя и благородный. Но благородство в данном случае, пожалуй, излишне.

— Вы так думаете? Неужели вы полагаете, что индеец не имеет понятия о благородстве? Я знавал многих краснокожих, с которых белые в этом отношении могли бы взять пример.

— Возможно. Исключения есть всегда и везде, но этим Воронам нельзя доверять. Они хотят вернуть свои «лекарства» или завладеть новыми, а потому с их стороны не стоит ждать милосердия. А ведь они были уже у нас в руках, не могли двинуться ни вперед, ни назад! Нам так легко было погасить их ярость — не тяжелее, чем задуть едва тлеющие угольки костра! А теперь вы вынуждены заняться этой проклятой «му-мохвой», и кто знает, от чего вы умрете: от топора этого гиганта или от его ножа!

— Хо! Вас, я вижу, обуревают жажда крови? Не поддавайтесь этому чувству. Оно делает человека слепым и жестоким. Перестрелять индейцев, когда они оказались в ловушке в окружении превосходящего их по численности противника и не имели возможности ни двигаться, ни защищаться — это же позор для вестменов!

— Хм! Вы, конечно, правы. Но разве обязательно было их убивать? Им так и так ничего не оставалось бы, как сдаться, а потому мы могли договориться с ними мирным путем.

— На это они как раз не пошли бы. Все из-за того, что они ищут новые «лекарства». Схватка была бы неизбежной. А поскольку мне и в голову не приходит истреблять людей, имеющих равные со мной права, то я предпочел пойти на соглашение с гигантом, которого знаю.

— Как? Этот парень вам известен?

— Да. Может, вы вспомните мое замечание, которое я сделал, когда мы проезжали мимо скалы Черепахи? Я рассказал, что как-то раз был в лагере вождя апсарока Шунка-шечи. Он тогда поведал мне много историй о собственном племени. При этом он с большой гордостью упомянул о своем знаменитом брате Канте-пете, Огненном Сердце.

— Канте-пета? Знаменитый и великий шаман Воронов?

— Да. Шунка-шеча рассказал мне о подвигах своего брата и описал, как он выглядит. Он представил мне его настоящим великаном! Канте-пета в одной из схваток с сиу-огаллала получил удар томагавком и потерял ухо, а кроме того, был ранен в плечо. А теперь взгляните на этого великана! У

него нет левого уха, а его левое плечо, можно смело сказать, когда-то было повреждено.

— Черт возьми! Конечно, если это и совпадение, то слишком уж невероятное! Но тогда я беспокоюсь за вас, сэр. Хотя вы и самый крепкий парень, которого я когда-либо видел, этого Канте-пету тоже до сих пор никто не мог победить. Физически он вас, несомненно, превосходит, хотя я убежден, что в ловкости ему с вами не сравниться. Но когда одну руку привязывают к дереву, все зависит от силы, а не от ловкости, а потому мне кажется, что ставку сегодня надо делать на него.

— Ну, — сказал Олд Шеттерхэнд с легкой усмешкой, — если вы так печетесь обо мне, то есть очень простое средство спасти меня от неминуемой гибели.

— Какое же?

— Вместо меня схватиться с этим Вороном.

— Хо! Такое мне и во сне бы не приснилось! У меня далеко не хрупкие нервы, но сунуться смерти прямо в лапы мне что-то неохота. Эту кашу заварили вы сами, сэр, вам ее и расхлебывать. От всего сердца желаю вам приятного аппетита!

Толстяк на несколько мгновений придержал коня, чтобы еще раз не быть осмеянным. Его место рядом с Олд Шеттерхэндом занял Виннету.

— Мой белый брат знает Канте-пету, шамана апсарока? — спросил он.

— Да, — кивнул охотник. — Глаза моего красного брата были так же остры, как и мои.

— У Ворона только одно ухо. Виннету никогда прежде его не видел, но имя «Храбрец, Ищущий Лекарство» не обманет вождя апачей. Я слышал, как мой брат говорил с ним, и я готов к схватке.

— Конечно же, я рассчитывал на вождя апачей, ибо никому другому не хотел бы доверить это дело чести.

— Мой брат убьет большого Ворона?

В отличие от многих, у Виннету не было ни малейшего сомнения на тот счет, что именно Олд Шеттерхэнд выйдет из этой схватки победителем.

— Нет, — ответил охотник. — Апсарока — враги сиу-огаллала. Если мы пощадим их, они станут нашими союзниками.

— Тогда пусть живет и другой. О Виннету не должны говорить, что его белый брат снисходительнее, чем он.

Всадники удалились от каньона примерно на английскую милю, когда долина внезапно расширилась еще больше. Отряд достиг небольшой, окруженной кольцом холмов прерии, которых в тех местах много. Кругом, насколько хватает взгляда, росла только худосочная трава и редкие кусты

— больше ничего. Лишь одно-единственное дерево маячило посреди равнины — довольно высокая липа из той породы, что имеют большие, светлые, словно выбеленные листья. Индейцы называют их «му-мангатусага» — «деревья с белыми листьями».

— Мава!¹³² — произнес предводитель Воронов, указав на дерево.

— Хуг! — Виннету кивнул и направил коня галопом прямо к липе.

Остальные тоже последовали к месту, где должны были состояться поединки.

Напряжение испытывали все, хотя каждый делал вид, будто ничего особенного не происходит. Хладнокровие сохраняли лишь трое — те, кто уже знал, что будут участниками поединков: Виннету, Олд Шеттерхэнд и Ойт-э-ке-фа-вакон, ибо каждый из них был уверен в своей победе.

Все спешились. Лошадей расседлали, а люди расположились широким кругом. Любой посторонний, окажись он случайно рядом, и не подумал бы, что здесь, друг напротив друга, сидели смертельные враги: оружия у апсарока никто не отбирал — Олд Шеттерхэнд приказал не делать этого. Он снова поступил по-рыцарски или, как говорят американцы, «по-джентльменски».

Зачерпнув из седельной сумки приличную горсть табаку, охотник снял с шеи трубку и набил ее. Потом вышел в центр круга и произнес:

— Воину не нужно многословие, за него говорят его дела. Мои братья знают, что здесь должно произойти, и мне не нужно говорить об этом. Мы не убили воинов апсарока, хотя их жизни были у нас в руках. Мы пощадили их, чтобы показать, что мы их не боимся и даже согласны бороться один на один безо всяких преимуществ для себя. Они вызвали нас на «му-мохву», и мы приняли их вызов. Сейчас они сидят рядом с нами свободными, держа свое оружие в руках, хотя по сути — они наши пленники. Мы ожидаем, что они, как и мы, не воспользуются коварством и хитростью. В знак того, что они обещают нам это, пусть Вороны выкурят с нами трубку клятвы. Я все сказал, а теперь пусть говорят они.

Белый охотник сел, а Храбрец, Ищущий Лекарство, поднялся во весь свой огромный рост и ответил:

— Белый человек сказал от души. Нам не нужно коварство, ибо мы и так победим! Но он забыл напомнить об условиях борьбы. Участники поединков, — краснокожий сделал небольшую паузу, окинув гордым взглядом присутствующих, — будут привязаны к дереву одной рукой и смогут видеть лица своих противников. В другую руку они получают по ножу. Только этой рукой можно вести борьбу! Только так разрешено сражаться! Но если кто не сможет вдруг больше держать нож, имеет право

защищаться рукой. Кто коснется дерева или упадет на землю спиной или грудью, тот побежден, не важно — жив он или мертв. Кто припадет на колено, может подняться вновь. Сражаться будут четыре человека, по двое от каждой из сторон; я — против этого бледнолицего, и один из моих людей против любого из ваших красных воинов. Двое оставшихся будут бороться друг с другом, и это решит исход схватки. Спутникам победителя принадлежит жизнь и вся собственность побежденных. И никто из тех, чьей жизни срок истек, не имеет права защищаться! На этих условиях воины апсарока готовы раскурить трубку клятвы. А чтобы борьба была честной и никто не был защищен лучше остальных, все четверо должны бороться с обнаженными торсами. Хуг! Я сказал!

Апсарока сел. Олд Шеттерхэнд еще раз ступил в круг и объявил:

— Мы согласны со всеми условиями апсарока. А чтобы у побежденных не оставалось оружия, с которым они могли бы противостоять смерти, пусть все они до единого сложат его здесь, на этом месте. Один шошон и один апсарока будут охранять его. А сейчас я зажгу свою трубку мира. Сегодня она станет трубкой клятвы, и пусть облака ее дыма унесут души побежденных в Страну Вечной Охоты! — закончил он на индейский манер.

— Хуг, хуг! — раздалось в кругу, и это означало, что почти все согласны.

Олд Шеттерхэнд достал панк и зажег табак. Затянувшись дымом, он выдохнул его в небо, в землю и в направлении четырех сторон света, после чего передал трубку предводителю апсарока. Тот также сделал шесть затяжек и объявил, что соглашение заверено клятвой и пути назад нет. Потом все по очереди сделали по одной затяжке. По окончании этой церемонии трубку воткнули мундштуком в землю за пределами круга и там же сложили оружие.

Апсарока подошел к дереву, обнажил свой могучий торс и произнес:

— Пора начинать. Прежде чем солнце продвинется по небу на рукоять моего ножа, скальп белой собаки будет висеть на моем поясе!

Теперь воочию можно было убедиться, насколько силен гигант. И он прекрасно понимал, какое производил впечатление, поигрывал узловатыми мышцами и окидывал всех вокруг себя победоносным взглядом. Произошло нечто удивительное. Не кто иной, как Мартин Бауман, юный сын Охотника на медведей, выскочил вперед и гневно воскликнул:

— Белым вы обязаны жизнью, а называете их собаками! Ты не достоин того, чтобы опытный воин боролся с тобой. Хорошо, вот здесь стоит молодая «белая собака», которая не боится показать тебе клыки, хоть

ты и сильнейший воин своего племени. Прежде чем солнце продвинется так далеко, как ты говоришь, «собака» разорвет в клочья кожу большеклювого каркающего Ворона!

Его щеки залило румянцем, глаза блестели. Одним движением Мартин сбросил с себя охотничью куртку.

Восхищенное «уфф, уфф!» прокатилось по кругу.

Юноша был здесь самым молодым из всех, и его неожиданная дерзость поразила всех.

— Де мечих!¹³³ — вырвалось даже у гиганта-апсарока.

— Вот это по-мужски! — одобрил Олд Шеттерхэнд. — Такое вам непременно зачтется, мой юный друг. Но вы же знаете, что вызвали на поединок меня, а потому я попрошу предоставить мне возможность доказать, что «белая собака» не поджигает хвост перед Вороном.

— Он вообще не стоит того, чтобы такой человек, как вы, боролся с ним, — не сдавался Мартин. — А если вы думаете, что меня напугал этот великан, то вспомните о том, сколько гризли пало от моей руки!

— Вижу, что вы в самом деле готовы на все, но ограничьтесь пока тем, что мы восхищены вашим мужеством. Поймите, меня сочтут трусом, если я соглашусь на такую замену.

— Спорить, конечно, не стану, а потому подчиняюсь вашей воле, но я не смирюсь с тем, чтобы меня называли «собакой»!

Парень снова надел куртку и отступил в толпу. Великан подал знак одному из своих. Тот вышел вперед, оголил свой торс и сказал:

— Здесь стоит Макин-о-пункре, Раскатистый Гром. Он сделал себе щит из кожи врагов. Больше чем четыре раза по десять скальпов отнял он в битвах! Кто рискнет предстать перед его ножом?

— Я, Вокаде, заставлю этот Гром замолчать! Я не прославил себя скальпами, но убил белого бизона, а сегодня мой пояс украсит первый кусок кожи с головы врага! Кто из воинов боится грома? Он — лишь трусливый отзвук молнии, и больше ничего, потому что поднимает свой голос лишь тогда, когда опасность миновала!

— Уфф, уфф! — снова зазвучало вокруг, когда юный индеец выступил вперед.

— Ступай назад! — зло усмехнулся Раскатистый Гром. — Я не сражаюсь с детьми. Одно только мое дыхание может убить тебя. Ляг в траву, и пусть тебе приснится твоя мать, которая еще не перестала кормить тебя каммас!

Есть так называемые индейцы-копатели, презираемые всеми другими краснокожими; они бродят в пустынных местах, где влачат жалкое

существование в поисках луковицеобразных корней, которые в полусгнившем состоянии используются ими для приготовления начинки для тошнотворнейших пирогов, известных как «пироги-каммас». Даже собаки брезгают прикоснуться к такому блюду. Словом, упоминание о «каммас» было оскорблением для храброго Вокаде.

Прежде чем тот смог ответить, вперед вышел Виннету. Он знаком призвал юного индейца к молчанию, и Вокаде из уважения к знаменитому вождю обуздал свой гнев. Апач произнес:

— Участь обоих апсарока уже решена. Кто вызвался сражаться? Два мальчика, в которых мы уверены, ибо они уже побеждали и белого бизона, и серого медведя, а уж двух Воронов они задушат просто голыми руками. Но если считать, что Вороны — славные воины, то им надлежит бороться с мужчинами! А Раскатистый Гром гремит сейчас в последний раз.

Названный пришел в ярость и заорал:

— Кто ты, что смеешь произносить такие слова? У тебя есть имя? В твоей одежде не видно ни одного волоса врага! Если ты умеешь лишь играть на джотунке — флейте — то иди играй, но к ножу лучше не прикасайся, а то порежешься!

— Мое имя услышит твоя душа, когда покинет тело. А потом она завоет от страха и не рискнет даже появиться на Ниве Охоты Умерших! Она будет прятаться в ущельях гор и от страха скулить и рыдать вместе с ветром!

— Пес! — гаркнул Гром. — Ты осмелился позорить душу храброго воина! Тебя постигнет кара! Мы оба будем сражаться первыми, но твоему скальпу не найдется места среди моих трофеев. Я брошу его крысам, а твое имя, которое ты мне отказываешься назвать, не услышит ухо ни одного воина!

— Да, сначала боремся мы! Итак, начнем! — прозвучал короткий ответ Виннету.

Раскатистый Гром знаком велел принести нож. Виннету разделся.

Круг стал гораздо шире. Взгляды всех присутствующих были прикованы к фигурам обоих противников. Второй апсарока ростом не был выше Виннету, но выглядел гораздо шире и мощнее стройного апача. Вороны не без удовлетворения отметили это. Они были убеждены, что Виннету обречен. Ничего удивительного, они ведь и понятия не имели, что перед ними стоит знаменитый вождь апачей.

Теперь выступил Толстяк Джемми. Как и любой вестмен, он всегда носил с собой несколько длинных, достаточно прочных ремней.

— Мой дорогой сэр, ваш шаг первый, — обратился он к Виннету,

держа в руке два ремня. — Вам повезет, если к дереву вас привяжет рука товарища. Но прежде пусть все убедятся, что оба ремня одинакового качества.

Ремни пошли из рук в руки; их общупал и обследовал буквально каждый. Теперь осталось определить, кто из двоих окажется привязанным к стволу правой, а кто — левой рукой. Два травяных стебля различной длины послужили жребием. Виннету вытащил короткий, то есть оказался в невыгодном положении: у него оставалась свободной левая, менее тренированная, рука. Апсарока приветствовали это выгодное им обстоятельство радостным «у-ах!»¹³⁴.

Наконец петли захлестнули запястья обоих бойцов, после чего другие концы ремней были обмотаны вокруг древесного ствола так, чтобы руки противников могли легко двигаться и вращаться. Во время «му-мохвы» происходит следующее: бойцы в течение четверти часа, а иногда и дольше, кружат вокруг дерева, прежде чем нанесут первый удар. Обычно, как только проливается первая кровь, противники распаляются, и схватка быстро заканчивается смертью или поражением одного из них.

И вот борцы приготовились, застыв по разные стороны от липы.

Хромой Фрэнк находился рядом с Джемми.

— Послушайте, герр Пфэфферкорн, — произнес он, — сейчас как раз та самая ситуация, когда мороз пробирает по коже до самых костей! Ведь не только они рискуют своими жизнями, но и мы тоже! У меня где-то под скальпом возникает чувство, будто он мало-помалу уже отмирает. Кстати, покорнейше благодарю вас за обещание не мешать им прикончить нас невиновными, после того как оба наших чемпиона проиграют!

— Фи! — скривился Джемми. — Хоть на душе у меня тоже не соловьи заливаются, все же мне кажется, на Виннету и Олд Шеттерхэнда можно положиться.

— Конечно, со стороны так кажется, у апача такое невозмутимое лицо, словно он матадор¹³⁵ с десятью пиками в руках! Но тихо! Говорит Раскатистый Гром.

Получив от своих в руки длинный острый нож, апсарока крикнул апачу приказным тоном повелителя:

— Шише!¹³⁶ Или мне придется гоняться за тобой вокруг дерева, пока ты не падешь мертвым от страха, прежде чем мой нож коснется тебя?

Виннету не отвечал. Он повернулся к Олд Шеттерхэнду и произнес на языке апачей, который его противник не понимал:

— Ши дин льда сесте¹³⁷

В ответ Олд Шеттерхэнд громко объявил:

— Наш брат отбросил мысли об убийстве. Он победит своего врага, но не прольет ни капли крови.

— Уфф, уфф, уфф! — воскликнули апсарака.

Раскатистый Гром на слова Олд Шеттерхэнда ответил с презрением:

— Ваш брат обезумел от страха. Его муки будут недолгими!

Он шагнул вперед, и дерево перестало разделять противников. Зажав нож в кулаке, апсарака буквально пожирал Виннету хищным блеском своих глаз. Но тот, казалось, не обращал на него никакого внимания, а с демонстративным равнодушием глядел куда-то мимо, а его лицо было таким спокойным и неподвижным, словно речь сейчас шла вовсе не о его жизни. Но Олд Шеттерхэнд хорошо знал, что каждый мускул и каждое сухожилие его друга и брата напряжены до предела; Виннету в любой миг готов отразить нападение.

Недалекий апсарака попался в сети, расставленные хитроумным апачем. Решив, что пора действовать, Раскатистый Гром внезапно — как ему казалось — подскочил к Виннету и уже занес руку для смертельного удара. Но, вместо того, чтобы отступить, апач присел и молниеносно ткнул своего соперника рукоятью ножа точно в подмышечную впадину. Этот не только рискованный, но и очень сильный и ловкий, прием удался: опешивший апсарака отлетел назад и выронил нож. Виннету тут же бросил свой и услышал крик краснокожего — похоже, у того была вывихнута рука. В следующий миг вождь апачей нанес кулаком противнику резкий и сбивающий с ног удар «под ложечку», после чего апсарака свалился навзничь, да так и остался лежать на спине с повисшей вдоль ствола рукой.

На мгновение Гром был ошеломлен, всего лишь на мгновение! Но этого времени хватило апачу с лихвой. Подхватив с земли свой нож, он молниеносно перерезал свой ремень и склонился над врагом.

— Ты понял, что проиграл? — спросил Виннету.

Поверженный не ответил. Он тяжело переводил дыхание, задыхаясь то ли от полученного удара, то ли от бессильной ярости и смертельного страха.

Все произошло так быстро, что многие не уследили за движениями Виннету. В кругу стояла мертвая тишина, а когда маленький саксонец хотел выразить ликование восторженным «ура!», Олд Шеттерхэнд жестом заставил беднягу запнуться на полуслове.

— Бей! — приказал апсарака, устремив свой взгляд, полный жгучей ненависти, на склонившегося над ним апача. Сказав это, он закрыл глаза.

Виннету поднялся, перерезал ремень побежденного и произнес:

— Вставай! Я обещал не убивать тебя и сдержал слово!

— Я не могу теперь жить! Я побежден!

Тут к поверженному подошел Ойт-э-ке-фа-вакон и грозно приказал:

— Поднимайся! Тебе дарят жизнь, ибо твой скальп не имеет никакой ценности для победителя. Ты вел себя как мальчик. Но здесь еще стою я! Храбрец, Ищущий Лекарство, будет бороться с вами! Я одержу победу оба раза, а когда мы станем делить скальпы врагов, ты уйдешь к волкам прерий и будешь жить с ними. Возвращаться в твой вигвам тебе запрещено!

Раскатистый Гром поднялся и тут же схватился за свой нож, валявшийся рядом.

— Великий Дух не хотел, чтобы я победил, — произнес он с горечью в голосе, — но к волкам я не пойду! Вот мой нож. Он покончит с моей жизнью! Я не хочу принимать ее в дар. Но сначала я посмотрю, сумеешь ли победить ты.

Пристыженный воин медленно удалился из круга, присев в траве неподалеку. Несомненно, последние слова он произнес, вполне отдавая себе отчет в их серьезности, — позор побежденного ему одному было не пережить!

Никто из соплеменников не удостоил его даже взглядом. Все их надежды сейчас были отданы предводителю, который, опершись мощным торсом о ствол, сказал Олд Шеттерхэнду:

— Иди сюда, бросим жребий!

— Я никогда не бросаю жребий, — ответил тот. — Пусть мне привяжут правую руку.

— Пусть будет так, если ты хочешь умереть быстрее.

— Я не тороплюсь. Просто мне кажется, что твоя левая рука слабее правой. Я не нуждаюсь ни в каких преимуществах. Ты ведь когда-то был ранен.

Охотник указал взглядом на левое плечо краснокожего, через которое проходил широкий шрам. Но его противник не смог оценить благородного жеста; он смерил белого взглядом величайшего удивления и ответил:

— Ты решил оскорбить меня? Или хочешь, чтобы твои воины говорили потом, что я не убил бы тебя, не окажи ты мне милость? Я требую, чтобы ты бросил жребий вместе со мной.

— Ну хорошо, я готов.

Жребий был брошен, и все равно Олд Шеттерхэнду выпало привязывать правую руку. Вскоре оба стояли друг напротив друга, готовые к схватке. У всех без исключения белых, увидевших в этот момент лоснящиеся от напряжения вздутые мускулы великана, от страха за Олд

Шеттерхэнда замерло сердце.

Но тот, как и его друг Виннету до того, сохранял удивительное спокойствие, во всяком случае, внешне.

— Можешь начинать, — повелительным тоном проговорил апсарока, поигрывая бицепсами. — Я разрешаю тебе нанести удар первым. Три удара я отражаю, а потом ты падешь от моей руки.

Олд Шеттерхэнд улыбнулся. К всеобщему удивлению, он воткнул свой нож в липовый ствол и ответил:

— А я отказываюсь от этого оружия. Но ты все равно будешь повержен при первой же атаке. У нас нет времени, чтобы вести долгую игру. А потому будь внимательнее, я начинаю!

Охотник поднял кулак, будто готовясь к удару, и прыгнул навстречу противнику. Тот решил, что белый атакует, и тотчас взмахнул ножом. Но белый, быстрый, как мысль, вдруг отступил, и острое лезвие, подобно молнии, промелькнуло перед его лицом, с шумом рассекая воздух. Рука апсарока по инерции ушла далеко влево. Еще одно едва уловимое движение Олд Шеттерхэнда, и его жесткий кулак с силой молота ударил противника справа в висок. В следующий миг гигант пошатнулся и рухнул на землю.

— Он всем телом коснулся земли! Кто победил? — крикнул Олд Шеттерхэнд, переводя дух.

Когда был повержен Раскатистый Гром, индейцы-апсарока на это в общем-то не прореагировали, но теперь они подняли такой вой, будто он исходил не из человеческих, а из звериных глоток. Шошоны же, понятно, издали громкие крики радости.

Возможно, кто-то, кто плохо знает индейцев, ждал бы, что Вороны сейчас же после поражения обратятся в бегство, но напрасно он питал бы такие надежды. Индейцев связывала клятва. А может, они просто были слишком ошеломлены, чтобы принять быстрое решение? Ни один из них не пошевелился, выдав свое намерение высвободиться из лап смерти, на которую они все теперь были обречены по условиям договора.

Олд Шеттерхэнд выдернул свой нож из дерева и освободил себя от ремня. Белые охотники уже спешили к нему, чтобы поздравить его и самих себя. Шошоны тоже воздавали похвалу обоим победителям, но сначала им пришлось позаботиться о том, как побыстрее завладеть своим оружием и предотвратить возможное противостояние апсарока либо помешать их бегству.

Те наконец умолкли и побрели к месту, где сидел Раскатистый Гром, понуро присели рядом с ним. Даже их часовой, охранявший оружие, присоединился к ним, хотя уж ему-то не составляло никакого труда

вскочить на одну из лошадей и умчаться прочь.

Олд Шеттерхэнд снова подошел к Храбрецу, Ищущему Лекарство. Тот только что пришел в себя, открыл глаза и увидел, что победитель перерезает его ремень. Потребовалось некоторое время, прежде чем апсарока сообразил, в чем дело. Но, как только он понял, что произошло, тут же вскочил. Его бешеный взгляд впился в Олд Шеттерхэнда. Глаза индейца, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а когда он, запинаясь, заговорил, его голос прозвучал очень хрипло:

— Я... на земле! Ты победил меня?

— Да. Разве не ты сам назвал условия, по которым тот, кто коснется телом земли, считается побежденным?

Краснокожий молчал. Несмотря на свой рост, сейчас он имел довольно жалкий вид и даже, казалось, был испуган.

— Я не ранен! — вдруг выкрикнул он.

— Потому что тебя никто не хотел убивать. Я воткнул свой нож в дерево.

— Значит, ты свалил меня голой рукой?

— Да, — Олд Шеттерхэнд улыбнулся. — Надеюсь, что ты не в обиде. Или лучше было бы, если бы я воткнул в тебя нож?

Но апсарока был не в состоянии шутить. В его взгляде, брошенном на своих, проступила полная растерянность.

— Лучше бы ты меня убил! — выдавил он из себя. — Великий Дух покинул нас, потому что украдены наши «лекарства». Воин, которому суждено быть скальпированным, не может попасть в Страну Вечной Охоты. Почему скво наших отцов не умерли прежде, чем мы родились!

Совсем недавно такой гордый и уверенный в победе человек теперь вдруг стал робким и пал духом. Шатаясь, он побрел к своим, но вдруг приостановился, еще раз обернулся и спросил:

— Вы позволите нам спеть Мелодию Смерти, прежде чем убьете нас?

— Перед тем как ответить, хочу задать тебе, со своей стороны, один вопрос. Идем!

Олд Шеттерхэнд подвел его к апсарока и указал на Раскатистого Грома:

— Ты и сейчас сердишься на этого воина?

— Нет. Великому Духу так было угодно. У нас больше нет «лекарств».

— Вы вернете их, да еще и умножите.

Краснокожие с удивлением уставились на белого охотника.

— Где мы их найдем? — горько усмехнулся предводитель апсарока. — Здесь, где должны умереть? Или в Стране Вечной Охоты, в которую нам

так и не суждено попасть, потому что мы потеряем свои скальпы?

— Вам сохранят и скальпы, и жизни. Вы убили бы нас, если бы мы проиграли; но мы лишь для вида пошли на ваши условия, потому что мы не убийцы! Встаньте! Идите сюда, забирайте свое оружие и лошадей! Вы свободны и можете ехать, куда хотите.

Но никто не прореагировал на эти слова.

— Если ты говоришь об этом, как о начале наших мук, — произнес Храбрец, Ищущий Лекарство, не веривший в искренность слов белого, — мы вытерпим их, и вы не услышите из наших уст ни звука!

— Ты ошибаешься. Я говорю серьезно. Между апсарока и воинами шошонов отныне зарыт томагавк войны!

— Но вы ведь знаете, что мы хотели убить вас!

— Вам это не удалось, а мы не жаждали и не жаждем вашей крови. Мы не станем мстить никому. Канте-пета, знаменитый шаман апсарока, наш друг. Он может спокойно вернуться к родным вигвамам вместе со своими людьми.

— Уфф! Ты знаешь меня? — удивился шаман.

— У тебя нет уха, а на плече я заметил шрам. По этим признакам я тебя и узнал.

— Откуда тебе известно о них?

— От твоего брата Шунка-шечи, Большой Собаки, который рассказывал мне о тебе.

— Ты его тоже знаешь?

— Да. Однажды мы с ним встречались.

— Когда? Где?

— Много зим назад, а у скалы Черепахи мы расстались.

Шаман, сидевший на земле, вдруг быстро вскочил на ноги. Его лицо приняло совершенно иное выражение, а в глазах вспыхнул огонек.

— Верить ли мне твоим словам или моим ушам? — выкрикнул он. — Если ты говоришь правду, то ты — Нон-пай-клама, которого белые люди зовут Олд Шеттерхэндом!

— Да, это я и есть.

При звуке этого имени остальные апсарока также резко вскочили с земли. В один миг они словно превратились в других людей.

— Если ты в самом деле тот знаменитый охотник, — прогремел голос их предводителя, — Великий Дух все же не покинул нас. Да, только его кулак мог оглушить меня, а значит, ты — это он! Быть побежденным тобой — не позор! И теперь я могу жить, не опасаясь презрения.

— Храбрый воин по имени Раскатистый Гром имеет те же права, ибо

тот, против кого он боролся, — Виннету, вождь апачей.

Глаза апсарока заметались по толпе, выискивая фигуру Виннету. Лицо его выражало величайшее почтение. Виннету сам подошел, протянул Раскатистому Грому руку и сказал:

— Мой красный брат выкурил со мной калюме клятвы, а теперь пусть он раскурит и калюме мира, поскольку воины апсарока наши друзья. Хуг!

Гром стиснул поданную руку и ответил:

— Проклятье Великого Духа спало с нас! Олд Шеттерхэнд и Виннету — друзья красных людей. Они не станут требовать наших скальпов.

— Да, вы свободны, — произнес Олд Шеттерхэнд. — Мы не станем ничего отнимать у вас, а скорее даже дадим. Нам известны люди, которые украли ваши «лекарства». Если вы поедете с нами, мы приведем вас к ним.

— Уфф! Кто эти воры?

— Шайка сиу-огаллала, чья цель — горы реки Желтого Камня.

Эта новость крепко взволновала потерпевших. Их предводитель громовым голосом прокричал:

— Псы-огаллала сделали это! Хонг-пе-те-ке, Тяжелый Мокасин, их вождь, ранил меня и отнял ухо, и я до сих пор не смог отомстить ему! Я просил Великого Духа навести меня на их след, но мое желание ни разу не исполнилось!

В этот момент слово взял Вокаде; он стоял поблизости и все слышал.

— Ты выйдешь на след Хонг-пе-те-ке, — обратился он к шаману апсарока, — ибо он — вождь огаллала, которых мы преследуем.

— Значит, Великий Дух, наконец, передал его в мои руки! Но кто этот юный красный воин, который хотел сразиться с Раскатистым Громом, а теперь принес такую радостную весть о сиу-огаллала?

— Это Вокаде, славный сын манданов, — ответил Олд Шеттерхэнд. — Огаллала вынудили его быть с ними, и он присутствовал при похищении ваших «лекарств», но помочь ничем не мог. Потом он ушел от них и уже успел помочь нам.

— А что нужно сиу в горах реки Желтого Камня?

— Мы расскажем об этом, когда разожжем лагерный костер. Тогда вы сможете посоветаться и решите, ехать ли с нами.

— Если вы идете по следу огаллала, чтобы бороться с ними, то мы поедем вместе. Ведь они украли у нас наши «лекарства»! Пусть Вокаде расскажет нам, как это произошло. Канте-пета — знаменитый шаман апсарока. То, что он позволил украсть свое «великое лекарство», навлекло на него стыд и позор, и он не успокоится, пока не отомстит! Пусть мои братья зажгут костер Совета прямо сейчас, потому что нам нельзя терять

времени. Мои воины понимают, какая великая честь им выпала — оказаться заодно с такими известными людьми!

Так еще раз враги были превращены в друзей, а значит, возросла надежда, что отчаянное предприятие, казавшееся поначалу едва выполнимым, вполне вероятно, завершится удачно.

Глава десятая. В ПЛЕНУ

«Сенат и палата представителей Соединенных Штатов постановляют, что местность на территории Монтаны и Вайоминга, расположенная близ истоков Йеллоустоун-ривер, согласно закону Соединенных Штатов, исключает на своей территории любое заселение, захват или продажу земли, объявляется общественным парком во благо и удовольствие всего народа. Любой, кто поселится на означенной местности вразрез с постановлением или захватит какую-либо часть земли в частное пользование, становится нарушителем Закона. Парк будет находиться под исключительным контролем Секретариата внутренних дел, задачей которого станет издание таких положений и распоряжений, которые он сочтет необходимыми для поддержания порядка и присмотра за указанной территорией».

Так гласит принятый Конгрессом США 1 марта 1872 года закон, вследствие которого гражданам Соединенных Штатов и жителям всех других государств был сделан подарок, о значении которого тогда еще никто и понятия не имел.

О большом участке земли, называемом сегодня Национальным парком¹³⁸, в восточных штатах до указанного времени ходила довольно странная молва. Известная только индейцам и лишь отчасти исследованная одинокими трапперами, но очень слабо, эта местность была окутана ореолом глубочайшей тайны. То, что рассказывал кто-нибудь из этих капканщиков, воспринималось, как правило, с недоверием, оно и понятно; эти рассказы переходили из уст в уста, обрастая фантастическими подробностями. Пылающие прерии и раскаленные горы, кипящие ключи и извергающие жидкий металл вулканы; озера и реки, состоящие из нефти, а не воды, девственные леса, полные диких зверей и таких же диких индейцев, — все эти чудеса, как утверждали рассказчики каждый на свой лад, были собраны в долине реки Желтого Камня.

Лишь профессор Хайден¹³⁹, предпринявший экспедицию в этот регион, добыл объективные данные о нем и первым сообщил о существовании там явлений, не поддающихся пока объяснению. Только благодаря ему этот закон и был принят.

Национальный парк охватывает территорию более чем в восемь тысяч девятьсот пятьдесят три квадратных километра. Там берут свое начало реки Йеллоустоун, Мадисон, Джеллатайн и Снейк. Величественные горные цепи

пересекают эту заповедную местность. В горах воздух чист и свеж, а вода сотен холодных и горячих источников различного химического состава обладает большой целебной силой. Гейзеры¹⁴⁰, с которыми едва ли сравнимы исландские, бьют фонтанами вверх на многие сотни футов в высоту, а скалы переливаются и сияют в солнечных лучах кристаллами черного хрусталя. Зловещие ущелья, не сравнимые ни с какими другими, кажутся вырезанными будто специально для того, чтобы дать возможность любопытному лицезреть все внутренности Земли. Земная кора там вся волдырится от надувающихся пузырей, которые то появляются, то исчезают; часто она оказывается здесь толщиной лишь с дюйм, и всаднику едва-едва удастся провести по ней своего обезумевшего от ужаса коня. Временами в коре открываются гигантские дыры, тотчас наполняющиеся кипящим грязным илом, который то поднимается, то медленно уходит вниз. Не пройти здесь и четверти часа, чтобы не натолкнуться на какое-нибудь удивительное чудо природы. На территории парка более тысячи гейзеров и горячих источников. Нередко по земле разливается кипящая вода, но где-то рядом бьет и искрится холодный, чистый ключ. Впечатление такое, будто добрые и злые духи, словно ангел и дьявол, схватились на поверхности этих источников. Диву даешься возвышенному, а всего лишь через пару шагов отступаешь перед ужасным и гадким. Любуясь гигантским фонтаном, возносящимся над рекой на тысячу футов, не заметишь, как наткнешься на месторождения карнеола, мохового агата, халцедона, опала¹⁴¹ или других полудрагоценных камней.

А меж склонов Скалистых гор дремлют чудесные озера, крупнейшее и живописнейшее из которых — Йеллоустоун; оно, если не считать озера Титикака¹⁴², является самым высокогорным озером Земли, ибо лежит на высоте почти в восемь тысяч метров над уровнем моря.

Его вода очень богата серой, глубокие впадины кишат форелью, имеющей своеобразный, но очень приятный вкус. Обступившие озеро леса богаты крупной дичью, сохатыми и медведями, а на берегах берут начало неисчислимы горячие источники, откуда время от времени громко и пронзительно, как из вентиля паровоза, доносится свист пара преисподней.

Первое, что приходит в голову человеку, случайно попавшему в эти места, — сбежать отсюда, и как можно скорее. Беспреданно бушующие силы земных недр не дают здесь забыть о себе. Возникает такое ощущение, будто в следующий миг вся земля либо ухнет куда-то вниз, либо взметнется высоко над вершинами Скалистых гор, превратившись в гигантский огнедышащий кратер.

Там, где река Йеллоустоун вытекает из озера и лишь начинает набирать свою силу, неподалеку от устья Бридж-Крик, горели несколько костров. Их разожгли только потому, что стемнело, а вовсе не с целью приготовить ужин, ибо ужин природа благосклонно приготовила путникам на этот раз сама.

Форель длиной в локоть, пойманная в студеном озере, тут же была сварена в горячей воде, что всего лишь в нескольких футах пробивалась прямо из-под земли, окутывая окрестности клубящимся паром. Маленький саксонец чуть ли не лопался от гордости — во второй половине дня ему удалось подстрелить дикую овцу, благодаря чему народ прежде всего занялся мясом, оставив форель на десерт. Горячий источник, на котором они готовили, был невелик, ни дать ни взять прямо-таки кухонный горшок, вода в котором после варки приобрела вкус самого настоящего бульона, который все присутствующие попробовали с огромным аппетитом.

Как и планировал Олд Шеттерхэнд, отряд переправился через реки Пеликан и Йеллоустоун, а на завтра они намеревались, преодолев Бридж-Крик, скакать напрямик на запад, к реке Огненной Дыры. Там действовал гейзер, который зовется индейцами Кун-туи-темба — Пасть Ада — поблизости от него и лежала могила вождя, цель их путешествия.

Все произошло гораздо быстрее, чем предполагалось сначала. Хотя конечная цель поездки находилась почти рядом, до полнолуния оставалось еще три ночи, и Олд Шеттерхэнд был убежден, что сиу-огаллала никак не могли оказаться здесь раньше. Во время беседы у огня он заметил:

— Они едва ли могли достичь Боттелерс-рэндж, и мы, стало быть, наверняка опередили их. Все равно костры пусть горят даже тогда, когда луна поднимется над вершинами гор. Кроме сиу, других человеческих существ здесь быть не должно. Нам нечего опасаться.

— Сэр, а куда мы двинемся от Боттелерс-рэндж дальше? — спросил вдруг Мартин Бауман.

— А почему вы об этом спрашиваете, мой юный друг?

Мартин не обратил внимания на испытующий взгляд, брошенный на него Олд Шеттерхэндом, но ответил все-таки с некоторым смущением:

— Я интересуюсь этим потому, что мой отец наверняка едет тем же путем. Я слышал, что дорога эта очень опасна.

— Утверждать такое не стану. Стоит, конечно, объехать подальше и сам гейзер, и места, где земная кора так тонка, что может провалиться под нашими ногами. От Боттелерс-рэндж дорога ведет в речную долину, мимо потухших вулканов. Через четыре-пять часов появится нижний каньон длиной в полмили и врезавшийся в гранит на глубину добрых тысячи

футов. Еще через пять часов можно достичь отвесной, почти в три тысячи футов высотой скалы. Ее называют Скользящая Дорога Дьявола. Три часа спустя появится устье реки Гардинер, вверх по которому придется следовать дальше, поскольку прямого пути к реке Йеллоустоун там нет. Потом придется скакать к горам Уошберн, вдоль Каскад-Крика, который и выведет к Йеллоустоуну. Каскад-Крик выходит между верхними и нижними порогами реки, а это значит, что оказываешься на краю Большого каньона — величайшего чуда Йеллоустоунского бассейна.

— Сэр, вы знаете это чудо? — удивился Толстяк Джемми.

Олд Шеттерхэнд бросил на него многозначительный взгляд, потом ответил:

— Да. Он длиной более семи немецких миль и много тысяч футов глубиной. Стены его уходят вниз почти отвесно, и только напрочь лишенный боязни высоты человек рискнет подползти к краю, чтобы заглянуть в эту жуткую бездну, в которой река в две сотни футов шириной кажется тонкой нитью. Эта «нить» бушует внизу крепко, с бешеной скоростью проносясь мимо массивных каменных стен, но наверху о ее ярости никто не знает, потому что не слышит шума. Ни одному смертному не спуститься вниз, а даже если он смог бы, ему не выдержать там и четверти часа — не хватит воздуха. Вода реки теплая, маслянистая, имеет омерзительный вкус серы и квасцов и источает такую вонь, вынести которую, находясь рядом, просто невозможно. Идя вверх по каньону, сначала можно достичь нижних порогов реки, с которых она низвергается вниз с высоты четырех сотен футов. Через четверть часа поток снова стремглав устремляется вниз с более чем стофутовой высоты; чтобы от тех верхних порогов добраться до нашей цели верхом, понадобится около девяти часов пути. Стало быть, от Боттелерс-рэндж вся дорога займет добрых два дня езды, на которые мы как раз и обгоняем сиу-огаллала. Точно рассчитать, конечно, трудно, но часом больше, часом меньше — не имеет значения. Нам достаточно знать, что наших врагов здесь пока нет.

— А где они будут находиться завтра в это время, сэр? — снова спросил Мартин Бауман.

— У верхнего выхода из каньона. А зачем вам знать это так точно?

— Прямых причин для этого у меня нет, но вы можете представить, как я тревожусь за отца и мысленно сопровождаю его повсюду. Кто знает, жив ли он еще?

— Жив. Я убежден в этом.

— Сиу могли его убить!

— Вам не стоит травить себя этими опасениями, огаллала хотят

привезти своих пленников к могиле вождя; они так и сделают, можете не сомневаться. Чем позже будут убиты несчастные, тем дольше продлятся их муки, а поэтому сиу в голову не придет ускорить смерть своим пленникам. Я очень хорошо знаю этих краснокожих парней, и, если говорю, что ваш отец жив, вы можете мне поверить.

Олд Шеттерхэнд лег, завернулся в одеяло и сделал вид, что хочет заснуть. Но из-под неплотно прикрытых век он наблюдал за шепчущимися Мартином Бауманом, Толстяком Джемми и Хромым Фрэнком.

Через некоторое время Толстяк поднялся и демонстративно медленно и непринужденно, как бы гуляючи, направился туда, где паслись лошади. Тотчас поднялся и Олд Шеттерхэнд, тихо последовав за ним. Он видел, как Джемми привязал к колышку своего коня, который прежде был лишь стреножен, и быстро подошел к нему.

— Мастер Джемми, чем провинилась ваша кобыла, что оказалась в неволе? — спросил Шеттерхэнд Толстяка.

Бывший гимназист в страхе обернулся, едва не вздрогнув.

— Ах, это вы, сэр! Я полагал, что вы спите.

— А я до сего момента считал вас парнем честным!

— Тысяча чертей! И вы думаете, что это ошибка?

— Почти так!

— Но почему?

— А с чего это вы так напугались, когда я появился?

— Любой вздрогнет, когда среди ночи с ним неожиданно заговорят.

— Ну, тогда он скверный вестмен. Настоящий охотник и ухом не поведет, даже если над его головой вдруг шарахнут из дробовика.

— Да, особенно если при этом пуля пройдет чуть пониже скальпа.

— Па! Вы ведь хорошо знаете, что здесь нет никаких врагов. И все же почему-то тайком привязываете к колышку вашу лошадь.

Толстяк попытался скрыть свое смущение за гневным тоном:

— Сэр, я вас не понимаю! Разве я не могу творить с моей клячей все, что хочу?

— Можете, но не так скрытно!

— О тайне и речи нет. Среди лошадей апсарока есть несколько забияк. Моя кобыла уже была ранена ими. Чтобы этого не произошло еще раз, я привязал ее к колышку; пусть отдохнет без этой норовистой компании. Если это и грех, то, надеюсь, его можно замолить.

Он отвернулся, чтобы направиться к лагерю, но Олд Шеттерхэнд положил ему на плечо руку и произнес:

— Оставайтесь еще на миг, мастер Джемми. Не в моих намерениях

задевать ваше самолюбие, но у меня есть повод предупредить вас. Заметьте, я делаю это с глазу на глаз, а следовательно, высоко ценю вашу репутацию.

Джемми надвинул шляпу на глаза, поскреб за ухом, как имел обыкновение делать его друг Дэви, когда находился в затруднении, и ответил:

— Сэр, если бы мне это сказал кто-либо другой, я бы слегка прошелся кулаком по его физиономии, от вас же предостережение я, так и быть, приму. Итак, если уж вы зарядили, то жмите на курок, черт побери!

— Прекрасно! Что у вас за секреты с сыном Охотника на медведей?

Возникла маленькая заминка, прежде чем Джемми ответил:

— Секреты? У меня с ним? Эти секреты так секретны, что я о них и слыхом не слыхивал.

— Но вы все время перешептываетесь друг с другом!

— Он просто хочет поупражняться в немецком.

— Но ведь то же самое можно делать и при всех. Я заметил, что он в последнее время гораздо сильнее, чем раньше, озабочен судьбой отца. Он думает, что его убили огаллала, и я напрасно старался разубедить его. Вы ведь только что слышали, как он снова принялся за старое. Боюсь, что парень вынашивает мысли, которые сделают честь его сыновней любви, но никак не рассудку. Может, вы знаете что-нибудь об этом?

— Хм! Он вам что-то говорил, сэр?

— Нет.

— Странно, вам он доверяет все же больше, чем мне. А если он молчит с вами, то со мной не скажет ни гугу.

— Сдается мне, вы пытаетесь уйти от прямого ответа.

— И не собирался!

— Со вчерашнего дня он избегает и меня и Виннету, а вы все время скачете с ним рядом. Поэтому мне казалось, что он испытывает к вам доверие.

— Скажу вам только одно: на этот раз вы ошибаетесь, хоть человек вы, надо признать, весьма проницательный.

— Так значит, он не говорил вам ничего такого о своих намерениях, которые бы я не одобрил? — внимательно глядя в глаза Толстяку, спросил Шеттерхэнд.

— Черт возьми! Вы устраиваете мне самый настоящий экзамен. Учтите, сэр, я же не школяр! Если мне кто и поведаст что-то о своих семейных обстоятельствах или интимных делах, я же не трепач какой-то, чтобы болтать об этом с кем попало!

— Хорошо, мастер Джемми! То, что вы сейчас сказали, хотя и грубо, но, в общем-то, справедливо. Я, стало быть, больше не стану лезть к вам в душу и буду вести себя так, будто ничего не заметил. Но, если, несмотря на это, что-нибудь все же случится, я не буду нести за это никакой ответственности.

Охотник отвернулся и направился не к лагерю, а в противоположную от него сторону. Он был не на шутку сердит на Джемми и хотел как-то успокоиться, а лучшее средство для этого, которое он знал, — прогулка.

Толстяк медленно поплелся к огню, при этом в его голове теснились противоречивые мысли: «Чертовски острый глаз у этого парня! Кто бы мог подумать, что он что-то заметит! Он прав, совершенно прав, и я сам хотел бы, даже мог бы ему все сказать! Если бы не данное слово, которое не могу нарушить! Лучше бы мне совсем не встречать в эту канитель. Но маленький Охотник на медведей сумел обратиться ко мне так, что у меня, старого и толстого енота, сердце разминулось с разумом... А, да ничего! Все обойдется!»

Как только Олд Шеттерхэнд отошел от костра, там завязался тихий разговор.

— Вот те раз! — шепнул Длинный Дэви сыну Охотника на медведей. — Шеттерхэнд ушел! Но куда?

— Кто знает!

— Мне кажется, он вовсе и не спал. Когда встаешь так резко, не сразу отходишь ото сна. А он заторопился, словно и не лежал. Пожалуй, он наблюдал за нами.

— Зачем ему это? Мы не давали никакого повода для недоверия.

— Хм! Я, конечно, нет, но вы... Я бы поостерегся так часто говорить с вами, если бы знал, что он может это заметить. Джемми постоянно был рядом с вами, и нетрудно догадаться, что у вас с ним какие-то секреты. Это-то и бросилось в глаза Олд Шеттерхэнду. Теперь, отправившись за Джемми, он увидит, как тот привязывает к кольям наших лошадей, и догадается, что мы надумали улизнуть. Если он и в самом деле это заметит, ваш план почти провален!

— Я все равно не отступлюсь от него.

— Я предупреждал вас, что это не слишком-то по-джентльменски, и предупреждаю еще раз!

— Посудите сами, мой дорогой Дэви, разве я могу ждать целых три дня?! Да я умру от волнения!

— Но ведь Олд Шеттерхэнд сказал же, что пленники живы.

— Он мог ошибиться.

— Тогда мы все равно не сможем ничего изменить.

— Но я должен убедиться во всем сам! Неужели вы хотите, чтобы я вернул назад вам ваше слово?

— Возможно, для меня это было бы лучшим...

— И это говорите вы: вы, кому я так доверял! — воскликнул Мартин разочарованно. — Вы забыли, что вы и Джемми были первыми, кто предложил свою руку?! И вот теперь я больше не могу на вас полагаться!

— Zounds! Таких укоров в свой адрес я не переношу! Вы мне симпатичны, поэтому я дал обещание помогать вам, а мое слово — кремень, это все знают. Ладно, я еду с вами, но при одном условии!

— Каком?

— Мы только разведаем, жив ли ваш отец, и сразу назад.

— Хорошо, согласен.

— Мы и пытаться не станем освободить его собственными силами.

— Полностью согласен.

— Прекрасно! Могу представить себе, что у вас сейчас на сердце. Вы испытываете тревогу за жизнь вашего отца, а это так трогает мою старую, добрую душу! Я не могу не проводить вас. Как только мы убедимся, что он еще жив, вернемся и поедem за остальными. Только не вздумайте брать с собой Хромого Фрэнка!

— Но он заслуживает того, чтобы я считался с ним!

— Думаю, что сегодня он нам скорее помешает, чем поможет.

— О, вы ошибаетесь в нем. Несмотря на все свои странности, он парень мужественный и ловкий.

— Может быть, но ему вечно не везет. Что, по его мнению, удастся ему лучше всего — на самом деле хуже всего и получается! Такие несчастные пташки — очень добрые создания, но в серьезных делах полагаться на них не следует.

— Я уже обещал помощь ему, и не могу взять назад свое слово. Он разделял с нами все горести и радости, и если я возьму его с собой, то это будет ему наградой.

— А Вокаде? Он тоже едет с вами?

— Да. Мы так крепко сдружились, что просто невысказанно оставлять его здесь.

— Тогда, стало быть, речь идет только о том, чтобы улизнуть незаметно. Конечно, завтра после нашего исчезновения поднимется переполох, но, я думаю, негр выполнит свое поручение. Смотрите-ка, вот идет Джемми!

Толстяк подошел, едва сдерживая раздражение, сел рядом с ним.

— Олд Шеттерхэнд не доверяет тебе? — спросил Дэви, первым рискнувший задать вопрос.

— Да. Он считает меня мошенником, — недовольно буркнул его друг.

— Ты в чем-нибудь сознался?

— Нет, хотя меня всего чуть не скривило. Я даже начал грубить. Ему это не понравилось, и он ушел.

— А он видел, что ты привязал к кольям наших лошадей?

— Я проделал это лишь со своей. К счастью, он слишком быстро появился там, так что видел только один колышек. Давайте сейчас лучше помолчим, чтобы погасить его недоверие. Вон уже и луна выходит. Нам нужно потушить огонь и лечь под деревьями. Там глубже тень, и наше исчезновение заметят не сразу.

— Хорошо, что луна светит — хоть дорожку разберем.

— Шеттерхэнд ясно показал нам, что ехать надо все время вниз по реке. С одной стороны, мне не по душе, что мы вынуждены обманывать товарищей, но с другой — это же не пойдет им во вред! Раньше мы хоть иногда вставляли слово; теперь же Олд Шеттерхэнд и Виннету стали полностью хозяевами положения! Мнением Джемми и Дэви интересуются лишь для проформы. Вот и настала пора показать им, что мы тоже из вестменов, которые не только могут набросать план, но и выполнить его. А теперь тихо. Долго ждать, я думаю, не придется.

Огонь был потушен; пламя, у которого сидели индейцы, тоже скоро погасло. Смолкли и разговоры. Вернувшись, Олд Шеттерхэнд сразу улегся рядом с Виннету. Все стихло, и лишь пронзительный свист валящего из недр Земли пара раздавался через определенные промежутки времени.

Прошло больше часа, и вот под деревьями, где легли Фрэнк, Джемми, Дэви, Мартин и Вокаде, наметилось какое-то движение.

— Пусть мои братья следуют за мной, — шепнул юный индеец. — Пора! Кто раньше уходит, тот раньше приходит к цели.

Взяв свое оружие и другие вещи, они тихо прокрались под прикрытием деревьев к стоянке лошадей. Джемми легко отыскал свою клячу; остальным пришлось потрудиться для этого, но острые глаза Вокаде быстро помогли отличить четырех животных от всех остальных.

Без легкого шума, конечно, дело не обошлось. А потому все пятеро, собрав своих животных, на некоторое время затаились, прислушиваясь к тому, что происходит в лагере.

Но там все было спокойно, и они медленно повели вперед лошадей, стук копыт которых приглушала трава.

Разумеется, совсем незамеченным их побег не остался. Хотя

поблизости никакого врага и в помине быть не могло, все же несколько часовых охраняли лагерь. Ночью это было необходимо еще и потому, что лес кишел дикими зверями. Беглецы приблизились к одному такому посту.

Там стоял шошон. Он услышал шум, говорящий о том, что приближаются люди, но, зная, что из лагеря могли выходить только свои, шума поднимать не стал. Однако то обстоятельство, что кто-то собрался в путь ночью, весьма удивило его.

— Что намерены делать мои братья? — спросил воин.

— Взгляни на меня! Узнаешь? — отозвался Джемми, подходя ближе так, что его трудно было не заметить.

— Да. Ты — Джемми-петаче.

— Говори тише, чтобы никто не проснулся. Олд Шеттерхэнд выслал нас. Он знает, куда мы едем. Тебе этого достаточно?

— Мои белые братья — наши друзья. Я не смогу препятствовать выполнению приказа великого охотника.

Они двинулись дальше. Когда беглецы настолько удалились от лагеря, что никаких звуков копыт никто бы не услышал, они сели в седла, окинули взором освещенные луной окрестности озера и погнали лошадей рысью вдоль него, чтобы достичь истока Йеллоустоун-ривер и дальше по реке следовать в северном направлении.

Шошон, видевший, как они уезжали, посчитал происшедшее обычным делом, и даже не потрудился сообщить об этом сменившему его часовому. Таким образом, уход пятерых отважных или, скорее, легкомысленных людей остался незамеченным вплоть до рассвета.

Отправляться в путь нужно было в ранний час, а потому уже с первыми птичьими голосами все в лагере были на ногах. Только тут Олд Шеттерхэнд заметил, что Мартина нет на месте. Вспомнив о своих вчерашних подозрениях, он стал искать Джемми, и вскоре выяснил, что отсутствовали не только эти двое, но также Дэви, Фрэнк и Вокаде. Лошадей их тоже не нашли. Все стало ясно...

Лишь теперь стоявший ночью на посту шошон сообщил о том, что случилось, и какое объяснение ему дал Джемми.

Виннету был рядом и на этот раз, несмотря на свою известную проницательность, никак не мог взять в толк, почему эти пятеро так вдруг таинственно исчезли.

— Они пошли навстречу сиу-огаллала, — пояснил Олд Шеттерхэнд.

— Тогда, значит, они потеряли разум! — заключил апач. — Они не только не избежат опасности, навстречу которой спешат, но и выдадут наше присутствие здесь. Зачем им понадобилось встречаться с сиу?

— Чтобы узнать, жив ли еще Охотник на медведей.

— Если он мертв, им все равно не воскресить его, а если жив, они принесут ему несчастье. Виннету может простить такую ошибку двум нетерпеливым мальчикам; но ведь и троих старых охотников выставят к столбам пыток на посмешище скво и детям!

Тут подошел Боб. Запах скунса еще не совсем сошел с его тела, так что никто не подпускал его близко к себе. Он до сих пор носил на себе старое одеяло, которое подарил ему Длинный Дэви, а по ночам, если становилось холодно, заворачивался в шкуру убитого Мартином медведя.

— Масса Шеттерхэнд искать масса Мартин? — спросил Боб.

— Да. Ты хочешь сообщить мне какую-то новость?

— О, массер Боб быть очень умный массер. Он знать, где быть масса Мартин.

— Ну и где?

— Уходить к сиу-огаллала, чтобы видеть пленного масса Бауман. Масса Мартин все сказать массер Боб, чтобы массер Боб потом передать масса Шеттерхэнд.

— Стало быть, дело обстоит так, как я и думал! — заключил охотник. — Когда они вернутся?

— Когда они увидеть масса Бауман, а потом приходите к нам, к реке Огненной Дыры.

— У тебя есть еще какое-то поручение от него?

— Нет. Массер Боб больше ничего не знать.

— Твой добрый масса Мартин сделал большую глупость, и я думаю, он может крепко поплатиться за это.

— Что! Масса Мартин поплатиться? Тогда массер Боб сейчас садиться на лошадь, чтобы скакать за ним и спасать!

Он в самом деле хотел поспешить к коням.

— Стой! — приказал ему Олд Шеттерхэнд. — Остановись! Не сотвори очередную глупость, которая будет еще больше, чем предыдущая.

— Массер Боб должен спасти масса Мартин! — воскликнул черный. — Массер Боб убить всех сиу-огаллала!

Он с угрозой вытянул огромные кулачищи и скорчил мину, будто немедленно собирался проглотить с десяток врагов.

— Ну хорошо, я попытаюсь помочь. Готовься, через несколько минут поскачешь с нами!

А обратившись к Виннету, рядом с которым теперь стояли вождь апсарока и вождь шошонов с Мох-авом, его сыном, охотник сказал:

— Мой брат поедет дальше и будет ждать меня у Кун-туи-темба, Пасти

Ада. С ним поедут пятнадцать воинов апсарока, вождь шошонов, Мох-ав и пятнадцать его воинов. Нам нужно немедленно отправиться за этими пятью слишком любопытными и спасти их, если они в опасности. Когда именно мы выступим вслед за вождем апачей, я пока не знаю. Я не могу также заранее определить, с какой стороны подойду к Пасти Ада. Пусть мой брат выставит людей с двух сторон; они должны быть внимательны, ибо сиу, возможно, будут У могилы вождя раньше, чем я с моими воинами.

Через несколько минут Олд Шеттерхэнд со своими спутниками промчался галопом в том направлении, в котором накануне вечером пятеро беспечных смельчаков покинули лагерь. Где, когда и при каких обстоятельствах он нагонит их — кто знает!

Они, естественно, значительно опережали его. Хотя ночь и то, что они не знали местность, сильно задержали беглецов, все же на рассвете озеро Йеллоустоун осталось для них далеко позади, и они могли уже пустить лошадей галопом.

Сегодня Джемми и Дэви чувствовали себя в родной стихии. На них полностью полагались трое других, хотя еще совсем недавно их мнением интересовались весьма редко. И хотя они не знали мест, по которым проезжали, полагаясь на собственный опыт и ловкость, были уверены, что их вылазка закончится удачно.

Когда рассвело, видимость стала хорошей, можно сказать, более чем достаточной. Окрестности реки и ее берега поражали настолько, что никому из всадников не удалось удержать сорвавшегося с губ возгласа удивления.

Поначалу долина реки была широкой и ландшафт не был однозначным. Возвышенности то полого спускались к берегу, то обрывались, то круто вздымались ввысь, и все это казалось следствием каких-то хаотичных действующих сил. Впрочем, так оно и было, это действовали подземные силы.

Кто знает, сколько веков назад этот горный район превратился в озеро площадью в несколько тысяч квадратных километров и когда под его водами начали действовать вулканические силы. В те далекие времена земля поддалась этим силам, поднялась, дала трещины, и из этих трещин вырвалась наружу раскаленная лава, застывшая позже в студеной воде озера и превратившаяся в базальт. А потом открылись чудовищные кратеры, горячая горная порода была выброшена из них; она смешалась с другими минералами, дав разнообразные конгломераты и образовав поверхность, на которой смог отлагаться конденсат многочисленных горячих минеральных источников. Затем накопившиеся подземные газы с

неизмеримой силой подняли все дно озера, изгнав воду прочь. Уходя, она прорезала в земле канавы и трещины, смыв напрочь шаткий грунт и мягкую породу. Тепло и холод, бури и дожди помогли разрушить и стереть с лица земли все, что не сопротивлялось стихии, оставив лишь столбы вулканической лавы, выдержавшие буйство стихии.

Таким образом, вода прошла на глубину более тысячи футов, разъедая мягкие породы, вымывая скалы все глубже и глубже, образовав, в конце концов, грандиозный каньон с величественными водопадами — чудо Национального парка.

Постепенно вулканические берега, многократно изрезанные и испещренные расщелинами и омытые дождями, становились выше и круче, образуя формы, которые не способна вообразить никакая, самая изощренная, фантазия. Все, кто смотрит на эти скалистые берега, полагают перед собой развалины старого рыцарского замка. Можно даже различить пустые оконные отверстия, сторожевую башню и перекинутый через ров подъемный мост. Неподалеку от него возвышается стройный минарет. Кажется, вот-вот выйдет на балкон муэдзин¹⁴³ и станет призывать верующих к молитве. Напротив открывается римский амфитеатр, где когда-то рабы-гладиаторы сражались с дикими зверями. Рядом смело и свободно устремляется ввысь китайская пагода¹⁴⁴, а дальше у реки высится фигура зверя в сотню футов высотой, такая массивная, кажущаяся такой незыблемой, словно была сооружена давным-давно каким-нибудь допотопным народом и служила ему идолом.

И все это лишь фокусы и шутки матушки-природы! Извержения вулканов давали массы, из которых вода сама вырезала и лепила фигуры. Кто впервые видит этот продукт стихии, чувствует себя, как червь в пыли, преклоняясь перед силами природы и напрочь забывая о гордости, которая прежде царила в его душе.

Именно это произошло с Джемми, Дэви и Мартином Бауманом, когда они утром двигались по руслу реки. Они не переставали удивляться. Что чувствовал и думал Вокаде, узнать было трудно — он молчал.

Разумеется, добряк Хромой Фрэнк воспользовался случаем, чтобы зажечь свое научное светило; но сегодня он не нашел в Толстяке Джемми благодарного слушателя, ибо тот был поглощен наблюдением и, в конце концов, довольно грозным тоном призвал маленького саксонца к молчанию.

— Ну, тогда ладно! — ответил бывший «слуга леса». — Какой прок человечеству от лицемерия этого чуда, если оно, человечество,

отказывается выслушать какие бы то ни было объяснения! Великий поэт Геллерт¹⁴⁵ совершенно прав, говоря: «Какой прок корове от мушкета!» Вот и я, стало быть, хочу оставить мой мушкет при себе. Да хоть гимназию окончи, все равно так ни черта и не поймешь в Йеллоустоуне. Но с сего момента я знаю, по крайней мере, как мне быть!

К чему относились его последние слова, никто так и не понял.

Там, где река делала широкую дугу на запад, появлялись бесчисленные горячие ключи, позже собиравшие свои воды в небольшую, но довольно полноводную речушку, впадающую меж высоких скал в Йеллоустоун. Пятеро беглецов вынуждены были свернуть налево и двигаться вдоль русла этой речушки.

Здесь не росло ни деревца, ни кустика — вся растительность словно вымерла. Горячая жидкая и очень грязная с виду вода реки воняла тухлым яйцом. Такое едва ли выдержишь! Запах преследовал беглецов несколько часов, пока они не поднялись в горы. Здесь появилась, наконец, чистая и свежая вода, позже показались кусты, а еще некоторое время спустя — деревья.

О нормальной дороге не было, конечно, и речи. Лошадям пришлось весьма потрудиться, подолгу преодолевая участки, усеянные скальными обломками. Местами казалось, будто именно в этом месте с небес обрушилась огромная гора и разбилась вдребезги на миллионы кусков.

Эти развалины частенько принимали причудливые формы, и пятеро восхищенных всадников не один раз останавливались, чтобы обменяться мнениями на этот счет. Был уже полдень, когда они преодолели лишь половину пути.

Внезапно они заметили вдали огромный дом. Казалось, что это вилла, выстроенная в итальянском стиле и утопающая в благоухающем саду, окруженном высокой стеной. Пораженные, они снова остановились.

— Жилой дом здесь, на Йеллоустоуне! Да быть не может! — воскликнул Джемми.

— Почему же не может? — удивился Фрэнк. — Если на Санкт-Бернхардте есть хостис, то, возможно, и здесь его могли построить. Человеческие возможности безграничны!

— Хоспис¹⁴⁶, вы хотели сказать, — не преминул заметить Джемми.

— Опять вы за свое! Если прежде вы не хотели получить пользу от моих минеральных знаний, то и сейчас вам незачем вытаскивать на свет божий вашу сомнительную мудрость! Вы хоть раз бывали на Санкт-Бернхардте?

— Нет.

— Тогда и умолкните тишайшим образом! Только тот, кто живет там, может говорить об этом. Но все внимание на дом! Не человек ли стоит там, у ворот?

— Как пить дать — человек! По крайней мере, мне так кажется. А теперь он исчез. Пожалуй, это всего лишь тень.

— Что? Тут вы снова вконец осрамитесь с вашими оптическими опытами. Где есть человеческая тень, там, безусловно, имеется и сам человек, который эту тень отбросил. Это же известная теорема Пифагора¹⁴⁷ о гипотенузе на двух кафедрах. И если тень пропала, то исчезло либо солнце, либо тот, кто ее отбрасывал! Солнце еще там, следовательно, испарился сам этот малый, отбрасывающий тень. А куда — это нам предстоит выяснить!

Они подошли поближе к «дому» и увидели, что все, представшее их глазам, — вовсе не человеческое творение, а очередное чудо природы. То, что издали казалось стенами дома, на самом деле было стенами из полевого шпата ослепительной белизны. Множество отверстий в этих стенах издали казались окнами. Нашелся и широкий, высокий дверной проем. А, заглянув внутрь, можно увидеть некое подобие широкого двора, разделенного естественными скальными кулисами на лабиринт из коридоров различной ширины и длины. В центре этого «двора» из самой земли вверх бил ключом источник, чистая холодная вода которого стекала ко входу.

— Удивительно! — не скрывал своего восхищения Джемми. — Это место великолепно подходит для обеденного привала. Заглянем внутрь?

— Пожалуй, — ответил Фрэнк. — Но пока мы не знаем, хорош ли тот человек, что живет внутри.

— Хау! Нам показалось — людей здесь нет и никогда не было! Но лучше, конечно, на всякий случай, произвести небольшую разведку.

Толстяк, держа ружье наготове, медленно проехал вход в скальную постройку и осмотрелся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он повернулся и махнул рукой:

— Сюда! Здесь ни души.

— Надеюсь, — пробормотал Фрэнк, погоняя лошадь. — Я вовсе не хотел бы иметь дело с душами усопших.

Дэви, Мартин и Фрэнк последовали приглашению Толстяка. Но Вокаде остался ждать настороже снаружи.

— Почему мой брат не едет с нами? — спросил сын Охотника на медведей.

Индеец задумчиво втянул в себя воздух и ответил:

— Разве мои братья не заметили, что здесь пахнет лошадьми?

— Естественно. Разве наши лошади должны пахнуть как-то по-другому?

— Запах шел изнутри, когда мы только что подъехали.

— Но здесь не видно ни человека, ни зверя, ни их следов.

— Только потому, что земля здесь из твердого камня. Пусть мои братья будут осторожны!

— Нет никаких причин для каких-либо опасений, — уверил Джемми. — Идемте, надо осмотреть, что там сзади.

Вместо того, чтобы дать войти внутрь и осмотреть весь «двор» сначала одному, оставив себе на всякий случай путь к отступлению, они все вместе последовали за Толстяком к самому дальнему скальному отделению.

Вдруг раздался такой вой, что, казалось, затряслась земля. Множество индейских воинов выскочило откуда-то из глубины «двора», и вмиг четверо неосторожных смельчаков оказались в окружении.

Краснокожие были пешими, но очень хорошо вооружены. Один из них — длинный, сухопарый малый, судя по роскошному головному убору, вождь, крикнул белым на ломаном английском:

— Сдавайтесь, иначе мы заберем ваши скальпы!

Индейцев было, по меньшей мере, человек пятьдесят. Любое сопротивление было бесполезно.

— Тысяча чертей! — выругался Джемми на родном языке. — Попали прямо в лапы к сиу, тем самым, за которыми мы сами хотели следить. Ладно, еще посмотрим, кто кого. Может, хитростью чего-нибудь добьемся.

И, обратившись к вождю, он продолжил, но уже на английском:

— Сдаться? Но мы ничего не сделали нашим краснокожим братьям. Мы друзья красных людей.

— Сиу-огаллала направили свой топор против бледнолицых, — ответил вождь. — Слезайте с коней и складывайте оружие! Поторапливайтесь! Мы не станем ждать!

Пятьдесят пар глаз сурово уставились на белых, и столько же цвета ржавчины рук схватились за торчавшие из-за пояса рукояти ножей. Олд Шеттерхэнд и Виннету, пожалуй, не сдались бы, но в лапах краснокожих оказались не они. Длинный Дэви был первым, кто спустился со своего мула.

— Сделаем, как он хочет, — обратился он к своим спутникам. — Нам нужно выиграть время. Наши обязательно освободят нас.

Остальные также спешили и молча отдали свое оружие. При этом

Хромой Фрэнк воспользовался моментом и ткнул Толстяка в бок, грозно пробормотав:

— Так всегда случается с теми, кто не научился в гимназии правильно писать слово «хостис»! Зачем вы забрались сюда, если у вас глаза не на месте! Теперь эти каналы устроят нам параболу!

Тут он сам получил гораздо более грубый тычок в ребра от одного из индейцев. Краснокожий приставил к его горлу нож и приказал на английском:

— Молчи! А то!..

Он сделал движение, будто хотел уколоть белого коротышку. Фрэнк тотчас приложил руку ко рту в знак того, что не имеет ни малейшего желания нарушать этот запрет.

Вокаде, как вы помните, не поехал вместе со всеми. Находясь перед «домом», он видел, как были окружены его товарищи, и сразу же вместе с конем отскочил в сторону. Его не заметили, и он спрыгнул на землю, лег за камни и высунул голову из укрытия ровно настолько, чтобы можно было осмотреть «двор».

То, что он увидел, — ошеломило юношу. Вождя он узнал сразу. Это был Хонг-пе-те-ке, Тяжелый Мокасин — предводитель огаллала. Узнал Вокаде и остальных. Это были те самые пятьдесят шесть сиу, к которым он принадлежал и от которых недавно сбежал. Белый, попавший им в руки здесь, вблизи могилы вождя, несомненно, мог прощаться с жизнью; теперь только чудо могло спасти ему жизнь.

Что теперь делать? — задал себе вопрос отважный Вокаде. Быстро скакать назад, к озеру, за Олд Шеттерхэндом и его людьми? И тут ему в голову пришла гораздо более интересная мысль, хотя и достаточно безрассудная. Главное, что она давала маленькую надежду на спасение его друзей. Вокаде решил въехать во «двор» — он должен был обмануть бывших своих соплеменников. Если бы белые без слов смогли понять его намерения и если бы они в соответствии с этим давали свои показания, можно было бы попробовать спасти положение.

Он раздумывал недолго. То, что он собирался сделать, было самым настоящим подвигом, а какой же храбрец откажется от подвига. Интересно, что сказали бы Виннету и Олд Шеттерхэнд, его кумиры, если бы видели это? Наверное, похвалили бы...

И он вскочил на коня и въехал во двор, придав своему лицу настолько невинное выражение, на какое только был способен.

Как раз в этот момент пленников должны были связать. Пара скачков его жеребца, и он остановился перед ними.

— Уфф! — прокричал Вокаде. — С каких это пор воины сиу-огаллала вяжут веревками своих лучших друзей? Эти бледнолицыцы — братья Вокаде!

Его внезапное появление вызвало всеобщее удивление, которое выразилось в нескольких коротких, не очень громких выкриках. Тяжелый Мокасин сурово сдвинул брови, смерил юного воина с головы до ног недоверчивым взглядом и ответил:

— С каких это пор белые собаки стали братьями огаллала?

— С того момента, когда спасли жизнь Вокаде!

Вождь испытующе сверлил юношу взглядом своих раскосых глаз. Затем спросил:

— Где Вокаде был до сих пор? Почему он не вернулся в назначенный срок, после того, как был послан следить за воинами шошонов?

— Потому что попал в плен к собакам-шошоном! Эти четверо бледнолицыц сражались за него и спасли ему жизнь. Они показали ему путь, который легко и быстро ведет к Йеллоустоуну, и теперь пришли вместе с ним выкурить трубку мира с Тяжелым Мокасином.

Губы вождя дрогнули в насмешке.

— Слезай с коня и иди к своим белым братьям! — приказал он. — Ты наш пленник, как и они.

Но храбрый индейский юноша изобразил, что безмерно удивлен:

— Вокаде — пленник собственного племени? Кто дает право Тяжелому Мокасину лишать свободы его воина?

— Он берет это право сам. Он предводитель боевого отряда и может делать, что хочет.

Тут Вокаде резко рванул на себя поводья коня, ткнул его в бока пятками и заставил животное развернуться на задних ногах. Конь вскинул передние копыта, вынудив тех сиу-огаллала, что слишком близко подошли к нему, отпрянуть назад. Образовалось пустое пространство. В ту же секунду он бросил поводья на шею коня, свободной левой рукой подхватил свое ружье и сказал:

— С каких это пор вожди сиу-огаллала имеют право делать все, что им хочется? Зачем тогда существует совет старейшин? Кто дает вождям их власть? Кто рискнет вынудить храброго воина огаллала подчиниться вождю, который обращается с сыновьями его племени, как с собаками? Вокаде молод, а в его племени есть храбрые, мудрые и знаменитые воины, но он убил белого бизона и носит орлиные перья. Он не раб! Он не позволит пленить себя, а кто оскорбит его — будет бороться с ним!

Это были слова храбреца, и они упали на благодатную почву. Вожди

индейцев обладают отнюдь не безграничной властью. У них нет полномочий даже европейского князя. Они не могут издавать никаких законов и распоряжений, влияющих на обычаи и уклад племени. Они избираются из воинов, как лучшие из лучших, но никого нельзя заставить подчиниться им, если они теряют уважение. И даже если вождь считает нужным начать военный поход, воины его племени следуют за ним не по приказу, а исключительно по собственной воле. Каждый, кому захочется, может остаться дома, чем, впрочем, вызовет недовольство остальных, но в принципе может. И во время военного похода любой воин тоже всегда вправе вернуться в свой вигвам. Влияние и сила вождя держатся целиком на впечатлении, которое он производит, только на его личном авторитете.

Тяжелый Мокасин, прозванный так из-за своих огромных ступней, оставляющих на земле большие следы, был известен как человек крутой и своенравный. Хотя он и имел большие заслуги перед племенем, его упрямство и заносчивость частенько вредили ему. Он был резок, жесток и кровожаден, и даже в своем племени у него было столько же противников, сколько и друзей.

Все это и дало себя знать. Достаточно много сиу издали возгласы одобрения и согласия, в поддержку юного воина. Вождь бросил на них свирепый взгляд, подал нескольким своим сторонникам знак, чтобы они тотчас поспешили ко входу, завладели им и не дали Вокаде улизнуть, после чего ответил:

— Любой сиу-огаллала — свободный человек. Он может делать все, что ему нравится. Тут Вокаде прав. Но как только воин становится предателем своих братьев, он теряет право на свободу.

— Ты считаешь меня предателем?

— Да.

— Докажи это!

— Я докажу это перед собранием воинов.

— Но я стану перед ним, как свободный человек с оружием в руках и буду защищаться! И если я докажу, что Тяжелый Мокасин оскорбил меня без причины, ему придется бороться со мной.

— Предатель не пойдет на совет с оружием. Вокаде отдаст его. Если он невиновен, то он получит его назад.

— Уфф! Кто отберет его у Вокаде?

Юный воин бросил вокруг дерзкий, полный вызова взгляд. На лицах некоторых воинов он прочитал сочувствие. Но большинство сиу не выражали вообще никаких эмоций.

— Никто не будет отбирать его у тебя, — ответил вождь. — Ты сам

сложишь его. А если не сделаешь этого, получишь пулю.

— В моем ружье две пули!

При этом юноша стукнул рукой по прикладу.

— Вокаде, когда ушел от нас, не владел ружьем. Откуда оно у него? Его подарили ему бледнолицые, а они делают подарки только тогда, когда имеют от этого пользу. Значит, службу им сослужил Вокаде, а не они ему. Вокаде — мандан. Его родила не скво сиу. Кто из присутствующих храбрых воинов скажет за него свое слово, прежде чем он ответит на мое обвинение?

Никто не двинулся. Тяжелый Мокасин бросил на юношу торжествующий взгляд и приказал ему:

— Слезай с коня и отдай свое оружие! Тебе придется защищаться на совете, а потом мы вынесем тебе приговор. Своим упорством ты только усугубляешь свою вину.

Вокаде понял, что должен подчиниться. До сих пор он сопротивлялся, пытаясь перетянуть на свою сторону тех, кто не симпатизировал вождю, но напрасно.

— Если ты думаешь именно так, то я подчинюсь, — сказал он. — Я не лжец. Я могу спокойно ожидать приговора и отдаю себя в ваши руки до решения совета.

Он спешил и сложил свое оружие к ногам вождя. Тот что-то тихо сказал стоящим рядом и тотчас достал ремни, чтобы связать ими Вокаде.

— Уфф! — воскликнул юноша. — Разве я сказал, что позволю сделать и это?

— Так решил я сам, — произнес вождь. — Свяжите его и положите одного, чтобы он не смог говорить с этими бледнолицыми.

Сопротивляться было бесполезно, это только ухудшило бы положение Вокаде, и потому он покорился своей судьбе. Его связали по рукам и ногам, так что он не мог двигаться, после чего положили в угол «двора». Чтобы ему даже не приходила в голову мысль о бегстве, рядом посадили двух сиу.

Между тем один из старых воинов подошел к вождю и обратился к нему:

— Над моей головой пролетело больше зим, чем над твоей, поэтому ты не можешь сердиться, если я спрошу тебя, есть ли у тебя причины считать Вокаде предателем?

— Я отвечу, поскольку ты самый старший из наших воинов, которые сейчас со мной. У меня нет причин, кроме одной: один из этих пленных бледнолицых — тот, что самый юный, — очень похож на Грозу Медведей, который лежит там, у лошадей.

— И это правда?

— Да. Я докажу это.

Он подошел к пленным, которые, то впадая в отчаяние, то загораясь надеждой, наблюдали, как Вокаде безуспешно пытается им помочь.

Хитрый вождь тем временем принял менее суровый вид и произнес:

— Вокаде, прежде чем уйти от нас, совершил поступок, который нам еще следует обсудить. Именно поэтому его на некоторое время пришлось связать. Если окажется, что бледнолицые раньше не знали его, они снова получат свободу. Какие имена носят белые люди?

— Думаешь, сказать? — спросил Дэви у своего толстого друга.

— Да, — ответил Джемми. — Может, они станут относиться к нам хоть немного уважительнее. — И повернувшись к вождю, продолжил: — Меня зовут Джемми-петаче, а этот длинный парень — Дэви-хонске. Ты наверняка уже слышал эти имена.

— Уфф! — прозвучало в кругу сиу.

Вождь с укоризной взглянул на своих воинов. Он тоже был удивлен, что такие известные охотники оказались у него в руках, но и глазом не моргнул.

— Тяжелый Мокасин не знает ваших имен, — ответил он. — А кто эти двое?

С этим вопросом, имея в виду Фрэнка и Мартина, он снова обратился к Джемми, а Дэви за несколько секунд до этого прошептал тому:

— Ради Бога, не называй никаких имен!

— Что сказал этот бледнолицый другому бледнолицему? — насупив грозно брови, спросил вождь. — Пусть ответит тот, кого я спросил!

У Джемми не было времени на раздумья, и он назвал первые пришедшие ему на ум имена, выдав Фрэнка и Мартина за отца и сына.

Взгляд вождя подозрительно метнулся от одного из названных к другому, и улыбка презрения исказила его лисье лицо. Но ответил он достаточно дружелюбно:

— Пусть бледнолицые следуют за мной.

И он направился в конец «двора».

Последний из отсеков на самом дальнем конце «постройки» был самым большим. Там свободно разместились все лошади огаллала. В одном из углов лежали шестеро белых, также связанные по рукам и ногам. Их состояние оказалось весьма плачевным. Остатки одежды висели ключьями, запястья рук были стерты веревками в кровь, лица покрыты грязью, а волосы и бороды находились просто в неопишемом состоянии. Щеки этих людей ввалились, глаза глубоко запали — голод, жажда и другие

лишения, переживания и нервное напряжение делали свое дело даже с самыми мужественными людьми.

Туда и повел вождь новых пленников. Мартин тихо спросил Толстяка:

— Куда он нас ведет? Может, к моему отцу?

— Вероятно. Но ради Бога не показывайте, что вы его знаете, иначе все пропало!

— Вот лежат пленные бледнолицые, — сказал коварный вождь. — Тяжелый Мокасин не очень хорошо понимает их язык, а потому он не знает, кто они. Пусть белые люди подойдут к ним, спросят их об этом, а потом скажут мне.

Он отвел четверых в угол помещения. Джемми, который знал, что Бауман был немцем, а сиу, естественно, не мог понять ни слова по-немецки, быстро вышел вперед и заговорил:

— Надеюсь, среди вас есть Охотник на медведей Бауман. Ради Бога, не показывайте, что вы узнали сына. Он здесь, у меня за спиной. Мы пришли, чтобы спасти вас, но сами очутились в руках у краснокожих, и все же могу вас заверить — очень скоро все мы будем на свободе. Вы назвали этим красным негодяям свое имя?

Бауман не ответил. От неожиданности он просто лишился дара речи. Прошла минута, прежде чем он мог сказать:

— О, мой Бог! Какое блаженство и какое горе! Сиу знают меня, а также имена моих спутников.

— Прекрасно! Надеюсь, нас оставят вместе с вами.

Хотя вождь не понимал ни слова, он весь обратился в слух. Казалось, он по звукам, интонации хотел отгадать смысл сказанного. Острым взглядом смотрел он то на Баумана, то на его сына. Но наблюдения его не возымели успеха. Мартин так владел собой, что лицо его казалось каменным, хотя боль, которую он ощутил, поймав взгляд своего изможденного отца, пронзила все его существо. Но слезы он все же сдержал.

Хромой Фрэнк чуть не совершил оплошность. Ему стало так плохо, что он почувствовал боль в сердце. Саксонец непроизвольно сделал одно движение, словно хотел броситься к Бауману, но Длинный Дэви схватил его за руку и удержал, сопроводив гневным взглядом.

К сожалению, от внимания вождя это не ускользнуло. Он спросил у Джемми:

— Ну, они назвали тебе свои имена?

— Да. Но ты их уже знаешь.

— Я думал, они солгали мне. Ты вместе со своими людьми тоже

останешься здесь!

Наигранное дружелюбие наконец слетело с его лица. Он подал знак вошедшим с ним огаллала, и те в один миг опустошили карманы новых пленников и связали их.

— Замечательно! — пробормотал Джемми, унылым взглядом сопровождая исчезновение содержимого своих карманов. — Остается только удивляться, что они порты с нас не стянули.

Новых пленных положили на землю рядом со старыми. Вождь удалился, оставив нескольких сторожей.

Беглецы перешли на шепот. Мартин лежал рядом с отцом, и они, естественно, не могли не воспользоваться моментом, чтобы обменяться своими чувствами.

Через некоторое время подошел часовой, ко всеобщему удивлению, освободил одному из спутников Баумана ноги от пут и приказал следовать за ним. Но человек идти не мог. Шатаясь, с огромным трудом, он кое-как заковылял рядом с краснокожим.

— Что им от него надо? — спросил Бауман так, чтобы его мог слышать Джемми.

— Его сейчас заставят предать нас, — с уверенностью пояснил тот. — Наше счастье, что я и мои друзья еще ничего не сказали о помощи, которую мы ждем.

— Но вы все же упомянули о чем-то таком.

— Это не опасно. Впрочем, подождем делать выводы, пока не вернется этот человек. Сначала мы должны убедиться в том, что можем ему доверять.

Джемми не ошибся. Пленника привели к вождю, который встретил его мрачным взглядом. Бедняга не смог стоять на ногах и опустился на землю.

— Знаешь ты, какая судьба тебя ждет? — высокомерно спросил его вождь.

— Да, — ответил пленник слабым голосом. — Вы говорили нам об этом достаточно часто.

— Ну так повтори!

— Нас убьют.

— Да, вас ждет смерть, полная мучений смерть! Могилы, на которой вам суждено умереть, — священное для нас место, и поэтому вы испытаете муки, которых еще никогда не терпел ни один бледнолицый! А скажи мне, что ты дал бы, чтобы избавить себя от мучений?

Белый не ответил.

— А если ты сам сможешь спасти свою жизнь? — хитро прищурился

ВОЖДЬ.

— Разве ее можно спасти? — несчастный оживился.

— Да.

— Что я должен сделать для этого? Что ты потребуешь от меня?

Надежда на спасение оживила его ослабевший жизненный дух. Глаза пленника заблестели, а опущенная фигура несколько распрямилась.

— От тебя требуется совсем немного, — ответил вождь. — Ты должен ответить мне на несколько вопросов.

— Охотно! — не скрывая своей радости, воскликнул пленник.

— Предупреждаю: ты должен говорить только правду, иначе умрешь в еще более страшных мучениях! Ты знаешь хижину Грозы Медведей, в которой он жил?

— Да.

— Ты бывал там?

— Да. Мы все пятеро несколько дней жили у него, прежде чем отправились в горы.

— Тогда ты должен знать, кто жил с ним!

— Конечно.

— Скажи.

— У него был сын и... — пленник запнулся. До него вдруг дошло, что сведения, которые требовал вождь, вероятно, имели величайшую важность для судеб тех, о ком шла речь.

— Почему ты замолчал? — сурово спросил Тяжелый Мокасин.

— А зачем ты спрашиваешь меня?

— Пес! — вскричал вождь. — Знаешь, кто ты? Червь, которого я раздавлю! Если ты задашь еще один такой вопрос, я отдам тебя моим воинам, чтобы они сделали из тебя мишень для своих ножей! Я хочу знать то, о чем спрашиваю. Если не скажешь ты, я узнаю это от другого!

В этот момент белый действительно вздрогнул, как собака, которой хозяин показывает кнут. Физически полумертвый и душевно истерзанный, он больше не имел сил для сопротивления. Поэтому отважился лишь на один вопрос:

— А ты подаришь мне жизнь и свободу, если я тебе это скажу?

— Да. Я обещал и сдержу свое слово. Итак, ты готов говорить мне только правду?

— Да! — выдавил из себя ослепленный коварством вождя сломленный человек.

— Так отвечай! У Грозы Медведей есть сын?

— Да. Его зовут Мартин.

— Это тот молодой бледнолицый, который теперь тоже лежит с вами?

— Да, это он.

— Уфф! Глаза Тяжелого Мокасина остры. Ты знаешь и других белых?

— Только одного, который хромает. Он жил у Грозы Медведей, и зовут его Хромой Фрэнк.

Вождь некоторое время задумчиво смотрел перед собой. Потом спросил:

— Все, что ты говоришь, — правда?

— Да, готов поклясться.

— Ну хорошо. Закончим на этом.

Огаллала, который привел белого, получил сигнал. Он взял пленника за руку, чтобы поднять и увести прочь, но тут белый спросил:

— Ты обещал мне жизнь и свободу. Когда я получу их?

Вождь осклабился, как дикий зверь, а его узкие глаза превратились совсем в щели.

— Обещания, которые даются белому псу, сдерживать не нужно, поскольку...

Он осекся, ибо внезапно ему в голову пришла какая-то мысль, что тотчас отразилось на его лице, принявшем совершенно иное, гораздо более дружелюбное выражение. Он заговорил снова:

— Ты сказал мне слишком мало.

— Но я больше ничего не знаю.

— Это ложь!

— Я не могу сказать больше, чем знаю.

— Разговаривали ли бледнолицые, которых привели недавно, с Грозой Медведей?

— Да.

— О чем?

— Я не знаю.

— Ты должен знать, о чем был разговор.

— Нет, они разговаривали на том языке, который я не понимаю, и очень тихо.

— Ты не знаешь, как они встретились с Вокаде?

— Я даже не знаю, кто это.

— Одни ли они в этой местности или поблизости находятся другие бледнолицые?

— Этого я тоже не знаю.

— Так вот, все это хочу знать я, а значит, должен узнать и ты! Расспроси их. Если сможешь все разузнать, я дам тебе свободу. Ты будешь

сопровождать нас на обратном пути, и если мы встретим бледнолицых, то передадим тебя им. Теперь можешь идти. Сегодня вечером, когда мы сделаем привал и все бледнолицые уснут, ты расскажешь мне все, что ты узнал.

Несчастливого снова привели к остальным его товарищам, положили и связали. На душе у него было очень скверно, потому что по натуре он был честным. Задумавшись над поведением вождя, он пришел к выводу, что тот едва ли сдержит слово, и начал осознавать, что позволил обвести себя вокруг пальца. Чем дальше он размышлял, тем больше понимал, что доверять Тяжелому Мокасину нельзя и что его долг рассказать Бауману, о чем он разговаривал с вождем.

Охотник на медведей опередил его:

— Ну, мастер, что это вы словно воды в рот набрали! Мы очень хотели бы знать, чего от вас потребовали. У кого вы были?

— У вождя.

— Так я и думал. Что ему было нужно?

— Признаюсь откровенно, он хотел знать, кто такие Мартин и Фрэнк, а я, по глупости, сказал ему это, поскольку он обещал мне свободу.

— Увы! Это в самом деле была глупость, больше которой вы вряд ли могли совершить! Ну, хорошо, вы сказали, а как обстоит дело со свободой?

— Я получу ее только в том случае, если узнаю, как другие господа встретились с Вокаде и сколько еще белых находится здесь, в этих местах.

— Так! И вы думаете, этот негодяй сдержит обещание?

— Нет. После того, как я пораскинул мозгами, я уверен, что он обманет меня.

— Хоть тут вы не оплошали. Так и быть, за вашу искренность мы простим вам вашу глупость. Впрочем, вам в любом случае не удалось бы подслушать нас. Мы тоже догадались, о чем могла идти речь у вождя, а потому решили помалкивать в вашем присутствии.

— Что мне ответить, если он снова спросит?

— Вы расскажете ему, — вмешался Толстяк Джемми, — что мы спасли Вокаде, когда его взяли в плен шошоны, а потом прискакали с ним сюда, чтобы для надежности проводить к своим. Кроме нас, других белых здесь нет. Впрочем, не только белых, но и краснокожих. Вот и весь ответ, который вы должны ему дать. А если он все же задумает оставить вас в дураках, то постарайтесь не клевать на эту удочку. Скорее мы вас спасем, нежели он.

— Каким образом?

— Об этом пока рано говорить. Если я буду иметь основание доверять

вам побольше, скоро вы узнаете хорошие новости.

И он замолчал, давая понять, что разговор окончен.

Связанные пленники могли лишь перекатываться из стороны в сторону, чем и не преминул воспользоваться Джемми, чтобы подобраться к Бауману поближе. Толстяк теперь лежал справа, а Мартин — слева от Охотника на медведей, и они могли тихо все рассказать последнему.

Между тем вождь позвал лучших своих воинов к себе и велел привести Вокаде. Когда тот появился в отсеке, где находились сиу, те уже сидели полукругом, в центре которого расположился сам вождь. Пленника поставили напротив него. По обе стороны от Вокаде с ножами в руках застыли два стража.

Положение Вокаде было незавидным. И все же он ожидал допроса совершенно спокойно.

После того как присутствующие оглядели юношу мрачными взорами, вождь начал:

— Пусть Вокаде расскажет, что случилось с ним с того момента, когда он покинул нас.

Юноша подчинился. И рассказал, что был замечен шошонами и взят ими в плен, а потом освобожден белыми, которых теперь, в свою очередь, схватили сиу. Он постарался наполнить свою историю правдивыми подробностями, но очень скоро понял, что его соплеменников так просто не проведешь. Когда он закончил, никто не произнес ни слова. Только вождь спросил:

— Кто эти четверо бледнолицых?

Вокаде прежде всего назвал имена Джемми и Дэви и подчеркнул, что для сиу большая честь, что такие знаменитые охотники появились среди них.

— А двое других?

И этот вопрос не смутил Вокаде. Он был готов к нему и назвал имя Фрэнка, а Мартина выдал за его сына. Ни один мускул не дрогнул на лице вождя, когда он спросил:

— Может, Вокаде слышал когда-нибудь, что у Грозы Медведей есть сын, которого зовут Мартин?

— Нет.

— А что у него жил человек, которого называют Хромым Фрэнком?

— Нет.

Вокаде понял, что проиграл. А вождь просто вышел из себя:

— Вокаде — собака, предатель, смердящий койот! Почему он продолжает лгать? Или он думает — мы не знаем, что Хромой Фрэнк и сын

Грозы Медведей у нас в плену? Вокаде привел этих двух и других, чтобы спасти пленных! Теперь ему самому придется разделить их судьбу. Сегодня у лагерного костра собрание обсудит, какой смертью он умрет. А теперь пусть его свяжут так, чтобы ремни вонзились в его плоть.

Юношу увели и в самом деле так крепко связали, что он едва не кричал от боли. Потом же его привязали к коню, пора было отправляться в путь.

То же самое проделали и с остальными пленниками, но Вокаде держали в отдалении от них под охраной двух воинов.

Весьма плачевное это было зрелище: слабый, изможденный Бауман и пять его товарищей по несчастью, как мешки, болтающиеся на лошадях. Если бы их ноги не были связаны, они просто вывалились бы из седел от изнеможения.

Дэви шепнул Джемми несколько сочувствующих слов. Толстяк отозвался:

— Немного терпения, старина! Я не ошибусь, если скажу, что Олд Шеттерхэнд уже где-то рядом. То, что мы безмозглые идиоты, мы сами поняли только что, а он знал это еще до рассвета. Он обязательно пойдет по нашим следам вместе с краснокожими, а уж я позабочусь о том, чтобы он не пропустил ни одного из них.

— Каким образом?

— Смотри сюда! У меня за щекой оторванный от шубы клочок; я вырвал его зубами и растрепал на мелкие клочки. Там, в скальном отсеке, где мы лежали, я уже оставил один такой клочок, а пока мы будем ехать, я выплуну постепенно их все. Они останутся нашими вехами, если, конечно, не поднимется сильный ветер. Так вот, когда Олд Шеттерхэнд зайдет в эту проклятую «постройку», он обнаружит клочок шубы, и, насколько я его знаю, сообразит, что в летний зной только Толстяк Джемми мог облачиться в меха. Он пойдет дальше, найдет другие клочки и узнает, в каком направлении мы движемся. Для него это более чем достаточно.

Отряд сиу не стал следовать вдоль реки. Для огаллала это было бы большим крюком. Сначала они скакали к вершинам, которые носили название Слоновый Хребет, а потом свернули к длинной горной цепи, образующей водораздел между Атлантическим и Тихим океанами.

Толстяк Джемми не слишком ошибся, когда предположил, что Олд Шеттерхэнд где-то рядом. Едва минула четверть часа с тех пор, когда сиу исчезли за холмами, как он вместе с шошонами и апсарока, следуя точно по пути пятерых незадачливых беглецов, прибыл сюда с северной стороны.

Он ехал впереди вместе с сыном вождя шошонов и шаманом апсарока.

От него не ускользнуло ни одной мельчайшей детали, говорящей о том, что здесь проехали люди. И в самом деле, он с раннего утра ни на миг не сомневался, что идет точно по следу.

Вид скальной «постройки» сразу заставил его насторожиться, а на вопрос шамана, что это, он ответил:

— Припоминаю, что это не дом, а скала. Я уже был внутри и весьма удивлюсь, если те, кого мы ищем, также не заглянули туда, чтобы хотя бы осмотреть место. Это... Дьявольщина!

Шеттерхэнд соскочил с коня и стал обследовать твердые базальтовые скалы. Очень скоро он наткнулся на след сиу.

— Здесь проехало много людей, и не далее, чем час назад, — произнес он. — Не уверен, были ли это сиу. А с другой стороны, кто, кроме них, мог быть здесь? Да еще такой большой компанией?! Очень подозрительно. Сейчас мы разделимся: пусть несколько человек объедут всю эту «постройку» вокруг, остальные — к «дому».

Он — впереди, остальные — следом за ним галопом погнали лошадей к скалам. Постройка вмиг была окружена, и Олд Шеттерхэнд один осторожно двинулся внутрь, поручив своим людям следовать за ним только в том случае, если он выстрелит.

Он исчез из виду на долгое время, а когда снова появился, лицо его было серьезным и задумчивым.

— Я охотно позволил бы моим красным братьям осмотреть это интересное скальное образование, напоминающее творение человека; но мы не должны терять ни минуты, ибо белые вместе с Вокаде взяты в плен сиу и час назад уехали отсюда.

— Мой белый брат знает это точно? — спросил Огненное Сердце, шаман апсарока.

— Да. Я видел все их следы и хорошо прочитал их. Толстяк Джемми оставил мне знак, и я надеюсь, он еще даст нам знать о направлении движения сиу.

Он показал найденные клочки шубы. Это были всего пять или шесть волосинок — верный знак того, что они в самом деле с «облысевшей» шубы Толстяка.

— Что собирается делать Шеттерхэнд? — спросил краснокожий. — Он пойдет по следам огаллала?

— Да, и не откладывая.

— Разве мы не настигнем их у реки Огненной Дыры, когда встретимся с Виннету?

— Да, лучше всего было бы встретить их там, но они могут убить

пленных раньше.

— А разве они хотят лишиться их жизни не в день Полной Луны!

— Охотника на медведей и пятерых его спутников — да; но жизнь наших друзей может оборваться и раньше. В самой большой опасности сейчас смелый Вокаде. Они считают его предателем. С ним первым может случиться самое худшее. Едем немедленно. Или мои красные братья думают по-другому?

— Нет, — ответил Огненное Сердце. — Мы рады прямо сейчас отправиться по следу огаллала. Тяжелый Мокасин должен стать моей добычей! Едем!

Глядя на лицо шамана в этот миг, можно было не сомневаться, что предводитель сиу-огаллала умрет жуткой смертью, если попадет в руки апсарока.

Олд Шеттерхэнд снова стал во главе отряда, и скачка была продолжена, только теперь в западном, а не в восточном направлении.

Но идти по следу пятерых оказалось не таким уж легким занятием, Олд Шеттерхэнд и его спутники еще вынуждены были ограничивать скорость своих лошадей. Землю покрывала твердая вулканическая порода, и о настоящих следах от копыт и речи быть не могло. Маленькие камни, крошившиеся под ногами лошадей, были единственным и к тому же весьма ненадежным ориентиром даже для Олд Шеттерхэнда. А потому требовалось напрягать все свое внимание.

Но то, что они, несмотря на все сложности распознавания следов, продолжали идти по следу огаллала, доказывали клочки меха, которые время от времени попадались по пути.

Даже апсарока и шошоны, как известно, сами великолепные следопыты, восхищались мастерством знаменитого охотника.

Через некоторое время им пришлось взять влево, то есть на юго-запад. Они достигли подножий горной цепи, образующей водораздел. Если кто-нибудь в этот момент взглянул бы с вершин горного хребта вниз, то справа он бы увидел нити водных потоков, несущих свои воды через Йеллоустоун и Миссури к старушке Миссисипи, а значит, в Мексиканский залив, а слева, в бескрайней долине, горные потоки впадали в реку Снейк, по ней мчались дальше на запад и в конце концов достигали Тихого океана.

Климат здесь прекрасный. Почва богата перегноем, а стремительно несущиеся ручьи не содержат ни грамма серы — они несут свежую, целебную воду, питающую окрестные растения. Естественно, здесь просто море травы, поднимаются кусты и деревья, и следы видны отлично.

Но день уже клонился к вечеру. Лошадей заставили прибавить в темпе,

чтобы успеть засветло проследовать по отпечаткам как можно дальше. Наконец вершины водораздела были достигнуты. Затем отряд снова спустился вниз и стал лавировать среди скальных обломков, продираясь сквозь кусты и продолжая свой достаточно тяжелый, а местами опасный путь, который даже индейцам вовсе не пришелся по вкусу.

А потом наступил вечер. Различать следы стало уже невозможно, и, чтобы не сбиться с пути, всадники остановились.

Если до сих пор между членами отряда царило молчание, то и в лагере они не стали разговорчивее. Оно и понятно. Они чувствовали, что стоят на пороге решающих событий. В таком положении человек обычно предпочитает побольше думать, поменьше говорить.

Костры разжигать не стали. Олд Шеттерхэнд по отпечаткам заключил, что огаллала имели по сравнению с ним преимущество едва ли в две английские мили. А если те стали лагерем, то преследователи, сами о том не подозревая, могли оказаться от них так близко, что враги заметили бы огонь, а следовательно, узнали бы, что за ними погоня.

Каждый завернулся в свое одеяло и спокойно лег, но, разумеется, только после того, как были выставлены часовые. Едва забрезжил рассвет, они снова были в пути.

Глава одиннадцатая. В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

Следы огаллала еще и сегодня читались. По прошествии примерно получаса Олд Шеттерхэнд сделал вывод, что сиу вчера на ночлег не останавливались. Они, видно, решили не позволять себе ни малейшей передышки, прежде чем не достигнут реки Огненной Дыры.

Это был дурной знак, похоже, огаллала, затевали какую-то новую каверзу. Растительность вскоре почти исчезла, и вместо мягкой земли копыта животных снова ударялись о твердую вулканическую породу, что затрудняло их бег, а следовательно, и снижало скорость.

Потом стало вообще невозможно различить хоть какой-нибудь след. Олд Шеттерхэнду оставалось надеяться лишь на то, что сиу-огаллала продолжали двигаться прямо, а потому он не стал сворачивать.

А вскоре он узнал, что не ошибся. Перед ним выросли горы Огненной Дыры, за которыми как раз начинались знаменитые бассейны неутомимых гейзеров. Здесь снова появилась растительность и даже лес, состоящий в основном из хвойных пород.

Весь берег одного из ручьев, струившихся среди травы, был буквально истоптан конскими копытами. Отпечатки шли вдоль воды и ясно говорили о том, что сиу поили тут своих животных. Итак, следы, к счастью, появились вновь, и с этого момента вплоть до горных вершин они оставались настолько четкими, что сбиться с дороги было просто невозможно.

Открытого пути вверх не было. Пришлось скакать под деревьями. Они отстояли друг от друга на достаточном расстоянии, чтобы не создавать всадникам никаких препятствий. Но ехать верхом по лесу, когда преследуешь врага, — занятие весьма опасное. Он может таиться за любым стволом.

Легко могло стать к тому же, что огаллала догадались о преследовании! Кроме того, Олд Шеттерхэнд не мог знать, какие признания силой либо хитростью вырвали сиу у пленников. С другой стороны, если бы сиу боялись, что за ними идет погоня, они непременно приняли бы все меры предосторожности, и в первую очередь устроили бы засаду.

Так размышлял о ситуации белый охотник, выслав вперед нескольких

шошонов, которым предстояло обыскать местность и которые при обнаружении чего-либо подозрительного тотчас должны были вернуться назад.

К счастью, эти предосторожности оказались излишними. Причиной тому было соглашение, к которому Толстяк Джемми пришел с пленником, от которого вождь огаллала потребовал выдачи своих товарищей по несчастью.

Поскольку те, не считая Вокаде, все время ехали рядом друг с другом, они имели возможность переговариваться. Все это входило в планы вождя и было проделано с его молчаливого согласия — ведь мнимый его союзник должен был получить возможность разузнать все, что хотелось знать ему самому.

Вечером по приказу Тяжелого Мокасина все того же завербованного в осведомители белого незаметно, насколько это было возможно, увели от остальных, и вождь подсел к нему. Пленник дал на его вопрос те ответы, которые посоветовал ему дать Толстяк Джемми, и при этом заверил, что, кроме Вокаде и четверых белых, в окрестностях Йеллоустоуна не было больше ни одной живой души.

Вождь поверил, а потому все меры предосторожности посчитал излишними.

Тем временем Олд Шеттерхэнд со своими индейцами поднялся на вершину горной цепи Огненной Дыры, не встретив никаких помех.

Весь горный хребет порос густым, высоким лесом, поэтому преследователи не могли осмотреть лежавшую по другую сторону долину, хотя то, что стены там круто обрывались вниз, было все же ясно.

Проезжая под деревьями, они услышали странный — глухой, бурлящий шум, который вдруг был прерван пронзительным свистом, превратившимся затем в шипение, напоминающее звуки, сопровождающие выпуск пара из топки паровоза.

— Что это? — удивленно спросил Мох-ав, сын вождя шошонов.

— Конечно же, гейзер, — ответил Олд Шеттерхэнд.

Слово «гейзер» незнакомо индейцам, они называют их «вар-пейя» — «гора горячей воды», поэтому юный шошон понял охотника только после того, как тот пояснил, что имел в виду.

Спускаясь верхом по крутым горным склонам, удержаться на лошадях довольно трудно. Поэтому всадники спешили и пошли пешком, ведя животных в поводу.

Следы огаллала и теперь еще можно было различить, но Олд Шеттерхэнд сделал вывод, что оставлены они вчера.

Преследователи спустились уже на несколько сот футов, когда лес внезапно прервался и его опушка образовала острый рубеж. Но в стороне полоса леса продолжала все же тянуться вниз, вплоть до самой подошвы долины.

Людам, наконец, открылась вся ширь пространства — и какую чудную картину увидели они.

Верхняя долина Мадисона, которая здесь имеет колоритное название реки Огненной Дыры — пожалуй, один из самых восхитительных районов Национального парка. На много миль в длину и местами в две или даже три мили в ширину эта полоса земли буквально кишит сотнями гейзеров и горячих источников. Есть тут фонтаны, струи которых возносятся в облака не на одну сотню футов! Запах серы, которым веет из многочисленных земных трещин, растворяется во влажном воздухе, вечно насыщенном горячими водяными парами.

В долине реки можно встретить белоснежные, ярко блестящие на солнце сталактиты, которые служат своего рода чехлом или, скорее, шляпкой для подземных «кастрюль». В иных местах земная поверхность из твердого грунта вдруг превращается в густой зловонный ил, температура которого весьма различна. То тут, то там почва вдруг резко вздымается в форме колпака, медленно раздуваясь, как пузырь, а потом лопается, открывая широкою, непостижимо глубокою дыру, из которой струи пара так извергаются в небеса, что у наблюдающего за ними едва ли не кружится голова. Эти пузыри и дыры могут возникнуть и тут же пропасть в любом месте. Горе тому, кто окажется рядом с ними! Только что его ноги опирались на твердую землю, как вдруг она резко нагревается и начинает подниматься! Только длинный прыжок, на который человек способен лишь в состоянии полного отчаяния, либо бегство могут дать ему шанс на спасение.

Но только исчезнет один пузырь, как уже надувается второй, за ним третий... И человек оказывается на шаткой корке, которая становится не прочнее бумагообразного материала осинового гнезда; лишь эта жалкая корка в тот миг и отделяет живое существо от ужаснейшей бездны недр Земли.

Горе и тому, кто издали примет упомянутый ил за массу, способную выдержать его вес! Хотя эта грязь и выглядит, как топкий торфяник, который еще с горем пополам можно пересечь, все же она — лишь осадок вулканических паров.

Там, где почва уходит из-под ног, провалы сейчас же заполняются густой, зеленовато-желтой и адски зловонной жидкостью. Все вокруг журчит, клокочет и бурлит, свистит и кипит, клубится и стонет! Гигантские

хлопья воды и ила разлетаются в стороны или парят в воздухе, поддерживаемые столбом воздуха под давлением. Если в одну из этих то возникающих, то снова пропадающих дыр швырнуть тяжелый камень, произойдет нечто такое, будто души преисподней почувствуют себя оскорбленными. Воды и ил придут в ужасное, поистине дьявольское волнение — они взметнутся вверх, разыграются так, что выплеснутся через край, словно желая наказать переступившего черту их владений.

Вода этого сущего ада имеет различные оттенки: молочно-белый, ярко-красный, лазурный, сернистый, но часто бывает и светлой, прозрачной как стекло. Сверху, на ее поверхности, видны белые, шелковистые нити или густая, свинцового цвета слизь, покрывающая слоем в дюйм толщиной всего за пару минут любой оказавшийся в воде предмет.

Иногда вода такой дыры сверкает прекраснейшим изумрудом сочной зелени. В любой момент могут внезапно открыться маленькие клапаны, и в тот же миг из них сквозь зеленую воду выстрелят мерцающие на солнце струи.

Сразу хочется воскликнуть «Великолепно! Несравненно! Божественно!», забыв о том, что на самом деле все это — забавы дьявола!

Вот до этой удивительной реки Огненной Дыры и добрался наконец Олд Шеттерхэнд со своими спутниками. Они хотели выйти на опушку, но он остановил их громким окриком. Охотник указал на другой берег реки, и тут все поняли, что сейчас самое разумное — оставаться в укрытии.

Долина в этом месте была шириной лишь в половину английской мили. Выше того места, где остановился Олд Шеттерхэнд, берега сходились так тесно, что, казалось, реке едва хватало пространства, чтобы вместить свой грязный, коварно поблескивающий поток. Ниже было то же самое. От одного пролива до другого расстояние составляло не больше английской мили.

Река, убивающая своими горячими потоками все живое, шумела вблизи склонов, на которых остановился Олд Шеттерхэнд и его спутники. Хотя поросшие лесом стены хребта были довольно круты, но все же проходимы. А вот противоположная стена, которая высилась за рекой и отвесно уходила ввысь, едва не застилала небо. Эта состоявшая из черной породы, испещренная трещинами скала достаточно глубоко выгибалась, отходя на задний план, образуя от одного пролива до другого нечто подобное сектору. Долина же отнюдь не расширялась, несмотря на такое отступление скалы; у этой темной стены, прямо напротив Олд Шеттерхэнда, возвышалось некое творение, широкое основание которого едва не утыкалось в противоположный берег реки.

Творение — а другого, более точного, слова для названия этого чуда природы, пожалуй, и не сыщешь — итак, творение это было так необычайно, так непостижимо, что сразу рождалось ощущение, будто находишься в сказочном мире — мире фей, эльфов и других подземных загадочных существ.

Этим чудом была замысловатая, поистине фантастическая скальная террасообразная постройка, словно состоящая из ледовых кристаллов и слегка присыпанная свежеснеженным снегом.

Нижняя, самая широкая, терраса, казалось, была вырезана из прекраснейшей слоновой кости. Окаймленная причудливыми украшениями, она напоминала творение одаренного богатой фантазией гениального зодчего. Внутри ее покоился полукруглый, полный отливающей серебром воды бассейн, из которого поднималась вторая терраса, имеющая уже меньшую площадь, чем первая, и сверкающая, словно усыпанный золотыми зернами алебастр. Точно так же, как вторая, поднималась и плавно уходила вдаль третья, будто сотворенная из мягкой белой ваты. Все это казалось таким воздушным и легким, что на первый взгляд не могло выдержать ни малейшей тяжести. И все же из третьей террасы поднимались, уходя вдаль и ввысь, еще шесть подобных террас, каждая со своим бассейном, откуда вниз вода стекала то прозрачными струйками, то морозящим тоненьким дождиком, преломляющим солнечный свет, то широкими потоками, словно фатой покрывающими это неопишное чудо природы.

А опиралось все это величественное, излучающее тепло и источающее снежный блеск творение на темную стену скалы.

Стоило только поднять глаза вверх, взглянуть на вершину этой удивительной пирамиды, как тотчас становилось ясно, благодаря чему она была образована. На самой ее вершине била вверх высокая водная струя, расширяющаяся в виде зонтика и рассыпающаяся вокруг мелким дождем. Именно этот фонтан и создавал тот шум, которому прежде Мох-ав не смог найти объяснения. За водным столбом неотступно следовал свистящий, бурлящий и стонущий пар.

Именно воды гейзера и создали эту красивейшую пирамиду. Легкие компоненты, которые струя увлекала вверх за собой, оседали при падении, наслаивались и продолжали давать материал для чудесных образований. Горячая вода, стекая с одной террасы на другую, постепенно остывала, и температура каждого бассейна, неуклонно понижалась сверху вниз. Наконец, в самом низу хрустальная жидкость заливала последний бассейн, покинув который очень скоро вливалась в реку Огненной Дыры.

Неподалеку от великолепной пирамиды, как дьявол возле ангела, возвышалась темная, широкая, довольно большая насыпь грязного вида, имевшая почти правильную круглую форму. Вся она состояла из твердой массы, которую сверху покрывали остатки вулканических образований, имевших вид различных фигур. Казалось, будто дитя великана, играя с кусками черного базальта, облекло их в поистине невероятные формы и укрепило потом на круглой насыпи.

Насыпь диаметром футов в пятьдесят своей каменной стеной окружала дыру, темная пасть которой зловеще зияла, не предвещая ничего хорошо. Это было не что иное, как кратер илового вулкана.

Как только прекрасный волшебный гейзер начинал свою работу, тут же рядом, в неприглядном кратере, поднимался и начинал клокотать грязный ил. А когда в воздухе струи воды и пара разделялись, а потом исчезали, поверхность ила будто вдавливалась, образуя воронку, и вулкан успокаивался. Было ясно, что гейзер и кратер связаны друг с другом. Это души ада двигали извергаемые массы, подводили кристальную воду к гейзеру, а оставшиеся шлаки земных недр отправляли обратно в иловую дыру.

— Это Па-вакан-тонка, Вода Дьявола, — пояснил Олд Шеттерхэнд, указав на иловый кратер.

— Ты ее знаешь? — удивился Огненное Сердце.

— Да. Я уже бывал здесь.

— Но раньше ты не говорил, где мы находимся.

— Потому, что еще никогда не шел тем путем, которым мы проехали на этот раз. Будучи здесь раньше, я спустился к реке с другой стороны и познакомился с Водой Дьявола. Теперь там стоят лагерем сиу-огаллала и почему-то не едут дальше, хотя им ведь нужно к могиле вождя, которая расположена выше. Похоже, у них есть еще какие-то намерения!

Огаллала расположились вблизи кратера вулкана. Их было видно уже довольно отчетливо, и можно было даже различать лица.

Лошади свободно либо бродили выше этого места, либо, как и люди, отдыхали на земле. Поесть им было нечего, на этой мертвой земле не росло ни травинки.

Пленные сидели на камнях. Их руки были связаны за спиной, а ноги притянуты к камням с помощью лассо. В таком положении, которое, должно быть, причиняло им неопишуемые муки, они сидели со вчерашнего вечера.

Как раз в тот момент, когда Олд Шеттерхэнд обратил свое внимание на огаллала, они оживились. Они поднялись и расположились кругом, в центр

которого сел вождь.

Шаман апсарока, стоявший рядом с Олд Шеттерхэндом, приложил к глазам ладонь, чтобы лучше видеть происходящее. Некоторое время он внимательно глядел на огаллала, потом сказал:

— Это он, Тяжелый Мокасин. Он совещается со своими псами.

— Я надеюсь, ты хорошо знаешь своего врага и не можешь ошибиться? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Как я могу его не узнать! Взгляни только на эту длинную, тощую фигуру, на его лицо! Как можно его с кем-то спутать! Он отнял у меня ухо, я же заберу у него оба! Его томагавк пронзил мое плечо, а мой нож пробьет его сердце!

Олд Шеттерхэнда больше волновали пленники, он узнал Джемми, Дэви, Мартина и Хромого Фрэнка. Остальные белые все были как бы на одно лицо, потому что заросли щетиной. Бедного Вокаде привязали к камню в стороне от всех, да так, что все его суставы казались вывихнутыми.

К нему подошел один из сиу, отвязал его от скального обломка и вытолкнул в центр круга.

— Они хотят его допросить, — угадал Олд Шеттерхэнд. — Возможно, они решили вершить над ним суд прямо здесь и наказать на месте. О, хотел бы я слышать, о чем они там говорят!

— Зачем позволять этим огаллала говорить с ним? — недоумевал шаман. — Нужно идти вниз, на ту сторону! Пусть томагавк пожрет их всех!

— Торопиться не стоит, — возразил Олд Шеттерхэнд. — Пусть мой красный брат не забывает, что нам придется долго спускаться вниз, прежде чем мы окажемся у реки. Они сразу заметят нас, как только мы появимся на опушке. Прежде чем мы доберемся до реки и переплывем ее, они примут все меры предосторожности.

— У моего белого брата есть более удачный план?

— Да. Нам нужно напасть на них совершенно неожиданно, потому что я опасаюсь, что они лучше убьют пленных, чем отдадут их в наши руки. Поэтому прямо здесь спускаться нельзя — они заметят нас. Там, внизу, лес почти вплотную подходит к реке. Мы, стало быть, идя по нему, со стороны сможем незаметно подобраться к берегу. Если будем осторожны, они не увидят нас, между ними и нами — стена бассейна гейзера.

— Мой брат прав. Так и сделаем. Но я ставлю одно условие.

— Какое?

— Вождя огаллала не трогать. Он принадлежит мне!

Олд Шеттерхэнд задумчиво глянул себе под ноги. Потом поднял

голову и очень серьезно произнес:

— Там больше пятидесяти врагов. Прольется много крови, а я хотел бы избежать этого. Но верно и то, что вряд ли они сдадутся нам без боя.

Тем временем Боб, который, пока они ехали, постоянно находился в конце колонны, перебрался вперед, чтобы взглянуть на огаллала. Поскольку Олд Шеттерхэнд говорил с индейцем на его языке, негр ничего не понял. Он подошел, указал вниз и произнес:

— Там масса Бауман и юный масса Мартин! Хотеть ли масса Шеттерхэнд освободить их?

— Да.

— Ох, ох! Это быть очень хорошо, очень хорошо! Массер Боб помогать освободить их. Массер Боб сейчас спускаться и переходить вода. Массер Боб не бояться огаллала. Массер Боб быть сильный и смелый. Он убить их всех!

Негр и вправду собрался немедленно идти, но Олд Шеттерхэнд остановил его. Он вынул из седельной сумки подзорную трубу и направил ее на сиу. Только что развязали Мартина Баумана и тоже ввели в круг, поставив рядом с Вокаде. Олд Шеттерхэнд через окуляр так близко видел лица пленных, что мог прочитать по губам, что они говорят. Создавалось впечатление, что сиу удалены от него не больше, чем на двадцать шагов.

Вождь обратился к Мартину Бауману, указав рукой на иловый кратер. Олд Шеттерхэнд ясно видел, как смертельно побледнел юноша. Одновременно раздался пронзительный крик, который человеческое горло может издать, лишь испытывая всепоглощающий ужас.

Крик этот издал старый Бауман. Олд Шеттерхэнд видел, как седой человек изо всех сил пытается разорвать на себе веревки. Вождь, похоже, сказал ему что-то очень страшное.

И это действительно было так, ибо отец дико закричал в страхе за своего сына.

Сиу-огаллала достигли гор реки гейзеров еще вчера с наступлением сумерек. Они ожидали, что Тяжелый Мокасин разобьет лагерь внизу, в тени леса, но просчитались. Несмотря на темноту и трудности спуска, вождь решил, что надо переправиться через реку.

Он хорошо знал эти места — ведь он бывал здесь уже много раз, и в его мозгу родилась мысль, под стать мрачному и зловещему кратеру вулкана, внутри которого в ночной тьме клокотало его мерзкое содержимое.

Идя впереди и ведя лошадь в поводу, вождь показывал путь своим. Пленники также были вынуждены спускаться вниз вместе с ними, что было для них еще одной пыткой, поскольку их не отвязали от лошадей. Наконец

отряд все же удачно спустился и достиг берега.

В этом месте вода реки Огненной Дыры была не горячей, а лишь теплой. Ее можно было без труда перейти. Каждую лошадь с пленником опекали по два сиу, и таким образом огаллала быстро переправились на другую сторону, остановившись у илового кратера.

Пленников привязали к камням и выставили подле них часовых. Потом воины легли на землю, не получив от вождя никаких объяснений относительно того, почему он решил разбить лагерь именно здесь, в зловонном кратере, где не было ни травы пригодной для лошадей, ни воды.

Когда наступило утро, лошадей отвели чуть ниже по реке к тому месту, где, как знал вождь, из скал вытекал чистый ключ. Как только те, кто отводил животных, вернулись, каждый достал из своей сумки по куску вяленого бизоньего мяса, чтобы приняться за еду. Вот тогда-то Тяжелый Мокасин и объявил тихо своим людям, что он хочет сделать с Вокаде и юным Бауманом.

Все без исключения считали Вокаде предателем. Хотя он ни в чем не сознался, в их глазах он был изобличен. В том, что Мартин должен был разделить его судьбу, они ни в малейшей степени не сомневались.

Прежде всего мучители обычно хотят насладиться муками, которые испытывают пленники уже при объявлении приговора. Сиу быстро образовали круг и первым ввели в него Вокаде.

Он, естественно, понимал, что обречен на смерть, но надеялся, что приговор будет приведен в исполнение не прямо сейчас. Он был убежден, что Олд Шеттерхэнд и Виннету вскоре дадут о себе знать, и предстал перед своими судьями, держась со спокойным достоинством.

— Вокаде будет лгать дальше или же сознается во всем перед воинами огаллала? — спросил вождь, хитро прищурившись.

— Вокаде не сделал ничего дурного, а значит, ему не в чем сознаваться, — ответил юный индеец.

— Вокаде лжет. Если он захочет сказать правду, его приговор будет очень мягким.

— Я знаю, что приговор мне может быть только один, независимо от того, виновен я или нет, — мне суждено умереть!

— Вокаде юн. А у молодых людей короткие мысли. Они часто совсем не ведают, что творят. Поэтому мы готовы быть снисходительными, но тот, кто хотя бы раз оступился, должен быть откровенен!

— Мне нечего сказать!

По лицу вождя пробежала презрительная насмешка. Он продолжал:

— Я знаю Вокаде. Он наверняка скажет нам все!

— Вы напрасно этого ждете.

— Тогда Вокаде трус. Он боится. У него есть смелость совершить плохие дела, но нет мужества признаться в этом. Вокаде, несмотря на свою молодость, старуха, которая воет от страха, когда ее укусит комар.

Вождь хорошо знал юношу. Его слова попали в точку.

Ни один индеец не позволит назвать себя трусом, чтобы тотчас не доказать, что он мужественен и храбр. С ранних лет привыкший к лишениям, опасностям, боли, краснокожий презирает смерть. Он ведь убежден, что после смерти сразу попадет в Страну Вечной Охоты. Стало быть, когда его называют трусом, он всегда готов доказать обратное, даже если при этом придется поставить на карту свою жизнь. Таков был и Вокаде. В ответ на оскорбление вождя ответил с негодованием:

— Я убил белого бизона. Все сиу-огаллала знают об этом!

— Но никто из них не присутствовал при этом. Никто не видел, что он действительно его убил. Ты принес шкуру, мы это знаем, но больше — ничего.

— Может, вы думаете, что бизон сам отдал мне свою шкуру?

— Нет! Но когда он подышает в прерии, то Вокаде может прийти, взять его шкуру, принести ее своим и сказать, что он его убил. Бизон, однако, издох сам.

— Ты лжец! — вскипел Вокаде. — Ни один издохший бизон не лежит невредимый в прерии. Грифы и койоты тут же пожирают его.

— Койот — это ты! — глаза вождя сузились в щели.

— Уфф! — воскликнул Вокаде, напрягаясь всем телом, чтобы порвать ремни. — Если бы я не был связан, я показал бы тебе, кто из нас трусливый волк прерий!

— Ты уже показал это. Трус ты, ибо не осмеливаешься сказать правду!

— Я солгал не из страха!

— А из-за чего же тогда?

— Из уважения к другим людям, попавшим к вам в плен.

— Уфф! Значит, теперь ты сознаешься, что виновен?

— Да!

— Тогда расскажи, что ты сделал!

— Что мне рассказывать? Для этого не нужно много слов. Я пришел к вигваму Грозы Медведей сообщить, что он взят в плен. Потом мы отправились в путь, чтобы освободить его.

— Кто?

— Нас было пятеро. Сын Грозы Медведей, Джемми, Дэви, Фрэнк и Вокаде.

— Больше никого?

— Нет!

— Выходит, Вокаде вдруг сильно полюбил бледнолицых?

— Да! Любой из них стоит больше целой сотни сиу-огаллала.

Вождь скользнул взглядом по кругу воинов и втайне порадовался впечатлению, которое произвели последние слова краснокожего юноши. Потом он спросил:

— Знаешь ли ты, чем рискуешь, сказав нам такое?

— Да! Вы убьете меня!

— Но сначала ты примешь мучения!

— Я не боюсь их.

— Так пусть они сейчас же и начнутся. Приведите сюда сына Грозы Медведей!

Привели Мартина и поставили рядом с Вокаде. Этот момент и видел Олд Шеттерхэнд.

— Ты слышал и понял, что сказал Вокаде? — спросил его вождь уже на английском.

— Да, — ответил Мартин спокойно, ибо по именам и интонации нетрудно было догадаться, о чем шла речь.

— Он привел вас, чтобы вы освободили пленных. Пять мышей выползли, чтобы сожрать пятьдесят медведей! Глупость затмила ваш разум. Так пусть теперь она проглотит его весь! Вы умрете!

— Это мы знаем! — Мартин нашел в себе силы улыбнуться, — Ни один человек не живет вечно!

Вождь понял его не сразу. Когда смысл слов дошел до него, он ответил:

— Но вы умрете от наших рук!

— Пока это лишь намерение.

— Но оно очень скоро станет явью. Или вы еще надеетесь улизнуть от нас? — вождь хитро ухмыльнулся. — Такой случай мы вам предоставили. Вы уйдете от нас уже сегодня — умрете немедленно!

Он пристально взглянул на обоих, чтобы увидеть, какое действие произвели его слова. Вокаде вел себя так, как будто вообще ничего не слышал. Мартин побледнел, но потом ему, хоть и с огромным трудом, удалось подавить охвативший его ужас.

— Тяжелый Мокасин видит, что вы большие друзья, — продолжил вождь. — Он хочет порадовать вас и даст вам умереть вместе.

Он был уверен, что тем самым умножил страх обоих. Но Вокаде, весело улыбнувшись, произнес:

— Ты лучше, чем я думал. Я не боюсь смерти. Если я могу умереть вместе с моим белым другом, то смерть будет казаться мне наградой.

— Наградой? — вождь язвительно засмеялся. — Что ж, вы получите награду, но не сразу всю. Уйти в Страну Вечной Охоты вам суждено по особому.

Он поднялся, вышел из круга и подошел к насыпи кратера.

— Это ваша могила, — сказал он. — Через несколько мгновений вас похоронят в ней.

Он указал на бездну, откуда вверх поднимались зловонные испарения.

Такого никто не ожидал. Это было более чем бесчеловечно. Мартин стал еще бледнее, а его отец издал тот самый крик ужаса, который слышали на другой стороне реки Олд Шеттерхэнд и его спутники. Бауман едва не порвал на себе веревки.

С первого момента своего пленения вплоть до сегодняшнего дня старший Бауман ни звуком, ни взглядом не выдал, как он глубоко потрясен и несчастен. Для этого он был слишком горд. Но теперь, когда он услышал, что грозило его сыну, он не смог с собой совладать.

— Только не это, нет! — крикнул он. — Бросьте в кратер меня, а не его, только не его!

— Молчи! — приказал ему вождь. — Ты будешь выть от ужаса, зная, что тебе, прежде чем умереть самому, суждено увидеть смерть твоего сына.

— Нет, нет, вам ни звука от меня не услышать, ни одного!

— Ты взвоешь уже от описания этой смерти. Ты думаешь, мы просто бросим в эту пасть твоего мальчика и предателя Вокаде? Ты ошибаешься. Ил поднимается и опускается так же регулярно, как прилив в море, который, как мне рассказывали, следует ходу Луны. Точно известно время, когда ил приходит и когда он уходит. Известно также, как высоко он поднимется. Мы свяжем предателя и твоего сына лассо и бросим их в дыру. Но они не упадут вниз, поскольку крепкие ремни удержат их. Поначалу они зависнут так, что ил будет доходить им только до стоп. В следующий раз мы опустим их пониже — по колено. Так они будут опускаться все глубже и глубже, и их тела снизу будут медленно поджариваться в горячем иле. Ты все еще хочешь умереть вместо твоего сына такой смертью?

— Да! — вскричал почти обезумевший Бауман. — Возьмите меня вместо него! Меня!

— Нет! Тебе суждено умереть вместе с другими у могилы вождя. А пока тебе предстоит посмотреть, как твой сын погружается в раскаленное болото!

— Мартин! Мартин! — закричал несчастный отец.

— Отец! — отозвался сын, упавший духом.

— Молчи! — шепнул ему Вокаде. — Мы будем умирать как герои, не доставив им радости видеть боль на наших лицах.

Бауман снова рванул свои веревки, но это привело лишь к тому, что путы резанули его плоть почти до костей.

— Слышишь, как скулит и воет твой сын! — крикнул Бауману вождь. — Молчи и радуйся, ибо ты увидишь все лучше, чем мы. Отвяжите пленных от камней и привяжите к лошадям, чтобы они сидели высоко и могли наблюдать за происходящим. Обоих парней туго свяжите и несите к дыре!

Приказ вождя тотчас исполнили. Несколько сиу схватили Вокаде и Мартина, чтобы связать их еще крепче.

Бауман крепко стиснул зубы, стараясь не издавать громких стонов. Вместе с другими теперь он сидел высоко в седле.

— Ужасно! — пробормотал Дэви, повернувшись к Джемми. — Для этих храбрых ребят помощь придет слишком поздно. Мы оба виноваты в их смерти. Мы с тобой не должны были соглашаться на эту глупую авантюру!

— Ты прав, и... Чу!

Где-то вдали послышался сиплый крик грифа. Занятые пленниками огаллала не обратили на него никакого внимания.

— Это знак Олд Шеттерхэнда, — прошептал обрадованный Джемми. — Он часто говорил о нем и показывал, как это делается.

— Господи Боже! Если бы это и вправду был он!

— Небо свидетель, что я не ошибся! Если это так, то Олд Шеттерхэнд пошел по нашим следам и вышел сюда с той стороны. Взгляни-ка туда, в лес! Ничего не видишь?

— Да, да! — оживился Дэви. — Там колышется дерево. Я вижу, как качается верхушка. Это не просто так! Там люди!

— Теперь и я вижу! Но отвернись, чтобы огаллала ничего не заподозрили!

И громко, но уже по-немецки, Толстяк крикнул:

— Мастер Мартин, не волнуйтесь! Помощь уже пришла. Только что наши друзья подали нам знак.

Он благоразумно не называл имен прибывших: огаллала, услышав их, могли обо всем догадаться.

— Что протявквал этот пес? — воскликнул вождь. — Он тоже хочет умереть в дыре?

К счастью, Тяжелый Мокасин удовлетворился лишь этим резким замечанием.

— Это правда? — выкрикнул Бауман тоже по-немецки.

— Да! Они на той стороне, в лесу.

— Но они придут слишком поздно! Прежде чем они пересекут реку, все будет кончено. И потом, в любом случае их заметят враги.

— Па! Шеттерхэнд что-нибудь придумает!

Лошади с пленниками так тесно стояли друг к другу, что последние могли понять даже шепот. Руки их были завернуты за спину, а ноги связаны под брюхом животных.

— Эй, Дэви, — прошептал Джемми, — наших лошадей никто не держит за поводья, а посему мы, собственно, уже наполовину свободны. Ты уверен, что твой старый мул, несмотря на веревки, подчинится тебе?

— Нет проблем! Я сожму его бока ногами так, что он станет шелковым.

— Моя старая кляча тоже послушная. Стой! О Боже, помоги! Начинается! Все же, похоже, помощь придет поздно, слишком поздно!

В этот миг земля под копытами лошадей начала дрожать, сначала тихо, потом сильнее; откуда-то из глубины недр послышался нарастающий раскатистый грохот — гейзер начал действовать.

Хотя лошади со вчерашнего вечера немного привыкли к этому дрожанию, они стали гораздо беспокойнее, чем прежде, когда были свободными.

Вождь первым делом перегнулся через край кратера и свесил вниз лассо, чтобы замерить, на какой высоте нужно повесить обоих обреченных. Потом оба лассо быстро были привязаны к крепким выступам высокой насыпи кратера, а другие концы укрепили под руками Мартина и Вокаде так, чтобы те оказались внутри не выше замеренной глубины.

Шум все нарастал, и все отошли назад. Только двое сиу остались у кратера, чтобы, как только поднимется ил, тотчас опустить вниз обоих осужденных.

Эти минуты обоим Бауманам показались вечностью.

А что же Олд Шеттерхэнд? Почему он медлил?

Его взгляд неотрывно следил за каждым движением огаллала. Когда он увидел, что Вокаде и Мартина подтащили к кратеру, ему наконец все стало ясно.

— Они решили медленно утопить их в иле, — пояснил он индейцам. — Быстро под прикрытием деревьев спуститесь вниз, туда, где лес выходит к самой реке; переправьтесь на другую сторону и галопом мчитесь вверх! Войте при этом что есть мочи и лупите камнями по огаллала!

— Наш брат не поедет с нами? — спросил огромный шаман.

— Нет, сейчас не могу. Я должен остаться здесь и позаботиться о том, чтобы ни с одним из наших братьев до вашего появления не случилось несчастья. Вперед, скорее! Нельзя терять ни секунды!

— Уфф! Вперед!

В следующий миг шошоны и апсарока исчезли. Боб остался рядом с Олд Шеттерхэндом, и тот приказал ему:

— Так, хватайся за эту ель! Тряхнем ее.

Приложив ладони к устам, он издал крик грифа, который и услышали Джемми и Дэви. Он заметил, что они на миг взглянули вверх, стало быть, приняли сигнал.

— Зачем трясти дерево? — спросил Боб, одной ручищей ухватившись за ствол.

— Дадим им знать. Сиу хотят бросить Мартина и Вокаде в кратер. Видишь, они лежат там связанные на самом краю?

— Что?! Убить масса Мартин? Когда? Сейчас?

— Наверняка уже через минуту!

Тут негр выронил мушкет, который держал в другой руке.

— Убить масса! Это не быть, это нельзя позволить! Массер Боб не разрешить! Массер Боб убить их все! Боб сейчас быть там!

Он бросился вниз.

— Боб, Боб! — кричал ему вдогонку Олд Шеттерхэнд. — Назад, назад! Иначе ты все погубишь!

Но негр не слышал его. Им овладела дикая ярость.

Он не думал о том, что не имел оружия; а лишь о том, как быстрее перебраться на тот берег. Будучи хорошим пловцом, он знал — чтобы выбраться на берег в каком-то определенном месте, нужно для лучшей ориентации войти в воду гораздо выше по течению. Итак, он не поспешил вниз по освещенному береговому склону прямо к воде, а помчался широкими прыжками, лавируя среди деревьев, в сторону, вверх по реке, и свернул лишь тогда, когда, по его мнению, достаточно удалился.

Черная гладкая скала в этом месте острой косой врезалась в воду. В спешке Боб, не раздумывая, сел и заскользил, словно хотел на санях прокатиться вниз по склону, и влетел в маслянистую, покрытую грязными хлопьями пены воду.

При этом он наткнулся на нечто твердое, что едва не вонзилось в его тело. Этим предметом оказалась толстая ветка, почему-то торчавшая здесь, в береговом грунте.

— Ох, ох! — застонал негр, почувствовав боль. — У массер Боб нет

ружьё. Сук быть его ружью, его дубина!

Он одним махом вырвал из ила увесистую палку и поплыл.

До сих пор огаллала не заметили бравого парня. Во время катания с горы его черное тело совершенно не отличалось от темной горной породы, и теперь торчавшие из воды голова и плечи также сливались с грязной поверхностью. Впрочем, огаллала все свои взоры обратили на иловый кратер; ничто другое сейчас их не занимало.

Теперь, когда подземный гул превратился в рокот и слышалось бурление, Олд Шеттерхэнд увидел своих краснокожих союзников, чуть поодаль скачущих к воде. Они не таились, но находились еще далеко, и это была катастрофа.

Он прислонил свой штуцер — «генри» к дереву, за которым стоял, и поднял вверх тяжелую двустволку «медвежебой» — на эти два ружья он мог положиться.

Любой другой в такой напряженный момент, скорее всего, дрожал бы от волнения; но этот человек вел себя так спокойно, словно намеревался пострелять по мишени в кругу друзей.

На другой стороне сиу отступили от кратера, оставив там только двоих.

В этот момент вождь поднял руку и произнес какую-то команду, Олд Шеттерхэнд не мог ее слышать из-за все нарастающего шума. Но что означает это движение рукой, Олд Шеттерхэнд знал точно, — мученическую смерть Мартина и Вокаде.

Он прижал приклад к щеке. Дважды вылетал огонь из стволов «медвежебоя»; после чего он отбросил прочь разряженную двустволку и схватился за штуцер, чтобы быть готовым, если потребуется, применить и его. Он сам хорошо слышал грохот обоих выстрелов, но сиу-огаллала и бровью не повели, это было удивительно, но они просто не слышали выстрелов, под ногами у них гремело еще громче.

— Туда их! — приказал громким голосом вождь буквально за несколько секунд до выстрелов и поднял руку.

Оба его человека, назначенных палачами, быстро сделали пару шагов, которые отделяли их от лежавших на земле пленников. Отец Мартина издал испуганный, душераздирающий крик. В следующий миг его сын должен исчезнуть в чреве кратера!

Но что это? Оба исполнителя ужасной экзекуции не только нагнулись, чтобы схватить пленников, но даже упали с гримасами боли на лицах рядом с последними и остались лежать неподвижно.

Вождь пробурчал что-то невнятное, и в этот момент с пронзительным

свистом из вершины пирамиды гейзера вырвались вода и пар, а из кратера вулкана донесся глухой звук, очень похожий на пушечный выстрел.

Тяжелый Мокасин подскочил, нагнулся над поверженными воинами и ударил их одного за другим кулаком — они были недвижимы. Схватив одного за плечи, он рванул его вверх. Неподвижные, безжизненные глаза смотрели мимо Тяжелого Мокасина, который тотчас обнаружил дырку в голове человека. В страхе он выпустил мертвого из рук, схватил второго и увидел то же самое.

Он вскочил, словно наткнулся на призрак, и повернулся к своим. Его было не узнать. Он чувствовал себя так, будто кожа под перьями на его голове сама сползла с черепа.

Сиу не поняли его поведения и вообще не могли взять в толк, что случилось с двумя их соплеменниками. Они подошли ближе, некоторые из них нагнулись и тут же, как и вождь, в страхе отпрянули в сторону.

Вдруг произошло нечто такое, что показалось им не менее ужасным. Свист и клототание гейзера почти затихли, и снова стали слышны другие звуки. Как раз в этот момент от реки донеслось рычанье, которое, казалось, исходило из глотки льва или тигра.

Все тотчас обратили туда свои взоры. Они увидели гигантскую черную фигуру, прыжками приближающуюся к ним и размахивающую длинным, толстым суком в огромном кулаке. Фигура эта была совершенно мокрой и грязной от желтовато-зеленой пены реки и увешанной запутанными стеблями ситника вперемешку с полусгнившим камышом.

Бравый Боб, которому пришлось потрудиться, чтобы пробраться через целый полуостров преграждающих выход на крутой берег зарослей, не имел времени стряхнуть с себя это «украшение». Облик негра едва ли подтверждал его земное происхождение. А его рев, вращающиеся глаза, его крепкий, светящийся оскал! Немудрено, что огаллала на миг застыли.

А он уже бросился на них, рыча и размахивая дубиной, как Геркулес. Поначалу суеверные индейцы отшатнулись. Боб же набросился на вождя.

— Масса Мартин! Где быть дорогой, добрый масса Мартин? — кричал Боб, задыхаясь от ярости и быстрого бега. — Вот массер Боб, вот он, вот! Он уничтожить все сиу! Он разгромить все огаллала!

— Ура! Это Боб! — как ребенок, радовался Джемми. — Вот она, победа! Ура!

Одновременно снизу раздался многоголосый вой — индейский боевой клич. Обычно он порождается тем способом, что дикари издают пронзительное и растянутое, близкое к фальцету «Йииии!» и при этом быстро-быстро бьют боковой стороной ладони по обеим губам.

Этот хорошо известный, возвещающий о смертельной опасности боевой клич вывел сиу из оцепенения. Некоторые из них выскочили из круга и взглянули туда, откуда шел вой. Они увидели апсарока и шошонов, галопом мчащихся прямо на них. В высшей степени пораженные, они не нашли времени сосчитать врагов и, следовательно, заметить, что тех было не так уж много. Необъяснимая смерть обоих их соплеменников, появление выглядевшего, как сатана, и смело ввязавшегося в драку Боба, а теперь и приближение враждебных индейцев — все это вызвало у сиу поистине панический страх.

— Спасайтесь! — кричали многие из них на пути к своим лошадям.

Теперь Джемми крепко зажал шенкелями свою старую кобылу.

— Эй, освобождайтесь! Быстро, быстро, навстречу спасителям! — закричал он громко.

Его длинноногая кобыла уже рванулась вперед, да и мул Длинного Дэви не оплошал — улепетывал следом. Лошадь Фрэнка мгновенно бросилась за ними, не дожидаясь приглашения от седока. Животные так были возбуждены дрожанием земли, фигурой Боба и боевым кличем, что ни один сиу не смог бы их удержать.

Ни один? Но нет, один все же нашелся — вождь Хонг-пе-те-ке. Он получил от Боба такой сильный удар суком, что поначалу рухнул без сил. На его счастье, негр не нанес ему второго удара, иначе он неминуемо погиб бы, но Боб, увидев своего юного хозяина лежавшим на земле, склонился над ним, чтобы, забыв обо всем, узнать, жив ли тот.

— Мой добрый масса Мартин! — причитал верный черный. — Здесь быть храбрый массер Боб! Он быстро разрезать ремни массы Мартина.

Очнувшийся вождь поднялся и вытащил нож, чтобы ударить им негра сзади, но вдруг услышал вой врагов и увидел, что его люди уже обратились в бегство, а бывшие пленные тоже мчались прочь.

Тяжелый Мокасин понял, что сиу пора уносить ноги, тем более, что в глубине души он был трусоват. В мгновение ока взлетел на свою лошадь. Счастье, что его люди все ружья закрепили у седел! Пробившись верхом к Бауману, обезумевшая лошадь которого в этот момент понесла, он успел все же резко схватиться за повод и, издав леденящий души всех, кто его слышал, крик, которым погнал своего жеребца, поскакал прочь, вверх по реке, уводя за собой лошадь Баумана с ее связанным седоком.

Глава двенадцатая. У ПАСТИ АДА

Сиу-огаллала были уверены, что верховья реки для них свободны. Опасаться встретить там врагов, по их мнению, не стоило. Если они доберутся до могилы вождя, то спокойно скроются из виду, поскольку ее окрестности могут послужить великолепным укрытием даже от гораздо более многочисленного противника. Но вскоре им суждено будет понять, что это было роковое заблуждение.

Как уже упоминалось, еще накануне, прежде чем на рассвете покинуть озеро Йеллоустоун, Олд Шеттерхэнд велел Виннету вместе с оставшимися с ним воинами скакать к Пасте Ада и ждать там, что вождь апачей и сделал.

Токви-тей, вождь шошонов, находящийся рядом с апачем, хотел отправиться в путь сразу же после отъезда Олд Шеттерхэнда, но Виннету остановил его.

— Пусть мои братья подождут здесь еще немного, — сказал он, — и позволят лошадям попасть, ведь на тропе, которой мы будем следовать, для них нет никакого корма.

— Ты точно знаешь этот путь? — спросил шошон, пристально глядя на апача.

— Виннету знает все прерии и воды, все горы и долины от моря на юге до самого Саскачевана!

— Но чем быстрее мы уедем, тем скорее будем у цели!

— Мой брат прав, но иногда все бывает не так, как предполагаешь. Мы наверняка достигнем Пасте Ада прежде, чем солнце сядет в свой вигвам за извергающими воду горами. Виннету знает, что делает. Храбрые воины шошонов могут положиться на него. А сейчас пусть они спокойно доедят свое мясо. Когда придет время, Виннету даст знак к отъезду.

И апач забросил на плечо свое Серебряное ружье и удалился, скрывшись в девственном лесу. Не в его правилах было отказываться от принятых ранее решений, не имея на то веских оснований. Токви-тею ничего не оставалось, как подчиниться.

Индейцы готовили себе завтрак и при этом все время вспоминали о безрассудной выходке сына Охотника на медведей и его четырех компаньонов.

Их затянувшийся «банкет» продолжался до тех пор, пока не появился апач. Он сразу же направился к своему жеребцу и ловко вскочил в седло. Этого было достаточно, чтобы шошоны поняли: скачка продолжается. Они

верхом, один за другим, последовали за своим проводником, позаботившись о том, чтобы оставить как можно меньше следов.

Если Виннету даже по индейским понятиям слыл очень молчаливым воином, то сегодня, похоже, он менее всего был склонен доказать обратное. Апач скакал довольно быстро, чтобы постоянно держаться впереди на определенном удалении от шошонов. А они настолько уважали знаменитого воина, что ни один из них не осмеливался приблизиться к нему. Даже Токви-тей соблюдал почтительную дистанцию.

Так, молча, отряд всадников и продолжал двигаться по лесу, сквозь плотную листву которого не мог пробиться ни один солнечный луч. Массивные стволы высились словно гигантские колонны, и никакого, даже чахлого, кустика не попадалось на пути. Голоса птиц, встречавших рассвет, давно умолкли, и лишь иногда царившее вокруг безмолвие нарушалось щелканьем или треском, издаваемым самим лесом.

Неожиданно из чащи выплыла небольшая травянистая прерия. Лес резко обрывался, а земля, из трещин которой пробивалась травка, очень скоро стала каменистой.

Виннету позволил своему коню сбавить темп и, подождав, пока Токви-тей нагнал его, указал на запад, где над горизонтом зависли серо-голубые облака.

— Там горы реки Огненной Дыры, за ними открывается Пасть Ада, — произнес он.

Шошон обрадовался, что апач наконец нарушил молчание. Конечно, он хорошо знал, какое качество считается лучшим украшением воина, но даже у угрюмейшего индейца однажды может возникнуть желание произнести спич; именно в таком состоянии сейчас находился Токви-тей.

Он и раньше очень много слышал об Олд Шеттерхэнде; теперь же шошон познакомился с ним, да еще таким странным образом, и смог воочию убедиться, что молва о достоинствах и подвигах знаменитого белого охотника отнюдь не вымысел. Даже сам он, Токви-тей, будучи старше Олд Шеттерхэнда, испытывал преклонение перед охотником, какого он не чувствовал ни перед кем. Может быть, к этому преклонению добавлялась отчасти и робость, но, несмотря на барьер, который эта робость воздвигла между ним и Олд Шеттерхэндом, вождь все же очень ему симпатизировал. Дружелюбие, спокойствие и благосклонность белого человека не могли не завоевать сердце шошона, как и сердца многих других.

Уже давно Токви-тей хотел разузнать об Олд Шеттерхэнде побольше, а лучше апача никто не мог рассказать о нем. Шошон бросил взгляд в

указанном Виннету направлении и сказал:

— Токви-тей еще никогда не ступал по этой земле, но его ухо часто слышало, как рассказывали о ней старые, седые воины шошонов. А мой брат слышал что-нибудь о ней?

— Нет.

— Глубоко под горами и ущельями лежит тело вождя, чья душа до сих пор не может попасть в Страну Вечной Охоты, хотя он был храбрейший воин, и много палаток были украшены скальпами поверженных им врагов. Его имя Кун-па. Мой брат наверняка слышал его.

— Нет. Знаменитый вождь с таким именем неизвестен апачам. Кун-па на языке шошонов означает Огненная Вода, но так янки называют бренди или виски.

— Да, имя того вождя звучало именно так, ибо он продал свою душу и все свое племя бледнолицым, которые за это дали много «огненной воды». Поначалу он вырыл против них топор войны, чтобы стереть с лица земли, и его воинов было больше, чем бледнолицых, но те имели «огненное оружие» и... «огненную воду»! И все же вождь белых попросил о переговорах. Они встретились между обоими военными лагерями. Пока они договаривались, вождь бледнолицых дал красному воину выпить «огненной воды». А тот никогда раньше ее не пробовал. И он пил и пил ее, пока злой дух «огненной воды» не завладел им! И тогда он предал своих воинов, чтобы получить еще «огненной воды». Они все погибли, и никто из них не спасся.

— А вождь? — спросил Виннету.

— Он остался совсем один, никому не нужный. Он был предателем, и белые не стали его убивать. Они пообещали ему еще больше «огненной воды», если он проведет их по своим землям. И он повел их. Вигвамы его племени стояли там, где сейчас высятся извергающие воду горы. Тогда долина реки Огненной Дыры была лучшим пастбищем этих мест. Стебли травы высились над всадниками, а по бизоньим тропам бродили бесчисленные стада. Туда и привел Кун-па бледнолицых. Они набрасывались на красных людей и убивали их, не щадя ни женщин, ни детей, а вождь все пил «огненную воду», пока не запылала его уста. Тут он громко взвыл от боли и не знал, куда деться от ужасных мук. Его вой пронесся над прериями и лесами, достигнув горных вершин на другой стороне озера Желтого Камня. Там жил Великий Дух всех красных людей. Услышав крик, Великий Дух пришел сюда и увидел все, что произошло. Он пришел в дикую ярость. Одним ударом своего томагавка он прорубил в земле расщелину глубиной в несметное число дневных переходов, а потом

бросил Кун-па туда. Там, в самом низу, этот предатель лежит до сих пор, спустя много сотен солнц. Если он в своих нескончаемых муках пытается сменить положение и при этом издает страшный рев, дрожат все окрестности озера Желтого Камня вплоть до самой Змеиной реки, а из расщелин и дыр его жалобный вой слышен и здесь, на поверхности. «Огненная вода» кипящим потоком брызжет из его рта, она заполняет все щели и трещины, она кипит и выбрасывает пар ввысь, она бурлит и бьет ключом отовсюду, она дымит и смердит! А если вдруг какой-нибудь одинокий всадник проезжает мимо, он видит и чувствует, как дрожит и трескается под копытами его лошади земля и кипящие струи бьют до самых облаков; он слышит рев, раздающийся будто из-под земли из тысяч глоток, и мчится прочь от этого места, ибо знает, что это плачет проклятый Великим Духом Кун-па.

Если шошон ожидал, что Виннету сделает какое-нибудь замечание по поводу его живоописания, то он ошибался. Апач невозмутимо продолжал смотреть прямо перед собой. На его устах, правда, мелькнула едва заметная улыбка. Токви-тей не выдержал и задал вопрос:

— Что скажет об этом мой брат?

— Что никогда такая большая группа белых воинов еще не появлялась у реки Огненной Дыры.

— Мой брат уверен в этом?

— Уверен.

— Но ведь все это произошло много солнц назад; тогда моего красного брата еще не было на свете.

— Токви-тей, вождь шошенов, тоже еще не родился в то время. Откуда же он может знать, что произошло тогда?

— Он слышал об этом. Старики рассказывали ему, а они узнали от праотцов их отцов.

— Когда жили праотцы, еще не было никаких бледнолицых. Я слышал это от того, кто знает очень многое — от моего белого брата Олд Шеттерхэнда. Когда я был с ним первый раз на реке Огненной Дыры, он объяснил мне, как образуются те дыры, из которых бьет ключом холодная и горячая вода. Он рассказал мне, как зарождаются леса и горы, каньоны и пропасти.

— Разве он знает об этом?

— Да, и очень хорошо.

— Неужели он сам все это видел?! — усмехнулся Токви-тей.

— Это ни к чему ученому человеку. Когда воин видит след ноги, он знает, что прошел человек, хотя и не присутствовал при этом. Подобные

следы оставляет и Великий Дух, а Олд Шеттерхэнд может читать их.

— Уфф! — вырвалось у удивленного шошона.

— Послушай его внимательно сам, когда он говорит, и ты еще многому удивишься! Тихими ночами я сидел рядом с ним и вслушивался в каждое его слово — это были слова Великого Духа! С тех пор, как я их услышал, я всегда поступаю точно так же, как Олд Шеттерхэнд: не убиваю людей, если есть другой выход, потому что все люди — дети Великого Духа, который хочет счастья всем своим сыновьям и дочерям.

— Значит, белые люди тоже его дети?

— Да.

— Уфф! Почему тогда они преследуют своих красных братьев? Почему грабят их земли? Почему они кочуют с места на место? Почему полны хитрости, коварства и лжи?

— Чтобы ответить вождю шошонов на эти вопросы, мне придется говорить много часов. Но я лишь спрошу его: а все ли красные люди хорошие?

— Нет. Среди них есть и хорошие, и плохие.

— Так вот, то же самое и с бледнолицыми; среди них тоже есть хорошие и плохие. Олд Шеттерхэнд принадлежит к хорошим.

— Но зачем он пришел к красным людям?

— Он хотел поближе узнать их, но он еще обязательно вернется к своим родным вигвамам.

— Может, мой красный брат скажет, где он встретил его в первый раз?

— Это было на юге, далеко отсюда, там, где пасутся кони апачей. Псы-команчи¹⁴⁸ выползли из своих нор, чтобы облаять храбрых воинов апачей. Тогда вожди созвали большой совет, а на следующее утро собрали десять раз по десять и еще шесть воинов, чтобы добыть скальпы врагов.

Дальше Виннету рассказал, как он познакомился с Олд Шеттерхэндом, как они стали друзьями и, наконец, братьями¹⁴⁹.

Закончив, он тотчас дал коню шенкелей, чтобы удалиться на ту дистанцию, которая прежде отделяла его от остальных; и больше он не приближался к ним за весь остаток пути.

Его предсказание, что лошадям пастись будет негде, сбылось: с этого момента земля стала скалистой и бесплодной. Вокруг лежала равнина, но многочисленные впадины и воронки вынуждали всадников тратить время на их объезд. Солнце палило нещадно, и лошадей следовало беречь, поскольку было весьма вероятно, что грядущий день мог отнять у них все силы. Поэтому животных пустили шагом, и теперь отряд медленно

приближался к уже упомянутым, показавшимся на западе высотам.

Так прошел почти весь день. Солнце уже преодолело три четверти своего пути, когда они достигли восточных подножий гор Огненной Дыры.

Постепенно скалы сменились лугом, а когда земля начала подниматься, то тут, то там стали появляться источники, на берегах которых освежающий ветерок шерстил листву кустов.

Виннету держал путь к долине, что широким прямоугольником врезалась прямо в горы. Чем дальше продвигались всадники, тем теснее окружали их крепкие вековые деревья. Вскоре отряд подъехал к озеру, на берегу которого Виннету спрыгнул с жеребца. Он расседлал животное, снял узду и завел коня в воду, чтобы освежить его после утомительной поездки. Остальные последовали его примеру.

При этом никто не обронил ни слова. Никто не спрашивал апача, собирается ли он разбивать тут лагерь. Виннету вышел из воды и, опершись о ружье, стал неподалеку. Этого было достаточно, чтобы все поняли, что апач снова готовился ехать дальше.

Прошло совсем немного времени, и его жеребец вышел из воды, направившись к хозяину. Апач оседлал коня и вскочил на него. Оглядываясь, чтобы проверить, следуют ли за ним воины, он посчитал излишним, это было ясно и так.

Долина становилась все уже. Когда-то ее создал водный поток, берущий начало где-то в горах. Оказавшись наверху, всадники снова въехали в дикий лес, в котором, казалось, никогда не ступала нога человека.

Апач точно знал дорогу. Он вел коня с потрясающей уверенностью, будто шел давно проторенным путем. Сначала он двигался круто вверх под кронами огромных деревьев, затем — прямо по равнине и, в конце концов, спустился вниз, в долину, по другую сторону горного хребта, петляя меж рассеянных повсюду скальных обломков.

Вдруг раздался такой оглушительный грохот, будто рядом взорвали порядочную порцию динамита. Лошади от страха тотчас понесли, а со всех сторон раздалась такая пальба, словно стреляли из крепостных орудий. Потом прокатившийся рокот распался на треск, свист и шипение. Казалось, вот-вот перед самым носом опешивших всадников взметнется гигантский фейерверк.

— Уфф! — воскликнул Токви-тей. — Что это?

— Это Кун-туи-темба, Пасть Ада, — спокойно пояснил Виннету. — Мой брат слышит ее голос.

Они проехали еще несколько шагов, и Виннету придержал коня, развернувшись к шошонам.

— Пусть мои братья подъедут ко мне. Там, внизу, Пасть Ада.

Он указал в пропасть, и индейцы не без страха заглянули вниз.

Они стояли на краю почти отвесной скальной стены, обрывающейся в бездну на многие сотни футов. В самом ее низу раскинулась долина реки Огненной Дыры. Прямо перед ними, на противоположном берегу, из-под земли вырывался фонтан воды, бивший ввысь примерно футов на пятьдесят, а диаметр этого водного столба составлял, пожалуй, добрых футов двадцать. Наверху фонтан напоминал шарообразный колпак, из которого в небо более чем на сотню футов выстреливали бесчисленные водные струи не тоньше человеческой руки. Вода была горячей благодаря тому, что гигантский, раскрывающийся зонтиком фонтан покрывала пелена полупрозрачных испарений.

Позади этого чуда природы стена берега отступала, образуя котловину, на дальний край которой словно прилегло отдохнуть заходящее солнце, под лучами которого водяной столб искрился и мерцал радугой.

— Уфф, уфф! — прозвучало едва ли не из каждых уст, а вождь шошонов вопросительно уставился на Виннету:

— Почему мой брат называет это место Кун-туи-темба, Пасть Ада? Не лучше ли называть его Таб-туи-темба, Уста Небес?

— Нет, это был бы обман.

— Почему? Токви-тей никогда не видел такого величия!

— Моего брата легко провести. Все гадкое поначалу кажется прекрасным, но умный человек никогда не спешит с выводами.

Взгляды восхищенных индейцев еще сильнее были прикованы к прекрасному виду, когда внезапно раздался удар грома, точь-в-точь такой же, как и первый, и мгновенно картина изменилась. Напор воды спал, водяной столб будто испарился, а там, откуда только что бил фонтан, на несколько мгновений разверзлась земля, послышался приглушенный раскатистый звук, после чего открывшаяся дыра начала выталкивать кольца желто-коричневого пара. Толчки становились все чаще, пока сопровождающие их звуки не слились в резкое шипение; кольца превратились в отвратительный столб дыма, а на смену ему появилась темная, вязкая масса, которая, как и фонтан, взметнулась ввысь, распространяя вокруг ужасный смрад. Какие-то ошметки вместе с жидкой грязью стали разлетаться по округе, а когда все это завершилось, послышалось глухое рычанье, напоминавшее звуки из балагана, когда в нем показывают диких зверей незадолго до их кормления. С маленькими перерывами извержения следовали толчками, одно за другим, а в промежутках из дыры доносились вытье и стоны, как будто там, в недрах,

мучились души отъявленных злодеев.

— Кац-ангва!¹⁵⁰ — не выдержал Токви-тей, заткнув нос. — Такого зловония не вынесет даже храбрый воин!

— Ну, — улыбнулся Виннету, — мой брат и теперь все еще хочет называть эту дыру «Устами Небес»?

— Нет. Пусть там, в этой дыре, сгинут все враги шошонов! Не лучше ли нам отправиться дальше?

— Поедем и разобьем наш лагерь внизу, у Пасти Ада.

— Уфф! Это так необходимо? — шошону предложение апача было явно не по вкусу.

— Да. Олд Шеттерхэнд дал нам такой приказ, и мы выполним его. Пасть Ада брызжет сегодня последний раз; до завтра она не будет беспокоить носы шошонов.

— Тогда мы последуем за тобой, но если эта Пасть снова начнет плевать, нам лучше держаться вдали.

Теперь апач продвинулся немного вдоль края обрыва и вскоре вывел своих спутников к тому месту, где берег состоял из рыхлой горной породы и мягкого грунта. Здесь скрытые подземные силы показали свое лицо — за несколько столетий один из кратеров поглотил целую стену берега, и теперь омытый дождями, накатанный мягкий грунт образовывал целый откос, усеянный полусгнившими древесными стволами и обломками скал.

Этот оползень оказался крутым и выглядел отнюдь не безопасным. На его поверхности виднелись многочисленные серные дыры, из которых шел водяной пар — верный знак того, что почва здесь подточена водой.

— И здесь мой брат хочет спуститься? — удивленно спросил Токви-тей апача.

— Да. Другого пути нет.

— А мы не сорвемся вниз?

— Если будем неосторожны, то все может случиться. Виннету, когда был здесь с Олд Шеттерхэндом, тщательно обследовал окрестности. Здесь есть места, где земная кора не толще твоей руки. Но Виннету пойдет впереди. Его конь умен и не ступит туда, где его может поджидать опасность. Мои братья могут спокойно следовать за мной.

— Разве Олд Шеттерхэнд не приказал, чтобы мы выслали на этом берегу разведчиков и дали ему о нас знать? Разве мы не сделаем так, прежде чем перейдем реку?

— Нет, мы не станем этого делать. Огаллала, похоже, придут сюда скорее, чем Олд Шеттерхэнд. Мы должны сами высмотреть их.

Вождь апачей решительно направил своего жеребца через край

горного обвала и, не спешиваясь, позволил ему самому выбирать дорогу при спуске в бездну. Индейцы последовали за ним нерешительно, но, когда увидели, как осторожно конь Виннету прежде, чем сделать шаг, пробует землю копытом, они полностью доверились своему проводнику.

— Пусть мои братья держатся подальше друг от друга, — приказал тот, — чтобы земля на одном участке неслла груз только одного всадника. Если почувствуете, что лошади грозит падение, рвите поводья вверх и разворачивайте ее.

К счастью, все обошлось. Хотя всадникам пришлось преодолеть множество опасных, почти полых мест, где земля вот-вот, казалось, должна была обвалиться, им удалось без приключений спуститься вниз, к реке.

Река здесь была очень теплой; ее воды казались маслянистыми, в то время как чуть выше по течению они были чистыми и прозрачными. Именно там лошадей и загнали в реку, которую те переплыли без труда. Оказавшись на другом берегу, Виннету снова направил коня вниз по течению, прямо к Пасти Ада.

Извержения и в самом деле прекратились. Когда всадники прибыли на место и осторожно приблизились к краю дыры, они смогли заглянуть в глубочайшую бездну, внутри которой все было, как ни странно, тихо и спокойно. Кроме расшвырянного вокруг грязного ила, ничто не говорило о том, что всего несколько минут назад здесь царил самый настоящий ад.

Теперь Виннету указал в сторону скальной котловины, лежавшей позади Пасти Ада, и сказал:

— Там могила вождя, у которой Олд Шеттерхэнд одолел трех знаменитых воинов сиу-огаллала. Пусть мои братья следуют туда за мной!

Дно котловины было почти круглым и в диаметре составляло половину английской мили. Стены оказались так круты, что о том, чтобы выбраться по ним из скальной воронки, не приходилось и мечтать. Множество дыр с горячей жижой или с кипящей водой постоянно напоминали о необходимости быть осторожными. Ни травы, ни каких-нибудь даже самых убогих растений нигде не было видно.

Прямо в центре этой долины был насыпан холм. Его, как легко можно увидеть, соорудили из камней, кусков серы и застывшего ила, который теперь представлял собой твердую, но ломкую массу. Высота холма составляла примерно футов пятнадцать, а ширина и длина — около двадцати. На самой его вершине торчали воткнутые луки и копья. Когда-то они были украшены всевозможными символами войны и смерти, от которых сейчас остались одни лохмотья.

— Здесь, — произнес Виннету, — похоронены Храбрый Бизон и Злой

Огонь, сильнейшие воины огаллала, которых уложил своим кулаком Олд Шеттерхэнд. Они сидят на своих лошадях, держа ружья на коленях, щит — в левой руке, а томагавк — в правой. Имя третьего воина неизвестно, поскольку он в тот момент не владел своими «лекарствами». А там, наверху, Олд Шеттерхэнд прятал своего коня, прежде чем спустился, чтобы вступить в смертельную схватку. Он стрелял оттуда из ружья и наносил раны одному сиу за другим. Он не хотел их убивать, а они своими пулями даже не могли достать его, ибо Великий Дух бледнолицых оберегал моего белого брата.

С этими словами вождь показал вправо, в сторону скальной стены, из которой на высоте, быть может, сорока футов торчал выступ, усыпанный множеством скальных обломков высотой в человеческий рост. От него вниз, вплоть до самой земли, тянулся целый ряд похожих, но гораздо более мелких выступов, по которым с трудом, но все-таки можно было подняться наверх. Как Олд Шеттерхэнду удалось проделать это верхом, оставалось загадкой.

Шошоны не скрывали своего удивления. Если бы это сказал кто-либо другой, а не Виннету и речь бы шла не об Олд Шеттерхэнде, они попросту посчитали бы говорившего лжецом.

Их вождь медленно обошел могилу, окинул всю ее взглядом, а потом спросил у Виннету:

— Как думает мой брат, когда сиу-огаллала появятся у реки Огненной Дыры?

— Возможно, уже сегодня вечером.

— Тогда им суждено увидеть могилу их вождя разрушенной. Его прах будет развеян по ветру, а кости полетят в Пасть Ада, чтобы их души были в бездне вместе с Кун-па, которого проклял Великий Дух! Эй, воины, возьмите ваши томагавки и разбросайте этот холм! Токви-тей, вождь шошонов, начинает первым!

Он соскочил с коня и выхватил свой томагавк, чтобы выполнить задуманное.

— Стой! — приказал Виннету. — Разве тех троих, чью могилу ты хочешь осквернить, убил ты?

— Нет, — ответил шошон, искренне удивляясь такому вопросу.

— Тогда убери от нее руки! Эти воины принадлежат Олд Шеттерхэнду. Он не взял их скальпов и даже помог похоронить своих врагов. Храбрый воин не сражается с костями мертвых, хотя красные люди и находят удовольствие в осквернении могил своих врагов, Великий Дух хочет, чтобы мертвые обрели покой, и Виннету будет защищать их могилы!

— Ты запрещаешь мне бросить псов-огаллала в Пасть Ада?

— Я тебе ничего не запрещаю, ибо ты мой друг и брат. Но знай: если ты прикоснешься к этой могиле, то будешь сражаться со мной. Если ты убьешь меня, делай то, что захочешь, но Олд Шеттерхэнд потом потребует от тебя отчета. Этого, конечно, не случится, ибо Виннету, вождь апачей, не знает никого, кто смог бы его победить! Мои братья осмотрели могилу вождя, а сейчас они последуют за мной обратно к месту лагеря!

Он повернул своего жеребца и поскакал прочь, снова к Пасти Ада. И в этот раз он опять не оглядывался и не проверял, следуют ли за ним остальные.

Подобным тоном с Токви-теем не разговаривал еще ни один его друг. Шошон был разгневан, но все же не рискнул возражать апачу. Он буркнул себе под нос угрюмое «уфф!» и последовал за ним. Его люди молча поскакали следом — решительное поведение Виннету произвело на них сильное впечатление.

Когда вождь апачей остановил жеребца неподалеку от Пасти Ада и спешился, начало смеркаться. Несмотря на близость этого вулкана, из скал бил холодный ключ, который пересекал долину и исчезал где-то в реке. Место не имело никаких достоинств для оборудования здесь лагеря, но Виннету знал, почему он решил провести ночь именно здесь и нигде больше. Он привязал коня к кольшку, скатал одеяло, положил этот скат себе под голову и прилег возле скалы. Шошоны проделали то же самое.

Они расположились поближе друг к другу, и потекла тихая беседа. Их вождь, утихомирив свой гнев, спокойно лег рядом с апачем. Прошло несколько часов. Казалось, Виннету мирно спит. Но вдруг он вскочил, схватил свое ружье и сказал Токви-тею:

— Пусть мои братья лежат спокойно. Виннету пойдет на разведку.

И он исчез во тьме, как призрак. Оставшиеся не собирались засыпать раньше, чем услышат о результатах его рискованной прогулки. Но им пришлось ждать долго — Виннету вернулся лишь в полночь. Апач был лаконичен:

— Хонг-пе-те-ке, Тяжелый Мокасин, стоит лагерем со своими людьми у Воды Дьявола. Вместе с ними Гроза Медведей и его пять спутников, а также наши братья, которые покинули нас вчера. Олд Шеттерхэнд наверняка где-то рядом. А теперь пусть мои братья заснут. На рассвете Виннету с Токви-теем еще раз подползут к Воде Дьявола. Хуг!

Он лег. Новость, которую он принес, была волнующей, но никто не выдал своего беспокойства. Шошоны полагали, что грядущее утро принесет кровавую развязку. Кто из них доживет до следующего вечера?

Такими вопросами индейцы не задавались. Они были храбрыми воинами, а потому спали спокойно. Естественно, не забыли о часовых, которые не сомкнули глаз до утра.

Едва забрезжил рассвет, как Виннету разбудил вождя шошонов и спустился вместе с ним к реке. По привычке они были очень осторожны, используя каждое возможное укрытие, но Виннету знал, что это излишне. Во всяком случае, сиу покинут свой лагерь не раньше, чем наступит день.

От Пасти Ада до Воды Дьявола было не больше английской мили. Когда оба настолько приблизились к цели, что теперь от них требовалась величайшая осторожность, утро уже вступило в свои права, и в его свете можно было все различить достаточно отчетливо.

Река недалеко от лагеря делала поворот. Оттуда, прячась за углом скалы, оба вождя смогли рассмотреть сиу. Те только что привели лошадей, которых прежде водили на водопой ниже лагеря, а сейчас принялись за еду.

Виннету направил свой взгляд на высоты правого берега, откуда должен был появиться Олд Шеттерхэнд, если он уже не находился там.

— Уфф! — произнес он тихо. — Олд Шеттерхэнд здесь.

— Где? — удивился Токви-тей.

— Там, с той стороны, на горе.

— Но там же непроходимый лес!

— Разве мой брат не видит воронов, парящих над деревьями? Их спугнули. А кто? Это мог сделать только Олд Шеттерхэнд. Он лесом спустится вниз, окажется у реки ниже сиу и там, где они не смогут его заметить, перейдет ее. Потом он нападет на них и погонит вниз по течению. К тому времени мы должны стоять у Пасти Ада, чтобы не дать им уйти и загнать в долину, где находится могила их вождя. Пусть мой брат ускорит шаг — у нас мало времени.

Оба спешно вернулись. Виннету, как оказалось, в целом сделал верные предположения, но деталей, конечно, он знать не мог.

Когда они вернулись к своим, то получили от апача все необходимые указания и приготовились к схватке. Противник должен был быть зажат между двух огней.

В этот миг под землей что-то зашумело, а потом раздался оглушительный грохот.

— Вода Дьявола подает свой голос, — пояснил Виннету. — Сейчас начнет плеваться Пасть Ада. Отойдем, чтобы ее плевки случайно не попали в нас!

Виннету давно знал, что оба кратера связаны между собой, поэтому отвел своих людей подальше. Вскоре Вода Дьявола перестала бушевать, и

теперь апач мог слышать боевой клич тридцати шошонов и апсарока, которые как раз в тот момент бросились на сиу.

Все, что он предсказывал, теперь сбывалось. Пасть Ада начала свое извержение точно так же, как и вчера вечером, когда его люди появились здесь. Среди грома и шипения вверх взметнулся водяной столб, и его разлетающиеся на огромной высоте струи дождем хлестанули по округе. Благодаря разбушевавшейся стихии Виннету и его люди получили великолепное укрытие, поскольку стремящиеся сюда сиу не могли пока видеть скрывающихся позади гигантского фонтана шошонов. Виннету как можно дальше отогнал своего жеребца в сторону, чтобы иметь возможность наблюдать все, что происходило ниже по течению. Он увидел, как враги обратились в беспорядочное бегство, гонимые поистине паническим страхом.

— Они там! — крикнул вождь апачей. — Когда я дам знать, выходите из-за плюющей Пасти Ада и не дайте им уйти вниз, между нею и рекой. Их нужно направить влево, в долину, к могиле их вождя. Но не стреляйте. Один только страх загонит их туда!

Тем временем сиу, бегущие впереди, уже были совсем близко. Они действительно хотели ускользнуть вверх по реке. Но Виннету уже обежал фонтан сзади. Его боевой клич резко зазвучал в утреннем воздухе, и шошоны подхватили его. Сиу, увидев, что путь отрезан, быстро повернули коней. Им ничего не оставалось, как искать спасения в скальной котловине.

За передними рядами удирающих показался тесно сплоченный клубок всадников. Апач не мог узнать сразу тех, кто там был. Но через несколько мгновений стало ясно, что несущаяся галопом масса состояла как из краснокожих, так и белых. Ядро ее образовывали вождь огаллала, Гроза Медведей и Хромой Фрэнк.

Привязанные к лошадям пленники, как уже упоминалось, пытались, насколько могли, повернуть животных навстречу освободителям. Прозвучал яростный крик в несколько голосов. Его издали Мартин Бауман, Вокаде и Боб, первые двое из которых уже были освобождены от пут. А кричали они, потому что увидели: вождь сиу уводит с собой старшего Баумана. Фрэнк среагировал сразу; он огляделся. Его взгляд упал на сиу, и он тотчас понял, в какой опасности оказался Охотник на медведей. Фрэнк, все еще связанный, быстро и резко повернул своего коня одним лишь нажимом шенкелей и осадил его перед негром.

— Разрежь веревки, Боб! Освободи меня! Быстрее, быстрее! — не кричал, а дико орал он.

Боб мгновенно подчинился приказу, а Фрэнк спрыгнул с лошади,

вырвав у одного из застреленных Олд Шеттерхэндом сиу из-за пояса томагавк. Тут же он снова влетел в седло и помчался вперед, вслед за вождем.

У Боба коня не было. Мартин и Вокаде не могли оказать помощи старому Бауману: собственные руки и ноги не слушались их после крепких веревок. Единственное, что они могли сейчас сделать, это орать изо всех сил. Тем самым они привлекли внимание Джемми. Тот огляделся и в ужасе заорал в ухо своему длинному другу:

— Дэви, назад! Сиу уводят Баумана!

И тут перед ними возник Боб, уже разрезающий их веревки. Джемми выхватил у него нож и галопом погнал лошадь за саксонцем, а Дэви без оружия помчался за ним.

В этот момент промчались мимо шошоны и апсарока, следовавшие за друзьями и врагами, а Олд Шеттерхэнду, ведущему под уздцы оставленного Бобом коня, удалось, наконец, верхом на своем жеребце достичь берега.

Никто в суматохе не обращал на него внимания, но от него ничто не ускользнуло.

— Вот твой конь и твой мушкет, бравый Боб, — крикнул он, бросая негру поводья и оружие. — Освободи тех, кто еще связан. А потом веди их всех сюда.

Зарядив свое разряженное ружье, охотник поспешил дальше. До сих пор у него не было ни секунды времени, чтобы позаботиться об оружии, потому что сразу после двух выстрелов, убедившись, что его пули не пролетели мимо, Шеттерхэнд как можно быстрее стремился добраться до левого берега реки.

Теперь земля между Пастью Ада и Водой Дьявола напоминала поле брани. Индейцы и белые кричали изо всех сил. Из беглецов никто ни о чем не думал, кроме собственного спасения. А освободившиеся белые, шошоны и апсарока мчались вперед, не стреляя по врагам, ибо сейчас у них была лишь одна цель — освободить Баумана.

Олд Шеттерхэнд высоко поднялся в стремях, закинув за спину штуцер, и сжал в руке двустволку. Он оказался позади всех, но его жеребец несся так стремительно, что почти касался брюхом земли, и очень скоро настиг апсарока и пятнадцать шошонов.

— Только без спешки! — крикнул Олд Шеттерхэнд, обгоняя их. — Нужно загнать сиу в котловину! Там, наверху, стоит Виннету. Он не позволит им проехать мимо. Ни один из них не должен ускользнуть. Но не убивайте их!

И он проскакал дальше, мимо друзей и оставших врагов. Копыта его коня почти буквально «поглощали» дорогу. Нужно было во что бы то ни стало добраться до Баумана, прежде чем могло произойти несчастье.

Лошадь маленького саксонца была явно не из рысаков, но Фрэнк ревел так яростно и так работал топорищем своего томагавка, словно это были крылья мельницы, мчась вперед с бешеной скоростью. Долго, конечно, так он выдержать не мог, и это было очевидно.

Все же ему удалось настичь вождя сиу-огаллала. Он поравнялся с ним, занес томагавк для удара и крикнул:

— Собака, иди сюда! С тобой покончено!

— Чи-га ши ча лег-ча!¹⁵¹ — пробормотал вождь, язвительно усмехнувшись.

Он повернулся к Фрэнку и отбил его удар голой рукой; оружие выскользнуло из руки саксонца. Сиу тут же выхватил из-за пояса нож, чтобы пырнуть им бывшего «слугу леса» и сбросить его с седла.

— Фрэнк, берегитесь! — крикнул Джемми, изо всех сил погонявший своего коня, чтобы догнать земляка.

— Никаких страхов! — отозвался малыш задорно. — Меня так легко не укукошит ни один краснокожий!

Он придержал свою лошадь и тем самым избежал ножа краснокожего, а потом одним махом смело перепрыгнул из своего седла прямо на круп чужого коня, тотчас обхватил Тяжелого Мокасина сзади и прилип к нему, накрепко прижав его руки к телу.

Вождь зарычал, как зверь. Он попытался освободить руки, но это ему не удалось, Фрэнк давил его изо всех сил.

— Отлично! Не отпускайте его! Я иду! — выкрикнул Олд Шеттерхэнд.

— Тогда поторопитесь немного! — кряхтя, ответил ему Фрэнк. — Расплющить такого парня — это вам не шутка!

Все произошло молниеносно, гораздо быстрее, чем можно об этом рассказать. Огаллала продолжал держать в правой руке нож, а в левой — поводья лошади Баумана. Он дергался и, как уж, извивался во все стороны — все напрасно! Из объятий Фрэнка вырваться ему никак не удавалось.

Бауман был связан; он не мог ничего сделать для своего освобождения и лишь побуждал Фрэнка держать сиу еще крепче. Тот хотя и еле дышал, но ответил:

— Ладно! Я обхватил его, как *Boabab Constrictor*¹⁵², и отпущу не раньше, чем лопнут легкие!

Огаллала теперь не имел власти над своим конем, а тот бежал все

медленнее. Благодаря этому Джемми все-таки удалось его догнать. Дэви тоже приближался. Толстяк скакал рядом с Бауманом и ножом Боба смог перерезать веревки.

— Ха, получилось! — обрадованно крикнул он Охотнику на медведей. — А теперь вырвите поводья из рук красномазого!

Бауман попытался, но, конечно же, сил на это у него не хватило. Джемми хотел подать ему нож, но не смог, потому что трое из скакавших впереди сиу заметили, что их вождь в опасности. Двое из них в ярости бросились на Толстяка, а третий, похоже, готов был напасть на Фрэнка, руки которого все еще держали вождя. Тут Дэви врезал своему мулу кулаком между ушей так, что тот, едва не сойдя с ума, сделал несколько длинных прыжков вперед и налетел на третьего индейца. Американец железной хваткой своей костлявой руки схватил его за шиворот, рванул из седла и швырнул на землю.

— Ура! Аллилуйя! — возрадовался саксонец. — Поистине это спасение в последний миг! Но теперь быстро берите вождя за параболу, ибо я один больше не могу его держать!

— Сейчас! — пробормотал Длинный Дэви.

Он протянул к вождю обе руки, чтобы вытащить того из седла, но тут раздался такой жуткий грохот, что лошади в страхе заметались, столкнувшись при этом друг с другом. Дэви стоило немало труда удержаться в седле. Джемми же, которому пришлось напрячь все силы, отбиваясь от обоих краснокожих, был сброшен с лошади. Очутился на земле и Бауман, шлепнувшись, как беспомощная кукла.

Оказалось, что всадники достигли Пасти Ада. Как раз в тот момент водяной фонтан упал, а столб грязи под давлением взметнулся вверх. Горячая грязная масса разлеталась по округе подобно картечи.

Конь вождя припал на передние ноги, но собрался вновь с силами и помчался, свернув налево, к реке. Как раз в этот миг Олд Шеттерхэнд, наконец, нагнал беснующихся и танцующих на месте лошадей своих друзей и врагов.

Хотя он и собирался мчаться дальше, чтобы помочь bravому Фрэнку, однако ему пришлось отказаться от этой мысли, потому что два дикаря спрыгнули на землю и кинулись на валявшегося Джемми. Длинный Дэви слишком долго возился со своим напуганным мулом и никак не мог вовремя помочь своему толстому другу. А потому выручать Толстяка пришлось Олд Шеттерхэнду. Он осадил своего жеребца, спрыгнул на землю, после короткой схватки быстро оглушил обоих сиу прикладом своего ружья.

Виннету с шошонами все еще находился между Пастью Ада и рекой. Его задачей было не пропустить здесь сиу-огаллала и загнать их в котловину. И ему это удалось. Спасаящиеся бегством краснокожие, лишь завидев его группу, сразу повернули в долину. Все произошло так быстро, что апач даже не успел вступить в бой. А теперь присоединиться к своим ему мешал разбросанный повсюду жидкий ил. Единственный человек, о ком он мог позаботиться, это Хромой Фрэнк. Виннету увидел, что тот, все еще сидевший позади вождя и как клещами сдавивший его тело руками, на испуганном коне мчался к реке. Животное, казалось, совершенно обезумело и бешено неслось к воде, не разбирая дороги. Похоже, на берегу останавливаться оно никак не собиралось. Не раздумывая, апач галопом помчался в том же направлении, к реке, а следом за ним поспешили несколько шошонов.

Вождь сиу знал, что, если он не разомкнет объятия саксонца, то он пропал. Ярость и страх удвоили его силы. И он смог все же вытянуть вверх руки под «клещами» Фрэнка. Крепкий и резкий удар обоими локтями, и саксонец вынужден был его выпустить.

— Умри! — проревел краснокожий и замахнулся на малыша ножом.

Но тот ловко отклонился в сторону, и удар не достиг цели. У самого Фрэнка больше не было никакого оружия. Но тут он вспомнил о знаменитом ударе Олд Шеттерхэнда. В отчаянии, намертво схватив левой рукой противника за горло, он размахнулся сжатой в кулак правой и ударил огаллала в висок с такой силой, что ему показалось, будто его кулак разлетелся на части. Индеец всем корпусом подался вперед.

Но за секунду до этого они уже достигли реки. Лошадь оторвалась от берега и, описав высокую и широкую дугу, влетела в поток. Обоих всадников от удара швырнуло через голову животного.

Лошадь почувствовала себя свободной. Она проплыла некоторое расстояние, а потом медленно развернулась и спокойно вернулась к берегу.

В этот момент подоспел Виннету. Он спрыгнул с коня и вскинул ружье, готовый выстрелить, если между двумя упавшими завяжется борьба. Он собирался ранить огаллала, но оставить его в живых.

Поначалу обоих не было видно. Только «амазонка» Фрэнка покачивалась вблизи берега. Один из шошонов подцепил ее своим копьем. Тем временем ниже по течению и достаточно далеко от берега показался украшенный перьями чуб индейца. Потом невдалеке вынырнул Фрэнк. Он огляделся, а увидев голову дикаря, быстрыми гребками поплыл к нему. Краснокожий казался неподвижным, хотя, пожалуй, был всего лишь оглушен. Он хотел улизнуть, но маленький саксонец, как хищная щука,

набросился на него, заскочил ему на спину, повис на ней, схватил левой рукой за волосы и начал молотить по лбу правым кулаком. Огаллала тотчас исчез из виду, и Фрэнк вместе с ним. Над ними образовалась воронка, пошли пузыри, потом из этого водяного жернова показалась рука сиу, но быстро исчезла снова. Мелькнули обе ноги «слуги леса» и даже полы его фрака. Похоже, под водой шла борьба не на жизнь, а на смерть. Виннету не имел никакой возможности вмешаться. Олд Шеттерхэнд, Джемми, Дэви и Бауман стояли на берегу. Белый охотник отбросил оружие и сорвал с себя верхнюю одежду, уже готовый прыгнуть в воду. Но тут, кашляя и пыхтя, вынырнул Фрэнк. Кажется, он ничего не видел из-за струившейся по его лицу воды.

— Он еще там, внизу? — закричал он.

Естественно, он имел в виду вождя огаллала. Не дожидаясь ответа с берега, он снова ушел в глубину. Когда через несколько мгновений он вновь появился на поверхности, его левая рука крепко держала за волосы побежденного врага. Фрэнк медленно подплывал к берегу.

Его встретили громким ликованием, но сам он орал еще громче:

— Спокойствие! Жаль только, что моя шляпа бесследно пропала. Может, кто-нибудь из вас все же видел, куда она уплыла?

Все пожали плечами.

— Это уж слишком! Неужели из-за огаллала я должен потерять мое шапо со страусиным пером? Мерзкая история! О, да вот же оно, большей частью! У шошона на пике! Сейчас я, как судебный исполнитель, влеплю ему на полную катушку!

Выбравшись из воды, он поспешил к индейцу, чтобы вернуть свой головной убор. Лишь после этого он был готов выслушать похвалу своих товарищей.

Он победил вражеского предводителя и чувствовал себя главным героем сегодняшнего дня.

— Да, стоило усилий, — сказал он, — но нашему брату все равно. «Фэнди, финди, фунди» — так говорил Цезарь Сулейман-паше, и я вершу дела с не меньшей легкостью, нежели он!

— «Вени, види, вици» говорил он, — поправил Джемми. — А по нашему: «Пришел, увидел, победил».

— Помолчите вы, покорнейше прошу, герр Якоб Пфефферкорн! Садитесь на круп позади краснокожего, прыгните с ним с лошади в реку и попробуйте там, в воде, разорвать пополам нить его существования. После этого не буду иметь ничего против, если вы станете жалить меня аптекарско-латинскими языковыми комарами. Но, скорее, нет. Что мне ваши «пришел,

увидел, победил!»! У меня-то ведь: «Прыгнул, поплыл, окунул», а это на истинной латыни Пумы Момпилия¹⁵³ у меня означает не иначе, как: «Фэнди, финди, фунди»!

Джемми громко расхохотался. Он хотел отпустить еще какую-то реплику, но Олд Шеттерхэнд заметил:

— Прошу, господа, никаких споров! Наш бравый Фрэнк доказал сегодня, что он хороший и даже отчаянный вестмен. Он победил вождя. Что это значит, вы поймете позже. Его одного надо благодарить, если нам теперь удастся избежать кровопролития. Вот, дорогой Фрэнк, вам моя рука. Вы — парень что надо!

Саксонец схватил руку знаменитого охотника и ответил, едва не прослезившись:

— Такое слово из ваших уст радует меня по-королевски! Александр Гаубольдт¹⁵⁴ так говорит в своем «Космосе»: «Герою потомки веночек совьют, но аурикели¹⁵⁵ только весной зацветут!» Если будущие поколения воздвигнут когда-нибудь здесь мраморный камень, то среди имен других героев будет высечено и мое, а моя душа спустится потом тихой ночью и возрадуется, что она не совсем даром прожила и не зря прыгнула в реку Огненной Дыры. Мир моему праху!

Не было бы ничего удивительного в том, что те из присутствующих, кто понимал немецкую речь, ответили бы ему веселой улыбкой, но этого не произошло. Фрэнк был весьма своеобразным человеком, но, кроме того, очень искренним и душевным. Умиление, которое он испытывал, остальные разделили вместе с ним, а потому остались серьезными, смеяться над этим человеком было бы кощунственно. Виннету тоже пожал ему руку и произнес:

— Нинте кен ни шо!¹⁵⁶

Потом апач подал Олд Шеттерхэнду многозначительный знак, дав понять, что дальнейший ход событий доверяет ему полностью, а сам вскочил на коня и поскакал со своими людьми мимо вновь успокоившейся Пасти Ада ко входу в котловину, возле одной из сторон которой собрались убежавшие сиу.

Он встретил там шамана апсарока и Мох-ава, сына вождя шошонов, вместе с их воинами — все они охраняли вход. Когда огромный шаман услышал, что его смертельный враг, Тяжелый Мокасин, лежит без сознания у реки, он молнией ринулся к берегу. И прибыл туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как усилиями Олд Шеттерхэнда вождь сиу снова приведен в сознание и крепко связан. Апсарока соскочил с коня, выхватил из-за пояса

нож и выкрикнул:

— Это тот самый пес-огаллала, который отнял у меня ухо! Он должен заплатить мне своим!

Шаман хотел было склониться над пленником, чтобы забрать его скальп, но ему помешал Олд Шеттерхэнд. Охотник заговорил спокойно, но твердо:

— Пленник принадлежит нашему белому брату Хромому Фрэнку. Никто другой не имеет права поднять на него руку...

Началась словесная перепалка, в которой Олд Шеттерхэнд благодаря своей выдержке и своим терпением и красноречию все же одержал верх. Апсарока отступил, хотя и не смирился до конца.

Дальше последовали сцены, описать которые просто невозможно. Старый Бауман, для освобождения которого и отправился отряд, прижал к груди своего друга Фрэнка.

— Тебе я, конечно, должен быть благодарен особо! — воскликнул он. — Как только тебе удалось собрать такую большую компанию друзей?

Фрэнк отклонил все лестные для себя оценки, сказав, что сейчас у него нет времени на долгие рассказы и разъяснения. Указав в сторону приближающихся людей, он сказал:

— Вон идут те, кто заслуживает гораздо большей похвалы, чем я. Я только выполнял свой человеческий долг.

Бауман заметил пятерых своих спутников, которые вместе с ним были освобождены из плена и во главе которых теперь скакали Мартин, Вокаде и Боб. Охотник на медведей тотчас поспешил им навстречу. Как только негр заметил своего хозяина, он соскочил с лошади, подбежал к нему, схватил его за руки и воскликнул:

— О, мой дорогой, добрый масса Бауман! Наконец массажер Боб снова найти масса! Теперь массажер Боб петь и прыгать от радость и лопаться и разрываться от восторг! О, массажер Боб быть рад и беспредельно счастлив!

Бауман хотел заключить его в объятия, но Боб отстранился:

— Нет, масса не обнимать массажер Боб, потому что Боб убить недавно вонючка и быть не очень хорош на нюх!

— Какая там еще вонючка? Ты спасал меня, и я должен обнять тебя!

И объятие состоялось. И вот, наконец, обняли друг друга отец и сын.

— Сын мой! — не мог сдержать своих чувств Бауман. — Мы снова рядом, и ничто теперь уже не разлучит нас! Что я пережил! А сколько натерпелся ты со вчерашнего дня! Боже мой, как же твои руки порезаны веревками!

— У других еще больше! Но руки заживут, и ты тоже скоро

выздоровеешь. А теперь поблагодари тех, кто рисковал жизнью, спасая тебя. С Вокаде, моим другом, ты говорил уже вчера, с Джемми и Дэви — тоже. Но здесь стоит Олд Шеттерхэнд, лучший среди всех нас. Он и Виннету — те, кому мы обязаны удачей нашего дела. Всей нашей жизни не хватит, чтобы расквитаться с ними за свою перед ними вину.

— Я знаю это, мальчик мой, а потому очень сожалею, что сейчас не могу ничего сделать другого, кроме как просто сказать «спасибо».

Он протянул обе руки к Олд Шеттерхэнду. Тот пожал трясущиеся, израненные веревками кисти, потом указал в небо и произнес:

— Благодарите не людей, дорогой друг, а Господа Бога, который дал вам силы выстоять в этом испытании. Это ведь он привел нас сюда.

Лежавшего на земле связанного вождя сиу подняли, чтобы перенести туда, куда теперь направлялись все: к долине могилы вождя, где их ожидал Виннету вместе с шошонами и апсарока. Там, у котловины, его и положили.

Олд Шеттерхэнд вместе с апачем проехали вход в долину и остановились на ее краю, чтобы окинуть взором врагов и то положение, которое они занимали. Белый и индеец обменялись несколькими фразами. Пространных объяснений им, как всегда, не требовалось. Затем они вернулись.

Токви-тей подошел к ним.

— Что собираются делать мои братья теперь? — спросил он.

— Мы знаем, — заметил Олд Шеттерхэнд, — что наши братья имеют такое же право на голос, как и мы. Поэтому мы выкурим трубку совета. Но прежде я хочу поговорить с Хонг-пе-те-ке, вождем сиу-огаллала.

Он снова спрыгнул с коня, и Виннету сделал то же самое. Тотчас вокруг пленника образовали широкий круг. Олд Шеттерхэнд подошел к сиу и произнес:

— Тяжелый Мокасин попал в руки своих врагов, и его людям теперь грозит смерть — они зажаты между скалами и нами. Убежать им не удастся, и все они погибнут под нашими пулями, если вождь огаллала не сделает шага к их спасению.

Охотник прервался, чтобы посмотреть, не хочет ли Тяжелый Мокасин что-нибудь сказать, но, поскольку тот держал глаза закрытыми и ничем не выдавал своих чувств, белый продолжил:

— Пусть мой красный брат скажет мне, понял ли он мои слова?

Краснокожий открыл глаза, бросил на охотника полный ненависти взгляд и плюнул. Таким был его ответ.

— Вождь огаллала думает, что перед ним шелудивые псы, и потому

ведет себя так?

— Вагон кана!¹⁵⁷ — бросил в злобе пленный.

И для Олд Шеттерхэнда, и для всех остальных присутствующих эти слова были страшным оскорблением. Возможно, огаллала хотел возбудить гнев своих врагов, чтобы те убили его сразу, в пылу внезапной ярости, и таким способом он избавился бы от медленной, мучительной смерти. Но Олд Шеттерхэнд ответил ему мягко, спокойно улыбнувшись:

— Тяжелый Мокасин ослеп. Он не может отличить сильного воина от дряхлой старухи. Я испытываю к нему жалость.

— Кот-о пун-краи шонка!¹⁵⁸ — в бешенстве прорычал пленник.

Для храброго краснокожего воина нет оскорбления сильнее, чем проявление к нему жалости. Потому-то индеец и разъярился, швырнув в лицо охотнику равнозначное оскорбление.

По рядам стоявших вокруг индейцев прокатился грозный ропот. Олд Шеттерхэнд бросил на них строгий взгляд, после чего, ко всеобщему изумлению, наклонился, чтобы освободить пленника от пут.

— Вождь огаллала должен узнать, — произнес он, — что не «старая баба» и не «собака» говорит с ним, а человек. Пусть он поднимется с земли!

Индеец встал. Как ни привык он владеть собой, в этот миг все же он не смог скрыть своего смущения. Это было невозможно, немыслимо, непостижимо, но его освободили от веревок! Такое не укладывалось в его голове. Пожалуй, этот Олд Шеттерхэнд не иначе как сумасшедший, вот он кто.

— Откройте ему обзор! — приказал охотник.

Индейцы расступились, чтобы вождь мог видеть все, что происходило внутри котловины. Тяжелый Мокасин увидел своих воинов, собравшихся позади могилы вождя. По их движениям можно было понять, что они оживленно совещались. Его глаза засветились надеждой. Он больше не был связан, а у себя в племени слыл лучшим бегуном. Неужели ему не удастся сбежать? В случае успеха он достигнет своих, а если нет — его пристрелят, что все же предпочтительнее, чем мученическая смерть.

От Олд Шеттерхэнда не ускользнул блеск его глаз.

— Тяжелый Мокасин думает о бегстве? Пусть он и не помышляет об этом. Его имя говорит нам, что он оставляет большие следы, а наши ноги легкие, как крылья ласточки, и наши пули никогда не летят мимо цели. Пусть он посмотрит на того, кто стоит перед ним, и скажет, знает ли он меня!

— Хонг-пе-те-ке не смотрит на хромого волка! — буркнул дикарь.

— Разве Олд Шеттерхэнд — хромой зверь? Или здесь не стоит Виннету, вождь апачей, чье имя знаменитее имени любого воина из племени огаллала или из других народов сиу?

— Уфф! — вырвалось у пленника.

Увидеть перед собой двух братьев по крови он никак не ожидал. Пока его взгляд метался от одного к другому, Олд Шеттерхэнд продолжал перечислять, указывая рукой на каждого, кого называл:

— И здесь еще много таких же храбрых воинов. Вождь огаллала видит тут Токви-тея, предводителя шошонов, и Мох-ава, его достойного сына. Рядом стоит Канте-пета, неодолимый шаман апсарока, а там, на той стороне, — Дэви-хонске и Джемми-петаче. Мне продолжать? Нет. У меня нет на то желания. Ты будешь...

Шеттерхэнд прервал свою речь, поскольку в этот миг вблизи внезапно раздался гул, тотчас превратившийся в грохот и заставивший лошадей встать на дыбы, а бесстрашных воинов в ужасе отпрянуть. Над долиной разнесся рев, словно кто-то затрубил в гигантский горн, и земля под ногами напуганных людей и животных пришла в движение. Из рассеянных повсюду иловых дыр за клубился пар, то серо-голубой, то серно-желтый, а то вдруг кроваво-красный либо темный, как копоть. Вслед за паром на поверхность вырвались плотные массы грязи. Мест, где их вышвыривали ввысь подземные силы, было не сосчитать. Воздух переполнили адские испарения, а повсюду свистели иловые снаряды, от которых исходил почти удушающий запах.

Поднялась паника. Лошади сорвались и галопом умчались прочь; люди засновали туда-сюда, крича и в беспорядке натываясь друг на друга. Со стороны могилы послышался жуткий вой сиу-огаллала. Их лошади тоже сорвались и теперь инстинктивно мчались к выходу из котловины. Но многие из них проваливались прямо в дыры и тотчас тонули в иле. Промчавшись сквозь беспорядочную толпу у выхода из белых и краснокожих, животные только усилили суматоху, описать которую просто невозможно.

Олд Шеттерхэнд сохранял спокойствие. При первом же звуке подземной стихии он свалил вождя сиу сильным ударом кулака, чтобы тот не пустился в бега. Правда, потом охотнику пришлось выпустить его из поля зрения и отпрыгнуть в сторону, чтобы не оказаться мишенью для летающих «снарядов». При этом он столкнулся с Толстяком Джемми. Тот потерял равновесие, хотел было схватиться за Олд Шеттерхэнда, а вместо этого повалил на землю и его.

Как раз в этот момент примчались беснующиеся лошади сиу, и теперь всем без исключения пришлось подумать прежде всего о собственной безопасности.

Тяжелый Мокасин поначалу не мог и сдвинуться с места, но не от страха, а от удара Олд Шеттерхэнда. Но быстро очнувшись среди грохота и криков и снова почувствовав себя свободным, он вспомнил о бегстве. Издав пронзительный триумфальный крик, он ринулся вперед по направлению ко входу в котловину. Но далеко уйти ему не удалось. Рядом оказался Боб. Огромный негр успел занести перевернутое ружье и хватить пленника по голове прикладом. Удар пришелся вскользь, от чего сам негр растянулся на земле. Он хотел быстро подняться, но задетый одной из испуганных лошадей опять был сбит с ног.

— Вождь убежать! За ним! — громко завопил чернокожий, катаясь по земле от боли.

Несколько мгновений огаллала шатался, полуоглушенный ударом Боба, потом все же собрал силы и поспешил дальше, не замечая, что его преследуют.

Голос негра, несмотря на дикий шум, нельзя было не услышать. Первым на его крик среагировал Мартин. Увидев убегающего вождя, он помчался за ним. Неужели мучитель его отца уйдет? Нет! Руки и ноги славного парня были поранены веревками, кроме того, у него не было с собой никакого оружия, и все равно отважный юноша изо всех сил гнал своего коня вслед за беглецом.

А тот так ни разу и не оглянулся. Все его внимание было поглощено дорогой. Он рвался в котловину, но там открылось множество иловых дыр, и ему пришлось свернуть направо, к стене долины, поскольку вдоль нее легче и безопаснее можно было перебраться в какое-нибудь укрытие.

Но он ошибся. У стены тоже все дымилось и чадило, а потому беглецу пришлось снова отступить. Кажущаяся твердой земля превращалась на глазах в жидкую, вязкую, засасывающую массу, объятий которой он мог избежать только благодаря прыжку в сторону. Трещины в земной коре перед ним открывались так быстро, что сиу спасался лишь широкими скачками, которые в обычных условиях не совершил бы ни за что в жизни.

В горячке вождь ничего не почувствовал, но теперь последствия ударов стали сказываться. Его голова отяжелела, перед глазами появилось красное зарево, легкие отказывались ему служить, а ноги — подчиняться. Он хотел на миг перевести дух, а заодно и осмотреться. Будто сквозь туман он заметил, что кто-то преследовал его. Вождь не видел ни черт лица преследователя, ни даже того, что за ним бежал юноша, почти еще мальчик.

Страх, этот не знающий жалости монстр, гнал Тяжелого Мокасина. При себе он не имел никакого оружия и был уверен, что преследователь вооружен. Но куда ему бежать? Впереди, сзади и слева — жерла бездны, готовые его проглотить; справа — отвесная скальная стена. Его силы почти на исходе. Он чувствовал, что погибает.

И вдруг заметил в скале ступенчатый выступ, а по диагонали над ним — второй, третий, четвертый... Это был тот самый путь, по которому давным-давно Олд Шеттерхэнд верхом ускользнул от сиу-огаллала. Здесь, и только здесь, осталось беглецу попытать свое счастье. Он напряг последние силы и полез по ступеням вверх.

Извержения прекратились так же внезапно, как и начались. Воздух стал чистым. Теперь снова можно было видеть окрестности.

И в этот миг громкий крик ужаса сотряс всю долину:

— Масса Мартин! Мой добрый масса Мартин! Вождь хочет убить его, но массер Боб его спасти!

Негр указал всем на уступ скалы, бросившись к стене, чтобы подняться наверх. Туман рассеялся, и все увидели, как вождь и Мартин сошлись в смертельной схватке на скальной площадке. Стоя на уступе, сиу крепко обхватил юношу сильными руками, пытаясь швырнуть его в бездну. Но Тяжелый Мокасин был изнурен и почти оглушен, а потому ловкому и храброму парню удалось вырваться. Мартин отпрянул от врага, зацепившись за стену, а вождь застыл почти на краю пропасти. Собравшись с силами, Мартин всем корпусом наскочил на противника и, ударившись о него, отлетел назад. Тот потерял равновесие, судорожно хватая воздух руками, и, издав дикий рев, сорвался со скалы прямо внутрь зияющей внизу иловой дыры, чья отвратительнейшая «пасть», которая еще курилась, тотчас поглотила его.

Это увидели все, кто находился в котловине. У входа в нее раздался громкий крик ликования в ответ на донесшийся из глубины вой сиу-огаллала, ставших свидетелями того, как их знаменитого вождя одолел какой-то белый мальчишка. Для них это было невыносимым позором.

Но все крики и завывания вдруг перекрыл голос Боба. Негр, как пантера, прыгал от выступа к выступу, издавая громогласные, но нечленораздельные звуки восторга и ликования. Добравшись до верха, он заключил победителя в свои объятия.

— Молодчина! — воскликнул Джемми. — У меня сердце чуть не выскочило! А у вас, Фрэнк?

— У меня тоже, — отозвался саксонец. — Из моей чистой тревоги я мог бы пассеровать такой же, без примесей, сироп! Ну, да ладно! Отважный

паренек победил, и с этими огаллала мы больше не наделаем шума. Мы заставим их склонить затылки под кулинарным ярмом!

— Кулинарным? О чем это вы? Это...

— Да помолчите вы, прошу покорнейше! — строго прервал Толстяка малыш. — Не могу спорить с вами в такой момент! Я предвижу, что сиу должны сдаться. И тогда здесь будет заключена всеобщая дружба народов, в которой мы оба должны обязательно принять участие. Дайте мне вашу руку! Сплетитесь, миллионы! Et in terra Кнах!¹⁵⁹

Он потряс руку улыбающемуся Джемми и поспешил прочь, чтобы поздравить Мартина Баумана, который тем временем вместе с Бобом спустился со скалы.

Другие быстро присоединились к ним, выразив горячее одобрение. Затем Олд Шеттерхэнд громко обратился к собравшимся:

— Господа, не торопитесь возвращать лошадей! Нам их наверняка хватит, поскольку теперь здесь полно животных сиу. Эти огаллала должны понять, что без лошадей они все равно пропали бы, даже если бы мы и не окружили их. Они спасут свои жизни, только сдавшись: у них нет выбора! Вы пока оставайтесь здесь, а я с Виннету отправлюсь к сиу, и через полчаса будет окончательно решено, прольется ли еще раз здесь человеческая кровь.

Он и вождь апачей, не скрываясь, направились к могиле, позади которой сгрудились растерявшиеся сиу. Это был чрезвычайно отважный шаг, на который могли рискнуть только эти двое, знавшие, что даже их имена приводят врага в трепет.

Джемми и Дэви тихо переговаривались. Они решили поддержать мирные намерения Олд Шеттерхэнда.

Индейцы, состоявшие в союзе с белыми, естественно, не были склонны к пощаде. Охотник на медведей Бауман пережил со своими пятью спутниками такое, что все шестеро, пожалуй, потребовали бы отмщения. Но Джемми и Дэви знали, что Олд Шеттерхэнд считал по-другому. Столь принципиальная разница во взглядах могла привести к ненужным недоразумениям.

И оба друга собрали всех вокруг себя, и Джемми держал речь, которой дал понять, что миролюбие и готовность прощать выгодны обеим сторонам. Конечно, в случае борьбы сиу были бы уничтожены, но сколькими человеческими жизнями пришлось бы пожертвовать! А последствия? Все без исключения племена сиу выроют топор войны, чтобы отомстить виновникам столь же жестоким, сколь и бесполезным потоком крови. Толстяк закончил свою речь словами:

— Шошоны и апсарока — храбрые воины; ни одно другое племя не сравнится с ними. Но сиу против них — как песка в пустыне! Если они встанут на тропу мщения, много матерей, жен и детей Змей и Воронов станут оплакивать своих сыновей, мужей и отцов. Подумайте, ведь вы сами отдадите себя в их руки! Олд Шеттерхэнд и Виннету увели Токви-тея и его сына Мох-ава из их лагеря, а также победили у дерева Ойт-э-ке-фа-вакона и Макин-о-пункре. Мы могли бы истребить всех их воинов, однако не сделали этого, потому что Великий Дух желает, чтобы они жили друг с другом в мире, как братья. Пусть мои красные братья попробуют простить еще раз, как, пожалуй, уже делали. Я все сказал!

Эта речь оставила глубокий след, ибо вернула всем разум. Бауман был готов отказаться от мести; его спасенные товарищи тоже согласились с ним; даже индейцы не могли не признать правоту говорившего. Лишь один человек остался не удовлетворен словами Джемми — предводитель апсарока.

— Тяжелый Мокасин ранил меня, — проговорил Огненное Сердце. — И сиу не должны за это поплатиться?

— Мокасин уже мертв. Ил поглотил его вместе со скальпом. Ты отомщен! — пытался вразумить его Толстяк.

— Огаллала выкрали наши «лекарства»!

— Они вернут их вам. Ты сильный человек и убил бы многих из них, но огромный медведь должен быть горд! Ему не пристало давить маленьких, трусливых крыс.

Сравнение пошло на пользу — гигант-шаман был польщен. Он замолчал.

Вскоре вернулись Олд Шеттерхэнд и Виннету. Ко всеобщему радостному удивлению, они ехали во главе колонны огаллала, которые следовали за ними длинной вереницей. Сложив свое оружие в кучу, побежденные спокойно отошли в сторону. Этим они молча дали понять, что считают невозможным спасти свои жизни сопротивлением.

Красноречие Олд Шеттерхэнда и Виннету привело к бескровной победе. Сиу стояли с поникшими головами и грустными лицами. Удар по ним был нанесен столь сильный и так внезапно, что они до сих пор чувствовали себя словно оглушенными.

Джемми подошел к Олд Шеттерхэнду и рассказал о том, что происходило в отсутствие белого охотника. Тот с благодарностью пожал руку Толстяку. Он был искренне обрадован таким поворотом дела и крикнул огаллала:

— Воины сиу передали нам свое оружие, поскольку я обещал, что

пощажу их. Бледнолицые, шошоны и апсарока решили подарить им нечто большее. Тяжелый Мокасин мертв, мертвы и два воина, которые посягали на жизни Вокаде и сына Грозы Медведей. Этого достаточно. Пусть войны огаллала заберут свое оружие; мы поможем им поймать их лошадей. Между ними и нами должен быть заключен мир! Там, у могилы вождя, мы вместе с ними почтим память мертвых, которые несколько солнц назад пали от моей руки. Между огаллала и нами должен быть зарыт томагавк войны! Тогда мы покинем реку Огненной Дыры, они вернутся в свои охотничьи угодья, где смогут рассказать о хороших людях, которые отказались убить своих врагов.

Сиу до предела были удивлены счастливым концом. Они едва могли в это поверить. Когда они получали назад свое оружие, многие из них бросились благодарить знаменитого охотника.

Шаман тоже остался доволен, когда вскоре убедился, что украденные «лекарства» целы. Все они были возвращены апсарока.

Потом поймали лошадей, перевезли обоих застреленных Олд Шеттерхэндом сиу в котловину и похоронили вблизи могилы вождя.

Завершив все эти церемонии, люди покинули пустынную долину, чтобы вернуться под сень леса.

Когда вечером зажглись лагерные костры и друзья мирно уселись рядом с недавними врагами, ведя разговоры о пережитых приключениях, Фрэнк обратился к Джемми:

— Лучшее из нашей драмы — это ее финал. Простить и забыть! За всю мою жизнь я не стал большим любителем убийств и смертей, ибо: «Чего не желаешь себе, того и другим не желай, к оставь в покое козьявку, ибо она чувствует себя точно так же, как ты!» Мы победили, доказали богам, что мы герои, и теперь остается сделать лишь одно. Сделаем это, дорогой мой Джемми?

— Обязательно, но что?

— Милые бранятся — только тешатся! Мы всегда с вами дрались, так сказать, только из лучших побуждений! Давайте, стало быть, подружимся по-настоящему и перейдем на «ты». Ну, по рукам, старина! Идет?

— Да, идет, идет! Конечно, идет, черт возьми!

— Отлично! Теперь я удовлетворен и знаю, что дорога домой не помешает нашей симпатической дисгармонии. Наконец, наконец-то! Он родился — прекрасный радостный стих! О, прекраснейший Божий дар!

Твои чары все сильнее,
Глупость прочь уходит враз!

Фрэнк и Джемми ныне братья,
Нет вражды теперь у нас!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Виннету»](#)

notes

1

Мафусаил — библейский патриарх, проживший 969 лет.

Нож — «боуи» — особый тяжелый охотничий нож с одной режущей кромкой, широко распространенный на Западе; изобретение полковника Джеймса Боуи, погибшего в битве за форт Аламо (1836), в которой несколько десятков техасцев пытались отразить нападение многотысячного отряда мексиканцев.

Вестмен — «человек Запада», так Карл Май называет жителей Дикого Запада: следопытов, охотников, золотоискателей и т. п.

Талер — серебряная монета, начала чеканиться в XV-XVII вв. в Чехии и получила распространение в Германии, Голландии, скандинавских странах и т. д.; изъят из обращения в 1907 г.

«Кентукки»— длинноствольные, первоначально имевшие кремниевые замки ружья (обычно кустарного производства), разработанные в так называемом стиле «long-rifle» многочисленными ружейными мастерами, в основном немцами, эмигрировавшими из Европы в Северную Америку еще в середине XVIII в. Получили широкое распространение на территории современного североамериканского штата Кентукки, а позже — по всему Западу, став популярными среди индейских племен.

6

Разговорное название города Сан-Франциско.

Стоур — здесь: магазинчик, лавка (англ. store).

8

Хорошо, ладно (англ.).

9

Да (англ.).

10

Здесь: господин (англ.).

Сиу — крупнейшая языковая семья индейских народов, проживающих на территории США и современной Канады, неоднородных по культуре и имеющих разные обычаи. Самым крупным племенем сиу считалось тетон-дакота.

Так белые часто называли индейцев.

Черноногие (сиксика) — так называемые северные черноногие из Конфедерации черноногих, в которую, кроме них, входили каина (блад), и южные черноногие (пиеганы или пикуни); тесно связаны с Конфедерацией черноногих племена гровантров (большебрюхих) и сарси. Конфедерация принадлежала к алгонкино-вакашской группе племен и представляла собой типичный пример индейцев прерий — охотников на бизонов и коневодов. Ближайшими южными и восточными соседями были манданы, ассинибойны, ацина и кри. Пиганы — более правильно пиеганы (или пикуни) — южные черноногие из кочевой Конфедерации черноногих.

Вероятно, ошибка Карла Мая: скорее всего, писатель имел в виду живших в верховьях Миссури арикара, входивших в семейство кэддо и принадлежавших к обширной языковой группе индейских племен хокансиу.

Флинт (нем.) — здесь: тяжелое, гладкоствольное охотничье ружье, заряжавшееся с дула; было основным боевым видом оружия пехоты европейских армий еще с XVII века.

Судья Линч — плантатор из южных штатов Чарльз Линч, популяризовавший «линчевание»— жестокую расправу без суда и следствия.

Гром и молния! (англ.).

Добрый день (англ.).

Смотри! (англ.).

Военный орел — один из видов обитающих в Скалистых горах горных орлов, перья которых индейцы использовали для военных головных уборов.

Манданы (мандан) — индейское племя языковой семьи сиу, самый известный представитель культуры «степных деревень» (хидатса, арикара, мандан). Проживали в укрепленных деревнях в верховьях Миссури; жилищами им служили своеобразные «земляные дома». Традиционное занятие — земледелие, охота на бизонов и коневодство.

В 1837 году эпидемия оспы, занесенная белыми, едва не унесла жизни всех индейцев-манданов; оставшиеся присоединились к племени хидатса и жили с ними в форте Бертольд.

Золотоискатели (англ, prospectors).

Конокрады (англ, horsepilfers).

На помощъ, на помощъ, ради Бога, помогите! (англ.).

Имеется в виду начало XVIII века, поскольку повесть написана Карлом Маем в 1887 году.

Хоббл-Фрэнк — Хромой Фрэнк (англ.).

Фрэнк разговаривает на саксонском диалекте немецкого языка, весь колорит которого полностью передать на русский язык, к сожалению, невозможно.

Карточная игра.

Деклинировать — означает «склонять». Существительное die Mensa взято из латыни («стол», «доска»), но в современном немецком языке означает «столовая» (студенческая).

Говоря *pena* (такого слова в немецком нет), Фрэнк, вероятно, имеет в виду пеан (от греч. *paian* — гимн) — стихотворное восхваление; первоначально в Древней Греции являлся заклинательной песней, обращенной к богу Аполлону. Читатель еще не раз убедится, что склонный к сочинительству Фрэнк частенько весьма прихотливо сочетает обычно несочетающиеся слова и выражения.

Фрэнк путает Хуфеланда, Кристофа-Вильгельма (1762 — 1836), немецкого врача и видного медицинского просветителя, с Людвигом Уландом (1787 — 1862), немецким поэтом-романтиком, драматургом и исследователем литературы, одним из создателей германистики, чья знаменитая баллада «Проклятие певца» была написана в 1814 году. Ошибается Фрэнк и употребив «госпожу Марию Лейневебер», поскольку на самом деле первую немецкую романтическую оперу «Вольный стрелок» (1820) сочинил всемирно известный немецкий композитор Карл Мария фон Вебер (1786 — 1826) — один из главных представителей и основателей романтической школы в музыке.

Ресторан (устар.).

В немецком литературном языке существует наречие *meistenteils* («большей частью», «чаще всего»).

Вопреки утверждениям Фрэнка, слов с двумя «ei», кроме существительного der Reisbrei («рисовая каша»), в немецком языке достаточно много.

Здесь: золотоискатели; дословно «копатели» (англ, diggers).

Имеются в виду шошоны.

Прозвище индейцев, чаще всего в него вкладывается обидный для них смысл (англ, redman — дословно «красный человек»).

Гонт — короткая дранка или фанера, кровельная дощечка наподобие деревянной черепицы, с углом с одной стороны и пазом с другой, куда входит ус соседнего гонта.

40

Фут — 12 дюймов — 30, 48 см.

Гнилушка, гнилое дерево, трут (англ. punk).

Коленкор — переплетная ткань, покрытая мастичным слоем и пропущенная через каландр — машину, состоящую из системы валов с гладкой или награвированной поверхностью (фр. calencar).

Калюме (калумет) — ритуальная трубка мира (в старофранцузском языке *calumet* — труба, свирель или флейта), важнейший атрибут при заключении мирных договоров у индейских народов; использовалась также и для других целей. Ассоциируя дыхание, горло и нос с принципом жизни, индейцы считали мундштук трубки священным.

Стоит отметить, что число «четыре» играет важную роль в религиозных представлениях индейцев; например, они поклоняются четырем главным духам (в соответствии с четырьмя сторонами света); эти древние, вероятно, перенесенные из Азии религиозные представления до последнего времени были распространены у народов Тибета, Китая и других.

Огаллала (оглала) — группа племени тетон-дакота.

Понка — племя языковой семьи сиу, жившее по правому берегу Миссури, к юго-западу от ее низовьев. Ближайшими соседями были пауни и тетон-дакота

Шошоны — большое племя юто-ацтекской языковой семьи, к которой принадлежали также пуэбло-хопи, юта, команчи, косо паюта, банноки, моно и др. До европейской колонизации жили на территориях современных штатов Юта, Невада, Айдахо и занимались охотой, рыбной ловлей, а позже — конной охотой на бизонов; в середине XIX в. после упорного сопротивления были поселены в резервации в Неваде, Юта, Айдахо и Орегоне.

Длина лезвия у ножа — «боуи» колеблется от 22 до 37 см.

Бэдленд (англ. — badland) — «плохая земля», сильно пересеченный участок местности на высоких, эрозированных пластовых равнинах, сложенных из рыхлых пород; бэдленды названы так, поскольку неудобны для земледелия и выпаса скота; характерный тип ландшафта Великих равнин Северной Америки. Здесь имеется в виду «плохая земля», расположенная восточнее горного массива Блэк-Хилс, на юго-западе Южной Дакоты и северо-западе Небраски.

Чейены, или шайены (на языке сиу — «люди чужого языка», самоназвание — «дзи-тис-тас» — «наши люди») — алгонкиноязычное племя; занимались коневодством и охотой на бизонов. В XIX в. жили в горах Блэк-Хилс, у границы современных штатов Вайоминг и Южная Дакота. Некоторые племена называли их «народом пегихмустангов» за особую породу верховых лошадей, которую они культивировали. С 1851 года после захвата земель чейенов белыми и упорного их сопротивления переселены в резервации в Монтане и Оклахоме. Арапахо — индейское племя алгонкиноязычной группы, в древние времена составлявшее единое целое с чейенами и гровантрами-большебрюхими (ациной); основное занятие — охота на бизонов и коневодство; проживали к востоку от Скалистых гор (Южная Дакота, Вайоминг, Колорадо); вместе с чейенами и сиу — участники знаменитой исторической битвы у Литтл-Биг-Хорн (1876), в которой был полностью разгромлен полк американского генерала Кастера, отличавшегося особой жестокостью по отношению к индейцам.

51

Дюйм = 25.4 мм.

Здесь: вот так случай! (англ.).

Барнум, Финеас-Тейлор (1810 — 1891) — известный американский антрепренер, имя которого стало нарицательным для всякого ловкого владельца увеселительных заведений. Занимался благотворительной деятельностью. После долгих странствий и сомнительных занятий запутался в неудачных спекуляциях и в 1856 г. потерял все свое состояние, хотя впоследствии до самого конца жизни не прекращал заниматься различными антрепризами.

Безумие! (англ.).

Фрэнк снова путает, пытаясь воспользоваться латинским выражением *volens volens* — «волей-неволей».

Джемми употребляет это сложное слово в значении «вундеркинд», «врожденный талант», ибо дословно оно означает «самоископаемое» (гр. autos — сам + гр. petra — скала, камень + лат. facere — делать).

Архимед (ок. 287 — 212 до н. э.) — знаменитый греческий математик и физик, изобретатель боевых машин, сын придворного астронома Фидия. Открыл основной закон гидростатики (закон Архимеда) и написал глубокие трактаты, оказавшие позже большое влияние на развитие высшей математики в Европе в XVI — XVII вв. Погиб при взятии римлянами города Сиракузы во время 2 — й Пунической войны.

Здесь употреблено в значении — «зеленый юнец» (англ. greenfinch).

Боже мой! (англ.).

Тсуга (лат. *Tsuga*) — род хвойных деревьев, растущих в Северной Америке и Юго-Восточной Азии; в настоящее время кору используют как сырье для получения дубителей в деревообделочной и химической промышленности.

61

Новичок (англ, greenhorn).

Штуцер Генри — оружие, изготовленное по специальному заказу мастером Генри (см. роман «Виннету»).

Фрэнк хотел сказать Колосс Родосский (греч. kolossos — большая статуя), имея в виду исполинскую бронзовую статую древнегреческого бога солнца Гелиоса, воздвигнутую в гавани острова Родос и разрушенную землетрясением в 227 г. до н. э. Спутав Родос с Варом, Фрэнк упоминает о Публие Квинктилии Варе (ок. 46 до н. э. — 9 н. э.) — римском полководце, потерпевшем сокрушительное поражение в 9 г. н. э. в Тевтобургской битве от восставших против владычества Рима германских племен под предводительством Арминия.

Имеется в виду племенная порода лошадей.

Хромой Фрэнк снова путает, ошибаясь в названии местечка Бель-Альянс, расположенного южнее Ватерлоо, откуда армия Наполеона атаковала англо-голландские войска в сражении против коалиции под Ватерлоо (18 июня 1815 года), и вспоминает о Блюхере, Гебхарде-Лебрехте (1742 — 1819), прусском фельдмаршале, прославившемся тем, что вовремя подоспел с прусской армией со стороны правого фланга французов, предопределив поражение наполеоновских войск. Естественно, искаженное Фрэнком знаменитое изречение «вени, види, вици» («пришел, увидел, победил», по свидетельствам историков древности, это слова Юлия Цезаря из его донесения сенату о победе над понтийским царем Фарнаком) никак не могло принадлежать фельдмаршалу Блюхеру, хотя в некоторой степени и отражает результат его военного маневра.

Идти! (пер. авт.).

Спать! (пер. авт.).

Здесь, здесь, вперед, вперед! (пер. авт.).

Терция (лат. *tertia* — третья) — третья ступень музыкального звукоряда либо интервал шириной в три ступени звукоряда. Прима (лат. *prima* — первая) — первый, основной звук музыкального звукоряда гаммы; здесь имеется в виду нижний звук аккорда. Квинта (лат. *quinta* — пятая) — пятая ступень музыкального звукоряда или интервал шириной в пять ступеней звукоряда.

Йеллоустоун-ривер дословно переводится как «река Желтого Камня» (англ.).

Горе мне! Помогите, помогите, помогите! (англ.).

Гигант (англ.).

1 локоть = 1,5 фута или 45,72 см.

Здесь, возможно, опечатка в оригинале; «ружье» на языке сиу «вакен», а не «вакон».

Я — этого, ты — того! (пер. авт.).

Собака! (пер. авт.).

Готово? (пер. авт.).

Хребет бизона (пер. авт.).

Сверчок поет! (пер. авт.)

Враги, враги! (пер. авт.).

Огонь, огонь, зажгите огонь Совета! (пер. авт.).

Кто идет? (пер. авт.).

Естественно, Фрэнк имеет в виду альма-матер (лат. *alma mater* — кормящая мать) — старинное студенческое название университета (дающего духовную пищу).

Фрэнк путает французское слово *promesse* (букв. — обещание) с латинским *praemisse* (предпосылка).

Фрэнк продолжает путать понятия; на этот раз он имеет в виду *conclusio* (лат. — вывод, заключение), а говорит *confusio* (лат. — замешательство, смущение).

Цицерон, Марк Туллий (род. в 106 г. до н. э., убит в 43 г. до н. э.) — римский оратор, политический деятель и писатель, автор классических трудов по риторике и философии государства. Общеизвестно считается создателем классической латинской художественной прозы. Мелузина — русалка из средневековой французской легенды, переложённой в прозе в 1387 году; по этому произведению в Германии в 1456 году был написан роман, впоследствии ставший подлинно «народной книгой», как утверждает немецкая энциклопедия «Meyers Lexikon».

Искаженное латинское «конец света»; так Фрэнк дает понять, что разговор окончен.

Кирказон (*Aristolochia*) — род растений семейства кирказоновых; многолетние травы (часто с вьющимися стеблями) и деревянистые лианы. Существуют около 350 видов (по другим данным — до 500), обитающих в тропических, реже умеренных областях земного шара.

Мать-и-мачеха (англ.).

Ради Бога! (англ.).

Совсем мертвый (англ.).

Апсарока, или кроу («дети птицы с большим клювом» или Вороны) — индейское племя группы хокан-сиу языковой системы сиу. Проживали в прериях на территории современных штатов Монтана и Вайоминг, занимались коневодством и охотой на бизонов.

Волнистая (холмистая) земля (англ.).

Виктория-регия, или Амазонская виктория — многолетнее водное растение семейства кувшинковых с крупными цветками и круглыми листьями до 2 м. в диаметре, выдерживающими груз до 50 кг. Растет в заводях р. Амазонки и ее притоков.

Близнецы-греки Кастор и Полидевк (римск. Поллукс) по прозвищу Диоскуры — герои древних мифов. Считаются сыновьями Тиндарея и Леды (по другой версии, отец Полидевка — Зевс; по позднему сказанию, оба — сыновья Зевса). Мифы о Диоскурах, по-видимому, символизируют смену жизни и смерти, света и тьмы. Имена Диоскуров стали синонимом братской, неразлучной дружбы.

Здесь игра слов; склонный к путанице Фрэнк заменяет одно слово другим в силу их родственного звучания («клей» по-немецки — der Leim, а «лев» — der Lee (поэтически)).

Генерал-бас (нем. Generalbass, лат. generalis — общий, главный + ит. basso — низкий) — музыкальный термин; старинный способ обозначения в нотном письме цифрами аккордов, сопровождающих ведущий голос.

Вместе с Ринальдо Ринальдини один из героев многочисленных бульварных романчиков, которые во времена своей бурной юности почитывал сам Карл Май.

Герштекер, Фридрих (1816 — 1872) — немецкий путешественник и романист. Неоднократно бывал в Северной Америке, путешествовал по Австралии, Южной Америке, посещал Яву, вместе с известным зоологом Альфредом Бремом пересекал Африку. Легко и занимательно написанные этнографические и приключенческие романы Герштекера создали ему огромную популярность в Германии, в особенности среди подрастающего поколения. Несомненно, его творчество оказало влияние на Карла Мая.

Кампе, Иоахим Генрих (1746 — 1818) — педагог, лингвист и детский писатель. Хромой Фрэнк ссылается на его детскую книгу «Робинзон Младший» (2 части 1779/1780), остроумное подражание знаменитому роману Даниеля Дефо (1659 — 1731) «Робинзон Крузо».

«Битва народов» под Лейпцигом — между французской армией Наполеона и войсками коалиции (Россия, Пруссия, Австрия, Швеция) под командованием князя Шварценберга и прусского фельдмаршала Блюхера состоялась 16 — 19 октября 1813 г. За три дня сражения Наполеон потерял убитыми и ранеными 60 000, пленными — 11000, армия союзников — павшими более 50 000 солдат.

Ура! (англ.).

Ганнибал (пунич. Hannibal — дар Ваала) — это имя носили несколько карфагенских полководцев. Самый знаменитый Ганнибал (247/246 — 183 до н. э.), сын Гамилькара Барки — блестящий полководец, прославившийся походами против Рима во 2 — й Пунической войне. Хромой Фрэнк в очередной раз сочиняет собственный миф, приписывая ему участие в битве под Ватерлоо (см. Бель-Альянс).

Поселение (англ.).

Здесь: семейное празднество (веселье) (англ.).

Мольтке Старший, Хельмут Карл Бернхардт (1800 — 1891) — прусский и немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал, теоретик военного искусства. Цитен, Ханс Иоахим фон (1699 — 1786) — прусский кавалерийский генерал в Семилетней войне (1756 — 1763) между Пруссией и австро-русско-шведско-саксонской коалицией. Ласка (*Mustela nivalis*) — маленький хищный зверек из семейства куньих, меняющий свой окрас (летом — коричневый, зимой — белый).

Хикори (гикори) (лат. *Hicoria*), или кария (греч. *καρυον* — орех, ядро ореха) — род листопадных деревьев семейства ореховых, распространенных в Северной Америке и Китае.

Пиццикато (ит. pizzicato) — здесь: прием извлечения звука щипком пальцами на струнном смычковом инструменте; кроме того — музыкальное произведение, исполняемое таким приемом.

Ментор (миф. — греч.) — сын Алкима, друг Одиссея, который, отправляясь в поход на Троию, поручил ему заботиться о своем доме и воспитывать своего сына Телемака. В переносном смысле ментор — советчик, руководитель, наставник.

Шлепок (англ.).

Здесь: В добрый путь, огромная грязная бестия! (англ.)

Барibal — чернй медведь, млекопитающее семейства медведей, обитающее в Северной Америке.

Тъфу, о позор! (англ.).

Свиная шкура (англ.).

Вонючий мучитель (англ.).

Смердящее зверье! (англ.).

Курчавый человек (англ.).

Будь внимателен! (пер. авт.).

Они близко (пер. авт.).

Я вижу их (пер. авт.).

Двое! (пер. авт.).

Да! (пер. авт.).

Ты бери этого, я — того! (пер. авт.).

В лоб! (пер. авт.).

Огонь погасить! Не двигаться! Не разговаривать! (пер. авт.).

Священные каменоломни — расположенные в Пайпстоне (штат Миннесота) каменоломни, в которых добывался катлинит — красная глина, служившая для изготовления священных трубок мира. По преданиям, этими каменоломнями владели индейцы племени янктон-дакота.

Морфей (миф. — греч.) — бог сновидений, сын бога Гипноса; в античном искусстве изображался в виде старика с крыльями; иносказательно Морфей — сладкий сон. Выражение «в объятиях Морфея» — во время сна. Хромой Фрэнк путает Морфея с Орфеем (греч.) — мифическим фракийским певцом, изобретателем музыки и стихосложения.

Фрэнк, похоже, хотел сказать «не передефинирует».

Кугуар (англ.), или пума (исп. puma — кечуа) — хищное животное семейства кошачьих, распространенное в Северной и Южной Америке.

Скверное лекарство! (пер. авт.).

Здесь Карл Май ошибается, поскольку «вакон» на языке сиу (племя апсарока принадлежит к группе хокан-сиу) означает «женщина»; поэтому Храбрец, Ищущий Лекарство, скорее всего произносится как Ойт-э-ке-фа-вакан (слово вакан — «тайна», а следовательно, может иметь значение «лекарство»).

Там! (пер. авт.).

Он — храбрец! (пер. авт.).

Очень хорошо! (пер. авт.).

Матадор (от исп. *matar* — убивать) — иначе эспада — участник боя быков, или корриды, наносящий быку смертельный удар.

Иди сюда! (пер. авт.).

Я парализую ему руку (пер. авт.).

Йеллоустоунский Национальный парк (Yellowstone National Park) расположен на северо-западе США в Скалистых горах (шт. Вайоминг, Монтана, Айдахо) на вулканическом плато, на высоте 2200 — 2500 м. над уровнем моря, основан в 1872 году (площадь около 9000 км²). На территории парка свыше 3000 гейзеров и горячих источников, много грязевых вулканов, озер, водопадов (до 94 м.). Основной достопримечательностью является Большой каньон на реке Йеллоустоун глубиной 360 м. и длиной 20 км.

Хайден (Хаден), Фердинанд (1829 — 1887) — американский геолог, профессор Пенсильванского университета (1865 — 1872). Основательно изучил и исследовал области Великих равнин и южные районы Скалистых гор. По отчетам самоотверженного энтузиаста Хайдена (индейцы сиу прозвали его «Тот, Кто Собирает Камни») были составлены многочисленные планы и карты, издано около 50 трудов по геологии, ботанике, зоологии и географии. Карл Май не ошибается: Йеллоустоунский Национальный парк действительно был создан благодаря усилиям и стараниям профессора Хайдена (1872).

Гейзер (исл. geysir) — периодически выбрасывающий фонтаны горячей воды и пара источник. Обычно гейзеры сосредоточиваются в областях вулканической деятельности (особенно много их в Исландии, Новой Зеландии, Северной Америке и на Камчатке).

Халцедон (от гр. chaledon) — минерал, скрытокристаллическая разновидность кварца. Моховой агат (моховик) — плотный скрытокристаллический минерал, разновидность халцедона. Карнеол — красновато-желтый халцедон. Опал (лат. opalus, греч. opallos, от санскр. упала — «драгоценный камень») — твердый природный минерал. Образование опала в основном связано с отложением кремнезема из горячих вулканических вод.

Титикака — самое крупное высокогорное озеро Земли, расположенное в Центральных Андах, на границе Перу и Боливии (высота 3812 м., площадь 8300 км., глубина до 304 м.).

Муэдзин (араб.) — служитель мечети, призывающий с минарета (высокая башня при мечети) мусульман к молитве.

Пагода (санскр.) — буддийский или индуистский храм в виде павильона или многоярусной башни в Китае, Японии, Индии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Геллерт, Христиан (1715 — 1769) — знаменитый немецкий моралист и поэт, автор многочисленных трактатов. В 1745 г. читал в Лейпцигском университете лекции о поэзии, ораторском искусстве и морали. Утвердил новый род драмы в немецкой литературе — мелодраматическую комедию. В 1770 — 1820 гг. был очень популярен в России.

Хоспис — специальная клиника для безнадежно больных людей (англ, hospice — монастырская гостиница, приют).

Пифагор (ок. 540 — 500 до н. э.) — греческий философ с острова Самос, основатель пифагорейской школы, первый представитель греческого философского идеализма. После его смерти о нем появилось множество легенд, и провести границу между учением Пифагора и учениями его учеников, например, в области математики и теории музыки, крайне трудно. Теорема Пифагора о прямоугольном треугольнике была известна задолго до него в вавилонской математике.

Команчи (немена) — воинственное индейское племя группы шошонов ацтеко-таноанской языковой семьи. Традиционно занимались коневодством и охотой; жили на территории современных штатов Нью-Мексико и Техас.

Об этих событиях Карл Май поведал позже, в своем знаменитом романе «Виннету».

Отвратительно! (пер. авт.).

Тщедушный карлик! Давай, бей! (пер. авт.).

Очередная путаница Фрэнка: он говорит о боа (*Constrictor constrictor*) — змее семейства удавов длиной до 4 метров, распространенной в тропической Америке. Добычу душит кольцами своего тела, как и все удавы (от лат. *boa* — змея).

Фрэнк имеет в виду Нуму Помпилия, сабинца, по преданию второго царя Рима после его основания. Хотя и доказано, что Помпилий — лицо историческое, о времени его жизни существуют самые противоречивые сведения. По свидетельству Плутарха, обладал высокими нравственными качествами и до самой смерти (умер он в возрасте 80 лет) сумел править государством, не прибегая к помощи оружия и насилия.

Фрэнк упоминает о «Космосе», 4 — томной работе знаменитого немецкого ученого-естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта (а не Гаубольдта) (1769 — 1859), оставившего глубокий след почти во всех отраслях естествознания, организатора и участника экспедиций в Южную Америку (1799 — 1804), а также на Урал и Алтай (1829), результаты которых имели неоценимое значение для науки. В «Космосе», труде всей его жизни, Гумбольдт пытался разъяснить проблемы мироздания на строго научном основании.

Аурикел (лат. auricel) — высокогорный первоцвет, ранневесеннее растение с морщинистыми листьями и ярко-желтыми цветками.

Ты порядочный человек! (пер. авт.).

Старая баба! (пер. авт.).

Тысяча псов! (пер. авт.).

Фрэнк хочет сказать «Et in terra pax!» (лат.) — И мир на Земле!